

Константин Мзареулов Битва с Непознаваемой

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377875
«Константин Мзареулов «Битва с Непознаваемой»»: Альфа-книга; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-0949-5

Аннотация

Он живет на периферийной планете, консультирует видеосериалы, у него непростая личная жизнь, его призывают в армию из-за локального конфликта, судьба вовлекает его в сложные рискованные игры спецслужб. Вдобавок Андрей хотел бы стать историком-исследователем. И вот научный руководитель назначает ему тему диссертации — малозначительное сражение 9-й Галактической войны. Как известно, все историки немного врут, но Андрей уверен, что сумеет сказать правду, не станет молчать о событиях и фактах, которые не принято упоминать. Однако с каждым шагом он все глубже проникает в тайны, раскрывать которые небезопасно даже через полвека после событий. Выясняется, что войну развязали вовсе не безумные диктаторы, что официальная историография неправильно описывает ход и финал боевых действий. А потом происходят события, после которых Андрей при всем желании не сможет сказать правду. Остается признать, что история непознаваема по определению.

Константин Мзареулов

БИТВА С НЕПОЗНАВАЕМОЙ

Пролог

Пожар потушили сразу, реактор удалось заглушить, но многие кубометры неведомой дряни пролились из треснувших топливных баков, аккумуляторов, гидравлических трубок и других устройств погибшего транспорта. Теперь внутри искалеченной машины стоял тяжелый запах гари, расплавленных пластиков и всевозможной химии, включая свернувшуюся пламегасительную пену. Тем не менее выжившие солдаты 11-го батальона предпочитали ночевать в многократно продырявленном корпусе «Носорога», заdraивая помятые люки и сменяя караульных каждые два часа.

Афанасию Машукевичу выпало стоять на посту в самое поганое время, перед рассветом — на флоте сказали бы: собачья вахта. Стойко сдерживая натиск сонливости, сержант бродил по сложной трассе мимо почти отломившейся кормы гиперлета, мимо окопа, в котором столько дней провел в обнимку с прикладом «дырокола», мимо холма над могилой трех дюжин ребят, которых схоронили в коротком передыхе между боями, мимо разбитых обугленных БМП, мимо сорванной башни вражеского танка, мимо расплавленных объемным взрывом роботов.

Ходить было не обязательно — сенсоры все равно сообщат о появлении чужаков, но парень знал наверняка: если присядет, то мгновенно заснет. Потому-то выбирал Афанасий длинные заковыристые маршруты и плескал в лицо холодной водой из родников — на случай, коли прячутся в лесу недобитые десантники. Задремлешь, а те подкрадутся — и клешней по горлу. Видали, как ихний спецназ умеет... Мотнув головой, сержант хлебнул из фляги слабенького кофе и продолжил обходить периметр лагеря, дергаясь от каждого шуршания веток.

До рассвета оставалось чуть, враги не подавали признаков жизни, ветки шевелились только от ветра. Местное зверье на берег не совалось — небось распугано вусмерть многодневной пальбой. Когда Машукевич добрался до каменной выемки, где они с напарником оборудовали запасную позицию, загорелся костер на дальней косе бухты. Аборигены готовились к ежедневному ритуалу, который начнется на рассвете. Ночью со своими факелами больше не плясали — уразумели, значит, что в темноте небесные пришельцы стреляют во все, что движется, светится и звук издает.

Звук возник внезапно. Машинально вскинув оружие, Афанасий дико завертел головой, вглядываясь в непроглядную темень безлунной ночи. Однако ни лицевой щиток шлема, обеспечивающий кое-какую ночную видимость, ни наплечный сканер не показывали поблизости ничего, кроме дикого пейзажа. Спустя секунды, глубоко вздохнув и успокоив нервы новым глотком кофейных помоев, сержант сообразил, что подозрительные шорохи доносятся из наушников. Проще говоря, где-то неподалеку работает радиостанция на частоте армейского диапазона.

Тут, как по заказу, и краешек горизонта осветился. Совсем прибодрившись, Афанасий вслушивался в бормотание мембраны и наконец разобрал человеческий голос. Выговор безошибочно выдавал земляка с Калиюги.

— Да отзовитесь же, мать вашу! Есть здесь кто-нибудь или мы напрасно по системе мотаемся?

— А какого рожна ты здесь ищешь? — сварливо ляпнул Афанасий, отвыкший от дисциплины за долгие недели робинзонства. — Кто ты? Назовись.

Голос из наушников продолжал монотонно материться, призывая откликнуться. Машукевич еще пару раз крикнул: мол, здесь мы, на берегу, потом сообразил, что собеседник его просто не слышит. Наверное, мощности личной рации не хватало. Передатчик на «Носороге» был куда мощнее, на самых больших дальностях работал, но

отсек связи разнесло прямым попаданием еще в первом бою. Сержант с сомнением посмотрел на силуэты «Волков», очерченные лучами встававшей звезды. Наверняка на каком-нибудь радио еще работает, но хрен его знает, как питание подать: моторы-то не запускаются. Эх, надо было сразу навалиться и отремонтировать хоть одну машину!

Неожиданно Машукевич услышал радостный вопль:

— Слышу тебя, братуха! Где ты? Сколько вас? Какая часть?

— Да откуда мне знать, где я, — заорал в ответ Афанасий. — Машины разбиты, людей два десятка осталось и столько же раненых. Сидим без связи возле бухты.

Вероятно, связь опять пропала. Во всяком случае, голос в наушниках повторял все те же вопросы. Потом неизвестный землянин замолчал, и послышался другой голос — судя по акценту, в разговор включился уроженец планеты Сольдо.

— Отставить, ефрейтор. С кем вы разговариваете?

— Не могу знать, лейтенант. Тормоз какой-то, на вопросы через пять минут отвечает.

— Сам ты тормоз, — флегматично сообщил лейтенант. — Раз отвечает с опозданием — значит, он не на этом астероиде, а где-то далеко, на расстоянии нескольких световых минут. Чему тебя в учебке дрессировали, связист хренов?

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ... Виноват...

Поняв причину перебоев связи, Машукевич успокоился и доложил, что остатки 11-го батальона 353-й дивизии находятся не на астероиде, а на безымянной планете с пригодными для жизни природными условиями. Прошло немало времени, прежде чем радиоволны добрались до неизвестного корабля, но потом Афанасия все-таки услышали, и лейтенант ответил: мол, сейчас будем.

Едва закончился сеанс связи, с лязгом и скрежетом распахнулся люк «Носорога». Из машины выбрались заспанные Рыжий Шнобель и двое рядовых. Узнав, что Машукевич разговаривал с летящими на выручку людьми, все сначала потеряли голову от восторга, но вдруг фельдфебеля посетила мудрая мысль: типа, а вдруг это враги по-нашему разговаривают — ищут уцелевших землян?

Когда спасательный отряд опять вышел на связь, Рыжий Шнобель сам вел переговоры, требуя доказательств, что к нему обращаются именно люди, а не вражеские толмачи. Сказкам про 5-й батальон 480-й дивизии ветеран верить отказывался. Координат лагеря он по-любому назвать не смог бы, потому как этот секрет умер вместе с последним офицером на третий день после высадки. В конце концов лейтенант-сольданаец, посмеиваясь, резюмировал:

— Все понятно, мужик. Ты — фельдфебель.

— А как это вы догадались? — опешил Рыжий Шнобель.

— Сообразительный слишком. В общем, мы вас запеленговали. Скоро будем.

Гордый фельдфебель рявкнул:

— Слыхали? Даже лейтенант сопливый понял, кто здесь умный.

Новость молниеносно облетела все отсеки транспорта. Братва высыпала из-под брони быстрее, чем на построении по тревоге. Афанасий подумал вслух: дескать, надо бы вытащить барахло, чтобы поскорее грузиться на спасательный корабль. Рыжий обозвал его «молотком», но потом приказал отставить и подготовить к эвакуации раненых. Сержант Машукевич поглядел на фельдфебеля с некоторым подобием уважения: сам он про лазарет не подумал.

Ожидание затягивалось. Через полчаса братву охватил склочный ропот. Грозно взревев, исполняющий обязанности командира построил ходячих, назначил наряд на камбуз, выслал патрульные пары вправо и влево от машины, а Машукевичу приказал занять позицию с «дыроколом» — на случай, если все-таки прилетят враги. Остальным он поручил накормить раненых, а потом жрать самим и быть начеку.

«Дырокол» оставался на месте — задранный ствол торчал из окопа как стебель диковинного цветка с бутоном эжектора-пламегасителя на конце. Афанасий с Олафом Янзенем привычно заняли позицию, запустили прицел в режим пассивного поиска и вскрыли

консервные банки. Тушеные бобы с символической добавкой свинины осточертели, но соленая рыба надоела сильнее. Как, впрочем, и вегетарианские подношения туземцев.

Уныло ковыряя ложкой, Олаф посетовал:

— Последняя батарея. Через пару дней она тоже подсядет.

— Будем стрелять на глазок, — равнодушно буркнул Афанасий. — Головка сама на цель наведет.

— Без подсветки дальность захвата втрое меньше.

— Сам знаю... — Машукевич отшвырнул подальше пустую банку. — Я уж думал подключиться к солнечной батарее — хоть какое-то напряжение.

— Хитро придумал, — напарник восхищенно покачал башкой. — Если не прилетят — так и сделаем.

— Типун тебе в задний проход! — разозлился Афанасий. — Прилетят!

В небе со знакомым грохотом описал вираж «Носорог». Прочертив элегантную спираль, громадная машина снизилась над пляжем и медленно опустилась на опорные «лапти». На пляже сразу сделалось многолюдно. Пехота весело высаживалась через бортовые шлюзы, верхние ворота выбросили несколько БМП. «Волки» неторопливо разлетелись на патрулирование.

Дежурство в окопе потеряло смысл: невооруженным глазом было видно, что пришли свои. Бросив ненужную машинку, сержант и ефрейтор поспешили к транспортеру. Прибывшие уже переносили раненых в лазарет «Носорога», угощали здоровых пивом и куревом. Афанасия и Олафа окружили солдаты с нашивками 480-й дивизии на мундирах. Наперебой спрашивали: как давно, мол, тут сидите, как воевали, сколько гадов положили.

Потом появились два лейтенанта — пехотинец и флотский, приказавшие отставить шум. Пехотный офицер проговорил улыбаясь:

— Ловко вы спрятались. Даже в штабе вашей дивизии никто не знал толком, где ваш батальон.

— Настоящее чудо, что вас нашли, — подтвердил немолодой сержант. — Просто для профформы систему прочесали.

Лейтенант из экипажа транспортера возразил:

— Тот полковник из штаба корпуса точно сказал, что здесь они, больше нигде. Правда, братишки, не надеялись живыми вас обнаружить.

— В башке не укладывается, за каким дьяволом ваш батальон сюда бросили, — признался лейтенант-пехотинец. — Я бы понял, если бы южнее, — там большой город. Но здесь, на голом пустыре... Какую задачу вам поставили?

Пожав плечами, благо приказа «смирно» никто не отдавал, Афанасий допил банку и пробормотал:

— Не могу знать. Задачу офицеры знали, но всех в первые дни положили. Нам сказали только, что надо держать позицию. Вот и держали.

Прибывшие подтвердили, что держалась братва как надо. По словам бойцов 5-го батальона 480-й дивизии, сверху хорошо видать разбросанные на километры вокруг обломки вражеских машин. Как прикинули офицеры, в атаках на горстку героев 353-й дивизии противник угробил не меньше двух батальонов.

— Это только там. — Олаф махнул рукой на холмы. — Остальные на дне бухты. Они в первые дни со стороны суши лезли. С дальних-то холмов нас выбили, всю вторую роту перемололи, но мы здесь удержались, даже в контратаку ходили, отбросили их за речку. Тогда они со стороны моря пошли — пехота с танками. Это самые страшные дни были. Сами видите, сколько нас осталось. Еще одна атака — и каюк бы всем. Только повезло нам: они вдруг ушли.

— Про вас видео снимать надо. — Флотский лейтенант покачал головой. — Хотя, скажем прямо, наш батальон тоже не в санаторий посылали.

Он поведал, что 5-й батальон несколько дней держался на астероиде в системе тройной звезды. Они отбили несколько тяжелых атак, потеряв до четверти личного состава и техники.

И вот когда противник стянул против них целую танковую бригаду, вдруг появились наши корабли и тяжелыми пушками покروшили перцев, суликов, рагвенов и всех, кто там был.

По этому поводу бывалый сержант нецензурно выразился: дескать, их использовали как блесну, чтобы подманить побольше врагов. Рядовой состав одобрительно закивал, однако офицеры потребовали прекратить обсуждение мудрых приказов командования. Они расспросили Машукевича и Янзена, посчитали что-то на своих видеофонах и объявили, что теперь все понятно. Атаки на этом участке внезапно прекратились, потому что противнику пришлось перебросить все силы в тройную систему — на верную гибель.

— По этому поводу выпить надо, — мгновенно сориентировался Афанасий. — А то вольют нас послезавтра в другую часть и снова в мясорубку кинут.

Офицеры заверили, что в мясорубку кинут не скоро, потому как война вроде бы заканчивается. Ходят слухи, что Кордо Ваглайч то ли застрелился, то ли убит в бою, Кьелтарогга готов капитулировать, а Земля уже предложила созвать мирную конференцию.

Тут подошел обладатель свирепого лица и капитанских погон. Рядовые 5-го батальона поспешно и незаметно рассосались — наверное, капитан был крутым командиром. Афанасий тоже бы ушел, но хотел поинтересоваться, куда их пошлют, а вопрос задать не мог, потому как офицеры затеяли оживленную дискуссию о недавних событиях на планете. Когда заговорили про подбитый транспорт, упавший в сотне миль к северо-востоку, сержант, не сдержавшись, попросил разрешения доложить.

— Это майор, наш комбат, в первый день «близняшками» засадил, — сообщил он. — Мы только вошли в атмосферу, а тут по громкой связи крики: мол, десантный транспорт прет прямо на планету. А потом голос командира, что целится и стреляет.

Все посмотрели на подбитый «Носорог» батальона 353/11 — закрепленная на крыше кассета снарядов ближнего боя была пуста.

— Считай, еще минус один батальон. — Свирепый капитан одобрительно поднял большой палец. — Эти парни отлично поработали. Сколько битой техники за холмами раскидано. Республиканские машины, имперские, даже ломские обломки узнать можно. Это же сколько разных тварей на вас набросилось?

Вопрос застал противотанковый расчет врасплох. Афанасий с Олафом растерянно переглянулись, обменялись вполголоса мнениями, после чего нестройно заверили, что воевали против них только членистоногие. Там вот, на севере, между холмами и речкой, много такой живности лазерами да металлом погромсано, небось не всех местное зверье трупоедское пожрать успело.

Лейтенант-пехотинец подтвердил, что разглядел панцири больших ракообразных — такие живут на окраине Седьмой Республики, в Мрагвенде и еще в трех странах. На уточняющие расспросы сержант с ефрейтором ответить не смогли — ни тот, ни другой не разбирались в инопланетных расах. Был приказ держать рубеж — вот они рубеж и держали, стреляя во всех, кто атаковал.

— Вообще, загадочные дела в последние две недели творились, — не без недоумения произнес летун. — Я так и не понял, кто атаковал нас на астероидах. И членистоногие были там, и псевдогумы, и рептилии...

— Крыс вроде бы не было. — Капитан задумался. — Птичек и насекомых этими вот руками стрелял...

— Не нашего ума дело, — хмуро высказался пехотный лейтенант. — Правильно пацан сказал: приказали бить врага — и мы приказ выполнили. Мало ли каких наемников рагвены с импами набрали и бросили на этот участок.

Задумчиво поглядев на него, капитан проговорил, понизив голос:

— Тут загадки давно начались. Помните того майора из штаба фронта, который фактически руководил всеми операциями? Так вот — ни хрена он не штабной. При мне два полковника в штабе корпуса говорили, сам слышал: сражением в этом секторе управляли умные головы из фронтовой разведки.

Надо же, успел подумать Афанасий. Но так и не успел задать своего заветного вопроса:

прозвучал сигнал общего сбора. Немолодой подполковник построил две дюжины уцелевших бойцов 11-го батальона, назвал чудо-богатырями, объявил благодарность, помянул павших смертью храбрых. Затем объявил, что сможет принять на борт лишь раненых, а здоровым придется на несколько дней задержаться на этой планете.

— Отдыхайте, парни, командование разрешает, — сказал подполковник. — Завтра послезавтра сюда прибудет отряд трофейной службы вашей дивизии. Поможете им собрать всю технику, какая тут осталась. Заодно пришлют маршевое пополнение, командира. Не возить же вас за триста парсек в сборный пункт. Прямо здесь, на месте, сколотят новое подразделение на вашей основе.

«Носорог» действительно скоро взлетел, оставив на пляже ошеломленных солдат и гору снаряжения, в том числе — по ящику мясных и рыбных консервов. Осмотрев братскую помощь 480-й дивизии, Рыжий Шнобель умело выматерился, после чего начал грязно ругаться. Однако делать было нечего, поэтому фельдфебель распределил среди личного состава боеприпасы, индивидуальные аптечки и аккумуляторные батареи. Народ дружно потребовал выдать на обед мясо.

— Само собой. — Рыжий не собирался спорить. — Сержант Машукевич, кто врал, что может собрать самогонный аппарат?

— Ну? — насторожился Афанасий.

— Собирай, — приказал фельдфебель. — Фрукты сами плывут. Наварим пару ведер и отметим конец войны.

Разумную идею братва встретила положенными выкриками. В этот самый миг закричала музыка, и все повернулись к морю, где начиналось ежедневное шоу.

Из-за косы, окружавшей бухточку слева, чинно выплывали лодки и плоты. Как и в прежние дни, на самом большом сооружении горела жаровня, вокруг которой дергался в конвульсиях хмырь, разукрашенный цветастыми татуировками, перьями, сплетенными цветами и чем-то вроде звериных хвостов.

Смысл этого представления был не вполне понятен. Люди предполагали, что шаманы окрестных племен совершают какой-то магический обряд — то ли задабривают небесных богов из 11-го батальона, то ли просят вредных демонов изничтожить или хотя бы прогнать пришельцев. Скорее всего, туземцы не питали к людям злых эмоций, потому что после музыкального приветствия подносили большую корзину кислых и сладких плодов. Впрочем, женщин бойцам земной армии ни разу не предложили, то есть добрые чувства дикарей ограничивались элементарной физиологией, но не затрагивали высокой духовной сферы.

С неделю назад, на второй день концерта местной самодеятельности, солист вызвал бурный восторг личного состава, когда, поскользнувшись на плоту, шлепнулся в море. Изголодавшиеся по красивым зрелищам солдаты долго хохотали и кричали: «Бис», — но шаман не понял намек и больше за борт не падал. Разочарованные пехотинцы быстро теряли интерес к однообразным выступлениям аборигенских исполнителей, но концерты все-таки смотрели. Во-первых, других развлечений все равно не предвиделось. Во-вторых, привыкли к фруктам и орехам, хоть как-то разнообразившим скудный рацион сухого пайка.

Сегодня артисты разошлись не на шутку. Лодок собралось вдвое-втрое больше обычного количества, шаманы бесновались аж на четырех плотях, а не на одном, как бывало в прежние дни. Пламя из горелок хлестало выше человеческого роста, музыканты остервенело молотили в барабаны, дергали струны и дули в громадные трубы. Мелодия, конечно, получалась ужасающая — примерно так же звучали предсмертные стоны поврежденного турбореактивного движка. Размалеванные растительными соками аборигены тоже не относились к разряду эстетического совершенства. Тем не менее бойцы мужественно терпели. И дождались.

Плавсредства коснулись отмели. Воюще-барабанящая толпа, не прекращая танцевальных телодвижений, схлынула на пляж и, кружась завихрениями, приблизилась к людям. Музыка злобных демонов затихла нестройно, в тишине робко прогудели запоздалые трубачи да пару раз простучал барабан. Настал блаженный миг безмолвия, и здоровенные

гуманоиды сложили перед солдатами корзины. На сей раз незнакомые с гигиеной дети природы натаскали неслыханную прорву даров — тут были не только фрукты, но и корзина с громадными рыбинами, и какие-то изделия из цветного камня, и обточенные в форме божков-идолов куски дерева.

Немолодых лет вождь или шаман — в прежние дни люди его вроде бы не видели — с воплем воткнул в песок каменный топор, выполнил серию прыжков с поворотом вокруг собственной оси, после чего, запыхавшись, опустился на колени. Остальные последовали его примеру и тихонько завывали, потрясая безоружными руками. За музыкальные инструменты никто, к счастью, больше не брался. Коленопреклоненный патриарх забубнил что-то на своей фене, тыча пальцами то в сторону солдат, то в небо, то в изуродованный корпус «Носорога». Толпа заунывно подвывала, периодически касаясь лбами песка.

Парень из 3-й роты, призванный в армию с какого-то курса университета на Калиюге и прозванный Шарохлопом, сказал неуверенно:

— Кажется, они боялись, что боги бросят аборигенов и вернутся на небо. Но небесный корабль улетел, а мы остались.

— И что потом? — насторожился фельдфебель. — Это радует их или огорчает?

— Хрен их знает. — Шарохлоп пожал плечами. — Я всего-то несколько слов этого народа запомнил.

Церемония затянулась, но в конце концов аборигены вернулись на плоты и лодки. Вновь загремела отвратительная пародия на музыку, но теперь исполнители не проявляли прежнего рвения, к тому же уродливые звуки вскоре затихли вдали.

Личный состав уже разводил костер, умельцы потрошили рыбу, а знатоки рассуждали — зажарить этих торпед на огне или обмазать глиной и запечь в углях. Крикнув, чтобы не забыли посолить, Афанасий выбрал цитрус помягче и пошел монтировать перегонный механизм. Пришлось повозиться, но к вечеру все были хорошие, остатки же сивушной жидкости разлили по тщательно вымытым канистрам.

— Разбери аппарат, — нетвердым голосом предупредил Рыжий Шнобель. — Завтра могут офицеры прилететь.

Машукевич просто кивнул — отвечать было лень. Скинув броню, мундир и сапоги, он окунулся в теплую воду, понырял, поплавал, поплескался и вернулся на песок. Под пьяную балду почему-то вспомнился утренний разговор — дескать, непонятно, с кем тут земляне сражались и вообще зачем оказались в этой системе. Сержант зевнул и вяло подумал, что кому надо, те знают ответы на все вопросы, а разные непонятности когда-нибудь в кино покажут.

Двадцатилетний парень даже не старался бороться с одолевающей сонливостью. Просто валялся, облокотившись на броню подбитой машины, и смотрел в море, где на лазурном зеркале неторопливо катились ровные шеренги волн. Вдали от берега стихия малость разгулялась, и колебательные движения водной массы швыряли какую-то парусную лоханку.

Глава 1 Абордаж

Верный глаз опытного моряка еще с вечера подсказал, что сегодня разразится шторм: слишком уж багровым выдался закат. Однако ранним утром ветер только начинал набирать силу. Нарастающее дыхание языческого божества Борея все мощнее наполняло паруса трехмачтового корабля, борта которого украшали сдвоенные линии орудийных портов и вычурная надпись «Sao Rafael». Форштевень, украшенный резной фигурой грудастой сеньориты, непреклонно резал рябое от мелких волн Средиземное море.

Комендоры дежурили возле заряженных пушек, на верхней палубе ждали мушкетеры в кирасах и шлемах. Все взгляды были устремлены в бескрайний голубой простор, постепенно принимавший свинцовый оттенок. Между тем в капитанской каюте второй час — от самого

завтрака — продолжался военный совет.

Старый морской волк капитан Гомеш Оливейра медленно цедил крепленое порто и слушал байки хитроумного посланца святой инквизиции. Все офицеры побывали во многих опасных переделках и повидали разные края, но сеньор Фернандо, похоже, объездил весь мир от дебрей Амазонки до гиблых китайских пустынь.

Удивленно покачивая шевелюрой с проседью, капитан не без труда нашел среди пустых бутылок одну непечатую, выбил пробку и пробормотал — глубокомысленно и многозначительно:

— Нет ничего похожего, везде все по-разному... Вот, к примеру, собаки в злобе поджимают хвост, а коты — наоборот, поднимают трубой. И только выпивка во всех странах одинакова.

— Не скажите, дон Гомеш, — мягко возразил инквизитор. — Некоторые народы научились гнать пойло крепче рома. Наверняка вы слышали про французский коньяк и британский джин.

Офицеры закивали — они слышали и даже пробовали эти напитки. Кротко улыбаясь из-под капюшона, Фернандо поведал о прозрачном чуде, которое довелось ему отведать при дворе московитского цезаря Большого Питера. От приятной для всех темы он непринужденно перешел к оружию, для производства которого московиты построили большие мастерские, отлили много пушек и готовятся взять реванш у свейского конунга Карла.

— Пушки — не главное, — свирепо прорычал покрытый шрамами лейтенант Алвару, командир абордажной команды. — Главное начинается, когда мы бросаемся в рукопашный бой. И я должен признаться, что мало встречал таких замечательных клинков, как ваш. Я бы сказал, что это — настоящий толедский кортелас, но меня смущает клинок из Дамаска.

Все выпили и согласились, что дьявол научил нехристей ковать сталь, покрытую волнистым узором и способную рубить любой другой металл. Кто-то припомнил, как в старину рыцари-крестоносцы покупали такие клинки на вес золота, потому что сталь из Дамаска режет стальную броню как буханку хлеба. Снисходительно отмахнувшись, инквизитор ответил все тем же приветливым голосом:

— Забудьте глупые легенды, в Дамаске нет оружейных мастерских. Я не нашел там ни кузниц, ни плавильных печей, а только громадный базар, где продаются невольники, пряности, одежда и оружие. Название металла происходит вовсе не от имени городишки, а от слова «дамаст», на языке мавров означающего «волнистый». К тому же дамаская сталь не так уж прочна и вовсе не обязательно перерубит итальянскую саблю или испанскую спад. Доспехи крестоносцев эта сталь резала по простой причине: многие рыцари носили деревянные панцири... А мой тесак выкован кузнецом из Палестины...

— Вы были на Святой земле! — вскричал потрясенный Алвару. — Но ведь там правят басурманы!

— Пришлось носить их варварские одеяния, — печально подтвердил инквизитор. — Ведь я путешествовал с тайным заданием, и никто не должен был узнать во мне христианина. Но в один недобрый день у проклятых еретиков возникло подозрение. Они схватили меня и подвергли глупому испытанию.

Слушатели внимали ему с неподдельным интересом, и только старый капитан Оливейра несдержанно спросил:

— Какому испытанию, падре?

— Они бросают связанных подозреваемых в воду. По их еретическому разумению, преступник неизбежно утонет, а честный человек выплывет.

— Как я понимаю, вам все-таки удалось выплыть, — с обычным глубокомыслием резюмировал очевидное капитан. — Вы хорошо плаваете, дон Фернандо.

— Да, неплохо, — скромно признал рассказчик. — Но в том случае все было проще. Как вы знаете, в водах Мертвого моря не тонет даже... — Фернандо перекрестился, словно чудом удержался от произнесения непристойности, — ...даже инквизитор.

Повисла неловкая пауза. Офицеры прятали глаза, сдерживая смех. Именно в этот миг с мачты раздался крик марсового:

— Вижу галеру!

Повскакивав, офицеры проворно натягивали кирасы, застегивали ремни шлемов и перевязей с ножнами. Фернандо встал с табурета и сурово напомнил:

— Женщину надо взять живой.

Сбросив сутану, он вышел на палубу — широкоплечий, мускулистый, одетый в кожаный жилет и широкие, не мешающие движениям штаны. С левого бока к его широкому поясу был пристегнут абордажный тесак — тот самый, о котором недавно говорили в каюте капитана. Справа висела короткая спада, спереди — три заполненные порохом шарообразные бомбы с торчащими наружу запальными трубками, между бомбами и ножнами пристроились две кобуры для пистолетов, а возле колен были закреплены боевые ножи. Поднявшись на мостик, инквизитор дом Фернандо навел бинокль на галеру под зеленым флагом.

Застигнутый врасплох экипаж «Султание» второпях готовился к неизбежному бою. Янычары и мамлюки, похватав оружие, строились на палубе. Сигнальщики отчаянно дули в трубы, гребцы, вздрагивая под неистовыми ударами бичей, налегли на весла, матросы лезли на ванты, ставя дополнительные паруса, но корабль неверных неотвратимо настигал неуклюжую тихоходную галеру.

Звуки труб проникли в роскошную каюту на корме, разбудив смуглокожую черноволосую красотку. Лежавший рядом с ней бородатый гигант Абдулла-бей тоже открыл глаза и резким движением сел на атласных подушках, прислушиваясь к воплям зурны и надрывному стуку барабанов. Мощная рука, покрытая буграми мышц, потянулась к небрежно брошенной возле ложа одежде.

— Быстрее! — вполголоса приказала его прекрасная возлюбленная. — Враг уже близко!

Принцесса Рахмат-Гюль — распутная и воинственная внучка султана — уже натянула шаровары, обула расшитые золотом сафьяновые туфельки с загнутыми кверху носами и теперь надевала шелковую рубаху. Как известно, бурный секс выкачивает силы мужчин, но прибавляет бодрости женщинам, поэтому принцесса рвалась в бой, готовая сокрушить очередную преграду, вставшую на непростом ее пути. Едва успев завязать кушак, чтобы штаны не упали, Абдулла-бей помог ей опоясаться ятаганом. Рахмат-Гюль шагнула к выходу, затем вдруг вернулась, нашла в сундуке небольшую шкатулку, из которой достала покрытый золотой чеканкой кинжал с широким и длинным лезвием. Подкинув оружие в ладони, словно измерив вес, она сунула кинжал за пояс и выбежала на палубу.

Крохотные часы неумоимо сыпали песчинки, отмеряя последние мгновения перед артиллерийской прелюдией абордажа. Турецкие канониры суеились возле двух длиннотвольных орудий, стоявших на корме галеры. Они опоздали: мушкетеры «Святого Рафаэля» дали залп, сразив нескольких пушкарей. Затем окутались дымом носовые пушки португальского фрегата, и раскаленное ядро, преодолев разделявшую корабли дистанцию, раздробило руль в мелкие дребезги щепок. Потерявшая управление «Султание» беспомощно вихляла по курсу, а фрегат неторопливо поравнялся с обреченной жертвой и ударил всеми пушками по корпусу галеры, превратив орудийную палубу в груды обломков.

«Султание» была обречена — некоторые выстрелы фрегата прошили кораблик насквозь, ядра проделали пробоины ниже ватерлинии, так что вода уже наполняла трюмы. Яростно, словно бешеная лань, сверкая глазами, Рахмат-Гюль стиснула пальцами рукоятку сабли, глядя на приближавшийся борт вражеского корабля. Десятка два самых отчаянных головорезов-кафиров перелетели с фрегата на галеру, держась за длинные веревки, привязанные к верхним реям, и завязали бой с янычарами.

Внезапно принцесса вздрогнула, прошептав проклятие. Она узнала того, кто первым — да покарает его Милостивый Создатель — ворвался на галеру, безжалостно поражая верных

слуг султана. Этот нечестивец, одетый в кожаный жилет и обычные матросские штаны, умело работал клинками, пробиваясь к покоям Рахмат-Гюль.

«Он пришел за мной, — догадалась внучка султана и молниеносно вынесла привычный приговор: — Он должен умереть».

В бою Фернандо преображался. На смену чопорному инквизитору приходил неистовый воин. Без сутаны он мало чем отличался от корсаров, наводивших ужас на мореплавателей Ост-Индии. Дымящийся фитиль, вплетенный в длинную косу, прибавлял сходства с океанским разбойником. Еще в полете, вцепившись одной рукой в веревку, он поджег этим фитилем запал одной из бомб и швырнул смертоносный снаряд в толпу моряков на борту вражеского корабля. Взрыв разметал защитников галеры, вселяя панику в янычарские души.

Перемахнув подобно маятнику на палубу «Султание», Фернандо отпустил веревку, одновременно выхватив из кобуры двустольный пистолет, и спустил курки. Два выстрела уложили наповал матросов, бросившихся с ятаганами в руках на инквизитора. В следующее мгновение португалец выпластал из ножен тесак со слегка изогнутым и расширявшимся к острию клинком. Эфес в виде чаши с перекрестьем был дополнен дугами, защищавшими пальцы от рубящих ударов. С тесаком в правой руке и шпагой в левой Фернандо атаковал отряд янычар.

Несколько ветеранов абордажных схваток прикрывали его с боков. Нанося мощные удары и отражая вражеские выпады, они продвинулись вдоль борта галеры. Каждый шаг приближал их к апартаментам принцессы.

Неожиданно перед инквизитором вырос Абдулла-бей — кузен и любовник воинственной развратницы Рахмат-Гюль. Клинки скрестились со звоном, посыпались искры. Ловким движением Фернандо уклонился от стремительного ятагана и сам нанес точный удар. Остро заточенный тесак перерубил плечо янычара, а клинок ятагана со свистом рассек воздух, отрубив всего лишь косичку португальца. Инквизитор на лету подхватил оплетенный волосами фитиль, засунул косичку за пояс, опять взмахнул тесаком и утер с лица брызги крови. Затем, переступив через обезглавленный труп и откинув тяжелый бархатный полог, он ворвался в каюту.

— Кажется, ее здесь нет, — печально резюмировал инквизитор.

Он торопливо обшарил каждый закоулок, заглянул под матрасы и подушки, выдвинул все ящики, взломал замки сундуков. Густые темные брови недовольно сдвинулись к переносице: Фернандо не нашел предмета, ради которого затеял авантюрную погоню и нападение на султанскую галеру. На глаза ему попала незапертая шкатулка. Убедившись, что украшенная жемчугами коробочка пуста, португалец равнодушно отшвырнул ее.

Вернувшись на палубу, Фернандо увидел, как фрегат подошел вплотную к «Султание». Борта кораблей столкнулись, издав громкий треск, и на полубак галеры перепрыгнули еще два десятка солдат абордажной роты под командованием неистового лейтенанта Алвару. Выстрелив из коротких мушкетов, они сразили нескольких янычар, после чего обнажили сабли, и в носовой части галеры завязалась жестокая рубка.

Внезапно Фернандо насторожился: сквозь свист набравшего силу шторма, сквозь грохот выстрелов и лязг металла чуткий слух инквизитора сумел разобрать знакомый голос. Стоявшая на мостике принцесса выкрикивала свирепый приказ:

— В бой, янычары, во имя султана и Великого Творца, убейте всех неверных! — Внезапно, увидев на палубе Фернандо, Рахмат-Гюль прокричала, показывая рукой: — Убейте вот этого негодяя!

Несколько воинов в чалмах бросились на инквизитора, но тот швырнул в них бомбу, воспламенив запал отрубленной косичкой с фитилем, и поспешно укрылся от осколков за углом деревянной надстройки. После взрыва Фернандо и двое сопровождавших его абордажников без промедления устремились вверх по трапу. На полпути португальцев встретил янычар, но Фернандо клинком тесака отразил удар ятагана и выбросил вперед левую руку. Шпага пронзила сердце, и янычар рухнул на окровавленные доски.

Штормовые волны все сильнее раскачивали потерявший управление, сильно поврежденный корабль, скользкие от крови ступеньки уходили из-под ног, однако Фернандо, уложив еще двоих противников, поднялся на мостик. Здесь его путь преградил частокол клинков в руках офицеров «Султание». Отделенная от инквизитора этим живым щитом Рахмат-Гюль сбежала по трапу с противоположной стороны мостика, тогда как офицеры двинулись на португальца.

Вплетенный в отрубленную косичку фитиль, как на грех, куда-то подевался в пылу боя, но Фернандо, кровожадно ухмыляясь, навел на врагов пистолет.левой рукой он держал перед самым дулом последнюю бомбу.

...Палец медленно давит на спусковой крючок, вделанный в курок кремень высекает искру. Сквозь ставший прозрачным металл хорошо видно, как взрывается пороховой заряд, выталкивая пулю. Ствол пистолета выбрасывает струйку пламени, клуб дыма и большую круглую пулю. Свинцовый шарик, вращаясь, летит в грудь капитана галеры, а пламя выстрела поджигает порох в запальной трубке бомбы...

Опять вернулись звуки боя. Метко брошенная бомба перебила почти всех офицеров галеры. Уцелевших инквизитор и его спутники зарубили в короткой яростной схватке. Прыгая через трупы, Фернандо устремился в погоню за принцессой. Отчаянная девчонка уже карабкалась на грот-мачту, и португалец, расхохотавшись, тоже полез вверх по вантам. Продолжая смеяться, он крикнул:

— Куда же ты, красавица? Это я, Фернандо Варгаш, мы встречались в Париже, когда ты училась в Сорбонне. Помнишь знаменитые лекции профессора Буридана?

Рахмат-Гюль ждала его на рее. Сбросив туфельки, она балансировала как заправский канатоходец, помахивая клинками, голые ступни уверенно стояли на круглом бруссе. Принцесса не собиралась сдаваться без боя — в этот миг она предпочла бы погибнуть, унося с собой великую тайну, которая не должна попасть в грязные лапы неверных.

Инквизитор медленно приближался к ней, осторожно ступая по качающемуся рею. Обеими руками он устрашающе вращал клинки. Принцесса ждала на полусогнутых ногах. Напряженно прищурясь, она следила за каждым движением противника, опасного, как бешеная гюрза. Тонкие пальцы нервно дрожали на рукоятках оружия — левой рукой Рахмат-Гюль сжимала кинжал с длинным тонким лезвием, а правой — кривую турецкую саблю «кылынч».

Сделав ложный выпад, португальский убийца легко отвел метнувшийся навстречу клинок ятагана и взмахнул спадой. Острое, как бритва неаполитанского цирюльника, лезвие разрезало тонкий шелк цветастой рубахи. Из разреза вывалилось большое и крепкое полушарие смуглой груди, украшенное аппетитным красным соском. Фернандо самодовольно расхохотался, любуясь содеянным подобно уличному художнику, малюющему портрет распутной красотки.

— Я же обещал, что вновь раздену тебя и заставлю стонать от наслаждения, — напомнил он насмешливым голосом.

Дико взыв, рассвирепевшая от унижения наследница султана потеряла на мгновение самообладание и нерасчетливо метнула кинжал. Португалец легко уклонился, и кинжал прелестной Рахмат-Гюль вонзился в дерево мачты рядом с виском охотника за сокровищами. Украшенное самоцветами оружие несколько раз вздрогнуло и замерло. Фернандо удивленно покосился на кусок металла, едва не оборвавший его жизнь, и решительно бросился в атаку, нанося тяжелые удары поочередно с обеих рук. Принцесса еле успевала отражать точные выпады опытного, безжалостного рубаки-дуэлянта. Пятясь, она оступилась, выронила кылынч и повисла, вцепившись обеими руками в грота-рей.

Фернандо сел рядом и ухватил запястье принцессы. Однако в этот миг галера резко наклонилась, а через открытые люки трюмов выплеснулся густой черный дым. Рахмат-Гюль едва не сорвалась и теперь висела на одной руке, которую держал офицер инквизиции. Раскачавшись, турчанка все-таки смогла ухватиться за рей, подтянулась и, тяжело дыша, села рядом с ухмылявшимся португальцем.

Между тем огонь, охвативший трюм «Султание», уже подкрадывался к пороховым бочкам. Люди на палубе поняли опасность, и абордажники поспешно прыгали обратно на фрегат, обрубая за собой канатные концы, соединявшие два корабля. Мощные шквалы шторма немедленно развели противников на приличное расстояние. Ветер срывал брызги с гребней волн, облака водяных капель окружили «Сао Рафаэль» полупрозрачной пеленой, однако можно было разглядеть, как жестоко треплет шторм погибающую галеру.

На мостике фрегата капитан Оливейра приветствовал абордажника и осведомился:

— Как успехи нашего друга инквизитора?

— Простите, дон Гомеш, — насторожился лейтенант Алвару, — разве дон Фернандо не вернулся? Признаюсь, в последний раз я видел его довольно давно — он убивал кого-то на мостике...

Помянув богоматерь, святых угодников и морского дьявола, капитан навел подозрную трубу на «Султание». Из люков рвались огненные языки, ветер кидал галеру с борта на борт, так что порой мачты почти прикасались верхушками к бушующим волнам. А на нижнем рее грот-мачты чудом стояли, обнимая балку стеньги, две фигурки — мужская и женская. Несмотря на ужасную видимость, Оливейра почти не сомневался, что мужчина на мачте — это Фернандо Варгаш. Кажется, сегодня злая смерть все же настигнет дерзкого искателя жестоких приключений.

— Прости нас... — прошептал капитан, перекрестился и поднес к губам серебряное распятие.

Огонь, словно ждавший этого момента, добрался до пороха. Вопли ужаса взметнулись над португальским фрегатом, когда «Султание» с грохотом превратилась в пламя и потоки разлетающихся в разные стороны обломков. Ветер развеял облако дыма, и взорам предстали ревущие волны — словно никогда не было там никакого корабля.

— Рифы! — закричал впередсмотрящий матрос.

— Лево на борт! — скомандовал капитан Оливейра.

Корпус фрегата промчался буквально в нескольких дюймах от острых камней. Матросы проворно меняли паруса, корабль сражался со штормом, но ветер уносил «Сао Рафаэля» все дальше от места сражения.

Среди волн грозно мелькали треугольные плавники акул — целая стая морских хищниц собралась на людоедское пиршество, привлеченная запахом крови.

Сокрушенно покачивая головой, Алвару произнес печальным голосом:

— Бедняга Фернандо, какая ужасная смерть — быть разорванным на куски, которые сожрут эти ненасытные твари.

— Мы помолимся за его душу, когда вернемся в Лиссабон, — мрачно откликнулся капитан Оливейра.

Переваливаясь с борта на борт и с носа на корму, фрегат прорывался сквозь ураган, пытаясь держать курс норд-вест.

Когда взрыв галеры отломил и отбросил мачту, Фернандо и Рахмат-Гюль каким-то чудом удержались на обломке. Долго и отчаянно мужчина и женщина отбивались от акул, насмерть зарубив отвратительную прожорливую рыбину. Другие акулы немедленно набросились на убитую и рвали куски ужасными зубами. Ветер унес кусок мачты прочь от этого места, и морские хищники не стали преследовать двух живых людей — им вполне хватало плававших в море трупов.

Несколько часов волны носили обрубок дерева. Два измученных человека в промокших одеждах яростно сражались с неугомонной стихией. Наконец, в духоте южного вечера, Фернандо и принцессу выбросило на крохотный остров. Напрягая последние силы, они отползли подальше от кромки берега — в безопасное место посредине клочка суши.

Принцесса тихо стонала и, понемногу приходя в себя, проклинала португальца, чья безумная гордыня, помноженная на профессиональное коварство, привела их обоих в эту

гиблую западню. Она страдала от голода и холода, поэтому с каждой минутой злилась все сильнее, превращаясь в настоящую фурию.

— Ты и только ты виноват во всем! — выкрикивала Рахмат-Гюль. — Глупец, ты выдумал тайну, за которой охотишься много лет. Сколько крови пролил ты, пытаешься поймать ускользающий мираж?!

Фернандо сел рядом с ней, посмотрел в глаза, и принцесса быстро отвела взгляд. Покачивая головой, португалец закутал ее в свой кожаный жилет и проговорил уверенно:

— Ты не сможешь меня обмануть, это — вовсе не выдумка и не мираж. Ты ведешь род от знаменитого морехода Пири-реиса, двести лет назад ваш предок нарисовал дьявольскую карту, на которую нанесены неведомые берега. В вашей семье должна сохраниться легенда про демона, рассказавшего старому адмиралу об этих землях!

— Никакой карты нет! — опустив голову, прошептала принцесса. — А если бы даже была, я все равно не раскрыла бы тебе тайну.

— Скажешь! — прорычал он, приставив к ее горлу острие тесака.

— Не скажу! — Принцесса гордо вскинула голову, сверкая бешеными глазами. — Я ничего не скажу тебе, даже если ты меня убьешь!

Улыбаясь, инквизитор убрал оружие в ножны и произнес — мягко и негромко, словно читал проповедь:

— Если женщина так решительно говорит «нет» — это значит, что она готова сказать «да».

— Ты не знаешь, как умеют молча умирать женщины султанского рода! — презрительно бросила Рахмат-Гюль.

Не соизволив ответить на глупую браваду, Фернандо встал, отряхнул песок и отправился бродить по острову. Принцесса провожала его пристальным взглядом, в котором ненависть постепенно уступала место надежде.

Островок был невелик, инквизитор измерил его шагами задолго до наступления темноты. На отмели, на которую накатывались слабеющие волны затухавшего шторма, Фернандо обнаружил полузанесенную песком лодку. Единственным пассажиром утлого суденышка был человеческий скелет с перекинутым через плечо ремнем вместительной сумки.

Вернувшись к принцессе с добычей, португалец достал из сумки две непочатые бутылки британского джина. Казалось, целая вечность минула с того часа, когда они с офицерами фрегата обсуждали достоинства крепкого пойла разных народов.

— Держи, — он протянул одну бутылку принцессе. — Напиток не из лучших, но здесь нет ничего другого, чтобы утолить жажду и голод.

Первый глоток принцесса сделала с откровенной гримасой отвращения, затем отхлебнула еще. Фернандо потихоньку глотал согревающую микстуру, терпеливо выжидая, когда алкоголь развяжет язык его пленнице. Инквизитор хорошо знал, что Рахмат-Гюль быстро пьянеет и легко теряет голову.

Однако добрая порция джина произвела неожиданный побочный эффект — захмелевшую принцессу потянуло на нежности. Она глупо захихикала, подползла поближе к Фернандо, погладила ладошкой рельефные мышцы его груди. Затем порывисто скинула его жилет и прижалась всем телом.

Спустя некоторое время над пляжем разнесся жуткий крик, полный смертельного отчаяния:

— О ужас, я отдалась необрезанному кафиру!

Фернандо проговорил посмеиваясь:

— Неужели в Париже ты не заметила этой моей особенности?

— В тот раз я выпила гораздо больше... — убитым голосом откликнулась Рахмат-Гюль.

Ухмыляясь, Фернандо подошел к обломку мачты, на котором они добрались до острова. Надо было развести костер, и он, обнажив тесак, принялся рубить на дрова прочную

древесину мачты. Почему-то внимание португальца привлек торчащий из бревна кинжал, который принцесса метнула в него во время дуэли на рее. Офицер инквизиции с усилием выдернул клинок, подкинул в ладони, прицениваясь, за сколько песо можно продать кинжал барыге в Фамагусте. Вдруг усыпанная драгоценностями рукоятка начала отвинчиваться, и Фернандо вытащил из тайника свернутый в трубку лист пергамента с картой.

Отъезд. Панорама бескрайнего моря с островком на фоне заходящего солнца. Поперек изображения появилась надпись: «Конец 500-й серии».

После паузы грянули аплодисменты. Маэстро раскланялся, поцеловал ручку молоденькой исполнительнице роли принцессы, пожал мужественную ладонь элегантному мачо, который сыграл инквизитора.

— Остались мелочи, которые доснимем завтра в студии, — провозгласил режиссер. — Считаем, что сезон отработали малой кровью.

Он распустил группу, предложив собраться вечером в том самом ресторанчике на южном склоне.

Народ шумно покидал просмотровый зал. Андрей никуда не спешил, поэтому просто подвинулся, освобождая проход стаду мчавшихся в паб ассистентов режиссера, оператора, звукоинженера и прочего вспомогательного персонала. Молодняк припустил с места в карьер таким галопом, словно пиво могло кончиться и на всех не хватит.

Лениво поднявшись, Андрей подошел к режиссеру и, подмигнув восходящей звездочке Розетте Десмонд, поинтересовался:

— А кто будет моей партнершей в интимной сцене — Розетта или спортсменка?

Маэстро Жозеф Паккарди желчно проинформировал его:

— Розетта. Но ее партнером будет главный герой, а не ты.

— Мир устроен несправедливо, — вздохнул Андрей.

Девчонка, хлебнувшая отравленного вина популярности, ехидно пропела:

— Ты можешь прорепетировать эту сцену с моей дублершей. Или боишься не справиться?

Когда снимали последние эпизоды, Андрей подменял исполнителя главной роли в боевых сценах с прыжками и фехтованием. Поскольку юная звезда так и не научилась правильно держать саблю, в тех же сценах вместо нее снималась неплохая спортсменка, мастер спорта по военному многоборью.

— Чего мне бояться? — Андрей изобразил удивление. — В ней нет ничего страшного. Кроме лица и характера.

Презрительно фыркнув, актриса изящно села в роскошный лимузин и немедленно взлетела, не пристегнув сбруи безопасности и даже не закрыв дверцы. Что поделать, для таких, как она, законы не писаны. Если даже остановит регулировщик, то немедленно, увидев ангельскую мордашку, растает и примется выклянчивать автографы для всей семьи, начальников и друзей.

У маэстро Жозефа тачка была не менее крутая, но знаменитый режиссер бравировал демократичностью, а потому имел привычку пройти пешком. Благо любимая харчевня располагалась в четырех кварталах от студии.

— Не желаешь перекусить? — осведомился Паккарди.

— Пожалуй... — Андрей вдруг сообразил, что утром толком не позавтракал, а потом они просмотрели готовые куски восьми серий. — Перекусить — это мягко сказано.

Своего консультанта-историка режиссер ценил. Дразнил порой, часто приходил в ярость от неуместных, по его мнению, замечаний, однако в конце концов прислушивался к рекомендациям. Так, они со сценаристом упорно требовали назвать королевский фрегат «Сан Рафаэль». Андрею стоило немалых усилий убедить их, что «сан» — это «святой» по-испански, а название португальского корабля должно начинаться португальским же словом «сао». Сценарист проклял день, когда ему пришла шиза сделать главных героев португальцами, но переигрывать было поздно, поэтому согласился изменить название.

Чтобы зрителю было понятнее, авторы по совету консультанта добавляли в сценарий диалоги персонажей о причинах Конкисты и Реконксты, о средневековых обычаях, одежде, путешествиях и оружии. Андрея такие вставки в текст только радовали: зритель нынче туповат и невежествен, все сведения об истории получает исключительно из сериалов — так пусть же усваивает с экрана полезную информацию, глупее не станет...

Режиссеру и консультанту пришлось потрудиться, проталкиваясь через толпу, штурмовавшую Бернардо Штильмарка, которого в абордажных сценах подменял Андрей. Нестареющий герой мыльных опер, слащаво улыбаясь, раздавал автографы восторженным поклонникам. Фотокарандаш оставлял нестираемые росчерки на голографических открытках.

Псевдокитайское заведение «Самшитовый дракон» даже под пыткой не стало бы хвастать избытком посетителей. Великий режиссер направился прямым курсом к стенду, где прислуга разложила суши, тогда как обреченный на безвестность консультант прогулялся вдоль другого стеллажа. Здесь были выставлены всевозможные горячие блюда. Андрей налил себе чашку острой похлебки из грибов, креветок и непонятных растений. На второе он набрал тарелку жареной картошки, кусочков птицы в пряном соусе и говядину с перчиками.

Пока они морили своих червячков, крупногабаритная трехмерность видеокomплекса рассказывала последние новости. Ломандар, по обыкновению, грозил проекциями миротворческой силы, политики 7-й Республики выражали опасения по поводу возрождения вооруженных сил Кьелтарогга, тогда как Оххо-Яшир, Валдадних и Даласули требовали покаяний от Мрагвенда. Кроме того, все вместе обвиняли Солнечную Державу в тайной подготовке к агрессии, заверяя, что не оставят малые страны без защиты в случае неправомерных действий земных экспансионистов. После новостей политики хлынули сообщения о спорте.

Поморщившись, режиссер пробормотал:

— У них остроумная логика. Раз нет сведений о том, что Земля готовится к войне, — значит, Земля *тайно* готовится к войне... Как ты думаешь, будет война?

— Не хотелось бы, — вздохнул Андрей. — Пока угрозы вроде бы нет. Обычная болтовня политиков-идиотов.

— В тот раз тоже никто не видел угрозы, — мрачно двигая бровями, сказал Жозеф Паккарди. — А потом появился Кордо, и началось внезапно.

Маэстро пересказывал самую примитивную, принятую на вооружение «желтой прессы» версию начала 9-й Галактической войны. Андрей, писавший дипломную работу по Кордо Ваглайчу, мог бы рассказать, что причины войны вовсе не так однозначны. Однако у него не было настроения читать лекцию, в которую режиссер наверняка не поверит и станет кричать: дескать, я сам читал и в кино видел, как оно случилось... Поэтому историк успокоил взволнованного маэстро доходчивым доводом:

— Нового Кордо на политическом горизонте не видно... Предлагаю взять кексы и чай.

Выпечку в «Самшитовом драконе» делали невероятно вкусную, а бирюзовый чай с имперской планеты Звуог заваривали крепкий и ароматный. На некоторое время Паккарди забыл о тревогах, приходящих из-за гламурных пределов шоу-бизнеса, но потом вновь забеспокоился и спросил:

— Ну объясни мне, что за разговоры о космическом излучении?

В последнее время в средствах массовой идиотизации валом повалили пугающие публикации про страшный космический процесс: вроде бы внезапно изменилась поляризация реликтового излучения. По мнению озабоченных ведущих зомбоящика, может произойти фазовый переход «темной материи», начнутся выбросы квантованных гиперонов, и получится что-то пострашнее гиперонной бомбы.

Пожав плечами, Андрей ответил по-прежнему равнодушно:

— Ничего не могу сказать, шеф. Я не специалист... А что снимаем на следующей неделе?

— Отдыхай, — уныло разрешил маэстро. — Наша работа пока закончена. Сценарист, который делает авантюрно-морскую часть сюжета, намылился в творческое путешествие. Теперь там за главных остались тетки, будут слюнявить любовные сцены в шикарных интерьерах, дуэли на шпагах, корриду и тому подобные развлечения для домохозяек и детворы. Тетки с весны над этим пашут — серий тридцать уже готовы. Через недельку-другую Джо скинет нам наброски второй половины сезона.

— А карту для турецкого адмирала инопланетяне нарисовали? И какие именно инопланетяне?

— Никогда не думал о таких пустяках, — признался режиссер. — Знаю только, что нашу команду снова призовут серий через полста, когда начнется драка за главное сокровище ислама — гигантский рубин Огненная Богиня. На одной из граней камня вырезаны таинственные письмена, которые...

— Какая на хрен богиня! — взорвался Андрей. — У мусульман не могло быть никаких богинь. Нет бога, кроме Аллаха.

— Может, языческое название? — предположил Паккарди, смакуя кекс. — Какие-нибудь нубийцы называли булыжник «богиней», а потом воины джихада отобрали и подарили падишаху. И с тех пор каждый владелец рубина умирает мучительной смертью...

— Замечательно, ничего не имею против. — Андрей отмахнулся. — Только в языках магометан не могло быть самого слова «богиня». Забрав камень у нубийцев, мусульмане должны были дать ему новое имя.

Маэстро тяжело вздохнул: ему не хотелось беспокоить другого великого гения, но профессионализм требовал соблюдать хотя бы минимальное подобие исторической правды — для столь возвышенной цели режиссер и нанял в съемочную группу консультанта. В глубокой задумчивости он опять наполнил чашечку бирюзовым отваром, добавил по ложечке малинового и розового варенья, размешал, отпробовал, опять вздохнул, позвонил автору сценария и стал объяснять суть внезапно возникшей проблемы.

Сценарист не опускался до мелочей, включая проработку сюжета и диалогов. Джованни Квиринелли считался гроссмейстером закрученной интриги — он планировал сюжет видеошоу на сотню серий вперед. Остальное варганилось методом семейного подряда: команду поточной штамповки сценариев составляли сам Джо, его супруга и трое детишек старшего послешкольного возраста. Самые унылые эпизоды, где не происходило ничего важного, писали две немолодые графоманши — пресловутые «тетки».

После недолгого разговора Паккарди, прикрыв ладонью видеофон, шепотом сообщил:

— Рубин будет называться Глаз Иблиса. Устраивает?

— Вполне. Про карту спроси.

Наградив неугомонного сотрудника испепеляющим взглядом, Паккарди убрал руку с микрофона и объектива, вернул голосу добродушно-почтительную интонацию и непринужденно продолжил:

— Здесь наш консультант-историк Андрюша Машукевич, ты должен его помнить... Ну да, вредина, зануда и буквоед, он самый. Парнишка интересуется, какие именно инопланетяне подкинули карту... Карту реиса, то есть адмирала турецкого... О кей, переключаю.

Забренчал мобильник в нагрудном кармане Андрея. «Контакт», — мысленно скомандовал вредный занудливый консультант. Перед ним развернулось трехмерное изображение сценариста, и знакомый голос проскрипел:

— Я еще не думал об этом. Какие имеются идеи?

— Известно, что примерно в те времена Солнечную систему посещали корабли пяти разных цивилизаций. Три из этих рас погибли в развлекухе, которую мы называем Пятой Галактической войной, от них даже подробных хроник не осталось. Кроме того, около двух тысяч лет назад на Земле побывала экспедиция деградировавшей расы, название которой нельзя выговорить, а примерно тысячу триста лет назад заглядывали рагвены. Я бы посоветовал повесить карту Пири-реиса на какую-нибудь погибшую расу, тогда можно будет

врать все, что угодно, никто не проверит.

— Так и сделаем, — обрадовался сценарист. — Пришли мне свои соображения... И вот еще: у меня рождается замысел супершоу по главным эпизодам Четвертой мировой войны в двадцать первом веке. Надо будет встретиться. Посидим в хорошем ресторане, и ты коротенько расскажешь, что там происходило. Идет?

— Расскажу. — Голос Андрея не дрогнул, и хохот удалось погасить в зародыше. — Обязательно. И вам всего доброго.

Надо же — коротенько рассказать про Четвертую мировую! Интересно, какую из дюжины версий согласится принять этот придурок... Хотя давно стоило бы показать годы, когда человечество поспешило радоваться избавлению от ядерного оружия. Комплексы сверхточного поражения, орбитальные лазеры, боевые роботы, эластичная взрывчатка и другие чудеса технологий решали проблему лишнего человека ничуть не менее эффективно. Разве что радиацией поверхность почти не загрязняли. Но что касается политической стороны дела... Андрей даже содрогнулся.

Только все равно придется освежить в памяти события четырехвековой давности. У профессора Фролова были публикации по проблемам той войны и послевоенных процессов. Надо будет пролистать, чтобы не попасть впросак во время разговора...

— Договорились? — без малейших признаков интереса спросил маэстро Жозеф. — Готов поручиться, что наш гений вынашивает новую сногшибательную идею.

Мотнув головой, Андрей признался:

— Иногда хочется участвовать в создании героической саги без войны и массовых убийств. Чем плоха, к примеру, хроника первого полета к Юпитеру? На Земле заканчивалась нефть, и международная экспедиция начала строительство завода по переработке атмосферы в промышленные углеводороды. Можно было бы снять очень зрелищные эпизоды урагана, который едва не перемолол этот завод...

Жозеф подумал и ответил с брезгливой гримасой:

— Скучно, не вижу действия, нет интриги. Потянет на короткую мелодраму, не больше двух десятков серий.

— Это и есть настоящее искусство, элитарное кино для интеллектуалов. Мы покажем драму идей — там ведь столкнулись интересы разных...

— Никто не даст денег, — перебил его режиссер, но тут же продолжил задумчиво: — Разве что корпорация «Стар энергетик», это ведь их заводы...

Андрей подхватил:

— Мы можем провести как познавательный фильм для школьников. Сорвем бабло с министерства просвещения — они всегда хорошо платят.

На сей раз маэстро думал дольше обычного, выпив за время размышлений две чашки. Обнаружив, что чайник пуст, он провозгласил вердикт:

— Обсудим эту тему, если сумеем найти спонсора. А пока готовься к серьезному проекту. Сам Стивен Бельгарбо собирается ставить военно-морскую эпопею. Ключевой момент — разгром Непобедимой армады. Я представляю себе — испанский флот окружил англичан у Трафальгара и сильно помял, но тут на испанских кораблях восстали рабы — это будет мочилово на пару серий. А потом адмирал Нельсон вырвется из окружения и причешет испанцев.

— Не было там рабов, — устало поведал Андрей. — К тому же Дрейк вместо Нельсона. И не Трафальгар вовсе. И... ладно, не обращай внимания на мелочи.

Паккарди прищурился на него и ехидно поинтересовался:

— Тебе часто советовали не умничать?

— В последнее время стараюсь не давать повода. А что?

— Ты достал со своими историческими подробностями. Никому твоя правда истории не нужна. Зритель истории не знает, зритель понятия не имеет, как там было на самом деле шестьсот лет назад. Зритель в лучшем случае слышал имена некоторых деятелей вроде Нельсона, Чингисхана, Джека-Потрошителя или Петра Великого.

— Историки тоже не знают истории, — успокоил режиссера Андрей.
— Тем более! А если ты такой умный, то иди в свою Академию наук и пиши книгу.
Режиссер громко засмеялся своей шутке, но притих, услышав ответ:
— Так и собираюсь...
— Ты на что намекаешь? — испуганно переспросил Паккарди. — Может, посоветовать хорошего доктора?
— Скоро сам доктором стану. — Андрей засмеялся. — В двух словах: я решил все-таки поступить в аспирантуру. Один профессор согласился стать моим научным руководителем. Раз у нас окно в работе — слетаю к нему, возьму на абордаж, договорюсь о деталях.
Сожалееючи поглядев на консультанта съемочной группы, маэстро покрутил пальцем у виска. Последовала неизбежная нотация — долгая и грустная: дескать, глупо менять обеспеченную и беспечную жизнь в шоу-бизнесе на скучное тягание грошовой лямки при университетской кафедре. Андрей не обиделся и даже не удивился. Иной реакции он не ждал.

Глава 2

Храм познания

Нормальные люди живут в своих квартирах, отдыхать же летают на разные шикарные курорты. Работа на студию видеофильмов сделала жизнь Андрея Машукевича кочевой и беспорядочной. Капризы съемочных графиков мотали его по разным экзотическим местам, а дома он лишь отдыхал в перерывах между творческими процессами.

Квартирка на 32-м этаже сорокапятиэтажного здания была не слишком велика — спальня, столовая, небольшой кабинет, кухонный блок и санузел. В так называемом кабинете стояли стеллажи с книгами и малый — только для ручной обработки информации — терминал. Сегодня Андрей не собирался набирать тексты или редактировать видеофайлы, а читать и в столовой можно. Поэтому, проснувшись пораньше — незадолго до полудня — и постояв под контрастным душем, он развалился на имитирующем траву ковролите, прислонился к дивану, велел домашнему роботу подать завтрак и включил новости.

Посмотрев и послушав обрывки сообщений по нескольким каналам, Андрей утвердился в давнем убеждении, что передачи новостей имеют много общего с видеосериалами. И то и другое можно не смотреть хоть целую неделю, а потом включить — и словно ничего не пропустил. Зомбоящик назойливо повторял ужасы галактических закоулков, где исчезали звездолеты, разгорались сражения между никому не ведомыми планетами, президенты подписывали пакты, губернаторы страдали коррупцией, мужественные оппозиционеры разоблачали нарушителей демократии, а коварная Земля в глубокой тайне планировала аннексию неупомянутых секторов Вселенной.

Вообще, послушать отечественные каналы — так все беды в этом мире связаны с существованием человеческой расы. Казалось, уничтожить это подлое племя приматов — и все вздохнут с облегчением. Даже те, кто вообще не дышит.

Вот и сегодня по каналу «Индепендент Ньюс» гнал туфту штатный ведущий доктор непонятных наук Адольф Сваниховский. Ни в политике, ни в истории сей деятель не разбирался, многократно был уличен во лжи и подтасовке фактов, однако в кресле сидел прочно. Несколько раз он устраивал шумные разоблачения, стоившие карьеры видным политикам. Вероятно, Сваниховским из-за невидимых кулис управляли влиятельные силы. В последние месяцы знатный фальсификатор непрерывно рассказывал ужасы о популярных правителях прошлого и подбирался к веку двадцать пятому — была анонсирована серия передач о преступлениях, якобы совершенных Порфирием Енисейским. Сегодня Сваниховский, не размениваясь на мелочи, рассказывал о преступности всей земной расы.

— Ни для кого не секрет, — экспансивно вещал доктор наук, — что из всех цивилизаций, существующих в нашей части Галактики, самой агрессивной является именно человечество. Вот простенький пример: за предшествующие два тысячелетия случилось

всего три общегалактические войны, причем последняя из них, Шестая, закончилась более тысячи лет назад. Но стоило землянам освоить межзвездные путешествия, как наши преступные владыки развязали три Галактические войны всего за двести лет. Разумеется, цивилизованные расы обеспокоены и внимательно следят за подозрительными приготовлениями земного режима. Налицо все улики, что нелегитимная власть, добившаяся хрупкого парламентского большинства с помощью подтасовок на выборах, готовит аннексию...

Разозлившись, Андрей переключился на музыкальный канал. Пускают же таких идиотов в информационный поток! Каким надо быть бараном, чтобы поверить, будто двести сорок лет назад Земля, имевшая всего три межзвездных корабля — невооруженных исследовательских лайнеров дальней разведки, — могла развязать Седьмую Галактическую... А ведь поверят, подумал он печально. Потому что было несколько мыльных опер по мотивам комиксов о героических подвигах Звездного Рейдера и Лауры Эленбоген из бригады марсианских амазонок!

Продолжая тихо беситься, Андрей дожевал омлет и поиграл пультом, выбрав сравнительно объективную ленту новостей с патриотическим уклоном. По нижнему краю изображения скользила бегущая строка с анонсами, а в центре голограммы стреляли большие станковые бластеры. Нетрудно было узнать знаменитые документальные кадры — огневая подготовка перед штурмом крепости мятежных сепаратистов. Год 2274-й, система Тау Кита, планета Парнас, континент Эрида.

Громадные лучеметы Эндерсона с их импульсами в четверть мегатонны казались неуклюжим и примитивным оружием. Сегодня такую концентрацию разрушения и смерти научились втискивать в машины куда меньших размеров, о дизайне и говорить нечего. Но президент Джангархан не располагал ничем лучшим, когда повисла на волоске судьба человеческой расы, разбросанной в системах шести звезд. За неделю до выборов старый тигр в последний раз лязгнул клыками, стерев с лица Вселенной готовый лопнуть нарыв.

Пошли знакомые с детства кадры: десантные космолеты садятся на горящую планету, по трапам сползают громоздкие «гекатонхейры». Только машины — ни одного человека в броне, потому что после обстрела пушками «Энди-М» даже тяжелые танки были плохой защитой для экипажей. Тем не менее пять тысяч гвардейцев на двухстах машинах прорвались через зону тотального поражения и продолбили накаты бункера, в котором надеялись отсидеться вожди повстанцев.

Вот уже третий век историки ломают копья, пытаюсь объяснить, что совершил Рамзес Джангархан — подвиг или преступление. Политики, исследователи, публицисты жонглируют многозначными цифрами потерь. Хотя, казалось бы, понятно: если бы сепаратисты запустили свои боеголовки, то число смертей выросло бы на порядки.

Хорошо специалистам в области точных наук, печально подумал Андрей. Математик или физик напишут формулу, докажут теорему — и все понятно, закон природы, никаких иных толкований быть не может. А в истории, как и в других гуманитарных лженауках, даже достоверно установленные факты опровергаются каждым кому не лень. Про толкование крупных событий вообще говорить страшно: собственное оригинальное мнение имеют абсолютно все, в том числе — извините за непристойность — журналисты... Ну вот, нечистая сила легка на помине: на голограмме появился живой журналист.

Суровый диктор, одетый в ретростиле «вторая четверть века экспансии», задушевно рассказывал о вице-президентском турне по не слишком дружественным странам. Вице-президент Дино Кальмар пользовался популярностью как мастер афоризмов. Ему принадлежало, в частности, высказывание: «Президент — это главный политик, а вице-президент — главный чиновник». После нескольких общих фраз начался видеорепортаж о пресс-конференции. Заместитель главы сверхдержавы, хитрющий лис, занимавший в предыдущем кабинете пост советника по дипломатии, ушел в глухую оборону, но держался прочно:

— Мне даже неудобно опровергать глупые выдумки о разработке гиперонного оружия.

В условиях, когда наша армия вооружена гиперкоконами, грязные и ненадежные гиперонные боеголовки потеряли значение. Что же касается поднятой блогерами шумихи про выбросы «темной материи», то мы имеем дело с некомпетентными домыслами малограмотных и безответственных существ, которых трудно назвать разумными. Видные научные авторитеты разных стран и народов неоднократно опровергали сенсационные рассуждения об аномальной поляризации реликтового излучения.

В гиперфизике он разбирался навряд ли лучше, чем Андрей, но говорить умел — чувствовалась старая школа. Тем не менее настал момент, когда вице-президент Кальмар, казалось бы, оказался прижат к стенке и не имел иного выхода, кроме как отвечать однозначно. Подумав такую несурзность, Андрей явно недооценил старую школу.

Членистоногий корреспондент информационного агентства 7-й Республики спросил в лоб:

— Готовы ли земные власти допустить международных инспекторов на промышленные объекты в звездных скоплениях, где происходят выбросы «темной материи»?

На лице Дино Кальмара появилась вежливая скучающая улыбка. Спокойным, без эмоций, голосом вице-президент произнес:

— Мы допустим инспекцию на следующий день после того, как наша комиссия обследует ваши добывающие комплексы в скоплении Хваур и орбитальные города планеты Бсархад.

Ого! Андрей проснулся окончательно. Бсархад был столицей Таримкли Ломди Сохал — Союзных Звездных Скоплений, самой мощной сверхдержавы в радиусе трех тысяч световых лет. Дино Кальмар наверняка ответил домашней заготовкой — столь опытный политик никак не мог отважиться на подобный экспромт. Надо ли понимать, что Земля приняла решение не уступать давлению?

Между тем право задавать вопросы получило существо, немного похожее на человека. Женщина-тарог, журналист издания «Ежедневные народные известия», вежливо поинтересовалась:

— Как ваше правительство относится к усилиям некоторых крупных держав, помогающих восстановить военную мощь Кьелтарогга? Ведь известно, что некоторые политики и целые народы с недоверием относятся к тарогам...

Оставаясь — по крайней мере внешне — невозмутимым, землянин напомнил о традиционной политике Красной Башни поддерживать добрососедские отношения со всеми государствами, расами и политическими системами. Земля и Кьелтарогга были дружественными державами на протяжении столетий, люди не забыли помощи тарогов в тяжелейшие дни 7-й Галактической войны. Несмотря на отдельные моменты, омрачавшие наши отношения в отдельные периоды, человечество питает к народам Кьелтарогга самые теплые чувства и не видит причин для беспокойств, а тем более — для вмешательства во внутренние дела страны, не имеющей общих границ с Мирами Солнца. В то же время верное курсу на всеобщее разоружение правительство Союза Солнечных Миров выражает недоумение причинами быстрого наращивания военного потенциала Кьелтарогга, каковой процесс осуществляется при поддержке некоторых великих держав вопреки известным международным договорам.

Вице-президент поблагодарил хищную стаю стервятников массовой дезинформации, но его не отпустили. Съемочная группа трансгалактического концерна с непереводаемым названием «Прусло Кром» потребовала ответить, намерены ли правители Земли осудить преступления своих предшественников.

У Андрея неприятно засосало в районе диафрагмы — подобной демагогией Землю доставали уже давно. Вероятно, готовилась новая идеологическая атака. Вот-вот по всем каналам начнется истерика, что люди плохие, нарушают права нечеловека, а потому надо применить к ним разные санкции миротворчества, вплоть до полного истребления.

Однако бывалый политический боец Дино Кальмар спокойно парировал: дескать,

вопрос о преступлениях столетней давности весьма сложен, причем подобные претензии можно предъявить многим странам или частным корпорациям, обвиняемым в ксеноциде различных этносов. Он явно собирался перечислить обвиняемых в подобных преступлениях, однако ведущий поспешно закрыл пресс-конференцию.

Можно было не сомневаться: в ближайшие часы информационные сети наполнятся десятками комментариев о необычайно резкой лексике главного чиновника человечества. К тому же Кальмар ни слова не обронил о биологической близости тарогов — приматов-гуманоидов — к людям земного типа. Диафрагма защемила сильнее: подступило нехорошее предчувствие, что где-то заработали могущественные силы, направляющие поток событий к новой большой войне. Примерно так же начиналась 7-я Галактическая: динозавровую расу, чье самоназвание человеческая гортань воспроизвести не способна, два года подряд обвиняли в подготовке агрессии, а потом навалились всем миром. Кажется, теперь похожий сценарий решили разыграть против Солнечной Державы.

Полный нехороших предчувствий, Андрей собрался переключиться на развлекательный канал, но вдруг увидел среди анонсов знакомое имя. Прикосновение пальца к голографической иконке развернуло сообщение, и он с интересом прочитал, что в архивах 7-й Республики найдено досье на Кордо Ваглайча. Рука потянулась к метке «Смотреть полностью», но тут послышался страдальческий стон.

В гостиную враскорячку приковыляла девица, которую Андрей обнаружил в своей кровати, проснувшись час назад. Блеклая, плоская, с короткой стрижкой — не поймешь, то ли накануне была хорошо покрашена, то ли выпили много больше допустимого.

— Ты кто? — спросила она, морщась.

— Сам хочу тебя о том же спросить, — поделился сокровенным Андрей.

После повторного стенания она поинтересовалась, где можно подлечиться. Услышав про холодильник, незнакомка сделала удивленное лицо. Чтобы не продолжать грозивших затянуться объяснений, Андрей сам сходил на кухню, нашел банку пива и на всякий случай сам ее открыл. Девка в два глотка высосала пол-литра баварского, пусть даже местного розлива, балзама, после чего в ее зрительных органах появилось осмысленное выражение.

— Так ты режиссер или сценарист? — деловито осведомилась она.

Как и следовало догадаться, случайная партнерша принадлежала к племени «златоискательниц». Неисчислимые стаи хищниц ежевечерне заступали на вахту в зланных местах, где тусовались топ-менеджеры, бизнесмены, звезды шоу-мира и прочие завидные женихи. Изредка наиболее удачливые выходили замуж, остальные же выходили в тираж. Этой особи ничего хорошего не светило, хотя наш идиотский мир щедр на чудеса.

От греха подальше Андрей задействовал безотказную тактику, при помощи которой не раз избавлялся от подобных искательниц приключений.

— Не, я любовник режиссера, — признался он с виноватым видом. — Сам не знаю, как с тобой получилось...

Разочарованно фыркнув, девица посоветовала меньше пить и уползла в ванную.

Заинтересовавший Андрея клочок информации успел исчезнуть с монитора, вытесненный непрерывным потоком новостей. Поиск по ключевым словам выдал гору мусора, но в конце концов нужное сообщение удалось найти.

Видеоряд к этому сюжету подобрали самый примитивный — даже третий ассистент Жозефа Паккарди подыскал бы что-нибудь получше. Обрывки старых видеохроник не складывались в цельную картинку. Составители передачи пустили впереमेжку хрестоматийные кадры: подбитые транспортеры, термоядерные грибы над обреченными планетами, бредущие по колону в болотной жиже солдаты в бронекомплектах разных эпох и армий, атака сверхтяжелых «бревен» типа «Рин-Веспап», разрушенная резиденция кабтейлунка. А над этими клочьями истории — сам кабтейлунк, осматривающий трофейный металлолом, принимающий парад Верной Стражи, шагающий по трапу дредноута-трансформера и, само собой, темпераментно выступающий на митинге перед миллионной

толпой... Короче говоря, халтурная режиссура, за которую надо гнать пинками под хвост.

Одно радовало — сопровождающий текст оказался в высшей степени интересным. Как выяснили исследователи, оккупационная администрация, управлявшая частью миров Федерации Кьелтарогга после 8-й Галвойны, вела тщательное наблюдение за политическими движениями даже на тех планетах, где не стояли гарнизоны победителей. Недавно историки раскопали большой массив файлов, составленных агентами Содружества. Разумеется, главное внимание разведка имперцев и республиканцев обращала на экстремистских лидеров оккупированных провинций Внешний Кьель и Валдадних, но попали в круг их внимания и лидеры мелких реваншистских партий, включая Кордо Ваглайча.

Первые документы досье будущего кабтейлунка были просто скопированы из его персонального файла, найденного в департаменте личного состава капитулировавшей армии. В этих документах младший офицер К. Ваглайч характеризовался как писатель, не слишком религиозный, адепт философии «Бог есть Вселенная». Согласно довоенной полицейской справке, Кордо был патриотом миролюбивого направления, но не пацифистом: нередко выступая на митингах, он убедительно говорил о несправедливом характере назревавшей галактической бойни. В армию завербовался добровольно, как и написал позже в знаменитой книге «Не наша битва».

Сухие пункты учетных документов показывали боевой путь командира боевой машины, взвода и полуроты, тренинг на курсах офицерской переподготовки, присвоение очередных воинских званий, пребывание в госпиталях, награждение орденами и медалями. В представлениях вышестоящих командиров скупое упоминались умелые действия храброго добровольца, но доклады тайной полевой жандармерии фиксировали предосудительные беседы с младшими по званию.

В перерывах между боями Кордо продолжал разоблачать войну как схватку олигархов за богатую добычу. Агенты записали его слова: «Нам, простым тарогам, людям и ломам, эта война не нужна. Ценой наших смертей богатые станут еще богаче». Уличенный в недозволенных высказываниях, Кордо был переведен в подразделение «нирендуф» — что-то вроде штрафного батальона. После трех сражений, едва не увенчавших войну победой Кьелтарогга, горстка выживших получила высокие награды и отправлена в тыловой учебный центр, где из ветеранов формировались отборные соединения. Вот уж всем новостям новость: до сих пор Андрей ничего не слышал про такой эпизод жизни Кордо.

Агентурные сводки оккупантов были богато проиллюстрированы видеоклипами с митингов набиравшего популярность партийного вожака. Референт республиканской контрразведки отмечал, что Ваглайч нередко возвращается к своим предвоенным лозунгам о необходимости союза тарогов и людей. Он также выступал против популярного шовинистского концепта, полагавшего тарогов высшей расой, а всех остальных — низшими существами, которые пытаются уничтожить Кьелтарогга из простой биологической ненависти.

Составители информационного материала не упустили возможности поиронизировать над ограниченными полицейскими чиновниками, записавшими в досье идиотский вывод: «Интернационализм Ваглайча лишает его политическую карьеру перспективы. Безобидный болтун не представляет интереса». К числу самых опасных тарогских политиков оккупанты причислили молодого Ладуги Радвайла, который в те времена был мэром средних размеров мегаполиса, позже участвовал в заговоре против режима Кордо, загремел в концлагерь, а после 9-й Галвойны стал яростным коллаборационистом и первым президентом Конфедерации.

Само собой, Андрей скопировал этот материал в директорию, где хранились все сведения о Ваглайче. Он был готов немедленно вставить новые подробности в свою старую рукопись, однако сдержался, потому что понимал: вскоре в Сети появится полное досье — вот с ним-то и нужно будет работать. Пока же ему достались информационные обрывки в интерпретации малограмотных журналистов.

Вернувшаяся из-под душа «златоискательница» завтракать не пожелала и потребовала

вызвать такси. Андрей охотно выполнил ее желание в надежде никогда больше с этой особой не встречаться. К сожалению, пришлось заплатить за отправку ненужного груза, но душевное спокойствие того стоит. Он без сожаления закрыл дверь за нечаянной гостьей: интересны лишь те женщины, которых приходится завоевывать.

Часы показывали 13:28 — скоро поезд. Андрей выкинул в мусоропровод одноразовые тарелку и вилку, затем отправил туда же пластиковый стакан, из которого выпил минеральной водички. По случаю официального приема пришлось побриться и надеть костюм с галстуком. Такси уже дожидалось у балкона. Перемахнув на заднее сиденье, он велел киберводителе гнать на вокзал.

Когда-то в древности земной континент нарекли по имени мореплавателя Америго Веспуччи. Топонимику планеты Калиюга начал формировать экипаж одноименного звездолета, прибывшего в систему Дзеты Геркулеса (она же Августа, спектральный класс G0 IV, 32 световых года от Солнца) чуть больше двух веков назад. Материк, на котором обосновался консультант Машукевич, был назван Фрейя в честь подружки командира корабля Августа Понге, место посадки на плоскогорье в центре континента получило имя штурмана Эвридики Карлиан, а поселок на берегу громадной бухты на западном побережье второй пилот нарек Кракенбургом. Потом они придумали названия для других материков, океанов и главных горных вершин, проявив не слишком богатую фантазию, но после пятидесятилетнего межзвездного путешествия можно простить многое.

Так, по воле первооткрывателей в предпоследний день весны монорельсовый экспресс, разогнавшись до половины скорости звука, уносил Андрея из Кракенбурга в столицу континента город Эвридика. Во избежание пьянки с попутчиком или занудного флирта с попутчицей он купил билет в одноместное купе и провел почти двухчасовое путешествие за просмотром творчества профессора Фролова.

Судя по монографиям и статьям, Максим Анисимович относился к ученому племени добросовестных компиляторов. Собственных концепций не генерировал, усердно подбирая факты, не противоречащие устоявшимся догмам. Такая позиция, весьма полезная для карьеры, могла стать опасной при внезапном изменении официальных установок. Поэтому профессор не брался за глобальные проблемы. Все работы Фролова были посвящены уточнению деталей в хорошо исследованных областях. Осторожный человек этот Фролов, даже удивительно, что с благосклонностью ответил на письмо Андрея.

Маршрутный аэробус, отловленный на привокзальной площади, за считанные минуты привез кандидата в аспиранты на станцию посреди университетского кампуса. Выстроенное в стиле средневековых замков здание истфака соседствовало с ультрамодерновым небоскребом административного корпуса. Замок оказался малонаселенным — вероятно, семестр уже закончился, студенты сдали зачеты и теперь готовились к экзаменам.

Схема размещения кафедр и аудиторий была высечена на плите темного мрамора в глубине вестибюля напротив входа. С легкой ностальгией Андрей читал полузабытые, а то и малопонятные названия вроде кафедры искусства внеземных цивилизаций, центра изучения древних языков или лаборатории архивной эвристики и математического моделирования. Нужная ему кафедра находилась на восьмом этаже.

До назначенного времени оставалось минут двадцать, поэтому Андрей, поднявшись на лифте, побродил по лабиринту коридоров, читая названия. Когда-то он с нетерпением ждал, когда же кончится надоевшее время ученичества, но сейчас было приятно вернуться в атмосферу лекций, семинаров, аудиторий, конференц-залов. Здесь бурлила совсем другая жизнь, во многом непохожая на ту, к которой приучил его шоу-бизнес... Лаборатория прикладной этнологии, кафедра истории Калиюги, музей космической археологии, лаборатория истории Ломандара при кафедре истории Галактики... Ну вот и добрался: на обитой искусственной кожей двери красовалась табличка:

**Кафедра истории новейшего времени
заведующий кафедрой проф. М. А. Фролов**

В предбаннике немолодой дяденька в лабораторной робе степенно беседовал с немолодой же теткой, сидевшей за секретарским монитором. Кажется, они обсуждали, как проведут отпуск, но с появлением посетителя разговор прервался. Узнав о цели его визита, тетка, приветливо улыбнувшись, показала на дверь в кабинет шефа. На мгновение Андрей почувствовал неловкость, потому как очень не любил резко менять неплохо налаженную жизнь. Однако замешательство быстро прошло, и он решительно постучал.

Максим Анисимович радушно поздоровался, усадил гостя в мягкое кресло, даже кофе предложил. Андрей вежливо отказался — кто знает, какой кофе варят в этом доме, а пить бурду он отвык.

Пробежав пальцами по сенсорам клавиатуры, профессор открыл какой-то файл, бегло проглядел и начал:

— Меня заинтересовало ваше предложение, подобными темами кафедра до сих пор не занималась, но можно попробовать. Только, простите великодушно, хотел бы уточнить некоторые моменты, которые не отражены в вашем резюме. Как я понимаю, вы родились на Калиюге, большую часть из своих тридцати двух лет учились, причем университет заканчивали весьма престижный. Почему же, если не секрет, выбрали нашу провинциальную аспирантуру?

— Я на Добраве случайно оказался. В год, когда заканчивал школу, отца туда командировали. Он инженер-строитель, конструировал орбитальные комплексы, потом руководил монтажными работами и вводом в эксплуатацию. Так я получил аттестат в Порфире, там же в универ поступил.

— Факультет истории материальной культуры Эйнштейновского университета в городе Порфир, — прочитал профессор. — Да уж, столица Добравы... Какая специализация?

— Историко-технологическая. Наука и техника прошлого, методы датировки событий, считывание мыслей, — Андрей вернулся к прежнему вопросу. — Когда я был на четвертом курсе, родители улетели домой на Калиюгу, а я остался. Закончил основной курс, потом три года в магистратуре, еще три — в армии. Последние четыре года — инженер-консультант при видеокомпании.

Смысла его работы Фролов не понял, и Андрей объяснил, что «25-й век — Спрут» наладил поточное производство мыльных опер на исторические темы, но режиссеры и сценаристы ни черта в истории не понимают. Поэтому нужен консультант, который будет объяснять, чем одежда или оружие двадцать второго века отличается от тех же аксессуаров шестнадцатого. Профессор захохотал и подтвердил, что бывает смешно, если на экранах появляется персонаж в одежде совсем другой эпохи. Андрей подавил ухмылку: проблема была не только в одежде. Дай волю видеоневеждам, так Пушкин ехал бы на дуэль в автомобиле Форда и дрался с Дантесом на рыцарских мечах...

— Значит, выбрали наш университет из соображений планетного патриотизма, — резюмировал Фролов.

— Ну, вообще-то я разослал сотню резюме, — признался Андрей. — Получил положительные ответы из Эйнштейновского, даже из Военно-космической академии. Но мне, конечно, удобнее на своей планете, чтобы не прерывать работы.

— Похвально... Кажется, ответ произвел впечатление на завкафедрой. — Тема диплома на степень бакалавра — «Кордо Ваглайч и поражение Федерации Кьелтарогга» — ну, заезженная колея... А вот диплом магистра — «Развитие бронетехники в период Девятой Галактической войны». Согласен, тут уж чисто военная история. И какую же тему вы бы хотели выбрать для диссертации?

— Что-нибудь вроде «Влияние оружейно-технического прогресса на эволюцию военного искусства в период между Седьмой и Девятой Галактическими войнами». У меня есть несколько публикаций по этой проблеме.

— Вижу, — проворчал Фролов. — Недлинный список, но издания авторитетные. Только некорректно вы, голубчик, сформулировали, путаете причины и следствия. Общеизвестно, что оружие развивается под влиянием опыта войн, а никак не наоборот. Желаете поспорить?

Профессор выжидательно посмотрел на посетителя. «Раз предлагают, можно поспорить», — решил Андрей и сказал:

— Согласен, оружие рождается из опыта войн. Однако новое оружие изменяет формы боевых действий: огнестрельное оружие, танки, авиация, космические боевые комплексы.

Он напомнил, что вскоре после 7-й Галактической появились портативные антигравы, а веком позже создание компактных межзвездных двигателей привело к рождению нового класса машин — пехотных гиперлетов типа «Носорог». Отпала нужда ради высадки тактического десанта посылать большие войсковые транспорты или перебрасывать астропехоту на крейсерах и эсминцах. «Носорог» вмещал батальон со всей штатной техникой, перевозил это подразделение на десятки световых лет и поддерживал действия пехоты сильным огнем бортового оружия. Разумеется, такие гиперлеты не могли сравниться по мощности залпа с боевыми кораблями даже третьего ранга, но были вполне пригодны при решении тактических задач. Астропехота стала намного мобильнее, а боевые корабли освободились от несвойственных им функций...

— Вы считаете это столь важным? — удивился заметно растерявшийся профессор.

— А как же! — вскричал Андрей, запрыгивая на любимого конька. — На смену громадным танкам типа «гекатонхейр», для переброски которых требовались мегатоннажные транспорты, пришли машины нового поколения...

Замахав руками, Максим Анисимович сказал, что верит. Затем продолжил задумчиво:

— Порой может оказаться полезным, если историк разбирается в технике. Много лет назад я работал над диссертацией по событиям Четвертой мировой войны и был потрясен: по всем параметрам боевая техника Южного Альянса не уступала, а то и превосходила оружие северян. Орбитальные крепости Халифата были больше размерами и лучше вооружены, южане построили огромный флот орбитальных и трансорбитальных космолетов. Я уже не говорю о громадной наземной армии, которую составляли миллионы отлично вымуштрованных солдат-фанатиков, готовых на самопожертвование. И тем не менее Объединенные Силы Северной Евразии всего за неделю завоевали полное господство в околоземном пространстве, после чего начали разрушать вражескую инфраструктуру и развернули штурм лунных крепостей, в то время как американская армия подавила путч «черных шахидов», ну и так далее.

— Да, без глубокого знания технологических нюансов сложно понять эти события, — усмехнулся Андрей. — И как же вы смогли выкрутиться?

— Отделался общими словами о качественном превосходстве американо-евразийского блока, вставил немного цитат из военно-технических журналов и монографий, хотя смысл этих заумностей до меня совершенно не доходил... — Профессор отмахнулся, смущенно гримасничая. — Ну, само собой, сделал упор на политкорректные рассуждения: дескать, война против кровожадных фундаменталистов, стремившихся вернуть человечество в средневековое мракобесие, носила заведомо прогрессивный характер, а потому большинство не поддержало ваххабитов.

— Ну, не совсем так... — Машукевич замялся, с трудом пытаясь сформулировать замечания таким образом, чтобы потенциальный научный руководитель не слишком обиделся. — Известно высказывание президента Виктории Базальт, что большинство было как раз-таки неправо... Кажется, лет через сто после той войны вышла превосходная книга Вернера фон Нахтигаля «История, выкованная оружием», там целая глава посвящена Четвертой мировой...

— Не осилил, — с виноватым видом признался Фролов. — А монография Денизы О'Корнер была слишком резкой, в духе признанных ошибочными оценок леди Базальт. Мне и поручили эту тему, чтобы развеять концепцию «победы продвинутого меньшинства».

Андрей смекнул, что не стоит продолжать спор, и закивал, сделав сосредоточенное лицо. Официальная версия 4-й Мировой войны давно устоялась и выглядела незыблемой. Считалось дурным тоном упоминать, что китайцам пришлось попросту вырезать миллионы уйгурских повстанцев-сепаратистов, или что за исламистами пошли толпы люмпенов, которые не приняли прогресса. В действительности Халифат проиграл, поскольку фанатики истребили свою научно-техническую элиту.

Исламисты пользовались оружием и амуницией устаревшего образца, их техника производилась на предприятиях Европы и Америки, но то были изделия прошлого и позапрошлого поколений. Причем вожди-богословы, в силу своей гуманитарной ущербности, просто не понимали преимуществ новейших технологий, а соплеменников-интеллектуалов ненавидели по причине граничившей с атеизмом оппозиционности последних. Согласно достоверным источникам почти всех умных людей власти Южного Альянса частично перебили, а остальные эмигрировали. Мышление военных лидеров Халифата оставалось на уровне двадцатого века, они искренне полагали, что большая пушка лучше маленькой, поэтому строили громадные орбитальные мониторы. И некому было подсказать безумным имамам, что важен не размер оружия, а его начинка...

Только считается неприличным упоминать эти факты — потемки проигравших обвинят в расизме. Для гуманитарных наук вообще характерно изобилие запретных идей, доводов и суждений. Любое объективное и правдивое исследование неминуемо кого-нибудь обидит. Историки вынуждены заботиться, чтобы обиженных было как можно меньше, так что приходится писать не правду, а приятные для большинства сусальные сказочки.

Торопливо сменив тему, Андрей признался:

— У меня пробелы по вспомогательным дисциплинам. Я увлекался историей войн и военной техники, но не любил источниковедение, а также...

— Ваши университетские оценки не имеют значения, — пренебрежительно произнес Максим Анисимович. — Для нашей работы нужен исследователь, а не ходячий компьютер, умеющий запоминать имена и даты. Погрузившись в тему, вы станете единственным специалистом в этой области.

— Значит, я смогу работать над военной историей?

— Безусловно. Предлагаю вам тему кандидатской диссертации «Эволюция оперативного искусства и военной техники под влиянием боевых действий в системе Альганга». Тема кажется банальной, но после тех сражений военное дело сильно изменилось.

— Наши генералы правильно поняли опыт предыдущей войны, когда Кьелтарогга наказал публов.

— Такова общепринятая концепция, но те события плохо изучены. Попробуйте выявить новые факты, связь событий на этом участке с общим ходом событий на всем фронте, проанализируйте замыслы и последующие решения командования сторон на всех уровнях. Только помните: вы пишете не сценарий авантюрного боевика, не скандальную статью для бульварной прессы, но серьезное научное исследование. Вам придется тщательно думать над каждой формулировкой, над каждым утверждением, над каждым выводом. Вы обязаны скрупулезно отбирать лишь самые надежные факты, достоверность которых подтверждается разными источниками.

Поняв, что время дискуссий закончилось, Андрей послушно кивал, внимая ценным директивным указаниям. Дождавшись паузы, он осторожно поинтересовался:

— Мы ограничимся системой Альганга? Насколько я помню, обычно говорят о сражении за целое звездное скопление.

Критику профессор воспринял без обид и согласился:

— Возможно, вы правы. Через некоторое время, когда погрузитесь в материал, мы с вами уточним границы работы. — Он продолжил задумчиво: — С этим сражением связана какая-то загадка. Я пытался разобраться, но встретил не меньше десятка оценок, противоречащих одна другой.

— Довольно странно для ситуации, когда сражение закончилось без явной победы одной из сторон.

— В том-то и дело, голубчик... — Фролов вздохнул. — Должен признаться, тут замешан личный интерес. Ведь генерал Теодор Лестер, командир Сто четырнадцатого корпуса, доводится мне двоюродным дедом. Он унес тайну в могилу, но тайна есть, у меня не осталось сомнений... — Разнервничавшись, профессор проглотил таблетку, запил газировкой. — Дед Тео был веселым жизнерадостным человеком, любил шумно погулять и выпить, даже в преклонные годы ухаживал за хорошенькими женщинами. И этот жизнелюб становился мрачным и неразговорчивым всякий раз, когда его спрашивали о том сражении. Однажды — ему было под девяносто, а я окончил университет и готовился к аспирантуре — он вдруг сказал мне: «Никто никогда не узнает правду про Альганг». Я удивился и спросил: «Правда слишком ужасна?» Он нахмурился, резко бросил: «Правды вообще нет на этом свете!» Вдруг у старика потекли слезы, и он сказал: «Меня, победителя, отблагодарили по всем правилам — выгнали, словно собаку». Конечно, я попытался успокоить деда, а сам тем временем вспоминал, что же мне известно об этом периоде Девятой Галактической. Наконец я спросил в лоб: мол, в чем проблема, если ты одержал победу? Он всхлипнул и сказал странную вещь: «Нашлись умники, которые объявили, что я вовсе не победил. Начальников было слишком много. До того дошло, что мне какие-то майоры из штаба фронта приказы отдавали. Сначала говорили — держи оборону, потом — отступай, потом — отбивай оставленные позиции... Я даже перестал понимать, чьи приказы должен выполнять и что считать победой...» Больше мы к этой теме не возвращались. А через месяц дед отправился на лодке рыбачить и не вернулся. Нашли на следующий день на берегу — инфаркт, а личного сигнализатора дед не признавал, так что... сами понимаете.

Судьба старика тронула Андрея, и он осведомился:

— Никаких намеков, что он имел в виду?

— Никаких, — подтвердил Максим Анисимович. — Сразу после завершения боев за то скопление генерал Лестер был неожиданно отстранен от командования корпусом и отправлен в тыл с понижением — заместителем командира центра обучения и переформирования пехотных подразделений. Его сын, двоюродный брат моей матери, рассказывал, что старик сильно переживал эту несправедливость и, скажем прямо, немного запил. А в нетрезвом виде, сами понимаете, язык развязывается, так что он мог сболтнуть лишнего. Короче, как только война закончилась, центр подготовки был закрыт, для заслуженного боевого генерала не нашлось вакансии, поэтому деда просто уволили на пенсию.

Излом генеральской судьбы показался знакомым. Тогдашний президент Союза Солнечных Миров не страдал излишками гуманизма и был скор на расправу. Возможно, генерал Лестер не слишком любезно принял избрание нового главы государства, к тому же мог не скрывать симпатий к либеральному довоенному руководству. В таком случае просто чудо, как легко отделался профессорский дедушка.

Впрочем, выслушав соображения свежееиспеченного соискателя, Фролов решительно возразил: дескать, Лестер голосовал за Енисейского еще на предыдущих выборах, был горячим сторонником жесткого курса и просто боготворил нового президента, за что имел неприятности от прежнего руководства военного ведомства. По словам Максима Анисимовича, Лестер даже участвовал в генеральской фронде, лидером которой считался будущий министр обороны маршал Ханг.

Оставив до лучших времен неразрешимые загадки прошлого, они быстро покончили формальности с анкетами. Фролов заверил, что на ближайшем заседании ученый совет утвердит тему диссертации. Подмигнув, профессор поделился планами создать при кафедре лабораторию истории технологий, для которой понадобится толковый руководитель с подходящей научной степенью.

Идея возглавить лабораторию показалась Андрею приятной, но не слишком лестной. В чем-то маэстро Паккарди прав: заработки в шоу-бизнесе не сравнить с мизерным

профессорским жалованьем. Отказываться он, конечно, не стал: кто знает, как улягутся карты судьбы. Всегда полезно иметь запасной антиграв для экстренного приземления.

Внезапно реле памяти громко щелкнуло, и Андрей растерянно проговорил:

— Как же я мог забыть... Мой дед в системе Альганга воевал. Сержант астропехоты. Надо будет расспросить его с пристрастием.

— Замечательно! — обрадовался профессор. — Всякий раз, когда не хватает материалов, начинайте описывать героический подвиг какого-нибудь солдата или сержанта, который один сдерживал наступление целого космического флота в течение суток!

Фролов хохотнул, но был ошеломлен ответной репликой Андрея:

— Не сутки, а два часа. Максимум — три.

— Почему так недолго? — не понял Максим Анисимович.

— Эти подразделения назывались «двухчасовые патрули», — объяснил Андрей. — Им ставилась задача продержаться до прихода подкрепления. Обычно большие корабли и бронелеты с пехотой прибывали в течение двух часов или не прибывали вообще.

Ошеломленный профессор потребовал, чтобы соискатель Машукевич обязательно написал об этом хотя бы небольшую — на полторы-две тысячи слов — статью для тематического сборника. Фролов был абсолютно прав: ни в одном историческом труде сей факт не упоминался. История — наука, построенная на умолчании неэстетичных фактов.

Глава 3

Хорошо в деревне летом

В порту его встретил отец. Разменяв седьмой десяток, Виктор Афанасьевич погрузнел, редущая шевелюра засеребрилась седыми ниточками. Они обнялись — считай, больше года не виделись. Обстановка не располагала к обстоятельному разговору — несмотря на все изолирующие ухищрения, по залам непрерывно катились волны перегрузок и невесомости. Двигатели непрерывно взлетающих и садившихся межконтинентальных лайнеров нарушали поле притяжения.

— Когда я строил этот комплекс, мы не рассчитывали на такую интенсивность полетов, — виноватым тоном объяснил отец в машине.

Да уж, четверть века назад Металлика считалась глухим бесперспективным захолустьем — кажется, миллиона три населения на весь континент. По тем временам такой аэровокзал был чрезмерной роскошью. Никто не предвидел бурного экономического скачка и последующих веселых событий...

— Построй новый, — легкомысленно предложил Андрей.

— Уже работаем, — сообщил отец. — На северной окраине. Такую махину отгрохаем — на Земле и Добраве будут завидовать!

Семейными новостями делиться не стали: Андрей чуть не каждый месяц подолгу общался с родителями по видеофону, поэтому знал, кто из кузин вышел замуж и у кого из племянников родилась двойня. Про поступление в аспирантуру он сообщил еще позавчера. Тогда же узнал, что сельская родня готовит большую стрельбу, и охотно вызвался помочь.

— Какая у нас программа? — осведомился городской гость. — Большая пьянка, потом берем ружья и топаем пить на природе?

— Сначала побродим по лесу, — сообщил Виктор Афанасьевич. — Народ уже собрался, тебя ждут.

Он добавил: двоюродные братья поспорили, что стреляют лучше Андрея, что Пашка Напыльников пообещал свернуть башку, если столичный гость попробует подкатываться к его Роксанке, что брательник Савва прилетел еще вчера, что сестренка Снежана собралась замуж за хорошего парня. Полдороги Андрей лыбился, слушая милые деревенские новости, но потом папаша испортил-таки настроение, поинтересовавшись, когда намерен жениться младший наследник. Лаконичный ответ отца не удовлетворил.

— Мне и так неплохо, — вяло отбивался Андрей.

— А та блондинка?

— Она уже не блондинка. Батя, у меня давно не возникало желания завязать серьезные отношения.

— Подумаешь, однажды обжегся! — Виктор Афанасьевич насупился. — Не такое бывает.

— Не однажды, — грустно буркнул Андрей.

Он долго не мог забыть Дженнифер, но появилась Катарина, и он забыл все на свете. Казалось, их отношения складывались просто идеально, только вдруг любимая девушка вышла замуж за случайного знакомого, потом еще за какого-то плюгавенького хмыря. Из-за этого на первом курсе магистратуры с ним случился депресняк, и после диплома возникло желание резко поменять жизнь. Андрей завербовался в армию, где завязался неожиданный роман с не слишком красивой связисткой. Трудно понять, на чем держалась эта любовь, — луны в небе хоть силой гравитации держатся. Короче, через год Натали решила вернуться к позапрошлому супругу, и с той поры Андрей, оскорбленный в лучших чувствах, старался избегать затяжных связей. Это было несложно в легкомысленной атмосфере шоу-бизнеса.

Отец посетовал, что у них в округе не осталось хороших девочек, — все мало-мальски достойные кандидатуры либо в города подались, либо замуж повыскакивали. Ну и хвала Ктулху, с облегчением подумал Андрей. Хватило ему позорных смотрин, устроенных родителями в позапрошлый визит.

Родная деревенька Загорье заметно изменилась. От моста через Бурун-реку и дальше в сторону Горынь-горы на месте частокола скалистых клыков появился большой жилой комплекс на сотню домов. В старой части тоже построили какие-то корпуса, явно производственные. Наверное, те самые фабрики — консервная и молочная, про которые отец весь последний год рассказывал.

Машина приземлилась на площадке за усадьбой. Афанасий Тимофеевич величественно сошел по ступенькам и сурово пожурил внука:

— На одной планете живем, а видимся раз в три года.

— Могли бы ко мне почаще приезжать, — парировал Андрей. — Дед, надо про войну поболтать.

Возможности поговорить им не предоставили. Набежала родня, разбавленная соседями и приятелями. Андрею пришлось сорок восемь с половиной раз отвечать: мол, дела хорошо, не женился и пока не собираюсь, потому и жизнью доволен, артистки в жены не годятся да и не стремятся. Еще спрашивали про погоду в Кракенбурге, про недавний ураган, про городские сплетни. Само собой, всех интересовало, что случится в ближайшей сотне серий «Трефового туза», «Жестокой красавицы», «Звездных витязей», «Страсти среди звезд» и, разумеется, «Смертельного меридиана».

Конец безобразию положил мамкин брат Аркадий, без малого двадцать лет возглавлявший сельсовет:

— Отставить! — рявкнул бравый майор запаса. — Время к полудню, а мы еще не собрались. Чтобы через полчаса все были готовы. Кто вернется — вечером посидим за бутылкой чаю, там начешетесь языками.

Традиционная дядкина шутка насчет «живыми вернутся не все», как обычно, вызвала волну бабьих всхлипов. Под этот веселый аккомпанемент толпа рассосалась, и Машукевичи вошли в дом. Афанасий заветным ключом отпер оружейный сейф. Маслянисто заблестели стволы.

— Разбирайте пушки, внучки, — призвал дед. — Самолично третьего дня смазал и пристрелял.

Савва любовно погладил свою верную вертикалку «Баян» с комбинированными стволами: верхний — гладкий, 12-го калибра, нижний — нарезной, 9 мм. Отец и дед с обычными прибаутками вооружились неразлучными «Бронтозаврами» добравского завода. Старенькая магазинка-универсал, которую Андрей брал на охоту, начиная со дня

совершеннолетия, вызывала ностальгические чувства, но не более. Для серьезных забав он приобрел «Кайнозой», переделанный из армейской винтовки Рейнхольда образца 2396 года.

Старики недовольно покривились, а потом и вовсе возмутились, услышав, что игрушка стоит не меньше чем аэромобиль среднего класса.

— Оно того заслуживает, — усмехнулся Андрей. — Лицензии есть?

— Общая на всех, — продолжая хмуриться, сообщил Афанасий Тимофеевич. — Районное начальство не поскупилось — разрешило добыть десять голов. Ежели больше застрелим — допишут задним числом.

— На самом деле в стае не больше пяти-шести, — уточнил отец. — Вожак с маткой, старший звереныш и двое-трое из нового помета.

Спохватившись, Андрей собрался раздать подарки, но мужики зашикали на него: дескать, нет времени. Мама потребовала, чтобы мальчики не лезли на рожон и присматривали за новым братиком. Навьючившись рюкзачком, Андрей повесил на плечо — прикладом вверх — чехол с карабином. Отец уже сидел в кабине за штурвалом и нетерпеливо сигнализировал. Дед устроился на переднем сиденье рядом с сыном, поэтому Андрей, Савва и новый братик — Роберт, жених Снежаны — втиснулись в крытый кузов летучего фургона.

Пока летели, братья успели познакомиться с новым родственником. Несмотря на частые комментарии старшего поколения, они поняли, что Робби родился в соседней области Металлики, там же окончил технолого-механический факультет политехнического института, в Бизонию направлен по распределению. Здесь он второй год работал на роботоремонтном заводе, так что со Снежанкой у них был служебный роман.

— Хороший парень, работага толковый, — прокомментировал дед. — Тоже в пехоте служил.

— Значит, стрелять умеет, — резюмировал Савва.

Их высадили на уступе возле старого топонима. Рельеф медленно поднимался, травянистый склон постепенно переходил в перелесок, а ближе к гребню Горынь-горы начинались серьезные дебри.

— Пойдете вверх по склону, — еще раз повторил Виктор Афанасьевич. — Мы с папашей патрулируем над вами. Справа и слева разворачиваются другие команды загонщиков. Интервалы между группами — полкилометра, чтобы друг дружку не постреляли ненароком. Ваше дело — спугнуть стаю, а мы сверху брать будем. Если увидите зверя — шумите погромче.

— А чего шуметь? — удивился Андрей. — Пулю под лопатку — и все дела.

— Забыл, как опасны подранки? — Отец погрозил пальцем. — Бросится на вас — и в три ствола не остановите. Так что без самостоятельности.

— Ладно, не беспокойся, — Андрей предпочел не спорить. — Не выключаю видеокамеру.

Не дождавшись взлета машины, три загонщика растянулись цепочкой и побрели в указанном направлении. В центре шел Савва, Робби занял место на левом фланге, Андрей отодвинулся вправо от брата шагов на двадцать. Стояла жаркая духота — верный признак приближения грозы. Комары гудели и порывались атаковать сомкнутым строем.

Седьмаки были непростыми созданиями. Останки зверей, почти неотличимых от седьмаков, были обнаружены на разных мирах в радиусе тысячи световых лет. Вероятно, давным-давно их вывела для военных целей какая-то сгинувшая раса. Сильные, хитрые, свирепые звери были генетически запрограммированы убивать. Археологи раскопали на Калиюге руины древних крепостей и следы сражений — похоже, несколько рас выясняли отношения на огромном пространстве в Пятую Галвойну или даже в Четвертую. В сохранившихся с тех времен скелетах седьмаков находили вживленные под основание черепа электронные устройства. Нетрудно было понять, что бойцовыми хищниками управляли дистанционно. Видимо, после той войны на планете осталось немало особей,

давших жизнеспособное потомство.

Земные колонисты наводили свои порядки по законам фронта. Опасных хищников отстреливали, а уцелевших загнали в заповедные зоны, где сохранялась дикая природа. Ближайший заповедник располагался в сотне километров за Горынь-горой. Однако изредка седьмаки — парами или небольшими стаями — прорывались через ограждения и принимались разбойничать. Как объяснил Роберт, коровы и туры начали пропадать пару недель назад, а на днях лесник, увидав издалика стаю, поднял тревогу. Областное начальство хотело позвать на помощь военных, но деревенские вызвались решить проблему своими силами.

Когда деревья стали попадаться все чаще, Андрей включил «Обзор» и прицепил зажим устройства к цевью карабина. Умный приборчик раскинул перед хозяином голограмму, дополнявшую панораму, доступную невооруженному глазу. «Обзор» суммировал сигналы, поступающие от индивидуальных маячков, с объективов на воздушных машинах, с разбросанных по лесу датчиков температуры и движения, с ручных сканеров, имевшихся у многих загонщиков. По-хорошему, надо бы подключить сюда же поток информации со спутников и мобильные локаторы, но такая роскошь доступна лишь военным. Охотникам это запрещено, так же как не разрешается использовать лучевое оружие, реактивные самонаводящиеся боеприпасы и гранаты.

Так или иначе, в режиме дополненной реальности Андрей видел не только деревья и гору, но также положение каждого охотника в радиусе полутора километров. Вот почему-то остановилась группа через одну справа. Он насторожился, но команда знаменитого задиры Напыльникова вскоре возобновила движение. Потом два больших объекта с температурой живого существа быстро пересекли тропу другой группы.

— Осторожно, кто-то бежит в нашу сторону, — предупредил Андрей, но тут же сказал спокойнее: — Отставить, это зубр.

— У тебя хорошая машинка, — не без доброй зависти заметил Робби. — Не знал, что такие продаются.

— Не продаются, сам собрал...

Они пересекли ручей и вышли на плато. Деревья здесь росли совсем редко, но примерно в километре к северу начинался настоящий густой лес. Не такая чаща, как выше в гору, но и не парк для семейных прогулок.

На поле в трехстах метрах перед ними неторопливой рысью выбежала из кустарника пара зубров. Животные увидели двуногих, задумчиво потоптались и нырнули за деревья.

Неожиданно, как отлично замаскированный фугас, эфир взорвался шквалом воплей. Сразу множество голосов отдавали приказы, пытались что-то сообщить и звали на помощь. В этом гомоне проскользнули звуки, похожие на выстрелы. Судя по дополняющей голограмме, заварушка разгорелась приблизительно в четырех километрах по правую руку, то есть на северо-востоке. Чтобы не оглохнуть, Андрей убавил звук и окликнул брата.

— По-моему, кто-то наткнулся на стаю, — неуверенно сказал Савва.

— Я расслышал голос парня из нашей бригады, — проговорил Роберт. — Кажется, он залез на дерево и звал остальных.

— Глупо. — Андрей запрокинул голову и вертелся, вглядываясь в небо. — Седьмаки отлично карабкаются по стволам. Быстрее, чем люди... Савва, куда наши старики девались?

С утра держалась переменная облачность, а теперь быстро сгущались тучи, за горой уже сверкали далекие разряды. Только аэромобили видно не было.

— Рванули на место действия, — предположил «новый братик». — Ну что, кончилась для нас охота?

— Похоже, что так. — Савва поежился. — Пошли, мужики, под деревьями спрячемся. Сейчас хлынет.

Они прибавили шаг. Шли уже не цепочкой, а плечом к плечу, потому как в загонщиках надобность отпала. Десяток машин со сканерами — это сила. Стая седьмаков обречена.

Первые дождинки приятной свежестью упали на лоб, когда до леса оставалось пробежать последнюю стометровку. Запоздало сообразив, что можно выключить «Обзор», Андрей отсоединил плоскую коробочку, но глаз обнаружил странность.

— Савва, глянь, — позвал Андрей.

Тот посмотрел на голограмму, не понял и осведомился:

— Из-за чего шум? Эти два теплых пятна — зубры, которых мы недавно видели.

— А почему неподвижны?

— Кору с деревьев глодают.

— А почему температура тел падает?

— Одна остывает, — признал Савва. — А вторая какая-то странная. Вроде как теплое пятно сверху на холодном...

Андрей пристальней всмотрелся и прошипел:

— К бою, братва. Обе туши остывают, причем по одной кто-то горячий ползает.

Объяснять по второму разу не пришлось — старший брат понял и забубнил в видеофон привычные формулы вызова. Никто не ответил — охваченные азартом воздушные патрули сосредоточили внимание на восточном фланге загона.

Неопытный — чего с горожанина взять — Роберт лихо предложил войти в лес и застрелить седьмака, пока тот кромсает клыками заваленных зубров. Сбавив шаг, братья тихонько поведали новичку, что в лесу преимущество будет полностью на стороне генномодифицированных зверей. В тесноте между деревьями трудно различить мишень даже при помощи «Обзора», а седьмаки могут бесшумно атаковать и сзади, и сверху. Если стая подкрадется на двадцать шагов и бросится со всех сторон, даже огнемёты не спасут.

Впрочем, пока перед ними был лишь один седьмак. Возможно, отбилась от стаи.

Андрей жестом остановил родичей, выдвинулся на пару шагов вперед, выключил звук видеофона, чтобы бормотание далеких голосов не отвлекало. Теперь были слышны лишь шуршание листьев да шелест падавших капель. Он грубо прицелился по фигуре, которую показывала голограмма, затем настроил прицел, и в поле зрения появился силуэт хищника. Конечно, деревья и кусты заслоняли обзор, пришлось поменять позицию. С нового места было видно лучше, Андрей совместил с мишенью все кольца и перекрестья, после чего плавно потянул спуск и удерживал, пока не выпустил все содержимое магазина.

Увенчанный дульным тормозом ствол «Кайнозоя» оставался неподвижным, только затвор совершил дюжину движений туда-обратно, выбрасывая стреляные гильзы. Двенадцать пуль, подмигивая огоньками трассеров, умчались в лес на гиперзвуковых скоростях. Андрей торопливо заменил обойму и лишь после этого посмотрел на голограмму — седьмак неподвижно застыл между тушами зубров, однако температура его тела не понижалась, то есть зверь был еще жив.

Умный приборчик восстановил картину стрельбы. Трассы пуль кучно прошли рядом с целью — Андрей не сомневался, что перед ними крупный седьмак. Не меньше трех, но не больше пяти выстрелов поразили зверя.

— Живучая тварь, — нервно прокомментировал Роберт.

Братья еще раз попытались вызвать отца. Чей-то голос потребовал подождать минутку, после чего связь прервалась. Дождь припустил сильнее. Савва предложил осторожно подойти поближе и расстрелять подранка шагов с двадцати. Звучало разумно: раны седьмаков быстро регенерировали. Через час даже сильно покалеченный зверь сможет уползти в чащу и забьется в щель, где хрен его обнаружишь.

Они направились к лесу, но Андрей продолжал сомневаться и беспокоиться, поэтому предупредил:

— Не нравится мне, что тут одиночка промышлял. Седьмаки — звери стайные.

Деревья были уже совсем близко, и прицелы-тепловизоры показали, как рядом с обглоданным зубром копошится большое животное. Внезапно раненый зверь резко поднял переднюю часть тела и оглушительно взвыл. Спустя несколько секунд издали откликнулся хор похожих голосов.

Теперь уже и раздумывать не стоило: стая спешит на помощь подранку. В лес Машукевичи, конечно, не сунулись. Расстреляли седьмака в три ствола прямо с опушки и, убедившись, что добыча остывает, поспешно отступили. «Обзор» засек нехорошее движение в километре к северу. В той части леса раскидали, видать, не слишком много датчиков, но изредка приборы фиксировали каких-то стремительных животных.

Братья собирались отходить вниз, но Робби не зря служил в пехоте — заметил бугорок и вывел команду на вершину. С высоты десятка метров единственной на ровном склоне выпуклости отбиваться от стаи легче.

Вскоре звери прибежали и окружили место, где был убит их сородич. Порыскав вокруг, седьмаки деловито доели зубров и добычу семьи Машукевичей.

— Отец, лети к нам, здесь стая, маяк включен. Отец, отзовись, черт побери... — монотонно повторял Савва безнадежным голосом, но вдруг заговорил громче: — Да плевать на вашего подранка, здесь четыре зверя против нас троих.

— Пять, — уточнил Андрей.

Брат раздраженно швырнул видеофон на траву и сообщил:

— Говорит, чтобы не пороли панику. Вы, говорит, у себя в городах отвыкли от простой жизни, вам везде опасности мерещатся.

— Деревня, — резюмировал Андрей. — Попробуем отбиться своими силами.

Стена высоченных хвойных деревьев — мачты бы делать из этих стволов — не позволяла разглядеть действия седьмаков. Три человека, затаившись, стараясь даже дышать через раз, лежали на холмике, направив стволы на лес. Седьмак средних размеров, неосторожно высунувшийся на открытое место, был немедленно наспигован пулями. Раненый хищник попытался уползти, неловко скребясь передними лапами, но Андрей прострелил аккуратную дырку в задней части черепа, и зверь затих.

— Уйдут или бросятся? — опасливо поинтересовался Роберт.

— Хрен их знает, никогда на этих тварей не охотился. — Андрей пожал плечами. — Вроде бы они отступают, когда видят много врагов. — Соотношение — четыре зверя против трех людей... В общем, будьте начеку.

Он следил за перемещениями стаи в окуляре тепловизора. Звери метались под защитой стены деревьев, словно выбирали момент для атаки. А может, обсуждали диспозицию. Наконец они медленно — не иначе как ползком — двинулись в сторону людей. Выбрав самую крупную особь, Андрей учел упреждение и дал очередь. Два трассера вонзились где-то между мощной шеей и плечом передней лапы. Пули второй очереди пробили роговой панцирь грудной клетки. Андрей еще раз вдавил спуск, отправляя в полет последние заряды магазина. Кажется, было одно попадание в бок — примерно в районе желудка. Раненый зверь истекал кровью, но сдохнет не скоро.

Ладно, в ближайшие полчаса он не опасен, подумал Андрей, заправляя в карабин полную обойму с разрывными пулями. Судя по размерам, последний подранок был вожаком. Без него трое других не решатся нападать.

Он просчитался — в лесу оставалось пять особей, включая пару детенышей. Они бросились в атаку одновременно: три матерых зверя в первом эшелоне и молодняк во втором. Люди встретили седьмаков треском выстрелов. Лежавший в центре Андрей первыми же очередями снял самого большого зверя — наверняка мамашу семейства. Разрядив ружья, Роберт и Савва переломили свои централки, спеша заменить патроны. Два молодых самца были ранены, поэтому бежали все медленнее, но отступать явно не собирались.

Пока братва перезаряжалась, Андрей засадил длинной — в четыре патрона — очередью и уложил одного седьмака. Тут в огневую потеху опять вступили родственники, застрелив обоих подранков. Мелкота бестолково продолжала галопировать навстречу смерти, смешно перебирая короткими копытными ножками. Их уложили после очередного перезарядки оружия. Тепловизор подсказал, что один из молодых самцов и старая самка пока живы.

Роберта потянуло на подвиги: парнишка всерьез собрался добить подранков ножиком

— лезвие решил попробовать в деле. Сестриному женишку популярно внушили, чтобы не нарывался, потому как седьмая конечность седьмака может убить даже после смерти животного.

Братья поступили по-простому, как дедами завещано: выпустили несколько пуль с безопасной — в три десятка шагов — дистанции. Оба недобитка задержались в агонии. Четыре задние лапы конвульсивно лягали воздух раздвоенными копытами, две передние — с четверкой длинных острых когтей — скребли дерн. Хвосты, они же седьмые конечности, выдали прощальный салют, хлестнув по собственным бокам ядовитым острием. Когда эти особи затихли, Андрей прицелился в раненого детеныша-недомерка. «Кайнозой» дважды громыхнул и поперхнулся — в обойме кончились патроны.

— Что с дохлятиной делать будем? — осведомился Савва. — Лично я хочу повесить голову над камином.

— А я бы целое чучело в кабинете поставил. — Андрей мечтательно зажмурился. — С одной стороны — рыцарь в доспехах, а с другой...

Он резко повернулся навстречу движению. Молодой зверь, на добой которого не хватило патронов, рысцой сокращал дистанцию. Седьмачонок был тяжело ранен, сил для прыжка не хватало, но инстинкт гнал подранка в последнюю атаку. Савва выстрелил навскидку, зверь споткнулся, однако не упал и продолжил бег. Времени, чтобы заменить обойму, не оставалось, поэтому Андрей перехватил карабин: одной рукой за ложу приклада чуть позади кронштейна прицела, другой — возле дульного тормоза. Спустя секунду, когда зверь метнулся к его горлу, Андрей вставил ствол между распахнутых челюстей и со всех сил надавил, пригибая голову седьмака.

Со взрослым животным такой номер, конечно, не прошел бы — матерый отшвырнул бы человека, мотнув башкой. Здесь же силы были примерно равны, Андрей сумел, напрягая мышцы и наваливаясь всей массой, прижать морду седьмака к грунту, так что недомерок не мог ни зубами вцепиться, ни передними лапами схватить. Однако оставался хвост, и седьмак уже напряг седьмую конечность, готовясь уколоть шипом.

Каким-то образом рядом оказался Роберт. Парнишка размахнулся — в руке сверкнул клинок — и ударил. Отсеченный конец хвоста вместе с мешочком яда и костяной иглой улетел куда-то в сторону Саввы, но брат успел увернуться. Седьмачонок визгливо завыл и дернулся, тщетно пытаясь вырваться. Робби тем временем зашел с другого бока и, размахнувшись, всадил свой ножик под правую лопатку — точно в сердце. Мигом обмякший звереныш ткнулся мордой в траву.

— Силен новый братик! — Савву трясло нервное веселье. — Каков удар!

Продолжая хихикать, Савва отвернул крышечку фляги и глотнул затяжно. Приложившись в третий раз, он чуть успокоился и предложил емкость родственникам. Роберт ухватил флягу дрожащими руками и начал пить, пролив немало жидкости на подбородок и одежду. Потом, постукивая зубами, признался:

— Как я перепугался... когда тварь на тебя кинулась... думал, все, хана тебе... На, выпей, отличный коньяк.

Он протянул фляжку Андрею, который деловито обтирал пучком мокрой травы ствол «Кайнозоя». Дождь поливал металл, помогая смыть слюну и кровь зверя.

— Хлебни, — сказал Савва. — Тебе хуже всех досталось.

Нервное возбуждение отпускало, адреналин вымывался из крови. Теперь и сам Андрей вдруг сообразил, что прогулялся в миллиметре от больших неприятностей. К тому же сильно напрягал переполненный мочевой пузырь. Поспешно облегчившись на морду звереныша, Андрей сделал глубокий вдох, прогоняя трепетание частей тела, и по возможности небрежно сообщил:

— Я вами брезгаю.

Он неторопливо достал из рюкзака флягу, до краев полную пятидесятиградусной «Фронтальной», высосал без отрыва добрую четверть литра, успокоив нервы, после чего полез обниматься. Услышав, что спас от верной смерти будущего родственника, Робби тоже

расчувствовался, Савва на правах старшего надавал пацанам тумачков, они пустили по кругу обе фляжки и скоро стали совсем хорошие. Когда сосуды опорожнились до половины, Савва вдруг вспомнил, что в лесу валяются еще два подстреленных седьмака, причем один, возможно, еще жив.

Несмотря на слегка плывущее состояние, все трое сообразили сначала перезарядить оружие. Дошагав вразвалочку до зарослей, они легко нашли подранка. Увидев приближение людей, матерый седьмак заскулил и попытался ползти быстрее. Чтобы не портить шкуру чучела, зверюгу кончили одним точным выстрелом. Потом они минут пять или двадцать — счет времени давно потеряли — бродили по лесу, но все-таки нашли две полусъеденные крупнорогатые туши и совершенно дохлого седьмака.

— Много мяса, — задумчиво проговорил Андрей, разглядывая зубров. — Вон та ляжка вообще не тронутая.

— Сгодится на шашлычок, — подтвердил Савва. — Закусить обязательно надо.

Робби с готовностью помахал ножичком, откромсав от туши несколько больших ломтей мякоти. Седьмака, зацепив малым антигравом, отволокли на опушку и бросили в кусты.

Костра они, конечно, разводить не стали. И дождь мешал, и вообще не было желания время тратить. Мясо наскоро помыли в роднике, насадили на палочки, а затем, посолив, обработали карманными термобластами. Прожаривать насквозь не хватило терпения, так что получившееся лакомство назвали «шашлык охотничий с кровью».

— Где остальные горе-охотнички? — беспокоился Роберт, доедая свою порцию. — Может, что-то случилось?

— Случилось, — подтвердил Савва, неотвратимо зверея. — Проще говоря, про нас забыли.

Прикончив «Фронтую», Андрей полностью разделял чувства брата. В семье всегда считалось, что своих детей надо держать в строгости, а то соседи и родня плохо подумают. Кто бы из ровесников ни натворил какой шалости, наказывали всегда братьев Машукевичей. Савва с Андреем беспрерывно стояли в углу, лишались права смотреть любимые передачи, иной раз перепадало и по мягкому месту. Наказания сопровождались долгими отцовскими и дедовскими нотациями, равно как женскими причитаниями на тему «что из вас получится, если с детства нелюдями непослушными растете». В пятнадцать лет Андрей впервые огрызнулся, а Савва заломил отцу руку, чтобы не смел бить младшего. Братья забились в угол, похватав табуреты, чем сильно испортили привычный сценарий воспитательного процесса.

Полное же избавление от родительской опеки случилось тремя годами позже, когда братья наотрез отказались возвращаться в Загорье и остались жить в университетском городке на окраине Порфира. По такому поводу слетелась вся родня, долго стыдившая неблагодарных подростков, которые решили бросить родителей на старости лет. Мать плакала: дескать, дня без сыночков прожить не сможет. «Будешь сестре жизнь портить причитаниями — она тоже сбежит», — засмеялся в ответ Андрей, когда соседи по этажу помогали вытолкать гостей. Вроде бы предупреждение подействовало, и Снежану изводили не так сурово.

— Сейчас припрутся сюда и начнут тупо хихикать, что мы в стороне от охоты прохлаждались, — мечтательно проговорил Андрей. — Вот думаю, что лучше — в морду дать или в зверюшек их рылами ткнуть?

— И так неплохо, и этак. — Савва с отвращением помотал пустой флягой. — Вот они, герои с длинными языками, спешат на подмогу верхом на улитке.

Большая ватага, громко гогоча, топала в их сторону по мокрому склону. В толпе выделялся размерами и зычностью знаменитый деревенский дебошир Напыльников. Оставшись три раза на второй год, он попал в класс, где учился Андрей. Пашка любил поколачивать одноклассников, которые были на голову ниже ростом. Однажды пацаны, не

стерпев обид, подкараулили туповатого верзилу и как следует поучили. Андрея и Савву за это вновь наказали, потому как хорошие мальчики не должны связываться с хулиганами.

— До чего ж охота вмазать этому козлу... — Савва словно читал мысли брата.

— Не надо сдерживать сильных желаний, как говорит мой приятель-психотерапевт... — Андрей повернулся к Роберту. — Где такое перышко достал?

Родственник охотно поведал, что в областном центре наладили выпуск резцов, сверл, шарикоподшипников и силовых цилиндров из монокристаллов титана. Прочность — невероятная, даже алмазом поцарапать непросто. Из некондиционных образцов заводские умельцы варганят всякие вещицы, полезные в хозяйстве. Этот клинок Роберт выковал собственноручно — внутри имелась полость, в которой перекачивалось граммов сто ртути. Андрей присвистнул: оружие было сделано с умом — такой нож при броске полетит строго вперед острием, а при рубящем ударе смещение центра тяжести увеличивает скорость замаха.

— Ты не Пашку резать собрался? — настороженно поинтересовался Робби.

— Не глупи, — засмеялся Андрей. — Лучше скажи, чугунку возьмет?

— Запросто. В два счета.

— Проверим...

Неподалеку от них выпирал из грунта необъятный ствол чуда местной природы, названного людьми чугунной березой. Тяжелая темная древесина была насыщена металлами и очень ценилась в мебельном производстве.

Клинок на удивление легко перерубил нижнюю ветку. Обычным топором из хорошей стали такой сук пришлось бы колоть несколькими ударами. Увидав, как восхищается Андрей, Робби вознамерился подарить клинок, но младший Машукевич осведомился, нельзя ли выковать клинок с учетом пожеланий заказчика.

— Что за вопрос! — удивился Роберт. — Заготовки есть, кузнечный робот у меня в мастерской. До ужина сделаем. Только рукоятку придется выточить в столярке. Материал нужен хороший...

— А ты думаешь, для чего я два полена чугунки припас?

— Чтобы Пашку бить, если в драку сунется, — резонно предположил Савва. — Айда пугало мастерить.

Работу закончили точно к подходу Напыльникова с приятелями. Непривычный к таким забавам Робби нервно хихикал.

— Чего сидите? — заорал Пашка. — Подняли, понимаешь, панику! Не дали отдохнуть людям. Папаша весь исстрадался... сходите, грит, поглядите, чего там деток моих напужало...

— Страшно тут, — смиренно проговорил Андрей. — Ты бы точно полные штаны наклал.

— Чего сказал! — Пашка побагровел, отшвырнул ружье и шагнул вперед. — Ответишь.

— Запросто. — Андрей лениво встал. — Пацаны, сложите стволы в сторонке, а то подстрелите Напыльникова.

Деревенские охотно скинули оружие, предполагая полюбоваться кулачной потехой. Никто не заметил, как Савва поиграл сенсорами пульта. Привязанный к антиграву труп седьмака взмыл из кустов и полетел к Пашке. Это был матерый зверь, больше трех метров длиной. Видеофон Андрея сопровождал полет жуткими воплями каких-то экзотических животных.

Увидав плывущее по воздуху ревущее чудовище, Напыльников тонко взвизгнул, попятился, поскользнулся и повалился навзничь. Савва приземлил пугало точно между лежащими грудой ружьями и безоружными загонщиками.

— Не думал, что они умеют так быстро бегать, — давясь хохотом, признался Робби.

Отбежав на сотню метров, недавние насмешники остановились, оглянулись, увидели продолжавшего преследование седьмака и припустили с новой прытью.

Вероятно, на бегу кто-то сумел воспользоваться видеофоном. Минут через пять налетели все аэромобили. Братья и Робби махали руками, подзывая воздушную подмогу.

Машины приземлились полукругом, охотники выбежали с оружием наперерез. Бледный, словно его мукой посыпали, Виктор Афанасьевич прокричал еще издали:

— Что тут случилось?!

— Да ничего особенного, — равнодушно сказал Андрей, когда толпа земляков приблизилась. — Напыльников увидел седьмака, наложил в штаны и убежал со своей шпаной, побросав оружие.

— Вот оружие, а вот — седьмак валяется, — подтвердил Савва, незаметно запихивая за пазуху антиграв.

— А кто зверя завалил? — уставясь на труп, спросил отец.

— Догадайся с двух попыток, — предложил Андрей. — Напыльниковские убежали, вы нам на помощь лететь не пожелали... Напряги извилины и ответь, кто в этой дыре настоящий охотник.

— Подумаешь, одного подстрелили, — обиделся Аркадий. — Мы четверых взяли.

Рассвирепевший Савва пригрозил взять дядьку за шкурку и ткнуть носом в остальные трупы, разбросанные поблизости.

— Эти два — наши с братом, — предупредил он. — Остальных можете на свой счет записать.

Сельчане разбрелись, перетаскивая добычу в багажники машин. Братья прижали отца к борту машины, и Андрей вежливо поинтересовался:

— Значит, когда тебя родные дети зовут, можно не отвечать... А когда главный деревенский придурок позвал, так ты сразу примчался?

— Ну так вышло, — смущенно пробормотал Виктор Афанасьевич. — Вы же справились...

— Я тебе дома кино прокручу, как мы справились, — прошипел Савва. — Если бы не Роберт, Андрюшка валялся бы порванный, а я бы тебя порвал!

— Успокойся, нервный какой, — грозно прикрикнул из кабины дед. — Ну виноват Витька, что ж теперь, до смерти попрекать будете?

— Нет, это меня можно всю жизнь попрекать, что в университете остался! — заорал Андрей.

Деду пришлось приложить немало дипломатических усилий, чтобы помирить, успокоить и затолкать в кабину буйное потомство. Всю дорогу они дулись друг на друга и демонстративно молчали. Только на последней минуте полета, когда машина снижалась над деревней, Андрей потребовал посадить его с Робертом возле завода. Савва тоже вылез, успокоив деда: мол, не бойсь, вернемся, не улетим без прощания. Тем более что вещички в доме остаются.

Глава 4

История скучна и неинтересна

Домой пришли, слегка успокоившись. Андрей не мог нарадоваться тесаку с рукоятью и ножнами из чугунной березы. Савва тоже растратил запасы злости, но задерживаться в родительском доме не собирался.

Встретив сыновей насупленным взглядом исподлобья, Виктор Афанасьевич хмуро спросил:

— Неужели мы вас так сильно изводили придирками?

— Дыхнуть не давали, — буркнул Савва. — Не волновало вас, чего дети хотят. Одна была забота — как бы другим угодить, а то люди могут чего-нибудь подумать.

— Ни разу не купили одежду, какую я просил, — мрачно припомнил Андрей. — Я со стыда сгорал в том уродстве, на ваш вкус выбранном. И по видеофону нельзя было спокойно поговорить — мигом вся семья рядом собиралась и громко комментировала каждое слово.

— Неправда! — обиделась мать. — Или нам в своем доме уже слова сказать нельзя?

— Конечно, можно, — согласился старший сын. — И почти чужую читать можно... если совести нет. Вот поэтому вы живете в своем доме, а я — в своем. И не забудьте, как вы мелкого в комнате запирали, чтобы не смел на свидание пойти.

— Когда? — Мать сделала удивленные глаза.

— На другой день после выпускного, — напомнила Снежана, осмелевшая в присутствии жениха. — Когда Андрейка окно выломал и со второго этажа сиганул.

Случай был памятный, старики возражать и склерозом отговариваться не стали. Даже не посетовали, что непослушный ребенок в тот вечер порвал новый костюм. После тяжелой паузы отец жалобно забормotal: вот так, дескать, и выходит... хочешь сделать как лучше, а не выходит... и старики, значит, молодых понять не могут, и те родителей понимать не желают. Потом добавил, печально улынувшись:

— Только про ту девчонку, Дженнифер, мы не ошиблись. Она ж и тебя кинула, и вообще...

— Исключение, подтверждающее правило... — Андрей отмахнулся. — Дед, я говорил, что надо про войну поговорить?

— Это он всегда рад стараться, как пионер. — Мать с готовностью переключилась на безобидную тему. — Скоро гости соберутся, вот и поговорите.

Общаться с многоголосой шумной толпой братьям совершенно не хотелось. Все примутся задавать глубокомысленные вопросы о международном положении, чтобы уличить городских в незнании последних высказываний главы никому не нужной карликовой республики. В таком гвалте не получится толком поговорить с дедом, а без очевидца в событиях у Альганга не разобраться...

— Пошли, братишка, хоть ванну примем, — тоскливо позвал Савва. — А то скажут: нечего мыться, людям в санузел невтерпех.

— Так и скажут, — согласился Андрей. — Мы же в этом доме не люди, а твари бесправные.

Джакузи в его старой комнате на втором этаже не оказалось — из непонятных соображений ванную переделали в просторную душевую. Вполголоса чертыхаясь, Андрей выгреб все из карманов, покидал грязную одежду в мойку и полез под водяные струи, ежеминутно переключаясь с холодного душа на горячий. Конечно, поваляться в бурлящем мыльном растворе с океанскими солями и хвойным ароматом было бы лучше, но что поделаешь.

Переодевшись в чистое, он позвал Роберта и Савву, снял записи с их видеофонов и прицелов, добавил видеокaдры со своих устройств и принялся компоновать фильм о сегодняшней охоте. Попутно они поболтали о работе. Робби рассказал о новых комплектах мебели из чугунной березы, красной ивы и псевдодуба, потом поговорили про аспирантуру Андрея и карьеру Саввы, недавно ставшего начальником смены Центра сверхдальней связи при континентальном космодроме.

К моменту окончания работы плохое настроение почти растаяло, но при виде некоторых гостей Андрей опять приуныл. Кроме родни, с которой можно было бы смириться, нелегкая принесла несколько несносных соседских семей, в том числе явились две молодящиеся тетки, чье присутствие означало неизбежно громкий скандал.

Изображая радостные улыбки, братья пожимали руки, подставляли лоб для поцелуев, старательно избегали наиболее неприятных особ. Едва завершилось шумное рассаживание вокруг стола, как ворвались опоздавшие — в надежде на штрафные стопарики — полужнакомые соседи, и церемония пошла на второй круг. Все громко хвастались числом и размерами добытых седьмаков — послушать их, так перебили не меньше сотни зверей. Андрей даже заржал и шепнул сидевшему с другой стороны от деда брату:

— Точно так же на фронте сводки составлялись. Десять батарей стреляли по вражескому флоту, подбили один фрегат. А в рапортах каждый командир подразделения пишет, что именно его батарея уничтожила два эсминца. Вышестоящий штаб, конечно,

поделит результат пополам или даже натрое, но все равно на Землю уходит донесение о колоссальных потерях противника.

Дед Афанасий так смеялся, что старику дыхание перехватило. Он даже закашлялся, хватаясь руками за сердце и диафрагму. Малость успокоившись, старик подтвердил:

— Правильно внучек сказал. Помню, когда было большое сражение за систему Вайстерн, нашу роту атаквали танки. Двоих мы с Олафом, это напарник мой, подбили, третьего — «Носорог» завалил главным калибром. Остальные, понятное дело, развернулись и дали деру. Так потом каждый взводный пытался эти машины записать на свой счет. А чем они могли танк подбить? Единственный «дырокол» у нас оставался... Наш лейтенант послал даже солдатиков к подбитым машинам — снять паспортные таблички с движков, чтобы точно доказать: мол, наша добыча, ничья больше.

— Вайстерн? — удивился Андрей. — Я думал, главное сражение было в системе Альганга.

— Альганг — отдельный разговор. — От нахлынувших эмоций дед замотал головой. — Там тоже много чего случилось.

Их конечно же прервали. Кто-то совсем нетерпеливый настойчиво требовал объяснений, почему городские не приняли участия в охоте, а где-то в сторонке отсиживались.

Дурак заткнулся, когда Савва встал в полный рост, расправив плечи, накачанные гирями-трехпудовиками:

— Сейчас кино покажем, которое на охоте сняли, — мягко сообщил старший братишка. — После просмотра даже ты поймешь, кто в охоте участвовал, а кто лишь языком трепать умеет.

— Да, дядя, про твой героизм все давно знают, — сказал кто-то с другого конца стола. — Давайте кино!

Видеофильм Андрей смонтировал умело — научился, пока крутился в своем шоу. Сначала шли кадры, как они подстрелили первых двух седьмаков, потом умелая режиссура показала Напыльникову и его приятелей, бросающих оружие и бегущих от прыгавшего за ними хищника. В следующем эпизоде братья при поддержке Робби расстреливали атакующую стаю. Народ смотрел, не отрываясь, ахая в особо напряженные моменты. А в сцене, где седьмак сучил лапами, пытаясь зацепить когтями Андрея, придавившего стволом его морду, слышались испуганные крики — не только женские.

— Думаю этот фильм на программу новостей отдать, «В мире животных», — небрежно сообщил Андрей. — Пусть увидят, как трусы бегут от зверя, а потом врут, будто десяток тварей подстрелили.

— Опозорить хочешь, — обиделся мужик, недавно насмешничавший насчет городских, отсидевшихся в сторонке от охоты. — Некультурно, парень.

— Не позорить, а справедливость восстановить, — объяснил Андрей. — Чтобы люди видели, кто дело делал, а кто — трепался в теплой хате.

Мужик сильно помрачнел и с горя опорожнил стакан. Остальные тоже бросали недовольные косые взгляды. Оба брата, сыновья Витяни Машукевича, давно прослыли неправильными пацанами, потому как старших не почитают и всюду с разумением собственным лезут. А тут еще и уважаемого человека прилюдно во лжи уличили. Не дали мужичку пьяненькому малость покуражиться, совсем зазнались. Понаехали тут из городов, справедливости требуют.

Так же меня примут и в научном сообществе, ударился в пессимизм Андрей. Заклюют ведь. Он очень отчетливо представил реакцию академических кругов на свои публикации: мол, вылез невесть откуда невежда, никто его не знает, а туда же — смеет мысли высказывать.

Почувяв общее огорчение, мать невпопад сообщила, что сыночек Андрюша в аспирантуру поступил. Известие расстроило всех еще сильнее: дескать, мало ему, что в

городе бездельничает, так вздумал ученым заделаться. Косые взгляды соседей наполнились откровенным сожалением. По мнению местного бомонда, младший сын Машукевичей подтвердил репутацию совсем пропащего никчемного лодыря. Как и старший, впрочем. Хотя, если задуматься, великий интеллектуал и тонкий знаток высокого искусства маэстро Жозеф Паккарди воспринял его возвращение в науку с подобным же негодованием.

Захмелевшие тетки, с готовностью захихикав, осведомились:

— Так ты что же, книжки писать будешь?

— Наверное, — буркнул Андрей.

— Ой, не могу! — радостно взвизгнули тетки.

Аркадий Махмудович, дядя по материнской линии, человек в Монтесуме уважаемый, строго цикнул на дурочек и спросил с удивленным интересом, на какую тему собирается племянник писать диссертацию. Ответ ошеломил его, и глава сельсовета недоуменно пробормотал:

— Я думал, ты по искусству решил карьеру делать... А война — что про нее писать? Ведь всю историю вдоль и поперек изучили, об чем там диссертацию придумывать?

— Не скажи. — Андрей обрадовался, что хоть кто-то способен общаться нормально, без идиотских шуточек. — Полно белых пятен, нелогичных концепций, заведомо неверных выводов.

— Хочешь сказать, до тебя ученые люди ввали, а ты правду раскопаешь? — усмехнулся Аркадий. — Ой, племянничек, заговариваешься. С чего бы другим историкам врать?

— А с чего люди вообще врут? Пример недавний вспомни. Мы сегодня на охоту ходили, своими глазами видели, как дело было, на видео снимали. И тем не менее всего через два часа кое-кто врет в глаза и не краснеет. Те, кто ни разу не выстрелил, рассказывают небылицы о своих подвигах... — Андрей переждал смущенные смешочки. — А тут война, сотни кораблей, тысячи танков, несчетно солдат... Сколько неправды они наговорят! Не со зла — просто по натуре человеческой. Один генерал чуть похвастает, десяток полковников добавит — и все, закопали правду красивыми сказками.

Отец подошел сзади, подлил водки в стопарик и шепнул:

— Кончай мутить, люди заскучали. Как назло, никакой анекдот в голову не лезет.

Неожиданно внука поддержал Афанасий Тимофеевич. Лихо опрокинув «главкомовскую» дозу, ветеран 9-й Галактической произнес печально:

— А ведь в чем-то парнишка прав. Сколько читал я про ту войну, сколько фильмов смотрел, а ничего похожего. Словно я из окопа совсем другую войну видел.

— Верно, папаша, — согласился Виктор Афанасьевич. — Маршал Мезе одно пишет, маршал Фангер другое, адмирал Хендерсон — вообще третье... Не поймешь даже, кто и зачем эту войну начал.

— Да что там маршалы с адмиралами, — вскричали на другом краю стола, — в каждом фильме по-разному говорят. Одни считают, что Порфирий правильно войну начал, другие — что надо было вместе с другими на тарогов напасть...

— Джангара нет, — веско сказал кто-то умеренно поддатый. — При нем порядок был.

Покачивая головой, Аркадий развел руками и признал:

— Прав, получается, Андрейка. Много про войну сказано, только все по-разному. А правда может быть только одна.

Вовсе не обязательно, подумал Андрей. У каждого своя правда, потому как оценивать события можно и нужно с разных точек зрения, с использованием разных критериев. Одни и те же события разные народы оценивают по-разному, со своих позиций, в меру собственного знания и понимания. Задача историка — выбрать достоверные факты, честно описать события, а потом уже дать всестороннюю оценку.

Его сбили с мысли шальные тетки:

— Мужики, кончайте про войну! Скучно ведь, неинтересно. Давайте лучше частушки петь или танцевать.

— Музыку! — зычно потребовали несколько голосов.

Народ затарахтел стульями, но хозяйка обиженно предупредила, что подает горячее. Гости не без сожаления вернулись за стол. Роботы-антигравы убрали грязную посуду, расставили новые тарелки, затем приволокли большие блюда — жаркое, жареная картошка, фаршированная дичь и прочие вкусности, коими славилась изба Машукевичей.

Изредка хруст челюстей прерывали тосты, но в общем эта часть званого ужина прошла пристойно. Соседи привыкли к причуде Машукевичей — не устраивать у них дома шумных драк. Когда покончили с горячим и на столе появился торт из десятка бисквитных коржей, пропитанных сиропами, самые буйные все-таки врубили музыку. Желания танцевать Андрей не испытывал — не потерял еще надежды расспросить Афанасия. Однако оставшихся за столом повело на серьезные разговоры, дед азартно включился в обсуждение, да и Савва с Андреем втянулись.

Сельчан интересовало, случится ли война. И если случится, то какого размаха достигнет. Если в прошлых войнах — при Джангархане, Чарманове и Енисейском — у человечества имелись хоть какие-то союзники, то на сей раз, похоже, вся прилегающая часть Галактики ополчилась на людей.

— Не полезут они на нас, не решатся, — говорил солидный мужик с покрасневшим от волнения лицом. — В прошлом-позапрошлом веке мы были не слишком сильным государством, а теперь — сверхдержава. Сами знаете, таких дальнобойных игрушек, как у нас, ни у кого нет. Вчера по блогам дали ссылку на статью ломандарского журналиста, так он прямо сказал: приматы способны нанести неприемлемый ущерб любому противнику.

Ему процитировали свежие материалы отечественных публицистов. Адольф Сваниховский уверял, что вся Галактика боится страшных земных ударных комплексов, способных разнести столицы Республики, Империи, Кьелтарогга, даже Ломандара. Поэтому соседи могут решиться начать войну, чтобы обезопасить свои миры от человеческой угрозы. Напротив, по мнению Пауля Фолькенгольца, разрекламированные средства сверхдальнего действия представляют собой вчерашний день оружейного прогресса. Выпускник столичной филармонии, Фолькенголец не сомневался, что войска передовых держав легко отразят как упреждающий, так и ответный залп пресловутых «Квазаров», а затем перемолотят плохо обученную армию людей, вооруженную техникой прошлого века. Скандальный экономист Кларисса Латунная с обычной истеричностью доказывала экономико-экологический характер кризиса. Демонстрируя многомерные графики, ученая дама делала вывод, что ССМ выпадает из галактического сообщества, не говоря уж об архаичных технологиях, загрязняющих окружающее пространство кошмарными выбросами «темной материи».

— Умные люди, слова-то какие непонятные выговаривают не запинаясь, — расстроившись, произнес Виктор Афанасьевич. — Ну что ты, Савва, будешь делать, если начнется?

— Сменю униформу гражданского Космофлота на военный мундир, — равнодушно сказал Савва и зевнул. — И буду по-прежнему поддерживать связь со всеми кораблями в радиусе сотни световых лет.

Не дожидаясь такого же вопроса, Андрей сообщил:

— Может, и меня призовут. Не понимаю, о чем разговор. Если начинается война, то мужчины должны взять оружие и защищать свои планеты.

Какая-то пьяная бабенка испуганно пискнула: дескать, не отпустит своего супруга на войну. Ей объяснили, что Андрей про мужчин говорил, а не про всякую трусливую мелюзгу. На эти слова проснулась бабушка, клевавшая носом от самого десерта. Близоруко оглядев мужиков, она грозно пропищала:

— Еще чего недоставало — воевать! По-хорошему надо жить, без драки. Я своих внуков наказывала, если в школе дрались.

— Помолчи, дура старая, — рявкнул на нее дед Афанасий. — Тут серьезный разговор идет.

— Хватит про политику, — решительно прокричал Андрей и выключил музыку. — У

меня есть две серии новых мыльных опер, которые появятся в эфире только через месяц. Есть желающие посмотреть?

Про танцы забыли даже самые веселые. Теперь они смотрели на гостя из города с обожанием и завистью. Многие с трудом удержались, чтобы не признаться: мол, даже от тебя польза бывает...

Все расселись вокруг видеосистемы, и Андрей запустил эпизод знаменитой мелодрамы «Горькое счастье разлуки». Под знакомую музыку поплыла заставка с титрами, с голограммы призывно улыбнулась знойная красавица Саломея Монтиньярос, исполнявшая роль прокурора Луизы де Рамон, и зрители мечтательно застонали.

Пока гости наслаждались жестокой мелодрамой, Андрей с Афанасием Тимофеевичем устроились в углу. Старик не сразу понял, для чего внуку потребовались его воспоминания.

— Я же войну видел из окопа, что называется — в амбразуру, — пытался растолковать дед. — Историк должен в архиве работать, там все документы, по ним сам все поймешь.

— Слишком много документов, — вздохнул Андрей. — Вдобавок сотня тысяч участников мемуары в Сети разместила. — Командующий фронтом, его три заметителя, четыре командарма, начальники штабов, командиры поменьше рангом. И все общими словами рассказывают: дескать такая-то армия разгромила такую-то дивизию противника... а мне подробности нужны, чтобы понять, за какую нитку клубок разматывать. Получается, что наши войска в Призме просто прикрывали фланг главной группировки Центрального фронта. Но если это второстепенное направление, то почему там такие тяжелые бои шли?

— Тяжелые, внучек, ужас какие тяжелые, — тихо подтвердил дед. — Наш батальон, считай, четыре раза заново формировали. Пять «Носорогов» за год поменяли.

— Давай подробнее. Значит, вошли в скопление Призма, заняли оборону — и стали отражать атаки перцев. Так?

Фыркнув, дед снисходительно посмотрел на него и вновь покачал сединами.

— Значит, вот как теперь в книгах пишут... — Старик хихикнул. — Ну так вот, Андрюша, когда мы туда вошли, Призма просто напичкана была вражескими войсками. Чуть не во всех системах опорные пункты. Приходилось каждую планету, каждый астероид штурмом брать. Сначала флот издали долбил большим калибром, потом штурмовики бомбами утюжили, а следом нас бросали — пехоту. И так — почти полгода. Хорошо, неприятель был не из серьезных — рагвены слабенько воевали.

Он подтвердил изумленному внуку, что имперская армия пришла в Ближние Скопления не сразу. На первом этапе войны оборону против землян держали войска Мрагвенда, проникшие в Призму и Конус прежде людей. Вот примерно месяца через три-четыре, когда потрепанную 353-ю дивизию отвели на переформирование, поползли слухи: мол, Империя послала свои войска на помощь побитым союзничкам-рагвенам. И тогда война, можно сказать, началась по-настоящему.

От таких новостей Андрей просто растерялся. События первых недель войны в прессе тех лет и в исторической литературе освещались несколько туманно. Согласно официальной трактовке, 12-я Империя беспардонно вломилась в спорные скопления, после чего Красная Башня была вынуждена направить туда же сильные контингенты для защиты подступов к своим границам. Дед рассказывал совсем другое.

— Чего ради Мрагвенд осмелился занять звездный кластер у нас под носом? — недоверчиво переспросил историк. — Они же знали, что получают по жвалам.

— Больно кусок лакомый. Офицеры между собой говорили, что таких богатых месторождений никто прежде не видал. Там вроде бы несколько сверхновых взорвались не так давно — тысячу лет назад или около того.

— Свежие залежи горячих изотопов? — Челюсть Андрея предприняла почти удачную попытку отвиснуть до самого паркета. — Радиолит?

— А вот и нет, совсем другой минерал. — Дед задумался. — Представляешь, прямо необработанную руду, без обогащения, кидали в двигатель, и «Носорог» целую неделю в

заправке не нуждался... Вспомнил, актинопитрит назывался. Помню, вывели всю дивизию на мертвую планету — голый камень с ядовитой атмосферой. Мы в скафандрах на боевых машинах отлетели километров на десять, а возле транспортеров ни единой души не осталось — так и стояли четырнадцать «Носорогов». Возле них сел корабль-заправщик, роботы контейнеры с этим актинопитритом загрузили, вокруг радиация страшно подскочила, дозиметры щелкают... Мы быстренько машины в «Носорогов» разместили и тут же стартовали. Как наш ротный сказал, в ту часть планеты еще год лучше не заглядывать.

— Актинопитрит, ни хрена себе...

Становилось понятнее, почему Красная Башня, забыв осторожность, ринулась в бой. Значит, не после войны земные планетологи случайно нашли небольшое месторождение бесценного минерала... Правительство на Земле с самого начала было в курсе, какие сокровища скрывает скопление Призма. Но если знали на Земле, то не могли не знать и на Бсархаде, ведь Мрагвенд был проходным двором, где хозяйничали монополии Ломандара, Империи, Республики. Очень многие должны были знать о месторождениях. Знали, но не выставили своих гарнизонов. Если бы в Призме размещались войска ломов или перцев, даже Порфирий Енисейский не решился бы на вторжение.

Загадочная история казалась противоестественной, совершенно нелогичной. Легче поверить, что дед ошибается, перепутал последовательность событий.

Между тем Афанасий Тимофеевич продолжал вспоминать обрывки боевых эпизодов. По его словам, на богатых изотопами планетах работали только роботы — какая-то богатая фирма строила там рудники, а войска прикрытия стояли на орбитальных крепостях.

— Сам-то я там не был. — Старик сентиментально заулыбался. — Мы другие планеты от жуков да лангуст освобождали. Но потом, на сборных пунктах, встречал пацанов из спецназа. Они эти космические станции на abordаж взяли, а умные головы приняли управление почти готовыми шахтами и наладили добычу руды. Вот тогда против нас бросили настоящую силищу — перцы пришли с огромным флотом. И командовал ими знаменитый фельдмаршал, не помню, как его по матери...

— Фруогер Вомастен зи Райфинг, — машинально подсказал Андрей. — Есть его воспоминания, «Несостоявшийся триумф».

Мысли путались. Если даже дедуля что-то подзабыл за полвека, тут есть над чем подумать... Именно в этот момент его отвлекли зрители, потребовавшие показать следующий фильм. Неохотно прервав такой важный разговор, Андрей запустил пятидесятиминутную серию «Смертельного меридиана» — ту самую, где он дублировал главного исполнителя в сценах abordаж.

За время, пока внук пересылал файл со своего видеофона в память домашнего кинотеатра, старик собрался с мыслями и решил поведать, о чем сумел вспомнить.

— Странная была война, — начал он глубокомысленно. — То есть поначалу как на учениях. Мы заняли позицию в горах планеты Вайстерн-два, оборудовали опорный пункт, расставили пушки, отбили две атаки. Потом началась охота на вшей... Всю бригаду снимают с укрепленных позиций, грузят на корабли и высаживают на дикой планете, прямо на не успевший окопаться батальон врага. Мы их покروшили, местность прочесали, на другой день снова погрузка — высаживаемся на какой-то астероид. Три дня там сидели, потом появился вражеский десант — мы их грохнули. И так далее — за пару месяцев поменяли десяток систем, и каждый раз против нас не больше батальона было. В такой чехарде полбригады потеряли, из нашей роты всего-то человек сорок осталось.

— То есть вы за два месяца провели десяток боев, каждый раз уничтожая почти батальон противника, и при этом потеряли полбригады?

— Ну да, дней за полста. Каждый раз усиленный батальон истребляли — пехота с пушками и танками. И десяток десантных кораблей ресовских подстрелили. Я вот сам из своей...

— Подожди, дед, — перебил аспирант ветерана. — Смотри, как интересно получается. Одна ваша бригада, потеряв около половины личного состава, всего за два месяца

уничтожила, считай, целую дивизию перцев. Так?

— Выходит, так, — опешил дед. — Только не перцы там были. Вернее сказать, не только перцы. Всякие твари в атаку против нас ходили. Пару раз даже дохлых крыс на поле боя находили.

— Ломы? — недоверчиво переспросил Андрей. — Ломы не воевали против нас в ту войну.

Афанасий Тимофеевич уверенно подтвердил, что видел труп существа, которого нельзя не опознать. Ситуация становилась совершенно невообразимой.

Всего в галактическом секторе, известном земной науке, обитало не меньше двухсот разумных рас. Запомнить, как они выглядят и как называются, могли только специалисты, да и то не все. Не заглядывая в справочники, средний человек опознал бы не больше десятка разновидностей братьев по разуму. Еще сложнее обстояли дела с именами, потому как многие самоназвания были непроницаемы в принципе. Выход нашли еще в первые десятилетия звездной экспансии — люди придумывали названия, по возможности близкие к оригиналу, но благозвучные по человеческим меркам.

Представителей главной расы Ломандара, похожих на больших опоссумов, люди называли словом «лом», а то и просто «крысами». К однополым рептилиям 7-й Республики, говорившим на ультразвуке, прилипли названия «рес» или «респ». Легче было с господствующим биологическим видом Кьелтарогга — местное слово «тарог» люди употребляли без проблем. А вот 12-ю Империю населяло больше десятка разумных рас — главным образом членистоногих ракообразных. Наряду с официальным «имперец» люди зачастую говорили: «перец» или даже «лангуст», другую расу называли «импик», хотя имперцы регулярно заявляли протесты по этому поводу. С малыми странами вообще не церемонились: насекомых Мрагвенда звали «рагвенами», псевдогуманоидных рептилий Оххо-Яшира — «яшками», не имеющих зоологических аналогов монстров Даласули — «даласами» или «суликами» и так далее. Разумеется, чужаки точно так же придумывали оскорбительные клички для земных приматов, что было неизбежно и естественно.

В любом случае дед не мог принять за ломов других существ — астроэтнография не знала ничего похожего в пределах спирального рукава Галактики. Оставалось предположить, что на стороне перцев или рагвенов сражались наемники, добровольцы или военные инструкторы из Ломандара. Причем со своими же танками. На войне всякое бывает, наши тоже много в каких заварушках участвовали в разных звездных закоулках...

— А потом, уже под конец войны, совсем чудные дела творились, — продолжил дед свой рассказ. — Начали нас готовить к решительному сражению. Две недели тренировались, отрабатывали разгром опорного пункта. И на поверхности планеты, и на астероидах, на лунах штурмовали макеты укреплений.

— Это когда, в октябре? — на всякий случай уточнил Андрей.

— Пожалуй, чуть пораньше... — Дед прикрыл глаза, вспоминая. — Ну да, второго сентября дивизию подняли по тревоге, выдали боекомплекты, комбаты получили пакеты с приказами, мы сели в транспортеры и полетели. А дальше вовсе чудеса начались. Уже после выхода из гипера нам объявили, что снова идем на Чарх...

Услыхав знакомое название, Андрей перебил деда:

— Чарх — это в системе Альганга? Что значит «опять» — твоя часть там уже бывала?

— Все там побывали, — старик насупился. — Перцы на Чархе базу строили. На лунах планеты большие склады были. Когда мы выбили рагвенов из центральной части Призмы, они собрали крупные силы возле Альганга. Командовал этот самый фельдмаршал, ты его сейчас по имени обозвал... В общем, январь и февраль по всей системе мясорубка крутилась. Сокрушили мы имперскую базу, богатые трофеи взяли. Уже после, как я тебе говорил, мы начали играть в кошки-мышки...

— Значит, главное сражение возле Альганга было в начале года?

— Кто ж его знает, которое было главное... — Дед зевнул и продолжал уныло: — Мы — люди маленькие, осенью тоже тяжелые бои шли.

Заметно растеряв интерес к разговору, Афанасий Тимофеевич поведал, как уже возле Чарха их «Носорог» столкнулся лоб в лоб с неприятельским транспортером, но комбат успел расстрелять врага «близняшками» — ракетами ближнего космического боя. Потом батальон занял оборону в прибрежной зоне и много дней отбивал атаки превосходящих сил противника. Подкрепления не появлялись, связи не было, один за другим погибали офицеры, а противник бросал против них все новые машины, в том числе знаменитый неуязвимый танк «Весна». Последние два дня остатками подразделения командовал фельдфебель из довоенных профессионалов. Все кончилось внезапно, словно противника напугали колоссальные потери и стойкость горстки земных солдат.

— Они вдруг прекратили атаки и ушли, — рассказывал Андрею старик. — Мы много дней сидели на берегу, пока нас не нашли. Оказывается, никто не знал, где мы, на какой планете, — как будто не штаб отдавал приказ. Ну, дальше ничего особенного, прислали нам офицеров, боевые машины, личный состав, потихоньку восстановили батальон. Ордена-медали всем раздали... Говорили, что война кончается, мы занимались эвакуацией разбитой техники, другой батальон охранял на большой луне месторождение радиолита. Даже добычу наладили, при мне первые рудовозы курсировать начали. А потом, в начале декабря, вдруг снова готовность объявили, посадили в машины и двинули куда-то.

— В декабре? — переспросил удивленный внук-историк. — Не путаешь? Война-то к тому времени кончилась, еще в ноябре.

— Мозги пока варят, — обиделся дед-ветеран. — Уж неделя прошла, как объявили нам о капитуляции Кьелтарогга. И вдруг такое! Три дня сидели в машинах, словно ждали приказа. Не иначе Порфирий собирался под занавес еще кому-то вломить. Только помирному обошлось. Нас вернули на базы, флот ушел. Еще почти год мы на Чархе стояли гарнизоном, аборигенов учили уму-разуму.

Истории про то, как земляне от скуки обучали гуманоидов Чарха зачаткам технологий, Андрей неоднократно слушал в детстве. Люди подкармливали аборигенов, отстреливали для них крупных съедобных зверей, защищали от хищников, научили изготавливать инструменты сложнее каменного зубила. В результате чархиане вконец обленились и не представляли жизни без «небесных демонов». Интересный казус астроэтнологии, но сейчас Андрея куда больше заинтересовали два момента из воспоминаний деда.

Деликатно прервав старика, он осведомился:

— Дедуля, кто командовал этими набегами? Наверное, сам комкор Лестер?

— Не, такого не видали. Лестер больше в штабе, на линкоре «Торнадо» по засекреченной связи приказы отдавал... — Старик задумался. — Вот спросил ты, и вдруг вспомнилось... Батальонный наш обронил как-то: мол, при комбриге приставлен офицер из штаба фронта — вроде бы он руководил операцией. А потом кто-то сказал, что операцией руководил майор разведки. Так что он это и был, больше некому.

Вот и объяснение, почему в штабе корпуса не знали, куда направлен батальон, — подумал Андрей. Это была хитрая операция разведки — наверняка бросили подразделение на верную гибель, чтобы отвлечь противника от более важного направления.

— Как звали того офицера? — спросил он на всякий случай.

— Странная была фамилия — вроде бы гном или эльф...

— Ну, не столь важно... — Андрей замялся — не хотелось обижать старика. — Ты сказал, что там был тяжелый танк.

— «Весна» знаменитая! — кивнув, уточнил Афанасий Тимофеевич. — Мы с Олафом его «дыроколом» подбили.

Внук мягко произнес:

— Обычно этим словом наши солдаты называли кьелтарогский тяжелый танк «Веспап»...

— Ну да, он, с такой смешной башенкой на корме... — Афанасий Тимофеевич смущенно прищурился. — «Весна» его называли — проще выговаривать.

— Ясно. А вот «дыроколом» обычно называли танковый бластер Голубичного. Так?

— Верно, ты всегда в старом оружии хорошо разбирался, — изрек дед одобительно. — Эс-бэ-гэ-четыре-эм, он же «дырокол». Пробивает два метра комбинированной брони на дистанции до пяти километров, предназначен для поражения сильнозащищенных наземных и воздушных объектов.

— Дед, извини меня, но «Веспап» ты из «дырокола» подбить никак не мог, — твердо сказал Андрей. — Во-первых, это кьелтарогская машина, а тароги против нас не воевали. Во-вторых, защита «Веспапа» при включенном силовом поле эквивалентна пяти метрам брони.

Афанасий Тимофеевич все-таки обиделся и повышенным тоном заявил: мол, не знаю, кто там с кем воевал, но спутать эту машину с другой никак невозможно. Что же до брони, то тяжелый танк, по словам старика, сильно пострадал в огневой дуэли с транспортером.

— Оба силовыми полями прикрывались, — запальчиво покрикивал дед. — «Носорог» бил его из обеих башен, а «Весна» лупила в ответ. «Носорог» в груды обломков превратился, но и монстр тарогский потрепан был сильно, защитный экран выключился. Танк летел на небольшой высоте, накренившись и вихляя по курсу. Он ворвался на позиции нашей роты, перепачкал опорный пункт второго взвода, и тут мы ему засадили в борт практически в упор, метров с двухсот.

— Он упал внутри вашего опорного пункта? — Андрей очень надеялся на чудо. — Есть фото такого трофея?

— Нет, не упал, — дед вздохнул. — Улетел в сторону моря и там где-то утонул. Наверное, в километре от берега или около того. И я вслед стрелял, и расчет другой роты.

Не скрывая разочарования, Андрей повторил, что «Веспап» не мог оказаться на Чархе. Дед, возмущившись, потребовал сходить в сельскую клинику и проверить ментовизором — врет он или нет. Внук объяснил ему, что никуда ходить не надо, потому как у него имеется мощный портативный прибор для считывания мысленных образов.

Поскольку кино уже закончилось, вокруг них начали собираться добровольные советчики, явно намеренные поиграть с незнакомой техникой. Отбиваясь от любопытствующей публики, Андрей приладил датчики на виски, затылок и макушку старого солдата.

Дед продолжал оскорбленно ворчать и не мог сосредоточиться, но потом на голограмме все-таки появилось сильно смазанное изображение: холмы или дюны, левее от них — покореженный транспортер «Носорог», кто-то неразличимый бежит, увязая в песке, повсюду взрывы, солдаты стреляют из окопов, горит подбитый «Волк», неподалеку другая БМП ведет непрерывный огонь из башенной пушки. Потом изображение стало расплываться, сделалось темным, а когда вновь посветлело, над дюнами летел очень четкий тяжелый танк «Веспап» — в точности такой, как изображают в военных энциклопедиях, даже гусеничное шасси не втянуто под брюхо, но выпущено, словно танк только что от грунта оторвался. И, разумеется, на борту машины красовалось хорошо различимое кольцо из восьми четырехлучевых звезд — эмблема вооруженных сил Кьелтарогга.

Теперь Андрей ни капли не сомневался, что видит не настоящие воспоминания деда. За многие десятилетия старик насмотрелся военных фильмов, заглядывал в различные справочники по военной технике — вот и наложилась книжная иллюстрация поверх образов, стершихся из клеток памяти. Такое случается — психологи называют это явление мемориальной мимикрией. Вздохнув, он предложил:

— Раз уж ментовизор включен, попробуй вспомнить имя того майора из разведки, который управлял операциями.

С этим делом они управились быстро. Прибор выдал несколько вариантов, извлекая звуки из глубин стариковской памяти. Прослушав эти звуки, дед уверенно заявил:

— Точно. Его фамилия — Эльфейри, майор Эльфейри. На эльфа похоже... — Он победоносно взглянул на внука. — А насчет «Весны» убедился? Четкое изображение было, верно?

— Слишком четкое для таких старых образов. — Не хотелось еще сильнее расстраивать старика. — Вот если бы ты сохранил записи со своего прицельного

устройства...

Первым делом Афанасий Тимофеевич, конечно, снова вспыл и заворчал: дескать, не настолько я выжил из ума, чтобы глюками заменять события, которые своими глазами видел. Родители привычно принялись укорять сына, чтобы не заставлял дедушку нервничать из-за пустяков. Дед погрозил пальцем всей компании младших Машукевичей и сухо произнес:

— Старый я, да не дряхлый. И не пустяки это.

С этими словами он резво убежал по лесенке на второй этаж и вскоре вернулся, неся под мышкой неуклюжий, до рождения Саввы прекращенного выпуска видеофон. Оказалось, что дед исправно копировал видеофайлы, заснятые прицелом «дырокола». Не все, конечно, но самые интересные. Обиженно поглядывая на недоверчивого внука, он отыскал нужный эпизод и запустил на воспроизведение.

Изображение было в меру четким, цветным и плоским. В центре картинki красовались прицельные кольца с делениями, в нижнем левом переднем углу светились координаты, дата: 07.09.2475 и время: 21.35.17. Широта и долгота отсчитывались от неведомых линий, цифры секунд непрерывно изменялись, а часы и минуты не имели большого значения, потому что таймер работал по времени базы или какой-то иной планеты, а в этой точке Чарха был отнюдь не вечер. Ярко светила звезда высоко в зените, ствол «дырокола» смотрел в небо над дюнами, где летел, вихляя, горящий тяжелый танк.

— Что это такое? — пролепетал потрясенный Андрей.

Захмелевшие тетки давно скучали, поэтому немедленно завизжали:

— Вчерашнее жаркое.

Их тупые шуточки даже не задели Андрея. Остановив кадр, он замороженно разглядывал хорошо знакомую машину того типа, который тароги называли «бревном», а люди — «танком». Внешне «бревно» мало отличалось от серийного «Веспапа», но представляло собой следующий шаг эволюции. Тароги успели изготовить лишь несколько десятков таких машин, их появление на полях сражений едва не повернуло ход войны. Все 47 сверхтяжелых танков воевали в составе штурмовой дивизии войск Одо-Одо. Получив новую технику, соединение участвовало во многих сражениях, разгромив многократно превосходящие силы ресов, даласов и ломов.

И тем не менее каким-то невероятным образом по крайней мере один такой танк оказался на забытой богом и генштабами планетенке, где никогда не было войск Одо-Одо. Невероятно, совершенно немыслимо, но факт!

Андрей увеличил изображение до предела, за которым терялась отчетливость картинki. В отличие от приукрашенных временем и домыслами мысленных видений деда, на бортах этого танка не было значков армии Кьелтарогга или Одо-Одо. Не было вообще никаких эмблем, что лишь дополнило общий список невероятностей загадочного феномена. Навыки, приобретенные в шоу-бизнесе, подсказывали большую сенсацию.

— Дед, я скопирую все твои записи, — попросил Андрей.

— Валяй, — великодушно разрешил Афанасий Тимофеевич. — Поверил, значит?

— Боюсь поверить, — признался внук-историк. — Похоже, мы с тобой на пороге великого открытия, которое перевернет устоявшиеся воззрения.

Старик, презрительно фыркнув, отмахнулся. Разговор о проблемах истории для широких народных масс интереса не представлял. Даже ближайших родственников не волновало, каким образом занесло на Чарх машину, которой там не могло и не должно быть. Куда важнее для них: когда Напыльников узнает об очередной измене супружницы и решится ли бить ее в присутствии любовника — мужика очень большого и жутко сильного. Следующей по значимости темой были планы Луизы де Рамон в отношении Хорхе Мануэля, далее шли результаты завтрашнего футбольного тура, военные приготовления микроскопических стран Ближних Скоплений, проблема «темной материи», беременность главной деревенской красавицы и, наконец, таинственные сигналы из Туманности Треугольника.

От избытка чувств Андрей решил поделиться новостью с братом, однако Савва с озабоченным лицом объявил, что должен вернуться на космодром.

— Только что коллега из военной службы связи позвонил, — объяснил брат. — Оххо-Яшир без объявления войны напал на Мрагвенд. Бред какой-то, но всех отзывают из отпусков.

Женщины привычно взвизгнули, мужчины сурово выпили за мир во Вселенной, за победу и благополучное возвращение с войны.

— Я тоже вернусь домой, пожалуй... — Решение пришло само собой, и Андрей понял, что хочет скорее засесть за обработку неожиданной находки. — Может, завтра и меня в армию призовут.

Отец хмурился, мать и бабка причитали, а пожилой сосед, имени которого брата не смогли вспомнить, вдруг встал в дверях и заявил, что никуда гостей не отпустит. Остальные деревенские шумно поддержали вдрызг упившегося односельчанина. Кто-то напомнил, что городские не должны уезжать, пока не расскажут про что-то важное. Сейчас они не могли вспомнить, о чем должны поведать братья Машукевичи, но завтра с утра все пойдут на работу, до пятницы будут пахать, чтобы прокормить ненасытные города-мегаполисы, а в субботу...

— А в субботу, а в субботу мы не ходим на работу, — радостно подхватили пьяные тетки.

Не обращая внимания на разгулявшуюся компанию, Савва с Андреем поднялись в свои комнаты, собрали вещи и вернулись к дверям. Буйный сосед продолжал преграждать вход, но гости все-таки покидали дом, перешагивая через храпящего. Родители расчувствовались, потребовали обещаний, что мальчики на войне будут осторожнее, на рожон без приказа лезть не станут. Дед проводил их наказом без победы не возвращаться. Отец порывался отвезти детей в аэропорт, но сыновья наотрез отказались лететь с нетрезвым родителем.

На станции местных аэробусов, совсем испортив настроение, встретила Дженнифер Кирби, по которой Андрей безнадежно страдал в старших классах и даже в первом семестре. Выглядела она сильно потрепанной, что неудивительно при таком образе жизни. Андрея она считала предателем, не пожелавшим подождать, пока любимая девушка поменяет трех или четырех законных супругов. Презрительно посмотрев на изменщика, Дженнифер сообщила язвительно и громко, чтобы все слышали:

— Ты знаешь, какой у меня теперь муж?

— Ты рассказывала. На двенадцать сантиметров выше меня ростом.

— На четырнадцать, — победоносно провозгласила она. — Я по-новому его перемерила.

— Вместе с членом, что ли? — машинально поинтересовался Андрей. — Если так мерить, я на полметра выше его буду.

Народ, скучавший в ожидании машины, оценил шутку незлобивым смехом. Дженнифер обиделась и больше с Андреем не разговаривала.

Глава 5

Очень разная война

Давным-давно кто-то умный сардонично высказался: дескать, отныне войны начинают не генералы и политики, а журналисты. Не принципиально, что на самом деле происходит в зоне потенциального конфликта, — важно, что сообщил случившийся поблизости корреспондент. Его не вполне точный, а то и откровенно высосанный из шупальца репортаж становится главным, если не единственным источником информации о событиях. На основе дезинформации, растиражированной всеильными средствами массовой идиотизации, зачастую принимаются судьбоносные решения ценой в миллиарды жизней.

Два дня весь галактический рукав лихорадило из-за подобной ошибки бессовестной особи древнейшей профессии, чьих коллег с незапамятных времен именуют «акулами пера»,

хотя даже на самых варварских мирах никто, наверное, перьями не пользуется. Журналист из карликового псевдогосударства Шоббихель, работающий на ломандарское информагентство, путешествуя на лайнере перцев, узнал у экипажа, что параллельным курсом в сторону Мрагвенда следует отряд кораблей Оххо-Яшира. Затем военное командование рагвенов закрыло приграничный сектор для гражданских кораблей. Ухватив сенсацию, журналист состряпал материалчик о внезапном нападении громадного флота ящеров на беззащитные планеты членистоногой расы. В корреспонденции, проиллюстрированной архивными кадрами космического сражения, подробно расписывались стремительные атаки, безжалостные бомбардировки, героическая оборона провинциальной столицы, героизм десантников и нерасторопность верховных штабов.

Великие державы отмалчивались почти сутки, а тем временем государства легкой и наилегчайшей весовых категорий успели провести мобилизацию, двинуть войска к чужим границам и объявить о готовности сражаться за суверенитет и независимость. Потом на главные каналы, увлеченно вравшие про войну, все-таки проникли официальные сообщения: дескать, никто пока ни с кем воевать не начал. Как выяснилось, рагвены закрыли сектор из-за военных учений, а два фрегата Оххо-Яшира совершали обычный патрульный рейд в нейтральном космосе. Потом стало понятно, что шобби устроили военные маневры на ничейных астероидах неподалеку от скопления Конус. Зомбоящики с неохотой закрыли тему, но тут же пошла новая волна истерики: оказывается, земная армия начала провокационные маневры в системе марионеточного государства Редкош, то есть в том же Конусе.

Маэстро Жозеф сильно переживал, предчувствуя, какие финансовые потери понесет шоу-бизнес, если заварится настоящая большая война. Из-за его неврозов Андрею пришлось проснуться ни свет ни заря и уже в половине одиннадцатого сидеть за столиком «Самшитового дракона», утешая великого режиссера.

— Ты же понимаешь, что будет, — жалобно стонал Паккарди. — Нас подчинят департаменту боевой пропаганды, мы будем снимать фронтовые видеосборники. Ты представляешь Розетту в роли санитарки, которая вытаскивает на себе раненых с астероида?

— Справится, — не переставая зевать, сказал Андрей. — На астероидах маленькая сила тяжести.

— Это не искусство! — взвыл режиссер, делая трагическое лицо. — От нас потребуют делать иллюстрации к уставу дисциплинарной службы, или как оно называется!

— Дисциплинарный устав... Маэстро, зато вы сможете возобновить старый сериал «Казарма». Всех участников, начиная с первого сезона, снова призовут в армию, пошлют на войну, они там навешают всем врагам... Серий полста можно запросто выдать. И военное ведомство довольно будет, и нам неплохо.

Паккарди осторожно положил палочки на тарелку, хлебнул пива и серьезно задумался. Потом, глубокомысленно морща лоб, изрек:

— Умно. Прикинь план сценария — станешь соавтором идеи. Может быть, поручим тебе пару серий написать.

Андрей предложил посвятить первый десяток эпизодов процессу мобилизации. Знакомые герои собираются в родной казарме, несколько дней горько пьянствуют, втягиваясь в армейские будни. Можно будет немного рассказать про их жизнь за годы, прошедшие после двадцать восьмого сезона, когда сериал пришлось прикрыть из-за падения рейтинга.

— Ну, например, капрал Бирман стал депутатом континентального или планетарного парламента, фельдфебель... забыл имя... ну, придурковатый такой... снова будет свои шуточки произносить... замкомандира по воспитанию снова будет главной сволочью, попытается отбить у Бирмана жену, бывшую медсестру, — Саломея наверняка не откажется вернуться к этой роли...

— Само собой! — Приободрившийся режиссер добавил несколько ценных идей, но затем опять занервничал: — А как войну будем показывать?

— Давайте, босс, подождем начала войны. Мы даже не знаем, с кем воевать придется. Думаю, мелочь устроит драку из-за каких-нибудь спорных систем, а наша армия отправится туда с миротворческой миссией.

— И там на них нападут гангстеры. — Маэстро вернулся в родную стихию. — Кто-нибудь из новобранцев и один ветеран спасут красавицу-землянку — вот и роль для Розетты. Она была там на курорте, аборигены интернировали всех инопланетян, посадили в концлагерь, а наши солдатики всех вызволят...

Следующие полчаса консультант Машукевич старался не слушать болтовни маэстро Жозефа, экспромтом нарожавшего сюжетов на несколько сезонов. Отрывки творческого процесса, иногда проникавшие в его сознание, производили ужасное впечатление. На прощанье режиссер пообещал Андрею внушительный бонус, если война все-таки начнется, с чем и отбыл в отличном настроении.

Каждому — свое, как говаривали древние римляне. Паккарди был счастлив и полон энтузиазма пополам с гениальными озарениями, а Машукевичу предстояла работенка над первой, самой занудной главой диссертации. Андрей пока даже не решил, как назвать этот раздел: «Обзор литературы», «Обзор предшествующих работ» или как-то еще. Смысл и содержание от заголовка, разумеется, не зависят, но хотелось придумать оригинальное название. Если бы не диссертацию варганил, а научно-популярную книгу, то написал бы «Сражение за звездное скопление Призма — темное пятно истории».

В исторической науке истина капитально упрятана под наслоениями неточностей, легенд, субъективных оценок и предвзятых мнений. На каждое важное событие, как правило, найдется несколько различных, если не противоположных, взглядов. Даже в пределах одной страны может существовать несколько школ, по-своему трактующих одни и те же эпизоды прошлых лет и веков. Когда речь идет о войне, то кроме официальной версии обязательно появляются радикально-патриотическая, либерально-критическая и конспирологическая, не говоря уж о мелких ответвлениях, упирающих на второстепенные детали. Кроме того, такие же концепции возникают в союзных странах, а побежденные враги обязательно придумают несколько собственных объяснений. Такое впечатление, будто расписываются несколько разных войн. Причем, что немаловажно, каждое научное течение закрывает глаза на неудобные факты, поэтому объективное описание исторического эпизода возможно лишь путем тщательного анализа всех серьезных точек зрения.

За основу Андрей взял, само собой, официоз: «Три века звездных побед (Славный боевой путь вооруженных сил Союза Солнечных Миров)». Изд. 14-е, испр., доп. Земля: Воениздат, 2507». Интересующему его сражению монументальный труд уделял всего несколько строк:

«Важным эпизодом сражения за скопление Призма стали ожесточенные бои за систему Альганг в августе — сентябре 2475 года.

В процессе развертывания войск для обороны скопления Трамплин земное командование приняло решение обезопасить фланговые направления и в середине 2474 г. ввело 32-ю армию в скопление Призма и 49-ю армию в скопление Конус. В дальнейшем группировка в Конусе была усилена 25-й армией. Все три армии и поддерживающий их 12-й флот образовали Центральный фронт.

Блестящий маневр на основе тонко продуманного стратегического плана завершился убедительной победой земного оружия. Командиры оперативного звена проявили высочайшее мастерство, смело отводили войска со второстепенных участков, укрепив очаговую оборону. Центральный фронт удержал скопления, перемолов ударную группировку противника. Даже на второстепенных направлениях — Альганг и Вайстерн — противник был отброшен с огромными потерями в живой силе и технике».

Проглядев главу, посвященную 9-й Галвойне, Андрей прихватил еще одну цитату, которую посчитал важной:

«Даже в условиях войны, охватившей десятки стран и обширный сегмент Галактики,

земные руководители продолжали принципиальный миролюбивый курс. Не желая расширять масштаб побоища, Верховное Командование старалось не допустить применения чрезмерной силы. Так, огромный военно-космический флот ССМ практически не участвовал в боевых действиях, оставаясь на базах в тыловом секторе Солнце — Сириус — Фомальгаут — Процион».

Что верно, то верно, правительство старалось не посылать в бой линкоры, каковой факт сильно смущал Андрея. Президент Енисейский был человеком решительным, перестраховщиком его не называли даже политические противники. Но тем не менее ва-банк играть не стал и главный козырь — а число тяжелых кораблей к концу войны достигло полусотни — на стол не бросил.

Следующей книгой, которую он решил раздергать на цитаты, стали «Звездные пушки» Лаймы Бахман — это была серьезная публицистика, хотя автора нередко заносило в полемику по второстепенным вопросам. К тому же фрау Бахман откровенно симпатизировала Ломандару — больше, чем собственной державе.

«Есть основания подозревать, что развитие основных событий следовало коварному сценарию Енисейского. Земной диктатор хитроумно спровоцировал Империю вступить в конфликт на дальнем театре, поэтому импы не смогли оказать должной поддержки ресам, на которых обрушилась несокрушимая военная машина Кордо Ваглайча. Ценой жизни миллионов землян Енисейский разделил противников, чем в известной степени сыграл на руку Кьелтароггу.

Начальный период галактического побоища протекал в условиях подавляющего превосходства вымуштрованных полчищ Кьелтарогга. Одурманенные призывами безумного вождя-кабтейлунка солдаты-тароги сражались с фанатичным ожесточением, одерживая немислимые победы. Огромную роль в этих успехах сыграл адмирал Чорвейл Адораш, разработавший филигранную тактику штурмовых ударов: группы из пар или троек тяжелых кораблей работали по отработанной схеме, прорывая оборону или просачиваясь на слабых участках. Под натиском вооруженного до зубов агрессора стремительно рухнули оборонительные рубежи Валдадниха и Даласули. Следующий массированный удар обрушился на войска 7-й Республики, посланные на помощь гибнущим союзникам.

Пока силы главных игроков истекали кровью в огне грандиозных сражений, земляне вели не слишком активные боевые действия. В течение полутора лет Енисейский захватил богатые природными ресурсами звездные скопления, продвигаясь к главной своей цели — Облаку Артемиды. Изо щренное коварство Порфирия Страшного в полной мере проявилось в истории с демонстративной пассивностью земного флота. Оставив линкоры и крейсера в базах, Красная Башня заманила противника в якобы беззащитные скопления, после чего нанесла сокрушительный удар, разгромив эскадры 12-й Империи в скоротечном сражении между Трамплином и Артемидой.

Когда Кьелтарогга, покончив с ресами, обрушился на импов и рагвенов, земные войска не стали вторгаться на территорию 12-й Империи, ограничившись занятием Облака Артемиды. После поражения 7-й Республики в войну вступили ломы — войска Таримкли Ломди Сахала молниеносно высадились в Оххо-Яшире, Эднеромке, Мрагвенде. Возникла реальная угроза прямого столкновения между Союзом Солнечных Миров и Ломандаром. В этой обстановке Земля потребовала прекратить все военные действия и начать мирные переговоры. Мало кому известно, что тароги поддержали этот призыв, однако Бсархад предпочел продолжать войну до полного уничтожения Кьелтарогга».

О том, что Кордо согласился на мир, Андрей написал в своей дипломной работе, за что был ласково раскритикован на защите. Доступа к архивам Кьелтарогга не имели даже историки-тароги, к тому же победители-ломы конфисковали самые важные материалы. В земных информационных сетях сохранился лишь отчет земного посольства в тарогской столице с изложением ноты. Существовал также видеоролик выступления Кордо по

вседержавной трансляции.

Не удержавшись, Андрей нашел в электронной памяти нужный файл. Голографический Кордо Ваглайч сидел в кресле на фоне карты галактического рукава.

— Мы одержали великие победы, — говорил кабтейлунк, сопровождая слова характерной жестикуляцией. — Наши воины стряхнули позор поражений со знамен Отечества. Народ и армия Кьелтарогга достигли всех целей, которые стояли перед нами в этой войне, развязанной врагами тарогов. Теперь у нас нет причин продолжать военные действия, поэтому я принимаю своевременные мирные предложения Земли. Мы честно и отважно сражались, обеспечив достойное будущее нашим потомкам и завоевав право заключить мир на почетных и справедливых условиях. Пусть у нас нет союзников, но есть друзья. Мы решили просить президента Солнечного Союза уважаемого Порфирия Енисейского стать посредником в переговорах. Если же наши враги отвергнут мирную инициативу дружественных гуманоидных рас, то вся ответственность за продолжение бессмысленной бойни ляжет на руководителей Ломандара и Седьмой Республики.

Принято считать, что согласие кабтейлунка было хитрой уловкой. Согласно устоявшемуся мнению, Кордо вовсе не собирался заключать мир, а рассчитывал выиграть время, привести в порядок свои потрепанные банды, чтобы нанести последний решительный удар — сначала по Ломандару, а затем — и по Земле. Якобы тарогам нужно было всего несколько месяцев для производства сотни гиперонных боеголовок. Так это или нет, никто уже не докажет: сам Кордо погиб, архивы надежно спрятаны, а победители объявили собственную версию единственно правильной. Что ж, победители всегда правы.

Впрочем, Андрей сильно сомневался, что Кордо в самом деле собирался воевать против Земли. «Кабтейлунк всех тарогов и шерлонов» был — смешно отрицать — расистом, а потому не мог зачислить во враги гуманоидов Земли. Размышляя над его загадочным рефреном: «У нас нет союзников, но есть друзья», — Андрей не сомневался, что под «друзьями» Ваглайч имел в виду человечество.

Но спроси сотню людей на улице — половина уверенно ответит, что в ту войну нашим врагом были тароги. А на самом-то деле мы воевали против всех, кроме Кьелтарогга... Мы воевали против 12-й Империи, 7-й Республики, Мрагвенда, Даласули. И Кордо воевал против них же... А если у двух держав были общие противники, то державы эти получают союзниками.

Андрей даже засмеялся — столь дикой показалась эта мысль. Никакие мы, конечно, не были союзники. Просто так сложились обстоятельства, что у нас оказались общие противники. Или это все-таки означает, что де-факто ССМ и Кьелтарогга сражались на одной стороне? Двое против всей Галактики...

Отбросив несвоевременные мысли, он взялся за монографию Анхеля Ханаана «Легенды и мифы великой войны», изданную в год внезапной кончины Енисейского. В период 9-й Галактической автор, верный соратник президента, занимал высокую должность в системе министерства вооружений. Книга была написана с позиций технаря-патриота, неплохо знавшего закулисную часть истории.

«В день объявления угрожаемого положения П. Енисейский четко выразил политическое кредо Красной Башни на заседании правительства. По его словам, в назревающей войне все участники преследуют вполне грабительские цели, а человечеству отводится не самая выгодная роль. Премьер-министр еще раз напомнил, что наша задача сводится к защите естественных интересов ССМ.

— Скорее всего, нам придется воевать, — сказал Енисейский. — Поэтому необходимо добиться максимума возможного при минимальных потерях. Люди не должны погибать из-за территориальных споров других держав.

Последовавшие вскоре события полностью подтвердили верность избранной политики. Война носила несправедливый характер со стороны всех игроков — от крошечного Валдадниха до гигантского Ломандара. Это была война новейшей техники,

ультрасовременных видов оружия, в которой мы не могли одержать победы, поскольку отставали от Кьелтарогга и Ломандара. Именно этим отчасти объясняется пассивность, в которой обвиняют Енисейского. Красная Башня признавала неготовность человечества к серьезной войне.

Усыпив бдительность потенциальных противников, режим Ваглайча заблаговременно создал великолепное оружие реванша. Боевые корабли тарогов строились на недавно разработанных принципах сочетания вещества с энергетическими полями. Такие линкоры и крейсера намного превосходили однотипные корабли других стран по скорости, защищенности и огневой силе.

Первые линкоры типа «Акрон» и «Бариках» были введены в строй за месяц до первых выстрелов новой войны. Однако уже годом раньше стало понятно, что корабли 1-го ранга других стран, даже наши линкоры проекта 3122 «Неустрасимый» не способны противостоять новинкам тарогского флота. В спешном порядке ССМ, Ломандар и 7-я Республика заложили по несколько кораблей подобного типа. Без ложной скромности признаем, что лучшими в этом поколении оказались наши линкоры 3395-го проекта «Юпитер», «Яхве», «Элохим», «Перун», «Шива», «Вотан» и «Зевс», которые вступили в строй к концу войны и не принимали участия в сражениях. Ломы вмешались в войну лишь после того, как завершили строительства десятка близких по силе кораблей. Корпуса республиканских линкоров аналогичного класса были захвачены войсками Кордо и после переделки включены в состав флота Кьелтарогга.

Помимо этого промышленность Кьелтарогга создала подлинное чудо военной техники — корабли-трансформеры «Рин-Илдрос», также защищенные многослойной броней класса «вещество-энергия». В походе внешние устройства убирались в корпус, что позволяло значительно повысить походную скорость. Эти линейные крейсера стали непревзойденным средством пиратства в открытом космосе. Ничего подобного в других флотах не появилось даже спустя десятилетие после окончания 9-й Галактической войны.

Нам удалось компенсировать катастрофическое отставание асимметричным ответом. На вооружение земных войск поступили пехотные транспортеры «Носорог» и дальние бомбардировщики типа «Протуберанец», «Звездная сверхкрепость» и, наконец, «Валькирия». Уже в начале войны армия землян превосходила всех соперников по маневренности и способности наносить сверхточные удары на предельную дальность. Большие корабли флота ССМ почти не вступали в бой, потому что не было целей для применения крупных кораблей, эти силы флота изжили себя с появлением «валькирий». Транспортеры имперской, республиканской и ломской армий были всего лишь незначительной модификацией тарогских машин времен прошлой войны».

Дочитав отрывок, Андрей с улыбкой подумал, что Ханаан хитрил. Слова премьера, которому предстояло вскоре стать президентом, звучали двусмысленно. Что значит «защита естественных интересов ССМ»? Как далеко был готов пойти Порфирий для защиты земных интересов? Автор мемуаров благоразумно не стал раскрывать этих вопросов.

Историки битых стран, включая ресов, импов, рагвенгов и прочих шобби, дружно жаловались на многократное численное и техническое превосходство тарогов и людей. Было и другое объяснение, почему героические предки проиграли войну: оказывается, политики не слушали мудрых военачальников, а военачальники не понимали гениальных планов, обуревавших вождей. Старый прием, ничего интересного...

Трель видеофона заставила прервать обработку первоисточников. Громко чертыхаясь, Андрей долго искал сигнализирующий мобильник и обнаружил в кармане брюк, заваленных другой одеждой на стуле возле кровати. К этому времени трубка перестала трезвонить. Меню подсказало, что вызывал брат. «Если нужно, снова наберет номер», — подумал Андрей. Действительно, видеофон немедленно зазвонил опять. Нажав сенсор с зеленым квадратиком, Андрей присвистнул: голографический Савва был одет в мундир связиста военно-космического флота с погонами капитан-лейтенанта.

— Мобилизовали? — сочувственно, пусть и не без легкой зависти, осведомился младший брат.

— Вроде того. Призван на сборы в связи с большими маневрами. Ты тоже будь готов.

— А что происходит? Я думал, насчет яшек и рагвенов не подтвердилось.

— Не совсем. Войны пока нет, но мелкота суетится. Объявили мобилизацию, вспоминают обиды — кто у кого планету отобрал в позапрошлом веке.

Андрей пренебрежительно поморщился: малые страны, расположенные в промежутке между границами ССМ и 12-й Империи, не могли представить опасности для человечества. Хотя нельзя было исключить, что галактическим карликам отведена роль поджигателей конфликта. Такое бывало неоднократно, карликам неизменно крепко доставалось, однако рагвенам, яшкам и даласам уроки впрок не шли.

— Пока не вызывали, — задумчиво пробормотал Андрей. — Не вовремя получается. Только-только за диссертацию взялся.

— В окопах будешь писать, — успокоил его старший брат. — В перерывах между боями. Под гром снарядов, при свете горящих танков.

— Ну да, придерживая клавиатуру обрубок откушенной руки, — Андрей заржал. — Ты прав, это романтично.

Братя немного позубоскалили, прикидывая сравнительные результаты укуса клешней рагвена, жвалами перца или челюстями рептилий-яшек. От приятной беседы в извилинах Андрея вновь проснулось рабочее настроение. Он заготовил большую чашку крепкого растворимого кофе и вернулся к монитору.

Великий полководец 12-й Империи фельдмаршал Фруогер Вомастен зи Райфинг потерпел жестокое поражение в скоплении Призма. После войны, пытаясь оправдаться, фельдмаршал написал монументальные мемуары «Несостоявшийся триумф». Он многословно рассказывал о выдающихся качествах подчиненных ему генералов, о процессе принятия решений, о подготовке и мастерстве солдат-импов, о своих спорах с имперским руководством, включая крон-принцессу и главнокомандующего, коим был престарелый дядюшка несовершеннолетнего монарха. Однако всякий раз, едва наступало время поведать о конкретных сражениях, фельдмаршал становился забавно лаконичным.

Трудно было без улыбки читать воспоминания битого военачальника:

«Прибыв в штаб группы армий, я обнаружил настроения, граничащие с паникой. Мой слабовольный предшественник принц Гроздана и его штаб потеряли управление войсками, которые были вынуждены сражаться, не получая указаний и часто не понимая общей обстановки. В этих условиях противник практически захватил скопление Конус, установил контроль над большей частью скопления Трамплин, вторгся в Облако Артемиды и сильно потеснил имперские и союзные войска в скоплении Призма (здесь и далее использованные автором имперские названия астрономических объектов заменены привычными для нас земными. — Прим. Пер.).

Мне потребовалось немного времени, чтобы разобраться в обстановке. Стало ясно, что обе стороны отличились идиотскими промахами. Бестолковое маневрирование, распыление сил превратили операцию в хаос разрозненных столкновений на огромном пространстве. Создавалось впечатление, что старшие командиры никогда не слышали о принципе массирования сил. Подобную же тактику слабых ударов на широком фронте противник применял и в дальнейшем.

Я немедленно принял меры, чтобы укрепить оборону в Трамплине, направив туда подходившие резервы, а также перебросив несколько надежных дивизий из Артемиды и Призмы. Хотя земные солдаты дрались как бешеные хищники, они были вынуждены отходить под натиском превосходящих сил. Офицеры-приматы не умели воевать, земные войска беспорядочно отступали и атаковали, бездарно маневрировали, понесли огромные потери, не смогли воспользоваться огромным численным превосходством — и в итоге

ответили слабым контрударом на второстепенном направлении. Лишь ценой предельного напряжения сил противнику удалось стабилизировать фронт.

Мы воспользовались передышкой, чтобы привести в порядок потрепанные соединения, после чего я занялся перегруппировкой сил, готовясь к решительному наступлению. Согласно плану, который был представлен мной на рассмотрение императорской ставки, мощный удар должен был рассеять вражескую оборону вдоль четырех оперативных линий, что приводило к полному разгрому Центрального фронта и охвату группировки в Артемиде. После долгих споров крон-принцесса и находившийся под ее влиянием верховный главнокомандующий согласились выделить в мое распоряжение дополнительные корпуса и подчинить группе армий ударное объединение флота.

Далее началась обычная наша неразбериха, резервы и боевая техника прибывали с задержками, в результате чего нам пришлось дважды переносить начало наступления. Всякий раз я слышал от начальника имперского оперативного штаба неубедительные отговорки: дескать, резервы пришлось перебросить на другие театры, где также складывалась напряженная ситуация. Между тем, как сообщала разведка, противник оправлялся от нанесенных нами сокрушительных ударов, Земля сумела пополнить свои разгромленные дивизии живой силой и техникой.

Воспользовавшись нерасторопностью имперских тылов и подозрительной близорукостью разведки, люди скрытно подвели главные силы своего флота и, создав многократное превосходство, внезапно атаковали ударное объединение, сосредоточенное в районе дружественного государства Шоббихель. В неравном бою погибли десятки кораблей, тысячи отважных воинов. Я получил известие о трагической гибели моего старшего сына, служившего командиром линкора «Самодержавие». Выполнив это коварное нападение, корабли гуманоидных варваров прошлись квантами и плазмой по тыловым базам группы армий. Так, по чистой случайности, были уничтожены громадные запасы снаряжения, приготовленные для большого наступления.

Одновременно с безжалостной атакой флота дикие орды приматов возобновили разрозненные атаки в скоплении Призма. Разгадав замысел врага, я перебросил сюда резервы, чтобы нейтрализовать чрезмерную активность противника. Тем не менее глупое стечение обстоятельств не позволило нам разбить приматов, несмотря на все усилия наших отважных офицеров и солдат. Не раз обстановка принимала чрезвычайно неудобный для нас оборот, заставляя направлять в Призму подкрепления, столь необходимые в Артемиде.

Исход сражения решила бездарность генерала-гуманоида, командовавшего 114-м армейским корпусом. Нам удалось переиграть этого недалекого примата, поставив его соединение на грань поражения. Наш успех у Альганга заставил командование 32-й армии спасать ситуацию, выдвинув на второстепенное направление свежий 76-й корпус. Тем самым людям удалось избежать поражения, однако был сорван мощный удар, который мог поставить мои войска в исключительно тяжелое положение. Таким образом, умелые действия штаба группы армий позволили укрепить фланговые позиции в скоплении Призма накануне генерального наступления».

О провалившемся наступлении в Облаке Артемиды фельдмаршал повествовал весьма скупое, сетуя на неисчерпаемые резервы приматов и тупость имперских сановников. Не будь Вомастен зи Райфинг членистоногим пермитом, Андрей заподозрил бы его в близком родстве с бароном Мюнхаузенем. Чего стоили упоминания десятков миллионов убитых людей и восторги по поводу чудесного прорыва из окружения жалких остатков группы армий, бросивших миллионы единиц различной техники.

Тем не менее пермит упомянул важное обстоятельство: ошибка генерала Лестера сорвала армейскую операцию. Андрей сделал пометку в файле, куда записывал соображения по поводу 3-й главы. Надо будет поискать сведения — какой такой удар замышлял командующий 32-й армией генерал Вимутье.

Он скептически посмотрел на стопку квадратиков, хранивших тончайшие

кристаллические диски. На каждом диске помещалось не меньше книги, то есть миллионы текстовых знаков, а также сотни плоских и голографических картинок, многочасовые видеосюжеты. Чтобы просмотреть даже самые необходимые работы, потребуются многие дни. Так и монахом недолго стать, одичать можно!

Со вздохом Андрей продолжил конспектирование отрывков, содержащих полезные сведения и разумные мысли. Мнение коллег-историков из 7-й Республики, Мрагвенда и Ломандара мало отличалось от воззрений Вомастена и Райфинга. Все они дружно трубили: мол, земляне воевать не умели, побеждали за счет численного превосходства. Согласно этим околонучным школам человечество потерпело сокрушительное поражение в 9-й Галвойне, сумев аннексировать лишь практически незаселенные скопления звезд, не имеющие большого значения для экономики. Генералы-мемуаристы и профессора-историки Мрагвенда, Валдадниха и Даласули уверяли остальную Галактику, что героическое сопротивление этих маленьких, но гордых народов остановило экспансию приматов.

На той же позиции стоял и скандальный публицист Темучин Барбаросса. Родился он человеком, служил в аналитическом подразделении земной военной разведки. Лет двадцать назад капитан Скрипун бежал в Империю, имплантировал себе некоторые характерные для насекомых органы. Наверняка он вывез какие-то секретные документы, купив тем самым обеспеченную старость в чужой стране. Спустя несколько лет после побега, когда разведка перцев выкачала из него всю полезную информацию, Скрипун под псевдонимом Темучин Барбаросса поставил на конвейер выпуск книжек, обвинявших человечество в генетической кровожадности и агрессивности. Из его творений получалось, что со времен Юлия Цезаря все вожди Земли мечтали завоевать Галактику.

В опусе этого ренегата «Триумф и Пиррова победа приматов» Андрей нашел смешной отрывок:

«Но есть загадка, много лет не дающая мне покоя. Почему Порфирий не бросил главные свои силы на чашу весов Галактического побоища?

Ведь последнему придурку давно понятно, что шпана, правившая в те дни стадом приматов, лелеяла мечту о галактическом господстве. Подумать страшно, сколько земные гуманоиды оружия наштамповали! Забудем пока про линкоры с крейсерами, с этим добром вопросы не возникает. Большие корабли строили все державы, даже самые миролюбивые, потому как большой корабль нужен только для престижа.

Но вот какая забавная штука: Енисейский не только строил линкоры, но и придумал поставить на конвейер бронированные гиперлеты-транспортёры — те самые «Носороги», которыми приматы чуть ли не в школьных учебниках похваляются. И не напрасно же заводской индекс этого варварского оружия был Ш-152А. И думать нечего, любому дураку понятно, что буква «Ш» означает «шакал», а буква «А» — «агрессор»! Это были шакалы-агрессоры, предназначенные для безжалостного нападения на беззащитных и безоружных соседей.

Не поленился ваш покорный слуга пересчитать, сколько этих машин агрессии люди построили. Никто не удосужился сделать этого, а я посчитал, не поленился. Знаете сколько? Десять тысяч только за полтора года, пока Порфирий был премьер-министром!

Сто сотен страшных средств нападения! Между тем как вся армия Кьелтарогга имела втрое меньше пехотных транспортеров «Тазифайк», и оказалось достаточно того числа, чтобы повергнуть Империю, Республику и на мелкие страны хватило. А тут 10 тысяч (!), и был ведь еще следующий год, когда земные заводы тоже не простаивали, продолжали выпускать модернизированную продукцию. Так что никак не меньше двухсот сотен выходит — 20 тысяч машин, вмещающих свирепый пехотный батальон и не имеющих иных задач, кроме как вторгаться в беззащитные страны.

Задумайся, любезный читатель, открой программу калькуляции, нажми несколько сенсоров, чтобы вышло без ошибки. Полчища ворвавшихся в Скопления приматов-человеков насчитывали 8 армий, 40 корпусов, 140 дивизий. Вообще-то даже 142, однако для

простоты округлим. В каждой дивизии было в среднем 10 таких машин, да еще немерено однотипных «Носорогов», состоящих в частях армейского и корпусного подчинения.

Итак, трехмиллионное войско, брошенное Порфирием в звездные кластеры, где и воевать-то не с кем, двигалась на двух, пусть на трех тысячах транспортерах-агрессорах. А для чего же тогда остальные машины, не имеющие иного, кроме агрессии, назначения? Сейчас объясню.

Енисейский втайне собрал на своих мирах-планетах еще несколько таких же группировок — каждая по 3 миллиона приматов-убийц, по 3 тысячи шакалов-агрессоров типа «Носорог», по 100 (сто!) тысяч БМП «Волк», а ведь были еще у гуманоидов миллионы дронов, десятки тысяч танков «Бизон» и «Вампир», тяжелые БМП «Кадавр» и дальние бомбардировщики «Валькирия». Для чего приберегал Енисейский такую силу? Чего выжидал кровавый палач-гуманоид, уж не собирался ли бросить свои орды на подмогу терпевшему поражение другу-союзнику Кордо Ваглайчу?

Объясняю, читатель: вовсе не хотел Енисейский помогать другому претенденту на господство над Галактикой. Порфирий ждал удобного момента, чтобы внезапно ударить в спину не ожидавшему нападения Ломандару. Известно, хоть и не принято говорить об этом вслух, что в самом конце войны флот приматов неожиданным броском оказался возле самых границ Ломандара. Выдвинулся, но не ударил. Почему не ударил?

Проще всего, как делают простодушные ломы, объяснить: дескать, побоялся примат на высшую расу нападать. На первый взгляд правдоподобно. Всю войну Порфирий сторонился решительных действий, флот возле самой Земли придерживал. Как испокон веков повелось, не отваживались робкие приматы завязать настоящую битву, выжидали чего-то.

Ан нет, не в этом дело. Не такой был примат Енисейский Порфирий, чтобы потерпеть опасаться. Уж кто, как не он, завалил сотни планет-астероидов трупами гуманоидов. Нет, безжалостен был Енисейский, братишка-близнец старого тигра-людоеда Рамзеса Джангархана, не боялся приматы кровь проливать, не остановила бы Порфирия химера гуманизма.

Совсем в другом объяснении нашел я разгадку, но расскажу про то в следующей книге.

А пока загадаю тебе, читатель, другую загадку. Почему накануне войны промышленность земных приматов получила заказ на производство десяти миллионов аммиачных фильтров для боевых пехотных скафандров? Для сравнения напомним, что метановых фильтров было заказано всего два миллиона...»

Презрительно покривившись, Андрей отложил диск, состряпанный перебежчиком. Жаль, что широкая публика зачитывается подобной макулатурой. Невдомек неразумным обывателям, что только ленивый еще не вытер ноги о скрипунскую конспирологию. Из 17 тысяч «Носорогов» почти половина погибла в скоплениях, где, по мнению жалкого предателя, «воевать не с кем». Самозванный Барбаросса тактично забыл упомянуть, что ломы произвели подобных транспортеров вдвое больше, чем земляне, а импы вместе с ресами — почти 30 тысяч. Но приютивших его хозяев обвинять в поджигании войны ренегат конечно же не станет. И как объяснит придурок Барбаросса названия последующих моделей «Носорога» — Ш-152Б и Ш-152В? Сам вы шакал, господин Скрипун!

Следующая книга, за которой он потянулся, называлась «Триумф осторожности» и производила двойственное впечатление. С одной стороны, лом-историк Мермезе Цланг обильно повторял любимые штампы своих соплеменников, обожавших рассуждать о закодированной в цепях ДНК склонности гуманоидов к авторитарным режимам и рабскому повиновению вождям. Однако Цланг проявил себя дотошным исследователем, объективно рассматривал проблему с разных точек зрения, перелопатил горы первоисточников, что порой приводило его к любопытным выводам. Главным недостатком этого труда была занудливость изложения.

«К концу первого земного года после начала военных действий между Кьелтарогга и Альянсом Главной Оси численность соединений земной армии выросла с 533–547 до 1008–

1095 дивизий (принимая в пересчете 2 бригады за одну дивизию), сведенных в 193 корпуса и 54 армии. Благодаря энергичным мероприятиям Енисейского и его политических менеджеров спустя полгода (примерно соответствует 0,88 стандартного цикла Бсархад) армия ССМ составляла уже 1814–1822 дивизии, 301–305 корпусов и 92–96 армий.

Еще более впечатляющим оказался рост численности личного состава. Если на момент победы Фен Цзю-чжоу на президентских выборах во всех видах ВС служили 18,94 млн. людей (не учитывая 12 млн. военизированных полицейских формирований), то после назначения премьером Енисейского армия за год выросла до 23,75 млн., а жандармские части — до 13,3 млн. На следующий год, когда армия людей приняла участие в сражениях за звездные скопления, в рядах вооруженных сил служило, если верить официальным сведениям, 31,49 млн. представителей вида «мыслящий примат», которых поддерживали 15,32 млн. жандармов.

Отметим, что многие исследователи скептически относятся к официальной статистике Земли, поскольку помешанные на секретности двуполые приматы, как и другие виды разумных существ, склонны вводить в заблуждение не только противников, но и собственных потомков. По различным оценкам, в действительности Земля поставила в строй не менее 60–70 миллионов солдат и жандармов. Подобная путаница была необходима диктаторскому режиму Енисейского — Стивенсон — Олимпикоса — Чанга, чтобы замаскировать чудовищные потери, достигавшие, согласно тем же оценкам, 30 миллионов людей. В то же время земное правительство признает потерю лишь 407 тыс. убитыми, 3 млн. ранеными и заболевшими, а также 183 тыс. пленными и пропавшими без вести.

В армии, опутанной густыми сетями военных и политических спецслужб, проводился жестокий отбор способных офицеров и отсеивался неугодных — по деловым или политическим причинам. За период от назначения Енисейского главой правительства до начала войны звание полковника получили 3517 людей, из которых 189 спустя год стали генералами или были перемещены на более высокие должности, 425 погибли в боях, 2304 продолжали служить в том же звании либо на равноценной командно-штабной должности. О судьбе остальных нам не удалось найти достоверных сведений, поэтому разумно предположить, что они были подвергнуты репрессиям (Автор не приводит никаких обоснований для столь оригинального вывода. — *Прим. пер.*).

Группировка солнечных гуманоидов, введенная в спорные скопления, первоначально насчитывала 9782 офицеров в звании «полковник». Из них...

Читать это дальше у Андрея не оставалось сил. Он пробежался по оглавлению и нашел нужный раздел. По мнению Цланга, противоречия внутри политического и военного руководства ССМ привели к неспособности выработать активную стратегию. По этой причине и громадный земной флот простоял почти всю войну на приколе. Цланг считал, что Красная Башня предпочла выжидать, пока противники занимаются взаимоистреблением. А затем вступление в войну Ломандара похоронило надежды Енисейского добить обескровленных конкурентов и сделать человечество господствующей расой галактического сектора.

Да уж, забавный вывод. Цланг просто утонул в материале, часто путал важные факты с третьестепенными. К тому же он очень плохо разбирался в общественном устройстве человечества и совсем плохо понимал психологию людей.

После многочасового глядения в экран глаза стали красными, как у вампира. Промыв органы зрения холодной водой, Андрей почувствовал, что пора перекусить, и приказал кухонному роботу зажарить яичницу с луком, салом и сыром. Импровизированный, но плотный обед расслабил и навел на мысль обзвонить девочек — авось какая-нибудь составит компанию на вечер.

Почтовый сервер сообщил о поступивших письмах, из которых, как сказал бы Мермезе Цланг, большая часть была спамом и подверглась репрессиям в виде перемещения в корзину. Остались письмо сестренки, приглашение на свадьбу забытой подружки, несколько не

требовавших ответа уведомлений, а также — повестка из военкомата.

Не слишком удивившись, Андрей щелкнул по ссылке и нарвался на дежурного робота, потребовавшего уточнить сведения о военнообязанном гражданине. Уныло вздыхая, старший лейтенант запаса Машукевич просматривал страницы, подправил сведения о месте жительства, образовании, профессиональной деятельности. В итоге робот огорошил офицера запаса новостью:

— Ваша военно-учетная специальность изменена.

По непонятным ему соображениям, в случае мобилизации старшему лейтенанту Машукевичу предстояло стать ассистентом режиссера военной видеостудии при штабе континентального гарнизона. Разумеется, Андрей запротестовал, робот удивился и соединил его с живым офицером в чине майора.

— Что вас не устраивает? — недовольно спросил майор. — Согласно нашим данным, вы работник видеокорпорации, кино снимаете. Вот и будете режиссировать фильмы про боевые будни нашей армии.

— Да какой же из меня режиссер? — возмутился старший лейтенант запаса. — Технарь я, к тому же историк по образованию. Действительную службу зампотехом танковой роты.

— Историк, зампотех? — Майор был явно поражен странным сочетанием. — Действительно, тут записано, что вы аспирант-историк... Ну что ж, согласно межведомственному приказу, выпускники истфака, не имеющие замечаний со стороны органов безопасности, зачисляются в резерв спецслужб.

— А может, все-таки, в танковую часть? — понимая безнадежность сопротивления, заканючил Андрей.

— Не спорь, парень, — по-доброму посоветовал майор. — Разведке тоже технари нужны. Вопрос решен.

«Интересно, что за ведомства такой совместный приказ издали», — подумалось Андрею.

В следующее мгновение на мониторе перед ним развернулась новая повестка. Старшему лейтенанту запаса Машукевичу предписывалось завтра в 10 часов утра прибыть для прохождения двухнедельных учебных сборов на военную базу. Место было знакомое — космодром возле казарм десантного полка в северном пригороде Кракенбурга. Метро за четверть часа привезет прямо на КПП.

Глава 6

Звездные псы

Космос не просто бесконечен — это банальность. Космос чересчур бесконечен. Миллионы кораблей, одновременно слоняющихся по Галактике, имеют очень мало шансов встретиться. Разве что специально ищут такого randevu. Вспомогательный корвет «Собака Баскервилей» искал чужие корабли и — такое случалось, пусть не часто, — благополучно их находил.

Уже неделю шесть мужчин со сложными характерами, запертые в паршивом кораблике, патрулировали подступы к Алефу. Дважды в опасной близости появлялись корабли недружественных государств, но желания связываться с «Собакой» не проявляли. Хотя патрульный рейдер отнюдь не с каждым настоящим корветом силой потягался бы. Проще сказать, военные положили глаз на весьма средненькое судно, заглянувшее на свою беду в окрестности Дзеты Геркулеса. Несмотря на протесты владельца, корабль мобилизовали, посадили команду из офицеров запаса и отправили выполнять общечеловеческий долг.

Вахта борт-инженера старшего лейтенанта Машукевича начиналась в 8.00 утра. По часам Кракенбурга это соответствовало примерно половине двенадцатого, так что Андрею не пришлось ломать привычный биологический цикл. Если бы вдобавок капитан пореже устраивал учебные тревоги, так вообще получился бы курорт, а не служба.

Прибыв на мостик, Андрей обнаружил избыток членов экипажа, что наводило на подозрения о возможных осложнениях. Велимир Эльцвейг, в недавнем прошлом — владелец «Собаки», свирепо глядел на механика Тома Феррари.

— Ничего не могу сказать, — меланхолично проговорил Том, затем кивнул вошедшему Андрею и добавил: — И он тоже не поможет.

— Толку от вас! — зашипел Эльцвейг. — Пока я один кораблем управлял, никаких поломок не случилось!

— Рано или поздно все ломается. — Сделав этот глубоко философский вывод капитан-лейтенант Феррари обратился к старшему лейтенанту Машукевичу: — В общем, принимай вахту. Происшествий не было, но час назад дальний локатор накрылся сам знаешь каким местом. Капитану пока не сообщали, Юджин обещал устранить неисправность.

Отказ гравилокатора семейства «длинная рука» означал, что «Собака Баскервилей» стала близоруко-подслеповатой. В период угрожающего положения подобные шуточки фортуны особенно неприятны. Если начнется Большое Веселье, неприятельские дроны получают шанс незаметно выйти на дальность неотразимого удара. Может, уже стреляют, а мы не знаем...

— А что в большом мире творится? — осведомился Андрей, стараясь не выдать волнения.

— В сотне световых лет какая-то мелочь шарохлопилась, — сообщил Том. — Вроде бы не в нашу сторону держали курс. Но кто их знает, куда корвет за полтора часа добежит.

— Ты же говорил, авария час назад случилась.

— Час назад я заметил, — смущенно уточнил капитан-лейтенант, призванный на сборы с большого прогулочного лайнера. — Моторы пыхтеть начали, я с ними долго возился, пока не восстановил настройки. А потом гляжу — другое хозяйство сигналист о неполадках.

Старшина запаса Эльцвейг принялся бормотать матерные причитания. По словам корабельного владельца, беды преследовали его неотступно. Сначала подвернулся выгодный на первый взгляд фрахт. Однако в порту назначения пришлось торчать почти неделю, так что чуть ли не весь барыш улетучился на оплату стоянки. Когда он все-таки выбил подряд на разовую перевозку почты, за ним погнались какие-то придурки из имперского флота. Убегая от преследователей, Эльцвейг надорвал главный генератор, поэтому пришлось идти на вынужденную, но ближайший космопорт Солнечного Союза принимать отказался, а буксир пограничников потащил его почему-то на Калиюгу, где ждал приказ о временной конфискации гражданского судна для нужд военного флота, и теперь он всего лишь навигатор на собственном корабле, причем ему даже офицерского звания не дали...

— Не забывай, что военные бесплатно подлатали твое корыто, — весело напомнил, вваливаясь в рубку, старший лейтенант Юджин Плахо. — Колитесь, падлы, что стряслось.

Том показал на мертвый монитор и сообщил, что стандартные тесты неисправностей не выявили. Юджин проворчал: дескать, не в железе проблема. Закрыв окна диагностики, физик полез в корневой каталог.

— Эй, нечего в системе ковыряться, — заорал Эльцвейг. — После тебя придется заново устанавливать... Как у тебя получилось?

«Длинная рука» заработала, показав обстановку в радиусе двухсот световых лет. На голограмме светились белыми точками около сорока звезд и край Облака Алеф, зелеными — чужие корабли, красными — свои. Своих было немного — только торпедоносец военного флота, пограничный корвет и несколько вспомогательных вроде той же «Собаки». Чужих набегало штук двадцать. Приглядевшись, Том сообщил:

— Вон те три заметно передвинулись. Ладно, вахта сдана. Я пошел.

— Приятных сновидений, — хохотнул Андрей, садясь к пульту. — Вахту принял... Что там случилось, Юджин?

В мирной жизни доктор наук Плахо работал в обсерваториях, месяцами зависал в пустоте наедине с приборами, так что любые неполадки были ему хорошо знакомы. После призыва он стал гипермастером на «Собаке Баскервилей» — должность абсолютно лишняя,

поскольку ветхая посуда в гиперпространство входила крайне редко, к тому же расчеты прыжков делал компьютер. Функции старшего лейтенанта Плахо сводились к борьбе с глюками устаревшей процессорной матрицы.

— Приемник отключился, — зевнув, сообщил Юджин. — То ли сбой в программе, то ли чьи-то шаловливые ручонки поработали.

— Кому-то, наверное, захотелось поскорее вернуться в базу — вот и выключил обзор, — громко предположил Андрей.

Понимая, на кого падают очевидные подозрения, Велимир выразил гневное негодование:

— Ага, вот-вот стрельба начнется, а тут какой-то баран ослепил корабль. Поймаю — ноги выдерну... Юджин, не в службу, а в дружбу, проследи, с какого терминала прошла команда на останов локатора.

Навигатор и гипермастер затихли за спиной. Включив тихую музыку, Андрей просматривал схему звездной обстановки. По существу, это была та же дополненная реальность, которую он использовал на охоте полмесяца назад. Компьютер суммировал и выдавал на сводную голограмму сведения, поступавшие с бортового локатора, с других кораблей, стационарных гравилокаторов и командного пункта сектора.

«Собака Баскервилей» дрейфовала кормой к Солнцу, находясь примерно на четыреста световых лет ниже (или южнее — такие понятия в космосе относительны) плоскости Солнечной системы. Выше корабля распростерлось Облако Артемиды, по левому борту проплывало скопление Конус, впереди лежали недружественные государства Шоббихель и Оххо-Яшир. Ниже, то есть под брюхом «Собаки», на расстоянии в полторы сотни световых лет находилось Облако Алеф — свалка черных дыр и молодых звезд, где было полно планет, сформировавшихся менее четверти миллиарда лет назад, а потому невероятно богатых активными изотопами.

Широкая часть Конуса с давних пор принадлежала Солнечной Державе, но дальний конец, где кластер сужался, люди уступили коштам — молодой расе планеты Редкош. Негуманоиды-кошты считались надежными союзниками, поскольку без поддержки человечества мгновенно были бы вновь колонизированы еще более негуманоидными шобби или яшками. Маленькое слабое государство — дюжина корветов при трехмиллиардном населении — производило много биохимической экзотики, а также предоставило земным корпорациям концессии на добычу весьма полезных ископаемых. Неудивительно, что соседи страстно желали вернуть эти двадцать звезд, чему сильно мешали гарнизоны войск ССМ.

Судя по голограмме, отряд кораблей Шоббихеля курсировал в опасной близости от Конуса, на самой границе территориального пространства. Туда же выдвинулись два сторожевика коштов, прикрытые с тыла земным кораблем среднего ранга — фрегатом или торпедоносцем. Со стороны Оххо-Яшира двигался караван транспортов — купцы-яшки посещали Редкош каждые несколько дней. За торговцами, на пределе видимости, маневрировали военные корабли, но подробностей схема не сообщала — значит, командование считает, что патрулю такие сведения не нужны.

— Звезды разглядываешь? — добродушно поинтересовался Плахо.

— И не только. Но ты прав — зрелище завораживает. Огни в бездне... — Андрей мечтательно вздохнул. — Хочется врубить полную тягу и лететь туда. Все дальше и дальше...

— Мне тоже нравилось смотреть на звезды... до первой шестимесячной вахты на обсерватории.

— Согласен, этот пейзаж быстро надоедает, — согласился Велимир. — Иногда хочется уйти подальше в лес, где нет ни людей, ни другого зверья. Опустить ноги в ручей и просто сидеть, глядя на зелень... Ну и чтобы баба рядом была.

Физик фыркнул.

— Когда-то в детстве мне казалось, что космос похож на дикий лес. Я представлял себе, как иду по зарослям и вдруг вижу — покачивается. И я понимаю, что там только что

пробежал какой-то зверь. — Скорчив похабную гримасу, Юджин продолжил: — А в космосе, бывает, смотришь на скопление — мать твою за ноги, звезда покачивается, потом — соседняя... И ты понимаешь, что там сколько-то веков назад пролетел корабль на сверхсвете, исказивший показатель преломления...

— Ты — мерзкий циник, — печально резюмировал Андрей.

— Ерунда, просто в молодости он был таким же тупым романтиком, как ты сейчас, — скучающим голосом провозгласил Эльцвейг.

— Может, и тебе романтика помешала жениться в молодости? — обиделся старший лейтенант Машукевич. — Или ты до сих пор ищешь свой идеал?

— Какая на хрен романтика! — возмутился судовладелец. — Все три мамы мои трех дочек считали и считают меня мерзким циником.

— Они неоригинальны, — хихикнул физик.

Эльцвейг мстительно процедил:

— Между вами обоими и моими бывшими женами много общего — вы все не способны меня понять.

В рубку заглянул майор медицинской службы Тариэль Гагиев. Судя по его привычке вести долгие задушевные беседы, доктор то ли был патологически разговорчив, то ли служил в контрразведке. Хотя одно другому не мешает.

С появлением врача все загрустили. Свободные от вахты немедленно вспомнили, что пора бы отдохнуть, и молниеносно слиняли, оставив Андрея на съедение.

— Какие новости из дома? — с милой улыбкой любопытствовал майор.

— Ничего интересного для вашей конторы, — рассеянно буркнул Андрей. — Вы не знаете, как часто купцы ходят из Оххо-Яшира на Редкош?

Обиженный в лучших чувствах доктор проворчал:

— Примерно два раза в месяц. Последний вернулся неделю назад. Позавчера вне расписания пришел чартерный пассажирский борт. А в чем дело?

— Это может быть интересно для вашей... э-э-э... медицинской службы. Еще один караван.

Заурчав, Гагиев бросился к пульту связи. Пальцы майора заматались по сенсорам, набирая сообщение. Затем он вызвал программу кодирования, и зашифрованная депеша умчалась по инстанциям.

Нежданно нагрянувший капитан 2-го ранга Харонов застал самый финал. Скептически оценив атмосферу повышенного напряжения, старик потребовал объяснить, что происходит. Рапорт вахтенного не слишком обеспокоил командира.

— Что внимание обратили — это хорошо, — произнес он скучающим голосом. — Но рапорт отправить мог и вахтенный. На каком основании тут свободные от вахты слоняются?

— Оказание психологической помощи экипажу — моя прямая обязанность, — сообщил майор-контрразведчик.

— Ну смотрите у меня! — рявкнул Харонов. — Этим гражданским не психолог нужен, а сексопатолог! Вчера в кают-компании порнофильмы крутили, как маленькие дети, смотреть тошно!

«Чтобы вас обоих понос прихватил», — тоскливо подумал Андрей. Подходил к концу первый час его вахты, но посторонние мешали продолжить работу над диссертацией. Чужие корабли медленно перемещались по голограмме, не выполняя резких маневров. Небольшой — в шесть вымпелов — отряд земного флота патрулировал в Конусе.

Командир и так называемый врач вполголоса обсуждали, решатся ли шобби напасть на Редкош. Вроде бы не должны были, поскольку подразделения людей стояли там со времен Енисейского. С другой стороны, карликовые страны никогда не славились благоразумием и частенько нарывались на экзекуцию.

Приказав вахтенному прибавить увеличение, Харонов стал прикидывать, какой десант может привезти такой караван. По его прикидкам выходило, что старые среднетоннажные транспорты способны принять на борт до пехотной бригады со всей штатной техникой. Или

до тысячи автономных боевых роботов. Всего караван насчитывал семь кораблей, то есть мог перевозить полнокровный армейский корпус. А наших войск на Редкоше имелось не больше дивизии.

Импровизированный военный совет капитан 2-го ранга подытожил решением сообщить свои соображения вышестоящему командованию. На этом оба отбыли, и Андрей с облегчением занялся собственными делами. Изредка поглядывая на монитор, где почти не происходило изменений, он просмотрел несколько книг из цикла «Военные мемуары». Сведений о боях за Призму и, в частности, за Альганг хватало, но важных подробностей не обнаружил. Зато удалось составить список командиров частей и соединений, которые воевали здесь на разных этапах сражения. Это был неплохой задел на следующий раунд исследовательского процесса. Андрей собирался найти воспоминания старших офицеров или — чем черт не шутит — самих офицеров. Лучшая информация приходит из первых рук.

Он сильно увлекся, временами даже забывал отслеживать обстановку. О прямых обязанностях вахтенного вспомнил только за час до конца смены, когда выяснилось, что рядом стоит майор Гагиев. Деликатно постучав костяшками пальцев по пульта, доктор осведомился, можно ли ему немного поработать с навигационными данными. Машинально дав разрешение, Андрей впился взглядом в монитор панорамного обзора.

Космос выглядел спокойным. Даже если торговые транспорты купцов-яшек набиты оружием и солдатами, на опасную дистанцию они подтянутся лишь завтра. Гипердвигателями эти галоши навряд ли оборудованы, а на сверхсвете при такой массе особо не разгонишься. Отряд малых корабликов Шоббихеля продолжал маневрировать напротив «острия» скопления Конус, другой отряд — торпедоносец, фрегат и два корвета — выдвигались в промежуток между Конусом и Облаком Артемиды. Навстречу им немедленно пошли патрульные катера Редкоша. Военные вечно вели игры в кошки-мышки: нечто подобное происходило даже на плоскостях соприкосновения Солнечной Державы и Ломандара, только там не катера куролесили, а машинки пострашнее.

Здесь пока было спокойно, поэтому Андрей вылез из кресла, намереваясь немного размяться. Выполняя вращение корпуса, он застал врача за странным занятием: майор перебирал архив служебных программ.

— Вы там поосторожнее, — предупредил старший лейтенант. — Юджин сегодня уже высказался про чьи-то шаловливые пальчики.

— А что случилось? — не отрываясь от списка файлов, поинтересовался доктор.

— Похоже, навигатору надоело служить Отечеству. Отключил «длинную руку» в надежде, что корабль вернется на базу.

Повернув к нему виноватое лицо, майор признался:

— Может быть, это я случайно задел. Заходил рано утром, когда Феррари вахту стоял...

— Зачастили в рубку, — пошутил Андрей. — В чем нашего судовладельца подозреваете?

— Его и подозревать не надо — матерый контрабандист... — Приглядевшись к монитору, Гагиев удивленно добавил: — К нам гости собираются.

На голограмме действительно появился контур гипертрассы. Локатор корабля такого зафиксировать не мог — значит, изображение нарисовано и ретранслировано компьютером штаба сектора. Контур дрожал, пульсировал и временами исчезал. Быстро запустив анализатор многомерных структур, Андрей определил, что трасса берет начало где-то далеко за Артемидой.

— Кто-то взял старт в нашем направлении, — прокомментировал артиллерист, он же борт-инженер Машукевич. — Из очень отдаленного сектора — Мрагвенд или Кьелтарогга, точнее не скажу.

— И когда он будет здесь? — забеспокоился доктор.

— Может быть, никогда. Мы видим продолжение нынешней трассы неизвестного корабля. Если не сменит курса, окажется в нашем секторе через три часа или около того. А

если сменит...

Не дослушав его, майор Гагиев доложил о происшествии командиру. Тот вскоре прибыл на мостик, выслушал подробный рапорт вахтенного, изучил обстановку, вызвал в рубку Эльцвейга и велел Андрею отдыхать. На робкое напоминание: мол, через полчаса надо сдавать вахту старшему лейтенанту Плахо, командир ответил сухо, так что пропало желание возражать:

— Исполняйте распоряжение, Машукевич. Вахту за гипермастера сам отстою. Вам обоим приказываю обедать, привести себя в порядок и быть готовыми к неожиданностям. Шагом марш.

Андрей поднес руку к козырьку, сказал: «Есть», — и покинул рубку. Старый космический волк то ли чудил, то ли имел информацию помимо той, которую видно на мониторе. А может, чутье подсказывало, что не мешает подстраховаться. Одиночный корабль в нейтральном пространстве весьма уязвим. Пусть даже не беззащитен.

В помещении, отведенном под кают-компанию, лихо перекусывали Плахо и Феррари. Не запрограммированный на кулинарные излишества кухонный агрегат старого флотского типа предлагал весьма скудный выбор. Пицца, буррито и бургеры надоели, пришлось довольствоваться сборной солянкой, куриным фахитос, картошкой-фри, кислым соусом и стаканом ягодно-фруктового сока.

— Что за чудеса творятся? — любопытствовал Юджин. — Старик отменил мою вахту.

— Кому-то вздумалось ломиться в нашу сторону через гипер. — Андрей выдавил в солянку пакетик сметаны и стал помешивать ложкой. — Командир велел набираться сил перед возможным сражением.

Насторожившись, физик учинил историку допрос, выясняя параметры гиперканала. Андрей отвечал обстоятельно, подолгу размышляя над каждым вопросом. Когда он добил первое и взялся за фахитос, Юджин резюмировал:

— Не слишком большой корабль, но быстроходный. Потратит на путь не больше полутора часов. Парни, что взять вам на десерт?

Том попросил кекс с изюмом, Андрей — ананасовое желе, а себе гипермастер выбрал кусок брусничного пирога. К концу внеочередного приема пищи, когда подошли доктор и навигатор, Андрей понял, что перестарался.

— Тяжко, — признался он. — А ведь раньше мог вдвое больше сожрать — и никаких побочных эффектов.

— Метаболизм с возрастом изменился, — объяснил майор медицинской службы. — Организм уже не нуждается в больших количествах питательных веществ. Вам бы на диету.

— Мне бы стакан вина, — фыркнул Андрей. — Ребяتيшки, у кого пульт? Переключите канал, хоть новости послушаем.

Интернет на боевом корабле полагается блокировать, поэтому вести внешнего мира можно было смотреть лишь на сайте 1-го инфоканала. Вредный Эльцвейг потянулся в спортивный раздел и долго матерился, узнав результат поединка за чемпионский пояс в сверхтяжелой категории. Наверняка просадил большие деньги на тотализаторе. Результаты бейсбольного тура тоже не порадовали судовладельца.

Велимир вознамерился посмотреть еще какие-то турниры, но здоровяк Феррари отобрал у него пульт и раскрыл страничку последних международных событий. Здесь перемен не наблюдалось. Яшки и шобби рассказывали про исторические права на Редкош, обещали коштам широчайшую автономию и процветание, а также заверяли, что не собираются применять силу для решения застарелого территориального спора. Правительство Редкоша твердо заявляло о готовности сражаться за независимость и грозило выбить колонизаторов с астероидов, незаконно ими захваченных. Комментаторы вспоминали ксеноцид коштов, учиненный колонизаторами-рагвенами при участии наемников-шобби во время 8-й Галвойны.

Пропагандисты Мрагвенда ксеноцид отрицали, но коштов обвиняли в предательстве и содействии вражеским, то есть земным, войскам. Ломы, перцы, респы и тароги призывали к мирному решению конфликта, прекращению обстрелов и вдобавок требовали не допустить вмешательства внешних сил. Под внешними силами подразумевались, разумеется, опять-таки люди. Красная Башня повторила предупреждение: мол, не потерпит атаки на дружественные миры, где размещены миротворцы ССМ. Причем если вчера об этом говорил Дино Кальмар, то сегодня с утра сказал сам президент Франтишек Таймер.

— Кишка тонка у наших, — презрительно съехидничал Эльцвейг. — Не посмеют вмешаться.

— Если под обстрел возьмут гарнизон миротворцев, те автоматически откроют ответный огонь, — малость неуверенно предположил Том.

— Я бы не потерпел, если какая-то членистоногая курва в меня стрелять начнет, — согласился Андрей. — В таких случаях солдаты без приказа глушат все огневые точки.

Возбудившись, судовладелец запальчиво повысил голос:

— Те два батальона, которые на Редкоше и Руднике стоят, шобби перемолотят дальнобойными средствами, а подкрепления Земля посылать побоится. Сами слышали — все державы пригрозили, чтобы наши не смели соваться.

— Бросьте, старшина, какие там дальнобойные средства, — изображая равнодушную скуку, отмахнулся доктор Гагиев. — Откуда вам знать про это?

— Мне откуда? — По натуре Велимир был азартным игроком, проиграть спор для него — как разрядом по копчику. — Стоял на их космодроме, своими глазами видел, как они на маневры войска отправляли. Каракатицы мне, считай, на сутки вылет задержали, пока в транспорты армия грузилась. И танков до хренища, и тяжелых беспилотников, и всякое другое — новенькое, ломского или перцевского изготовления.

— Сколько живой силы, конечно, не посчитали? — насмешливо поинтересовался майор.

Эльцвейг отрицательно мотнул бритой под зеркало головой:

— Можно подумать, у меня других дел не было. В портовом кабаке горе глушил, потом в казино... Мне на Калиюге даже мозги ментовизором просвечивали, ни хрена не смогли вытащить... Но три транспорта побольше полста килотонн каждый при мне отправили только с того порта. А сколько их всего — хрен знает.

Три транспорта — полный корпус, мысленно подсчитал Андрей. Как сообщали зомбоящики, армия Шоббихеля маневрировала на четырех или пяти крупных планетоидах, плававших в пустоте на расстоянии нескольких светолет от границ Редкоша. Если считать, что на каждом камне обосновалось по корпусу, то гарнизону миротворцев предстоит нелегкий бой. К тому же в Редкош — не пойми зачем — движется караван яшек. А с другой стороны, там недавно и наши войска учения проводили — вроде бы две дивизии задействовали. Может, не вывели подразделения после маневров...

Публика в кают-компании внезапно засуетилась, оторвав Андрея от раздумий. Он в легкой панике посмотрел на монитор, но говорили не про войну, хотя тоже интересно. Научный обозреватель рассказывал, что группа ученых какого-то импортного университета достигла значительных успехов при изучении редуцированной дисперсии реликтового излучения. Как оказалось, при прохождении через скопления Алеф и Посох квантов, испущенных в момент Большого Взрыва, у лучей сильно искажается спектр. Это явление, полагали ученые, может быть связано с выбросами «темной материи» из черных дыр. Ученые также полагали, что подобные выбросы могут иметь отношение к хозяйственной деятельности людей. Как известно широкой прогрессивной общественности, промышленные компании ССМ используют устаревшие технологии, которые загрязняют экологию Галактики. Нельзя исключить, делали вывод импортные научные светила, что земляне пытаются создать из «темной материи» супероружие. Как известно, атомы «темной материи» способны впитывать огромную энергию, которая высвобождается в виде так называемого гиперонного синтеза. Известен единственный случай применения гиперонного оружия

кровавым диктатором Кордо Ваглайчем на исходе 9-й Галактической войны. Ученые призывали не допустить, чтобы страшное средство сверхмассового уничтожения попало в клешни другой расы безумных гуманоидов.

Естественно, как только передача закончилась, все потребовали объяснений у единственного на борту физика. Презрительно морщась, Юджин объяснил не слишком доходчиво:

— Беда в том, что широкая — она же продвинутая — общественность совершенно безграмотна.

— О да, — вырвалось у Машукевича.

— Тебе-то чего вздыхать, — удивился старший лейтенант Плахо. — Историю народец наш кое-как знает, в том числе благодаря твоим видеосериалам.

— Скажешь тоже! — Андрей захихикал. — Почитал бы дипломные работы второкурсников...

— Не перебивай, — разозлился физик. — Может быть, историю тоже никто не знает, тут я не специалист. Но вот естественные науки у большинства вылетают из черепа на другой день после выпускной пьянки в родной школе. Огромная часть населения судит о природе на основе дурацких и в корне ошибочных стереотипов.

— Например? — насупясь, осведомился майор Гагиев.

— Ну, например, подавляющая часть сограждан свято верит идиотским суевериям, будто Земля круглая, человек произошел от обезьяны, молния не попадает дважды в одно место, а «темная материя» состоит из темных атомов.

— Молния попадает? — удивился Велимир.

— Например, в громоотвод, — привел физик неотразимый аргумент. — А называть планеты круглыми — это верх безграмотности. Планеты имеют форму неправильной сферы.

Врач, навигатор и механик накинулись на него с упреками: дескать, отрицать происхождение разумного гуманоида от обезьяны просто антинаучно. Андрею пришлось разочаровать их:

— Человек не происходил от обезьяны. На самом деле человек и обезьяна имеют общего предка. Это совсем не одно и то же.

— Вот именно. — Юджин кивнул. — И запомните: «темная материя» состоит не из атомов, а из гранул, которые совершенно не похожи на атомы.

— Это для специалистов интересно, — перебил его навигатор-судовладелец. — Ты мне объясни, для чего наши ковыряются в черных дырах и чем это кончится.

Нацедив полную кружку витаминного сока, физик продолжил меланхолично:

— Из некоторых черных дыр действительно добывается так называемая «темная материя», то есть смесь гранул разных видов. Это — прекрасный источник энергии, конструкционный материал и так далее. Комбинируя гранулы, можно получать вещества с необычными свойствами — подробности легко найти в любом астроинженерном учебнике. Добычей гранул занимаются все развитые цивилизации, не только люди. При этом, конечно, происходят энергетические выбросы, но излучение, рассеиваясь в пространстве, становится слабым и безвредным на расстоянии порядка светового года. Поэтому вся болтовня про опасность земных разработок — просто дешевая сенсация.

— Журналистам верить нельзя, — повторил аксиоматическую мудрость Андрей.

— Врут, конечно, — нехотя согласился Велимир. — Но я с серьезными тварями общался — там, в Империи, в Ломандаре. Бизнесмены, промышленные эксперты, всякое такое... Они говорят, что человеческие технологии примитивны, в больших компаниях добыча «темной материи» лучше налажена. Вроде как таскаем воду ведрами, половину по дороге расплесчем, а развитые расы качают насосом по трубам.

— Кто же спорит. — Юджин пожал плечами. — Мы же всего сотню лет этим занимаемся, а другие много раньше начали. Только они нам свои ноу-хау не дают, вот мы и работаем как можем. Я сам не специалист по добыче, но слышал, что после войны наша наука сильно повысила производительность процессов.

Издевательски хохотнув, Эльцвейг подмигнул и бросил презрительно:

— Так повысили, что в Алефе черная дыра взорвалась. Нет, чувачок, нам до культурных народов сто лет расти — все равно не дорастем.

Про взрыв черной дыры Андрей не слышал. Том Феррари тоже выглядел удивленным, а вот майор Гагиев насторожился — наверное, дело пахло утечкой важного секрета. Плахо, в отличие от них, остался равнодушен и произнес, отмахиваясь:

— Не было там взрыва, глупые слухи. Наоборот, проведен удачный эксперимент. Кстати, в присутствии забугорных коллег.

Он объяснил, что в начале года земные физики сбросили в черную дыру метеор из антивещества, после чего дыра схлопнулась. А потом ученые сумели открыть ее вновь — и выход гранул «темной материи» резко увеличился. У других такого не получается, закончил Юджин, вот и поднимают шум, чтобы мы раскрыли секрет, как это делается.

— Наверное, там был не просто метеорит, — предположил Том.

На это физик-гипермастер загадочно намекнул: дескать, дело вовсе не в метеорите. Майор сильно занервничал и посоветовал не болтать. Юджин вроде бы продолжать и не собирался, так что разговор угас, Эльцвейг опять переключился на спорт, а спустя минуту голос командира гневно громыхнул из динамиков:

— Боевая тревога! Экипажу занять места согласно штатному расписанию!

По исходному замыслу «Собака Баскервилей» строилась в качестве пакетбота. Подобные малотоннажные грузопассажирские курьеры всегда пользовались спросом среди частных перевозчиков. Ни брони, ни оружия, ни другого военного снаряжения на таких судах отродясь не водилось. Однако лет сто назад какое-то КБ оборонной сферы разработало проект быстрой переделки судов гражданского назначения в боевую единицу вспомогательного флота. Делалось это элементарно: на внешние люки грузового отсека стыковалась унифицированная башня с орудием, приборами наблюдения и наведения, а также средствами активной самообороны. Ввиду небольших размеров суденышка «Собаке Баскервилей» достался самый миниатюрный боевой модуль типа «Ландыш», оснащенный пусковой установкой снарядов «Пиранья» и пушкой «Молибден». Башню спроектировали накануне 9-й Галвойны для вооружения легких катеров позапрошлого поколения. По слухам, на танкеры и сухогрузы при мобилизации устанавливалось до пяти-шести башен большей мощности.

Как объяснили на Калиюге, в настоящем сражении с настоящим противником такой дреднот, конечно, долго не продержится, только на сей раз вероятный супостат подворачивался больно смешной. «Собака Баскервилей» получилась не слабее большинства кораблей Оххо-Яшира и Шоббихеля, а с учетом вошедшей в анекдоты отваги горе-воjak из окраинных стран команда Акима Харонова имела неплохие шансы прославиться славными победами. Вообще же задачи вспомогательного флота ограничивались патрулированием и наблюдением. Наверное, поэтому бригаду, куда зачислили «Собаку Баскервилей», кто-то из штабных остряков назвал «сворой звездных псов». От них требовалось охранять сектор и в случае осложнений вызывать подмогу.

Старшему лейтенанту Машукевичу, как единственному артиллеристу грозного вспомогательного корвета, достался боевой пост, оборудованный в трюмном отсеке. Тесную слегка бронированную кабину привинтили к палубе в десятке метров от люка, на котором стояла башня. Места внутри хватало как раз для одного скафандра типа «Гоблин». О таких удобствах, как робот-ассистент, конечно же не позаботились. Андрей сам кое-как влез в скафандр, загерметизировался, плюхнулся в кресло, задраил внешний люк. Если корабль получит пробоину, оператор огневой системы теоретически мог выжить. Если, разумеется, не рванут запасные обоймы, установленные точно под люком башни.

Руки привычно выполнили стандартные манипуляции, переводя «Ландыш» в боевое состояние. Развернулась обзорная голограмма — чуть поменьше той, что в рубке. Мониторы показывали, что пушка в исправности, приборы управления включены, система диагностики

не находит ошибок и сбоев, зарядная батарея вытягивает дополнительную энергию из реактора, первая шестерка «Пираний» ждет в направляющих трубах.

— Огневой пост готов, — доложил Андрей.

Вместо ответа послышалось чертыхание командира. Капитан второго ранга возмущался размерами командного отсека, где одному человеку даже в голом виде места мало, а вдвоем, да еще в боевых «Гоблинах», вовсе друг у друга на пятой точке сидеть приходится. Безусловно, Харонов преувеличивал, но Эльцвейг не упустил возможности поныть: дескать, он обычно правит «Собакой» один и без скафандра.

— Скафандр положен в боевой обстановке во избежание смертности, согласно Уставу, — сообщил командир и добавил положенный флотский афоризм: — Устав составляли знающие люди — не умнее меня, а тем более — вас... Гипермастер, определите сходимость трасс.

Проекция пятимерного канала, пролегающего по зоне ответственности «звездных псов», словно раздвоилась на два почти параллельных рукава. Такое могло случиться, если корабль, ломившийся через гиперпространство, резко маневрировал и мог с любой вероятностью продолжить псевдодвижение по различным многомерным направлениям. Теперь от Юджина требовалось вычислить окончательный курс нарушителя.

— Нет сходимости... — Голос физика звучал почти панически. — Командир, я не понимаю... чтобы они сошлись, нужно... но косинус не может быть больше единицы!

— Это у вас на гражданке не может, — просветил его ветеран звездных битв. — А на военном флоте косинус вполне может стать больше единицы и даже превысить скорость звука в вакууме.

Юджин сдавленно хихикнул. Андрей не без восхищения подумал, что математические рассуждения старого маразматика тянут как минимум на Большую Галактическую Премию. А командир тем временем доложил 840-му, то есть командиру бригады, что в зону ответственности вторглись два объекта. Ошеломленный неожиданным выводом Андрей восхитился командиром по-настоящему. Разгадка была проста до гениальности: два канала — значит, идут два корабля. Старик вовсе не был анекдотическим ветераном, каким прикидывался, — тут чувствовались опыт и ясность мышления.

Комбриг на торпедоносце «Старательный», находившемся где-то позади кораблей завесы, приказал 843-му, то есть «Собаке Баскервилей», продолжать наблюдение, а 847-му — двигаться на помощь 843-му. Спустя секунду приборы поведали Андрею, что вспомогательный корвет резко меняет курс. Эльцвейг взвизгнул:

— Полегче, машина не казенная! — и спустя несколько секунд простонал: — Куда вы поперлись?!

— К точке выхода, — буркнул Харонов. — Машукевич, подготовьте два сигнальных снаряда.

Старик не хотел сразу открывать огонь на поражение, понял Андрей. Сначала — два предупредительных выстрела... На схеме пусковой установки он выделил курсором две красные ракетки, утащил их в изображение обоймы, потом выделил в обоймах две голубые и перетащил в освободившиеся гнезда. Механизм заработал, перезаряжая пусковую установку.

«Собака Баскервилей», разогнавшись до десяти световых, продолжала ускоряться, держа курс на Облако Алеф, мимо которого проходили обе гипертрассы. Харонов покрикивал на гипермастера и навигатора, требуя анализировать градиенты. Те, даже не пытаясь перечить, бормотали многоэтажные ругательства терминов гипернавигации. Примерно на двадцатой минуте погони командир распорядился рассчитать гиперпрыжок в какую-то точку, и в тот же миг обе гипертрассы размазались, объединившись в широкие лохматые полосы. Андрей давно перестал понимать, что творится, но Харонов отрапортовал комбригу:

— Большой объект открыл огонь по малому.

Андрей даже не пытался гадать, откуда старый волк узнал, который из невидимых кораблей больше, а который — меньше. Спустя минуту гипертрассы исчезли вовсе — теперь

прямо по курсу, нацелясь южнее Алефа, мчались на сверхсвете два корабля. Распознаватель высветил на прицельном экране сведения о мишенях. Первым двигался кораблик, приписанный к одной из планет Валдадниха: 15–20 килотонн, то есть чуть побольше «Собаки Баскервилей». Такие суда называли обычно шхунами или клиперами. Его догонял торпедоносец-перехватчик Мрагвенда: 40–50 килотонн, 6 торпедных аппаратов (4 носовых и 2 кормовых), 12 орудий — 4 средней и 8 малой мощности. Дистанция: 6,73 светогода до малого, 7,25 светогода до перехватчика.

Рагвенский корабль настигал валдадов. «Собака Баскервилей» мчалась наперерез, в нескольких световых годах по правому борту подтягивалась «Ниагара», позывной 847-й. Ясно было, что перехватчик выполнит предназначение и перехватит шхуну прежде, чем оба вспомогательных корвета выйдут на дальность выстрела. К тому же торпедоносец размажет их, не напрягаясь: слишком уж неравны силы.

Между тем капитан 2-го ранга Харонов передал международным кодом приказ нарушителям немедленно остановиться для досмотра либо покинуть зону, закрытую для полетов решением властей ССМ. Никто, разумеется, не ответил, и командир объявил пятиминутную готовность для гиперпрыжка, после чего спросил Андрея о готовности огневого модуля.

— Так точно, готов, — отбарабанил старший лейтенант. — Два сигнальных снаряда, четыре боевых.

— Без приказа не стреляй, — зачем-то предупредил Харонов.

Последовала переключка, все доложили о готовности. Пошел обратный отсчет, и корабль нырнул в гиперпространство, перепрыгнув через световые годы.

Прицел проинформировал артиллериста, что дистанция до нарушителей составляет меньше четверти светогода. Теоретически можно было даже стрелять, хотя плевков «Молибдена» и залп «Пираний» даже в случае удачных попаданий не спасут от наказания. Торпедоносец-перехватчик получит незначительные повреждения, а к «звездным псам» незаметно подкрадется полярная лисица.

Командир-рагвен не стал ждать, пока все неприглашенные гости займут места в партере, и открыл огонь. Носовые аппараты выпустили одну за другой две торпеды — вроде бы по валдадам, не по людям. Харонов опять поменял курс — приказал держать на шхуну, а Машукевичу велел расстрелять торпеды и пустить сигнальный снаряд перед носом перехватчика.

Андрей дважды нажал гашетку, и на экране погасли два голубых силуэта. Стрелять по торпедам «Пираниями» Андрей не стал, потому как не был уверен, что легкие ракеты догонят разогнавшееся самонаводящееся устройство нарушителя. Оставалось открыть огонь из пушки. Вторая очередь подбила переднюю торпеду, та взорвалась, отчего следовавшая за ней сестренка метнулась в сторону, и третья очередь Андрея прошла пустоту. Описав дугу, сбита с курса торпеда вновь устремилась на цель. Последними крохами заряда Машукевич зацепил рагвенский снаряд, тот опять отклонился от курса и самоликвидировался.

— Командир, цель поражена, пушка разряжена, в пускателях — боевые снаряды, — доложил Андрей.

— Перезаряжай пушку, — посоветовал Харонов.

Рагвены не собирались отпускать валдаднихский пакетбот. Большое орудие торпедоносца выпустило серию импульсов, поразивших мишень с предельной дистанции. Корабль валдадов резко сбросил скорость до децисвета. Харонов открытым текстом потребовал прекратить огонь в зоне ответственности земного флота и допустить на борт досмотровую группу. Андрей был уверен, что рагвены ответят залпом на поражение, но в обзорной голограмме внезапно появился «Старательный» — флагманский торпедоносец бригады. Драться с равным противником нарушитель не пожелал, просигналил извинение и скользнул в гипер. Его трасса удалялась в сторону Мрагвенды.

Бой закончился и вряд ли мог послужить поводом для большой войны. Хотя кто знает — войны и по менее важным поводам объявлялись. Для хорошей войны повод вообще не

проблема — была бы причина, а повод найти всегда можно.

Глава 7

Тайна Черной Долины

Зачинщик перестрелки растворился в бездне пяти, а то и шести измерений. Бригада «звездных псов» погоню налаживать не стала — их задачи ограничивались патрулированием сектора. Командир бригады увел свой торпедоносец в базовый куб пространства, «Ниагара» тоже возвращалась на предписанную позицию. Обменявшись невразумительными репликами с комбригом, Харонов приказал Эльцвейгу приблизиться к подбитому пакетботу валдадов.

Велимир что-то прошипел, но маневр выполнил красиво — наверное, был хорошим пилотом. Не удивительно, если он в самом деле крутой контрабандист. Пока «Собака» догоняла неуправляемое судно, Андрей перебрался в соседний трюм, где временно установили много умных приборов. С дистанции в полметра сканер показал, что валдадский реактор заглушен предохранителями, работает на холостом ходу и медленно теряет мощность.

— Опасность взрыва невелика, — доложил он командиру.

— Навигатор, приближайся на километр, — приказал капитан 2-го ранга. — Майор, займись роботами.

Значит, сами на abordаж не полезем, с облегчением сделал вывод Андрей. Вскоре в отсеке появился бортовой врач, умеющий, как выяснилось, управлять роботами. Как только «Собака Баскервилей» уравнила скорость с подбитым судном, пара машин выбралась из люка. Выпустив короткие струйки ракетного пламени, роботы преодолели пустоту, разделявшую корабли.

Пока вмешательств оператора не требовалось. Похожие на пауков роботы побегали по сильно поврежденному корпусу, нашли подходящую пробоину и проникли во внутренние отсеки. Пошла телеметрия: ничего похожего на воздух внутри не было, температура конструкций стремится к абсолютному нулю. Мертвый корабль. Не меньше семи попаданий средним калибром понаделали больших дыр, атмосфера вытекла в пустоту.

Подсвечивая фарами и отращивая по мере надобности дополнительные руки-ноги, «паучки» побежали в разные стороны. Одного доктор послал в носовые отсеки, второго — в кормовые.

— Хотите осмотреть кабину и двигатель? — блеснул сообразительностью Андрей.

— Не совсем, дорогой коллега, — рассеянно пропыхтел майор, напряженно рассматривая интерьеры, передаваемые роботами. — Черт, не получается сразу двумя управлять... Трюм для нас важнее моторных отсеков. Не так ли?

Гагиев загадочно подмигнул, но вдруг стал серьезным и отвернулся к приборам. Андрей заподозрил, что доктора спугнул неожиданно вошедший в отсек Юджин.

— Привет, — сказал физик. — Вы просекли, что старик творил? Я такой пилотаж только в кино видел!

Робот наконец проник в рубку подбитого судна и включил все свои светильники. Люди увидели пульт и два тела в креслах. Два пилота: типичный валдад, похожий на сильно раскормленную земную саранчу, и кто-то, напоминающий очень большого муравья. О таких существах Андрей прежде не слышал.

— Надо же... — Доктор присвистнул, поднял забрало шлема и почесал висок. — Кто-нибудь помнит, как эти зовутся?

— Прежде не встречались, — отмел от себя подозрения Андрей.

— Впервые вижу, — проговорил Юджин.

— Разберемся... — Врач-майор покачал головой. — Их совсем немного, живут в Республике и Империи. Буквально по одной планете в каждом государстве. Очень похожие расы, я все время путаю...

Он послал роботу какие-то кодированные указания, и «паук» засуетился, изучая оборудование рубки. Тем временем другой робот опять направился в сторону кормы. Видеокамеры бегущей машины показывали стены темных коридоров, изредка в пробоины заглядывали звезды. Трюм оказался заперт, робот не нашел замка и предложил порезать дверь лазером или плазмой.

— Да, прав Юджин, — Андрей вернулся к прерванному разговору. — Капитан сразу понял, что мы видим не развоенную трассу, но две разные.

— И это, конечно, тоже, — согласился физик. — Но как он сумел направить наш супердредноут к точке, где вынырнут в трехмерность те два корабля! Мы с Эльцвейгом замешкались, не успевали анализировать кривизну гипера. Так он вел галошу на ручнике, просто глядя на экран локатора.

— Опыт, — сказал Андрей. — Я слышал байки, будто старые космонавты умеют читать эти самые градиенты.

— Значит, не байки, по-иному не объяснишь, — вздохнул Юджин.

Робот вырезал солидный кусок переборки вместе с люком и просунул в темноту манипулятор с тремя — для получения голографического изображения — распараллеленными объективами. Перед людьми в трюме «Собаки Баскервилей» появилась нечеткая картинка чего-то, закрепленного захватами на палубе.

— Бомба, что ли? — неуверенно прошептал Гагиев. — Или десантный катер? Очень странная конструкция...

Вероятно, доктор, по причине своей тайной службы, хорошо разбирался не только в разумных расах, но и в созданных этими расами космических аппаратах. Однако физик Плахо заявил: дескать, ничего странного, потому как подобные машины должны выглядеть именно таким образом.

Через три с небольшим часа, когда буксир уволок подбитый валдадский пакетбот, капитан Харонов вернул «Собаку» в назначенный для них сектор патрулирования. На вахту, согласно расписанию, заступил старшина 1-й статьи Эльцвейг, Том отправился спать, а все прочие собрались в кают-компании. Приближалось время ужина, по новостям ничего интересного не передавали. То есть новости были старыми: Шоббихель повторял, что не собирается силой возвращать Редкош, а просто требует прекратить обстрелы своих войск, принимающих участие в учениях за пределами Конуса. В свою очередь кошты жаловались на шобби, которые под предлогом учений разместили возле границ Конуса тяжелую артиллерию, которая обстреливает пограничные гарнизоны Редкоша. Обе стороны грозили примерно покарать провокаторов.

— Что молчите, как рыбы об лед? — сурово поинтересовался командир. — Кстати, насчет льда... Кто помнит, при какой температуре вода кипит, — сто или девяносто градусов?

— Вообще-то девяносто — это прямой угол, — после паузы решил ответить Юджин. — Но только в гражданских учреждениях и при нормальном атмосферном давлении. А на военном флоте, да еще в условиях угрожающего положения, по-всякому случается.

Капитан 2-го ранга одобрительно хмыкнул. Доктор не к месту припомнил, как однажды пришлось повысить давление в отсеках, и вода кипела только при ста пятнадцати. На этом вновь наступило молчание, личный состав задумчиво ковырял вилками остатки провианта в тарелках.

— Может, нам дадут какую-нибудь информацию? — без надежды на положительный результат осведомился Андрей. — Черт знает что происходит, а мы ни черта не знаем.

Покосившись на него, командир провозгласил:

— Я тоже не знаю всех деталей. И никто не знает. Наша задача — быть готовыми к неожиданностям.

— Чем глубже мы будем понимать происходящее, тем лучше сможем встретить эти самые неожиданности, — сказал Андрей.

— Не уверен, хотя доля смысла в ваших словах имеется, — проворчал старик. — Майор, что мы знаем, кроме таблицы умножения?

— Немного. Шобби высадили два или три армейских корпуса на камушках в нейтральном пространстве. Если не ошибаюсь, эти планетоиды не привязаны к звездам и слоняются возле Конуса на расстоянии нескольких световых лет. Туда же направляется еще один караван, способный перевезти до двух корпусов со всей штатной техникой.

— Причем караван этот оххо-яширский, — уточнил Юджин.

— Вы напрасно в этом уверены. — Доктор кисло поморщился. — Корабли приписаны к неизвестно чьим портам, зафрахтованы частной компанией со смешанным рагвенско-ресовским капиталом. Неделью назад эти транспорты пришли с разных звезд в порты Оххо-Яшира, где разгрузились и приняли на борт немного товаров, после чего направились в Шоббихель, где простояли несколько дней. Вчера вдруг построились в походный ордер и взяли курс на Рудник. Кстати, прикрывают их вооруженные корабли частной охранной фирмы, входящей в знаменитую корпорацию «Жескеч». Так что вполне может оказаться, что пресловутый караван везет подкрепления для предстоящего нападения на Редкош.

— В башке не укладывается, — признался Харонов. — Яшки отважатся напасть на планеты, где наши гарнизоны стоят? Я понимаю, что они тупые, но не до такой же степени! Даже каракатицы должны понимать, как больно будут биты, если Земля пальчиком пошевелит.

— Кто-то сумел убедить их, что Красная Башня напугана предупреждениями больших держав, а потому не введет войска на помощь Редкошу.

Поразмыслив, командир согласился — мол, другого разумного толкования не видать. Однако старший лейтенант Машукевич имел собственное мнение, каковое решился высказать:

— Не обязательно искать разумное толкование, когда речь идет о малых странах. Эта галактическая мелочь постоянно ищет себе неприятности, а потом орет: помогите, маленьких бьют!

В подтверждение своих слов он припомнил десяток примеров за последнее столетие. Харонов, учивший курс военной истории в академии, несколько раз ошеломленно кивал, подтверждая, что подобные события имели место. Корабельный врач тоже оказался знатоком былых конфликтов и слушал с благожелательным интересом. Лишь в конце короткой лекции Гагиев нахмурился и недоверчиво переспросил:

— А ты не путаешь? Когда это яшки планету перцев захватывали?

— Было такое, помню, — сообщил командир. — Я тогда лейтенантом был на крейсере «Секира». Когда конфликт разгорелся, нас туда двинули. А вот историю с Эднеромке я не слышал.

— Засекреченный эпизод. — Майор укоризненно смотрел на борт-инженера. — Освещается только в учебниках для спецшкол. И старшему лейтенанту не стоило рассказывать об этом в присутствии людей без особого допуска.

— Вы намекаете на старшего лейтенанта Плахо или на меня тоже? — уточнил Харонов.

— Так ты в разведшколе, что ли, учился? — Юджин выглядел ошеломленным. — Ну и компания собралась!

Андрею пришлось объяснять недоразумение с его зачислением в резерв спецслужб. Командир хохотал, а майор не мог поверить, что инцидент 2387 года, когда Эднеромке чуть не объявил войну сразу трем сверхдержавам, описан в открытой литературе и даже преподается на истфаке гражданского университета. Для обоих старших офицеров оказалось большим сюрпризом, что технарь пишет диссертацию по военной истории. Впрочем, не меньше был озадачен и Юджин, считавший Андрея бездельником из шоу-бизнеса.

— Я был уверен, что вы состоите в действующем резерве и работаете под прикрытием, — признался доктор. — Многие наши офицеры выполняют специальные задания в сфере искусства.

Не слушая разведчика, командир задумчиво произнес:

— Удивил меня, парень. Что тебе непонятно с началом войны? Общеизвестно, как оно происходило. Тароги разбомбили свою планету, свалили вину на суликов...

— В том-то и дело, что ничего не ясно! — Андрей замахал руками, едва не опрокинув тарелку. — Нет никаких доказательств. Некоторые исследователи подозревают, что нападение на самом деле совершили войска Даласули. А кое-кто даже намекает, будто Глешнеке атаковали земные бомбардировщики, потому что Енисейскому было выгодно спровоцировать войну.

Лицо ветерана выразило крайнюю степень отвращения, и Харонов осведомился, какие придурки могли выдумать подобную глупость. Андрей сильно поразил старика, сообщив, что про участие земных бомбардировщиков говорят не только ломы с имперцами, но даже некоторые люди вроде Адольфа Сваниховского и Клариссы Латунной. Майор тоже помрачнел и высказал предположение, как бы с такими ренегатами поступили во времена Джангархана.

Дежуривший сегодня по камбузу старший лейтенант Плахо покидал грязные тарелки в регенератор, после чего спросил:

— Так я не понял — нападут яшки на коштов или нет? Даже для маленького гордого народа слишком глупо стрелять по нашим гарнизонам.

— Могут, — уверенно сказал Андрей. — Они, по простоте своей, нас всерьез не принимают. Примерно как деревенские свысока к городским относятся, так и малые государства страдают синдромом провинциального чванства. Они всерьез полагают, что имеют право ксеноцидировать слабых соседей и что никто из более сильных держав не способен их призвать к порядку.

— Насчет деревенских аналогия корректная получилась. — Юджин осторожно кивнул, почесывая который день не бритый подбородок. — А кто мне объяснит, почему рагвены расстреляли корабль Валдадниха?

— Без понятия, — буркнул майор Гагиев.

Он добавил, что подбитый корабль оказался вовсе не валдадским, а принадлежал какой-то небольшой фирме или частному владельцу вроде Эльцвейга. Легкий на помине Велимир немедленно нарисовался в проеме входного люка и попросил:

— Командир, космос чист, проблем не предвидится. Вот я решил забежать, обед взять.

— Быстрее, — раздраженно разрешил Харонов и продолжил, обращаясь к доктору: — Значит, частник-валдад взял на борт насекомого иностранца с непонятным грузом и попытался пересечь наш сектор с неизвестными целями, а злые рагвены послали боевой корабль, чтобы грохнуть его. Убейте меня, майор, но здесь что-то нечисто.

Возившийся возле кухонного агрегата навигатор охотно высказал ценное мнение:

— Заигрались люди со своими секретами, привлекли внимание. Думать нечего — интересовал гостей тот опыт, о котором Юджин рассказывал. Они шли в Алеф подсматривать, что там наши горе-ученые придумали насчет закрывать-открывать черные дыры. А наши пограничники догнали нарушителя и раздолбали к чертовой бабушке.

Постоянные нелепости с оскорбительным для человечества подтекстом раздражали не только Андрея. Командир весьма недовольным голосом напомнил Эльцвейгу, что нарушителя прикончил не земной, а рагвенский корабль.

Разумеется, судовладельца подобный довод ни в чем не убедил. Как и все ему подобные, Велимир априори был убежден, что люди заведомо виноваты во всех грехах и ничего хорошего сделать не способны, если не служат компаниям или государственным органам других держав.

Издавательски хохотнув, Эльцвейг намекнул: дескать, коварным людишкам ничего не стоило замаскироваться под корабль рагвенского флота. Желание набить морду туповатому подонку-судовладельцу стало нестерпимым. Если бы не реальная угроза трибунала за драку на борту, летать бы навигатору от переборки до переборки. Может, и трибунал бы не стал судить слишком строго, но рисковать Андрей все-таки не захотел.

— Ерунду болтаете, старшина, — с откровенной неприязнью отчеканил Харонов. — Если вы не способны отличить земной фрегат от рагвенского торпедоносца, значит, придется учинить вам повторный тест по соответствующей тематике. Валдада настиг и уничтожил корабль Мрагвенда — никаких сомнений. Это меня тревожит.

Не обращая внимания на искаженное обиженной гримасой лицо Эльцвейга, командир встал и направился к выходу. Он уже стоял возле распахнутого люка, когда Юджин небрежно проговорил:

— Эти два насекомых шли вовсе не в Алеф. Не открой рагвены пальбу, трасса вынесла бы их намного дальше, в область за пределами галактического рукава.

Доктор негромко добавил:

— Между прочим, в позапрошлом месяце туда пытались проникнуть публы, с полгода назад — рагвены. Причем это не государственные агенты, все корабли принадлежали частным компаниям, которые связаны с Ломандаром. Точнее, с концерном «Счастливое подземелье».

— Кто такие? — удивился Харонов.

Эльцвейг не смог удержаться и блеснул осведомленностью:

— Серьезная фирма, спонсируют венчурные работы и другие авантюры. Пару раз я получал их гранты. Короче говоря, там есть кое-что ценное... Капитан, вы знаете эти места?

— Плохое место. На картах отмечено как запретная зона.

Неожиданно для всех разгадку сообщил далекий от навигации Юджин Плахо:

— Место действительно страшненькое. Черная Долина, или Дырявая Пустошь. Там несколько сот ЧД, в смысле — черных дыр. Их там больше, чем звезд. Я работал в тех местах, когда писал диссертацию. Гравитационные ямы, тоннели, линзы, волноводы.

— Как ты мог изучать сектор, куда нельзя проникнуть? — недоверчиво переспросил майор.

— Дистанционно, разумеется. С обсерватории, дрейфовавшей в полусотне светолет от Черной Долины. Моей темой были ЧД кольцевого типа, так называемое Чертово Колесо. В них вторая космическая больше скорости света. Фотоны крутятся по замкнутым орбитам, так что накапливается информация со времен Большого Взрыва. Мои расчеты показали, что такие объекты существуют. Вернее — что теоретически они могут существовать. Мне так и не удалось доказать, что в центре Дырявой Пустоши скрывается Чертово Колесо. Туда почти невозможно заглянуть — центр прикрыт несколькими слоями гравитационных ловушек.

— Сколько же лет угробил ты на теоретическую абстракцию?! — поразился навигатор.

Физик пренебрежительно pokrивился, сделал жест, словно отбрасывает пренебрежения, и привел неотразимый довод:

— Работы щедро финансировались. В изучении такого феномена заинтересованы многие: космологи, военные, разведка.

Взгляд командира внезапно сделался жестким, и Харонов осведомился:

— Вы уверены, что агрегат в трюме клипера напоминает гравибуксир?

— Очень похож... — Андрею показалось, что Юджин сомневается в своих словах. — Таких конструкций я прежде не видел, маркировки нет, но похоже на очень мощный гравибуксир. Такие бывают в хорошо оснащенных экспедициях, чтобы вытаскивать небольшие зонды из черных дыр.

— Клад Императора! — возбужденно вскричал Эльцвейг. — Есть такая легенда: тысячи лет назад, когда рухнула то ли Четвертая, то ли Вторая Империя, сокровищницу спрятали в ЧД. Она там!!!

— Берешься угадать, в какой из восьмисот? — засмеялся физик. — Андрей, ты слышал эту легенду?

— Много разных слышал. — Андрей тоже заулыбался. — Про целые флоты, которые погрузились в черные дыры и ждут там своего часа в условиях замедленного времени. Жаль только, что из черных дыр улететь невозможно.

Посмотрев на него с жалостью, физик произнес:

— Эх ты, гуманитарий хренов. Даже удивительно, до какой степени невежественными бывают образованные специалисты... Объясню: черная дыра — это область пространства, для которой вторая космическая скорость превышает скорость света. Это вовсе не означает, что из ЧД невозможно вырваться. Вполне возможно — на сверхсвете. Существуют проекты таких кораблей: корпус из нейтрида, внутри — тонкая регулировка искусственной гравитации, чтобы выпрямлять искривления пространства.

— То есть это возможно?

— Чисто теоретически. Мы пока не умеем. И ни одна ныне известная цивилизация не умеет.

— Вроде бы «Бариках»... то есть суперлинкоры Ваглайча имели такую систему, — припомнил Андрей. — Только корпуса у них были не из нейтрида. Композит — материя плюс энергия.

— Тоже годится. — Юджин опять отмахнулся, потому что считал ерундой все, кроме своей научной работы. — Только все разговоры про сокровища — это бред пьяного придурка. Вы представьте, какая бездна информации может храниться в Чертовом Колесе!

Он пустился в объяснения, смысл которых, несмотря на множество страшных астрофизических терминов, понял даже историк. Юджин искал Чертово Колесо вовсе не из чисто академического любопытства. Внутри таких черных дыр, говорил он, кружатся фотоны, притянутые за миллионы лет и несущие информацию о всех событиях, случившихся в огромных объемах пространства. В разгар его лекции рассвирепевший Харонов погнался Эльцвейга на вахту. Обиженный судовладелец ушел, бормоча проклятия.

— Как я уже говорил, в Черной Долине сосредоточены сотни ЧД разных типов. Не удивлюсь, если окажется, что они созданы искусственно в незапамятной древности. Линзы, волноводы, резонаторы, фильтры — как будто специально расположены таким образом, чтобы фокусировать пучки квантов и гравитонов, фильтровать их, усиливать и направлять к центру системы. И если в центре находится Чертово Колесо, то можно послать туда зонд, который запишет все сигналы, накопленные за тысячи веков.

Мечтательно прищурясь, майор простонал:

— Там будут записаны все переговоры между штабами, правительствами и резидентурами!

— Сведения о перемещениях кораблей за миллион лет! — застонал Андрей. — Мы сможем точно локализовать границы древних государств.

— Тыфу на вас, шпионское племя! — У физика испортилось настроение. — Думаете о всякой чепухе! Там будет информация на сто порядков ценнее ваших идиотских военных событий — точная картина Большого Взрыва и расширения Вселенной.

— Каждому свое, — резюмировал командир. — Пойду, однако. И вам советую разбежаться по койкам.

Задумчиво поглядев на не закрытую стариком створку входного люка, Андрей заподозрил, что Харонов не зря предлагал экипажу поваляться в койках. Наверняка замышляется какая-нибудь каверза вроде учебной тревоги с разгерметизацией части отсеков.

Он почти угадал: буквально через полчаса, когда подходило время вахты старшего лейтенанта Плахо, командир объявил тревогу.

На сей раз Андрей забрался в скафандр и занял место возле «Ландыша» на полторы минуты быстрее, чем в прошлую тревогу.

— Тревога учебная, — объявил командир, выслушав рапорты о готовности. — Учимся отражать обстрел. Условный противник — вспомогательный фрегат «Василиса»...

Согласно вводной, «Собаке» и «Василисе» предстояло выпустить друг по дружке учебно-сигнальные снаряды и отработать отражение атаки огнем и маневром.

— Задание понятно, — отважно сражаясь с зевотой, отрапортовал заскукавший Андрей. — Огневые установки готовы, цель захвачена. Дистанция — три световых часа. Разрешите произвести первый пуск.

— Не гони лошадей, не опоздаешь... Целься не по самой «Василисе», но на несколько градусов мимо. А то еще залепишь в лоб на сверхсветовой встречной.

— Понял, командир. Жду приказа.

— Первый выстрел с дистанции два светочаса, второй — с полутора.

Два условно-боевых корабля сходились, одновременно выполняя защитный маневр типа «зигзаг». Суммарная скорость сближения менялась в интервале от четырех до девяти световых. Неуклюжий сухогруз, оснащенный тремя «Ландышами», выпустил учебную «Пиранию», опередив поединщика на несколько секунд. Выругавшись, Андрей нажал гашетку. Система наведения работала по старому доброму принципу «выстрелил — и забыл». Управлять снарядом в полете не нужно — боеголовка сама выйдет в заданную точку.

Учитывая дикую скорость снаряда, подлетное время составляло порядка четырех минут. Андрей обвел фотокарандашом голографическую точку — снаряд, выпущенный с «Василисы». Затем он вызвал программу перехвата, которая зацепила приближавшийся снаряд и с дистанции светового часа запустила боевую «Пиранию». Спустя минуту снаряды, сблизившись, закружились: один пытался уклониться, другой — войти в зону поражения. Два взрыва полыхнули практически одновременно. И «Собака», и «Василиса» перехватили выпущенные в них снаряды.

Командиры кораблей переговорили со штабом бригады, после чего Андрей получил новую вводную: следующую мишень уничтожить пушками. Вмешательства оператора опять-таки не потребовалось. «Молибден» заметил цель, навел установку и расстрелял на безопасной дистанции. Скомандовав отбой, капитан 2-го ранга велел артиллеристу явиться на разбор.

Вылезать из жесткого боевого скафандра — непростое занятие. Андрей долго пытался расстегнуть замок на спине, но, к счастью, в отсеке появился доктор. С помощью майора он гораздо быстрее избавился от неудобной шкуры и, поблагодарив, собрался бежать к Харонову. Придержав его за руку, Гагиев попросил:

— Не говорите старшине, что я копался в памяти его компьютера. И вообще, не надо больше шутить про мою работу в контрразведке.

— Конечно, коллега, мы же к одному семейству приписаны, — старший лейтенант подмигнул, однако продолжил вполне серьезно: — Только он и сам должен догадаться.

— Глуповат он, — пренебрежительно сказал майор. — Привык иметь дело с таможей, с полицией, но не с нашей конторой. Он подозревает не меня, а вас.

— Надо же! — Андрей заржал. — А что вы, если не секрет, искали в навигационной системе? Ну в тот раз, когда выключили локатор?

— Который день ищу, — пожаловался контрразведчик. — Вы думаете, этот корабль случайно попал под мобилизацию? Нам очень нужен был предлог, чтобы внедрить на борт своего человека.

Пока они шли по коридору в сторону рубки, Гагиев намекнул, что Эльцвейг часто совершает странные перелеты, которыми весьма заинтересовались земные спецслужбы. По словам контрразведчика, он пытается найти список маршрутов, но проклятый контрабандист очень хитро припрятал все координаты.

— Не там искали, — усмехнулся Андрей. — Навигацию он записал в кулинарный раздел.

— Вы уверены?

— Случайно наткнулся, когда искал рецепты для кухонного робота.

— Рецепты как раз в навигации хранятся, — сообщил майор. — Опытный конспиратор.

— Не конспиратор. Безалаберный беззаботный придурок.

— Прекрасная маска для серьезного противника, — назидательно произнес Гагиев и внезапно сказал без всякой связи с предыдущим: — Совершенно не понимаю, о чем вы спрашиваете...

Фраза предназначалась явно для Эльцвейга, стоявшего возле переборки. Судовладелец

оглянулся, подозрительно поглядел на Машукевича и метнулся к выходившему из кают-компания физику.

— Юджин, я догадался, для чего столько кораблей пытаются проскочить в Дырявую Пустошь! — вполголоса сообщил он. — Они собираются вытащить что-то из черной дыры.

— Это мы уже без тебя поняли, — сонно пробормотал Юджин. — Но мы не знаем, что именно им нужно и в которой дыре это находится.

— Но ведь ты — лучший специалист по кольцевым дырам!

— Не лучший, а единственный. Ну и что?

— Значит, никто лучше тебя не сможет определить, которая из дыр нам нужна?

— Допустим. — Физик зевнул. — Отстань, противный, я спать хочу.

Вырвавшись, он побрел к своей каюте, сопровождаемый плотоядным взглядом Эльцвейга.

— Почуяли запах наживы, старшина? — покровительственным тоном осведомился Андрей. — Поговорите с друзьями из той фирмы, они наверняка знают, зачем посылали наемников на верную погибель.

— «Счастливое подземелье» — серьезная фирма, — вздохнул Эльцвейг. — Они больше приказывают. Может, и не станут со мной разговаривать.

Гагиев вкрадчиво намекнул, что вопрос надо тщательно перетереть без посторонних. Они скрылись в кают-компании, Андрей не сомневался, что за непринужденной беседой майор выкачает из контрабандиста много сведений, интересующих контрразведку.

— Долго же вы добирались от огневого поста, — приветствовал его командир. — Тридцать метров за сорок две минуты — черепаха помрет, обзавидовавшись! Может, в оперный театр по дороге заглянули?

— Виноват...

Не слушая оправданий, капитан 2-го ранга назвал учения полным провалом — ни один снаряд не поразил цель. В бою, бушевал Харонов, важно не только свой корабль уберечь, но и противнику нанести урон. Выказав ряд неприятных мыслей о боевой подготовке офицеров запаса, старик неожиданно сменил гнев на милость, сказав добродушно:

— Не уходите в себя, старший лейтенант, там я вас в два счета найду.

Последовала содержательная и познавательная лекция о том, как правильно обстреливать вражеские корабли. К своему стыду, Андрей узнал, что надо запускать залпом несколько «Пираний», причем есть программа, которая задаст каждому снаряду особую трассу, так что мишень будет атакована одновременно с нескольких направлений. Соответственно и умный противник ударит в наш корабль серией боевых и ложных боеприпасов. Как сказал командир, отражение таких комбинированных ударов станет задачей завтрашних учений.

Обстоятельный инструктаж на завтра получился чрезмерно информативным. Попутно Харонов посетовал, что в комплект программного обеспечения для вспомогательного флота не входит «Самовзвод». При загрузке этой программы огневая точка выбирает мишени и стреляет практически без участия оператора.

Внезапно капитан 2-го ранга прислушался, резким движением схватил пульт и прибавил звук видеофона. Ведущий программы новостей говорил:

— ...объявили о прекращении огня. Генеральный штаб Шоббихеля заверил, что приступает к отводу войск из района завершившихся учений. А теперь на связи Федора Ли и Роберто Юнг, наши корреспонденты в штабе войск, охраняющих Рудник.

На экране появилась блондинка-секси, тараторившая с огромной скоростью про громадный контингент землян, чудовищные потери правительственных сил Редкоша, колоссальные разрушения в результате массированного обстрела.

— Сейчас мой коллега Роберто Юнг берет интервью у генерала, который здесь командует, — небрежной скороговоркой проговорила блондинка. — Роберто, ты готов?

На экране появились невзрачный бородатый мужичок в походно-рыболовной робе и вовсе не генерал, а капитан 1-го ранга. Бородатый сообщил:

— Да, Федора, мы готовы... — и обратился к военному: — Как вы можете прокомментировать...

Харонов опять прикрутил звук и пробормотал, насупившись: дескать, из такого репортажа ничего понять невозможно.

— Разрешите идти? — согласно Уставу, спросил Андрей, чувствуя, что разговор исчерпан.

— погоди. — Старик насупился. — Говоришь, какие-то уроды гонят, будто земляне разбомбили Глешнеке? Посмотри на карту.

Он включил трехмерную проекцию и показал, что единственная база, с которой предвоенные бомбардировщики «Валькирия» могли бы достигнуть Глешнеке, находилась в скоплении Трамплин. Рейд получался рискованный, на пределе дальности, а дозаправка в чужом территориальном пространстве практически исключалась. Однако, по мнению многих исследователей, кровавый диктатор Енисейский вполне мог рискнуть ради развязывания новой галактической войны. Услыхав об этом, Харонов переспросил, правильно ли он понял.

— Именно так и говорят, — подтвердил Андрей. — Звено «Валькирий» нанесло удар с базы «Аванте» в скоплении Трамплин.

Самодовольная ухмылка ветерана показала, что Харонов ждал именно такого ответа и старику есть чем возразить.

— Между сверхдержавами было соглашение о невмешательстве, — провозгласил капитан 2-го ранга. — То ли Енисейский договорился насчет инспекций, то ли Кнауб. Наши крейсеры несли дозорную службу возле передовых баз Ломандара и Двенадцатой Империи, а имперские и ломские корабли наблюдали за нашими, в том числе за «Фронтиром» и «Аванте». Бомбардировщики никак не могли взлететь незамеченными. Ресы тогда вроде бы не пожелали с импами и людьми договариваться, но флот ломов за ними присматривал.

Это была настоящая сенсация, покруче дедушкиных видеозаписей! Из клешней, клыков и щупалец врагов человеческой расы выбивалось ядовитое оружие, которым на протяжении десятилетий пытались уколоть Солнечную Державу. К тому же резко сокращалось число стран, которые могли нанести удар по злополучной планете Глешнеке. И для диссертации будет полезно, если автор сумеет раскрыть много старых секретов.

Прогнав эйфорию, Андрей постарался мыслить логично. Сенсация казалась блистательной, если не считать пикантного обстоятельства: он не был уверен, что словам Акима Харонова можно доверять. Стариковская память — не самый надежный источник достоверных сведений. К тому же ветераны, рассказывая о временах молодости, многократно преувеличивают количество покоренных женщин, выпитого алкоголя, других подвигов и вообще добавляют излишне красочные детали, не имеющие точек соприкосновения с реальностью.

— Вы уверены? — тактично поинтересовался Андрей. — Я прежде не слышал про этот взаимный контроль.

— Накануне войны крейсер «Секира», на котором я служил, стоял возле ломской базы... — Старик пошевелил губами, с трудом выговаривая нечеловеческое название: — «Хайдротиусоогр». Крейсер сейчас в музее пылится, бортовой журнал доступен.

Будем надеяться, подумал Андрей, готовясь продолжить вопрос. Он твердо настроился вытянуть из старика всю информацию до последнего, как любит шутить Савва, миллибайта.

— Подскажите, командир, как узнать названия чужих кораблей, стоявших на «Аванте»?

Заглянув в память мобильника, где хранилось множество фильмов и книг, Харонов назвал мемуары адмирала Франка Цин-гао, служившего в Главном Космическом Штабе.

— Он курировал эти вопросы, — пояснил старик. — Кажется, даже перечисляет корабли, включенные в эскадру взаимного наблюдения.

Записав название книги, Андрей вдруг вспомнил, что натыкался на отрывки из воспоминаний маршала Ариэля Копфа, который в годы той войны командовал ударными силами дальнего действия. Кажется, старый военачальник был еще жив и продолжал работу

над мемуарами. Надо будет поискать, какие главы уже опубликованы, и попробовать связаться с бесценным источником информации...

Внезапный сигнал заставил вздрогнуть, напомнив о печальном обстоятельстве: он вовсе не берет интервью у важного свидетеля, а несет службу на боевом корабле. Между тем на мониторе гиперсвязи появился командир бригады, с озабоченным лицом объявивший всем кораблям состояние «Кобра». Сказав положенное согласно Уставу «Есть», Харонов включил сигнал боевой тревоги.

Вой сирены наполнил отсеки, а голограмма перед командиром вспомогательного корвета «Собака Баскервилей» уже показывала внезапно изменившуюся обстановку и сектор, куда должны выдвинуться несколько кораблей бригады.

Насколько мог понять Андрей, тактические значки на голограмме означали, что началась война.

Глава 8

Быстрые и резкие изменения

Федора Ли и Роберто Юнг, надрываясь, голосили, что на гарнизон падают сотни вражеских снарядов, что все укрытия разрушены массированным огнем противника, который применяет все мыслимые и немыслимые боеприпасы. Скорее всего журналисты плохо понимали смысл слов, которые произносят, поэтому несли всякую чушь. Их вопли отвлекали, поэтому Андрей выключил канал новостей.

Половина кораблей осталась на прежних позициях, охраняя подступы к земным границам. Пять самых боеспособных — торпедоносец «Старательный», вспомогательные фрегаты «Подвеска королевы» и «Василиса», вспомогательные корветы «Ниагара» и «Собака Баскервилей» — выдвинулись в район выжидания.

Затолкав себя вместе со скафандром в ставший почти родным огневой отсек, Андрей слушал командира, который четко, по пунктам, зачитывал боевой приказ.

Приблизительно два часа тому назад правительство Шоббихеля в очередной раз объявило, что не намерено применять силу для возвращения Редкоша, отторгнутого земными агрессорами. Немного позже шобби прислали сообщение: дескать, к астероидам, где стоят участвовавшие в маневрах войска, направлены транспортные корабли, которые вывезут живую силу и технику. Спустя полчаса войска на планетоидах начали массированный обстрел Редкоша, выпустив тысячи самонаводящихся снарядов. Обстрелу подверглись военные корабли коштов и гарнизоны в пределах скопления Конус. Имеются потери среди мирного населения, вооруженных сил Редкоша и земных войск, дислоцированных на планетах дружественного государства.

— В настоящее время по приказу командующего военным округом наши войска ведут ответный огонь с целью подавления вражеской активности, — продолжал капитан 2-го ранга. — Противник начал выдвижение мобильных средств. Боевые корабли Шоббихеля вошли в территориальное пространство Редкоша, следом идут десантные корабли и пехотные гиперлеты. Противник высадил десанты на ряде планет и вступил в бой с нашими войсками. Главные силы округа готовятся нанести ответный удар. В этой обстановке сводному отряду нашей бригады поручено прикрыть огнем населенный пункт Рудник на второй планете...

Заглянув в справочник, Андрей узнал, что звезда Конус-7918 пережила взрывную фазу несколько миллионов лет назад, после чего превратилась в белый карлик. Пресловутая вторая планета побывала внутри короны Новой, сильно оплавлена и богата редчайшими минералами. Рудник — единственный населенный пункт планеты, все двести с небольшим жителей которого — люди, работающие на горнодобывающих предприятиях.

Резкий толчок и сильное головокружение подсказали, что «Собака» совершила прыжок через гипер. На обзорной голограмме засверкал ослепительный шар белого карлика. В эфире затараторили стандартные фразы, словно кто-то читал вслух Устав: штаб бригады

опрашивал корабли, а командиры отвечали: мол, у нас все в порядке.

— Внимание личному составу, — вновь заговорил командир. — Других земных кораблей, кроме нашей бригады, в системе нет. Первые снаряды противника уже достигли планеты, дроны и пехота — на подходе, наши главные силы подоспеют примерно через час. Машукевич, твоя задача — сбивать все, что приближается к планете и не отвечает на распознаватель «свой — чужой». Твои мишени — от половины мегаметра от поверхности и дальше. Все, что ближе к планете, — не твоя забота, ими займутся войска гарнизона. Задача ясна?

— Так точно!

— Гагиев — на помощь Машукевичу.

Мелькнула раздраженная мысль: «Какая, на хрен, от него помощь...» Еще он подумал, что на планете кроме двух сотен операторов горных машин есть какое-то количество военных, которые будут уничтожать прорвавшиеся снаряды.

Тем временем пять кораблей бригады уже тормозили, занимая предписанные позиции вокруг горячей планеты. Белый карлик посылал фотоны в затылок Андрею, то есть не мешал прицеливаться, вдобавок освещая планету. Природа раскрасила безымянный мирок в красно-бурые цвета с редкими желтыми и черными узорами. Подлетающие снаряды противника были слишком малы и быстроходны — не разглядеть даже в самую сильную оптику.

Где-то далеко, в двух десятках светолет отсюда, где не светят близкие звезды, шобби развернули на планетоидах мощную артиллерию. Громадные пушки забрасывали боеприпасы в гиперпространство, снаряды за считанные секунды преодолевали большую часть пути, возвращаясь в трехмерный космос в пределах звездной системы Конуса-7918. Точность такого обстрела получалась низкой, снаряды выходили из гипера с большим рассеиванием и самостоятельно брали курс на заданные цели.

Андрей не сомневался: в процессоры снарядов записаны координаты мишеней на планете. Наверняка шобби пытаются выбить все военные объекты, включая гарнизоны, пусковые установки, позиции боевых машин, космодромы, узлы связи. Столь же несомненно, что эти мишени заблаговременно замаскированы, прикрыты голографическими масками, искажающими вид рельефа. Главные же объекты должны быть защищены силовыми полями.

Голограмма дополненной реальности показывала планету, пять кораблей бригады, пограничный сторожевик, главные пункты на поверхности и белые точки направлявшихся к планете самонаводящихся контейнеров с боеголовками. Как только бригада во главе со «Старательным» заняла позицию, управление огнем переключилось на старшего артиллериста. На голограмме был обозначен сектор ответственности «Собаки Баскервилей»

Обязанностей у Андрея было немного: едва какой-нибудь объект приближался к планете на световой час, то есть подлетного времени оставалось около трех минут, оператор тыкал в белую точку мишени световым карандашом. Система наведения захватывала цель, наводила и выпускала на перехват «Пиранию». В случае промаха робот фокусировал на прорвавшуюся мишень «Молибден» и посылал тахионный импульс. Если пушке не удавалось сбить контейнер, в действие вступали средства противокосмической обороны планетарного гарнизона.

За первую четверть часа боя в секторе Андрея появилось десятка два снарядов, из которых он сбил больше половины. Несмотря на все усилия оборонявшихся, примерно каждый десятый боеприпас достигал планеты. Ядерных взрывов пока не было — то ли шобби побаивались ответного удара, то ли не хотели причинять слишком серьезные повреждения, надеясь захватить наземные сооружения.

Внезапно интенсивность бомбардировки резко снизилась. Андрей без труда перехватил последние снаряды и вздохнул с облегчением.

— Отбились? — громко, с надеждой в голосе спросил Гагиев.

Повернув шлем, увидел доктора, стоявшего в нескольких шагах от кабинки огневого поста. Пожав плечами, старший лейтенант неуверенно промямлил:

— Не стал бы надеяться на такой легкий финал. Может быть, закончили артподготовку и теперь бросят на штурм пехоту. Наши еще не подходят?

— Пока нет. — Майор вздохнул. — Правительство Шоббихеля объявило, что по просьбе благоразумной части коштов направляет свое победоносное воинство в решительный бой, чтобы освободить от колонизаторов миры, по праву принадлежащие головоногой расе.

— Никогда эти миры им не принадлежали! — возмущенно зафыркал Андрей.

Не дослушав гневной тирады, Гагиев обеспокоенно поинтересовался:

— Что-то прямо к нам летит...

— Красного цвета — значит, наш, — успокоил его борт-инженер, он же артиллерист.

В наушниках рявкнул голос командира:

— Плахо, Феррари! Бегом в трюмный отсек к шлюзам! Примите контейнер с боеприпасами.

— Это вовремя, — обрадовался Андрей. — Я три четверти боевых снарядов расстрелял.

Некоторое время по внутренней коммуникации звучали только приглушенные стоны гипермастера и механика, которым выпало принимать громоздкий контейнер со снарядами, грузить обоймы на летающие тележки и транспортировать в соседний трюм, где размещались зарядник и огневой пост. Потом они с помощью Гагиева подтянули боеприпасы поближе к основанию башни, выкинули пустые обоймы из подавателя, вставили на их место новые, со снарядами.

Они уже заканчивали работу, когда пространство системы наполнили десятки белых точек, и число снарядов непрерывно возрастало. Противник возобновил обстрел. Теперь ежеминутно в сектор врывались не меньше десятка мишеней.

— Томми, пушке не хватит энергии! — заорал Андрей, лихорадочно помечая фотокарандашом снаряды. — Переключи все каналы на зарядку.

— А снаряды? — растерялся механик.

— Беги, мы с доктором привезем, — сказал Юджин, подталкивая Тома.

Все ушли, оставив Андрея наедине с пультом управления. Выстрелив пять раз за минуту с небольшим, «Молибден» полностью разрядился, теперь вся надежда была на «Пираний». От греха подальше Андрей перевел систему управления на залпы двумя снарядами по каждой мишени. В следующие две минуты он израсходовал две обоймы, но поразил все цели. Краем сознания он зафиксировал голос командира, спрашивавшего про потери на «Подвеске королевы».

Внезапно до него дошло: новую волну снарядов шобби нацелили не на планету, но на корабли. Видимо, противник добился попадания во вспомогательный фрегат. Андрея прошибло волной холодного пота — следующий снаряд мог достать «Собаку Баскервилей». Он задал новый режим стрельбы — три снаряда в залпе по каждой мишени, чтобы до предела снизить вероятность прорыва вражеских боеприпасов. К счастью, Том Феррари добежал до распределительного щита, так что теперь энергия поступала в накопители пушки по всем каналам, и «Молибден» мог выпускать до десяти импульсных серий в минуту.

Гагиев и Плахо пригнали еще десяток обойм и занялись перезарядкой подавателя. Голограмму рябило от множества объектов, непрерывно моргали сигнализаторы запуска «Пираний» и пушечной стрельбы. Потом какой-то удачливый снаряд противника прорвался через заградительный огонь, описал замысловатую фигуру пилотажа, увернулся от лихорадочно палившего «Молибдена» и нацелился в кормовую часть «Собаки».

«Вот и отвоевались», — отстраненно подумал Андрей, продолжая размахивать светящимся кончиком фотокарандаша. Один снаряд типа «Пираний» вполне мог покончить с непригодным для войны вспомогательным корветом. Он машинально метил следующие мишени, каждую секунду ожидая взрыва, но боеголовка так и не ударила в корпус, и Андрей решил, что вражеский снаряд, наверное, проскочил мимо корабля или не сработал дистанционный взрыватель.

Через несколько минут сквозь огонь проскочил еще один самонаводящийся подарок от шобби. Этот взорвался на небольшом расстоянии, корпус вспомогательного корвета загудел, но сигналов тревоги и разгерметизации не последовало. Размышлять о причинах такого везения времени у Андрея не оставалось — он превратился в робота, не способного бояться или размышлять на посторонние темы. Все внимание было полностью приковано к белым точкам мишеней, которые приближались со всех направлений.

Точка — фотокарандашная пометка — глаз находит следующую цель — рука тычет в нее светящимся цилиндром. Он повторил эту процедуру несколько десятков или сотен раз, выпустил неизвестное количество боеприпасов и тахионных пакетов. Еще один снаряд прорвался к «Собаке», но взрыва не последовало. Однако спустя некоторое время неизбежное все-таки случилось.

Удар пришелся по корпусу, в дальнем конце отсека через распоротую обшивку можно было разглядывать звезды. Андрей мысленно возблагодарил мудрых предков, составивших Боевой Устав. Если бы не скафандр, он бы сейчас корчился, задыхаясь и ловя воспаленными ноздрями последние молекулы уходящего за борт воздуха.

— Доктор, Юджин, вы целы? — крикнул он, не прекращая световой маркировки снарядов, непрерывным потоком летящих на корабль. — Что происходит, черт подери?!

— Ты стреляй, не отвлекайся, — прокряхтел в ответ Юджин. — Все живы, пробита обшивка в двух отсеках. Мы загружаем в твою пушку последние восемь обойм.

— Кончай врать, не мог я за двадцать минут столько снарядов выпустить.

— Какие двадцать минут, Машукевич? — Это пыхтение было, видимо, голосом Гагиева. — Обстрел продолжается больше часа... Ну вот, все боеприпасы в подавателе, у тебя полтысячи снарядов.

Плотность неприятельского огня стала чуток поменьше, то есть боеприпасов должно было хватить минут на 15–20, не больше. Слившись в бешеной пляске смерти с орудием, Андрей продолжал сражение, где снаряды поражали не столько живую силу, сколько себе подобных. Обстрел прекратился, когда в заряднике осталось две обоймы — меньше сотни «Пираний» в боевом снаряжении. В разбросанных по палубе обоймах должно было оставаться примерно столько же учебных снарядов. Андрей подумал, что придется стрелять ими, если совсем припечет, — хоть один из десяти слабых зарядов собьет вражеский контейнер.

— Я даже не заметил, как время утекает, — признался он слабым голосом. — Где наш флот?

— Атакованы другие системы, густонаселенные. — Майор отвечал равнодушно, словно ему не впервой погибать в неравном бою. — Корабли направлены туда.

Взгляд на приборы показал, что давление в отсеке медленно поднимается. Видимо, кому-то или чему-то удалось залатать пробоины. Скорее — чему-то: ведь ремонтом занимаются роботы.

Подняв забрало, Андрей отдышался ледяным воздухом. Потом нащупал под пультом флягу-термос и большими глотками выпил с пол-литра минеральной газировки — отличное средство при учащенном сердцебиении. Волнение отступало, вытесняемое зверским аппетитом. В скафандр были встроены баллончики с бульоном и горячим шоколадом, но организм требовал много больше калорий.

По трансляции заговорил командир бригады, сообщивший о потерях. Сильнее всех пострадала «Подвеска королевы», получившая до десятка попаданий. «Собака Баскервилей» с ее двумя пробоинами отделалась легче остальных. Огнем всех подразделений удалось перехватить более трех тысяч самонаводящихся снарядов среднего и крупного калибра, поверхности планеты достигли менее тысячи боеголовок, из них три четверти — до вступления в бой бригады. В результате вражеского обстрела выведено из строя до половины всех огневых средств гарнизона, убито около сорока человек — военных и гражданских.

— На остальных участках противник действовал по одному шаблону, — продолжал капитан 1-го ранга. — Сначала — массированный артобстрел, затем — в систему входят корабли военного флота и наносят удар по нашим кораблям. Одновременно начинается атака пехоты и танков на гипертранспортерах. Поэтому я ожидаю нападения в ближайшие полчаса — час. С учетом сил, задействованных в других системах, противник сможет двинуть против нас два-три корабля второго ранга, не более десяти корветов, два тяжелых транспорта с десантом и до двух пехотных бригад на батальонных транспортерах. Наш флот подойдет на помощь примерно в то же время. Пока могу только боеприпасы подбросить.

Помощники артиллериста, то есть доктор и гипермастер, потащились принимать очередной контейнер со снарядами. Пока их не было, заглянули Велимир и Том, сопровождаемые ремонтным роботом. Оглядев наспех заделанную пробоину, оба некрасиво выразились и принялись накладывать дополнительную заплату. Пока робот крепил к обшивке лист армированного пластика, люди подошли к артиллеристу.

— Нормально ты отстрелялся, — одобрил Том и протянул упаковку. — Жрать хочешь?

— Благодетель! — Андрей торопливо развернул автотермическую упаковку и впился в большой бутерброд. — Как будто год на голодной диете держали.

Не переставая жевать, он перезаряжал пушку, собирая в две обоймы все сигнальные и учебные снаряды. Автомат заряжания громко лязгал. Недоумевающе проследив его манипуляции, боевые спутники махнули рукой, принявшись обсуждать первые стадии сражения.

— Когда первая бомба прорвалась, я думал — хана, — признался Велимир. — Разнесут в мелкие дребезги, даже страховку получить не сумею.

— Три вдовы поделят, — заржал Томми.

— Хрен им достанется, а не деньги, — окрысился судовладелец. — Две старшие дочери могут претендовать...

Немного подумав, он вдруг изрек: мол, надо бы написать завещание, а то младшей ничего не достанется, потому как несовершеннолетняя и к тому же в отцах у нее числится другой мужик.

— Может, и вовсе не твоя, — предположил Феррари.

— Моя... — Резонное замечание механика почему-то всерьез обидело Велимира. — Просто у меня получился роман с замужней пассажиркой. Я их возил по интересным местам, а мужик ее не просыхал. Ну, сами понимаете, даме захотелось приключений-развлечений...

Оборвав приятные воспоминания, Эльцвейг вновь заныл: дескать, корабль весь дырявый, обещанную военным ведомством страховку неизвестно как выбивать придется, да к тому же впереди бой против целого флота, так что наследницам придется получать через суд не только страховку за корабль, но и за жизнь папаши, но там бабла поменьше — всего полста штук ломской валютой...

Доев сдвоенный бутерброд, Андрей почувствовал себя получше и небрежно произнес:

— Попаданий могло быть и больше. Я пропустил четыре боеголовки, но две почему-то не взорвались.

Поскольку в отсек уже вернулись Юджин и доктор, его сентенцию выслушали все. Четверо переглянулись и начали хихикать. Эльцвейг просветил Андрея:

— На самом деле ты пропустил не меньше восьми. Говорите спасибо, что дядюшка Велимир вовремя сбрасывал мишени-приманки: шесть снарядов по этим пустышкам сработали.

— Не шесть, а три, — сварливо сказал командир с мостика. — Кончайте трепаться — и все за работу, подтаскивайте снаряды. Минут через десять главные силы врага появятся.

Когда народ убежал за остальными обоймами, Андрей поинтересовался, нельзя ли, пока затишье, сбегать в сортир, потому как пузырь начинает распирать. Суровый, но справедливый командир велел ему быть как все, то есть ходить под себя — для того и положено надевать памперс. За оставшееся до начала боя время, сказал Харонов, ты даже скафандр разгерметизировать не успеешь.

Едва друзья-помощники зарядили в «Молибден» все десять обойм и сложили поблизости еще столько же, командир выдал новый приказ: майору Гагиеву и старшему лейтенанту Плахо оставаться в распоряжении оператора огневой установки, капитан-лейтенанту Феррари — вернуться в машинный отсек, а старшине — явиться на мостик.

— Какие распоряжения, оператор? — осведомился измотанный погрузочными работами физик.

Осмотрев, отсек, Андрей потребовал убрать к чертовой матери пустые обоймы, загромадившие палубу отсека. Чертыхаясь, братва принялась складывать на платформы антиграв-тележек массивные кассеты. Они собрали не больше половины мусора, когда командир приказал готовиться к стрельбе. Спустя минуту на экране появились новые мишени.

Противник вторгся в систему Конуса-7918 через гиперпространство. Локаторы засекли одновременную материализацию полутора десятков крупных — в десятки килотонн — мишеней в радиусе пяти светочасов от звезды. Сориентировавшись, вражеские корабли набрали низкий свехсвет и двинулись к обороняемой планете. Цель их не вызывала сомнений: добить поврежденные обстрелом земные корабли, чтобы не мешали высадке десанта.

Примерно за сорок минут, выписывая сложные маневры, неприятель подошел к планете на два световых часа. В процессе сближения корабли перестроились: торпедоносец и два фрегата возглавили отряды, к каждому из них направлялись по три корвета. Три квартета сбросили скорость до полутора световых и начали новый маневр, готовясь зайти со стороны белого карлика.

— Начинаем атаку! — рявкнул Харонов. — Наша задача — прикрыть ведущего!

«Собака Баскервилей» рывком ушла с места дрейфа, следуя за «Старательным». Торпедоносец устремился на группу в составе фрегата и корвета, еще два корвета шли на соединение, но были пока далеко. Дистанция между кораблями быстро сократилась от четырех световых часов до трех, после чего противники начали тормозить. На дистанции трех световых часов и люди, и шобби лишь немного обгоняли свет — идеальная скорость для маневрирования.

Андрей запустил все боевые программы, про которые узнал от командира. Слишком умная система управления огнем то и дело предлагала варианты атаки, потому что неприятельский корвет вырвался вперед. Запросив у Харонова разрешения и получив приказ действовать без промедления, Андрей выпустил две пятерки сигнальных хлопушек, надеясь ими сбить с толку вражескую самооборону, а потом — столько же боевых «Пираний».

Отразить такую массированную атаку шобби не смогли, хотя вражеский корабль имел не меньше пяти огневых устройств посильнее древнего «Ландыша». Один учебно-сигнальный и два боевых снаряда просочились через оборону и разорвались в опасной близости от обшивки.

В голове засела некстати заученная когда-то фраза из Боевого Устава: «Современный бой характеризуется быстрыми и неожиданными переменами обстановки...» Расстояние до противника приближалось к двум светочасам, корвет начал отворот, при этом выпустил по «Собаке» и «Старательному» несколько тяжелых — каждый втрое-вчетверо массивнее «Пираний» — боеприпасов. Выстрелив по кораблю шобби еще три десятка снарядов, Андрей вновь взялся за фотокарандаш. Не успел он указать «Ландышу» первые шесть целей, как из пусковых аппаратов корвета вырвались новые самодвижущиеся устройства.

«Старательный» уже открыл огонь, запускал тяжелые гравиторпеды и длинные стаи малых снарядов, а также бил из пушек. Отправленные корветом подарки предназначались именно «Старательному», а не «Собаке Баскервилей» — шобби спешили разделаться с настоящим боевым кораблем, а потом без помех перебить вспомогательные тихоходы. Поэтому корвет и фрегат противника ожесточенно расходовали боекомплект, оставив без внимания остальных «звездных псов».

При такой интенсивности обстрела времени для активных действий не оставалось. Андрей вновь превратился в боевого робота, метил светом отметки вражеских торпедок, направляя против каждой по три «Пирании». Когда выдалась небольшая пауза между вражескими залпами, он взглянул на малый монитор и с радостью обнаружил, что три снаряда из последней серии, выпущенной по корвету, достигли мишени.

От момента начала дуэли прошло меньше получаса, «Старательный» получил одно попадание, вражеский фрегат — два, дистанция сократилась до светочаса. Поврежденный корвет продолжал развороты, Андрей при удобном случае вновь обстрелял шоббихельский корабль и продолжил стрельбу на перехват вражеских снарядов и торпед. На подмогу противнику приближалась отставшая пара корветов.

Когда вражеские отряды соединились, наконец-то достигли мишеней снаряды земных кораблей, запущенные десятком минут раньше. Сначала две «Пирании» взорвались на корпусе уже подбитого корвета, который — будто лбом на стенку налетел — резко сбросил скорость. Доктор физики старший лейтенант Плахо по такому поводу прочитал короткую лекцию: дескать, попадания «Пираний» вырубili гипердвижок, отключение поля деформации аннулировало сверхсветовую компоненту, так что псевдоимпульс поглотился высшими измерениями.

— То есть корабль продолжает движение со скоростью, которая была до выхода на сверхсвет? — переспросил Андрей.

— Ну, допустим, часть мнимого импульса все-таки передается в трехмерность... — Юджин помедлил, вспоминая заумные принципы сверхсветовой баллистики. — Да, точно, в каких-то случаях тело получает часть дефекта энергии... То есть я имею в виду...

— Без формул, пожалуйста, — взмолился борт-инженер. — Мне интересно, они при этом ускорение испытывали?

— Наверняка, — кивнул физик и уверенно продолжил: — Это может быть толчок, несовместимый с биологией. Если у них плохие гравитаторы, там происходит квантовый переход в состояние фарша.

Действительно, прекратив маневрирование, подбитый корвет летел по бестолковой траектории, удаляясь от планеты. Впрочем одна из трех огневых ячеек — видимо, в автоматическом режиме — продолжала бить очередями по «Старательному», поэтому Андрею приходилось тратить часть боекомплекта на перехват этих выстрелов.

Между тем бой «Старательного» с чужим фрегатом приближался к апогею апофеоза: пусковые трубы старого земного корабля методично выбрасывали боевые торпеды вперемежку с отвлекающими петардами. Чтобы окончательно заморочить систему обороны противника, комбриг приказал «Собаке Баскервилей» и оставшейся на орбите планеты «Василисе» усилить обстрел фрегата. Андрей дисциплинированно засадил по кораблику шобби длинную очередь сигнальных снарядов и вновь сосредоточился на перехвате выстрелов корвета.

Занятый несколькими делами сразу, он упустил пикантное развитие событий. Буквально за следующие пять-шесть минут ситуация в системе, подтверждая мудрость Устава, резко изменилась как минимум трижды.

Сначала выпущенные «Старательным» торпеды прорвали стену заградительного огня, и две боеголовки разорвались возле фрегата, повредив корпус огненным шаром взрыва и осколками. Пораженный корабль, раскидав по измерениям мнимый импульс, резко затормозился до сантисветовой скорости. От фрегата отстыковались две спасательные шлюпки — часть экипажа сбежала, бросив слегка помятый корабль и добрую половину личного состава.

Обстановка вторично совершила перемену — быстро и неожиданно — в следующую минуту, когда остальные десять кораблей Шоббихеля, не сделав ни единого выстрела и ни разу не попав под обстрел землян, стали удаляться от планеты, выписывая резкий вираж с одновременным набором скорости. Смущенный таким маневром комбриг немедленно приказал отступить ко второй планете системы. Однако шобби вовсе не собирались

атаковать Рудник — противник просто сбежал из боя. Все десять кораблей полным ходом уходили прочь.

Третье изменение случилось внезапно, хотя неожиданным не было. Все, кто сражался за Конус-7918, давно ждали, когда же это случится, и вот наконец дождались. В систему ворвались корабли земного флота — два крейсера, сопровождаемые легкими силами. Крейсера «Святогор» и «Субудай» трудно было назвать новыми кораблями, ибо серия «С» 9215-го проекта строилась еще в прошлую Галвойну, но по способности сеять смерть и разрушение каждый превосходил весь флот Шоббихеля.

С дистанции около четырех светочасов «Святогор» первым же залпом тахионных пушек прикончил подбитый Андреем корвет, после чего эскадра бросилась в погоню за бегущими шобби. «Старательный» приблизился к поврежденному фрегату и, кажется, собирался высадить бордажную команду. Экипаж «Собаки Баскервилей» остался не при делах и лишь любовался финалом космического боя. Майор даже робко намекнул, что можно по одному вылезти из скафандров и заняться личной гигиеной.

Одновременно с отрицательным ответом командира в системе появились новые мишени. Спустя считанные секунды распознаватель сообщил подробности: два крупнотоннажных грузовых корабля, полсотни гиперлетов-транспортёров и до двухсот беспилотных штурмовиков-дронов. Проще говоря, под раздачу пожаловал армейский корпус — пять бригад со средствами усиления.

Как это всегда случается, гиперпереход раскидал силы вторжения в пределах стандартной сферы неопределенности, пропорциональной расстоянию между стартовым и конечным пунктами. Сотни мишеней беспорядочно перемещались по всей системе, пытаясь собраться в боевые группы. Голос капитана 2-го ранга Харонова смачно проурчал в динамиках шлема:

— Идиоты, кто же так делает! — Командир добавил: — Машукевич, стреляй во все, что не отвечает распознавателю.

Поблизости, в радиусе поражения, оказались два транспорта и четыре дрона. Первым делом Андрей выпустил по две «Пираньи» в каждого из боевых роботов, а ближайшему добавил из пушки. Затем аккуратно прикоснулся кончиком фотокарандаша к голографическим символам транспортеров.

Гиперлеты были сравнительно недавней постройки — заводы 7-й Республики выпускали такую модель уже после Галактической войны. Огневой мощью и размерами эти машины немного уступали «Носорогам», на которых воевал дед Афанасий. Каждый транспортер перевозил до тридцати танков или боевых машин пехоты, то есть вмещал две пехотные или танковые роты. Наверняка конструкторы-ресы предусмотрели средства активной и пассивной самообороны, однако шобби не сообразили воспользоваться бортовым оружием.

Лишь один гиперлет обстрелял «Собаку Баскервилей» из гамма-лучевой пушки, но был поражен «Пираньями» прежде, чем запустил самонаводящиеся снаряды. Три боеголовки разнесли транспортер вдребезги. Второй гиперлет помчался полным ходом к планете, отстреливаясь от снарядов земного корабля и сбрасывая мишени-обманки. Одна «Пиранья» все-таки клюнула его в корму — гиперлет, потеряв способность маневрировать, промахнулся мимо планеты и по инерции продолжал уходить в бездну. Эфир заполнили сигналы бедствия.

Командиры транспортеров оказались очень смекалистыми каракатицами. Несмотря на массу анекдотов о тупости шобби, офицеры молниеносно поняли, что стали мишенями в космическом тире, то есть пора сматывать шупальца. Все сохранившие мобильность транспортеры разворачивали векторы движения прочь от звезды и старались нырнуть в гипер. Примерно половине машин это удалось. Двум тяжелым грузовозам повезло меньше: земные фрегаты взяли обоих на прицел и заставили сдаться.

Эту симфонию триумфа человеческого разума над негуманоидным варварством

испортила мелкая неприятность — штурмовики-беспилотники. В отличие от своих робких хозяев дроны не знали страха и продолжали выполнять заложенные в них программы. Сбиваясь в стаи, лишённые инстинкта самосохранения трехсоттонные роботы бросались на корабли людей, прорываясь на дистанцию пуска снарядов средней дальности. Заградительный огонь выбивал дронов десятками, но некоторым удавалось нанести удар.

В бешеной схватке Андрей вновь опустошил арсенал вспомогательного корвета, уничтожив дюжину дронов и несколько десятков малых торпед, выпущенных с удаления от половины до полутора световых часов. Два снаряда были оттянуты выстреливаемыми ловушками, но взорвались близко, вновь повредив корпус.

Трудно было поверить, но бой все-таки закончился, роботы заделывали пробоины, в заряднике оставались две полупустые обоймы, главной властью в системе стал штаб эскадры на «Святогоре». Из переговоров между крейсерами Андрей понял, что противник полностью разгромлен, а корабли шобби сбежали, не приняв боя и даже не попытавшись прикрыть свою пехоту. Еще офицеры крейсеров упомянули удар бомбардировщиков по неприятельской артиллерии на планетоидах, после чего прозвучало:

— Пара «би-пять» упала на планету. Там «эн-джи» подбитый вопит о помощи. Кажется, «эр-девять».

— Пехоты пока нет?

— Они в другом секторе заняты... О, тут же остались «эр-семь».

Обрадованный штабник на «Святогоре» вызвал «Старательного», в результате чего «Собака» получила приказ отыскать на темной стороне планеты в районе северного полюса поврежденную яхту «Фея джунглей» с гражданскими, за которыми охотятся высадившиеся на планету небольшие группы шоббихельских пехотинцев.

Согласно прижившимся в армии ССМ аббревиатурам, индексом «Би» обозначались силы и средства противника. В частности, пункт Би-5 означал гипертранспортеры. Код NG подразумевал гражданские суда, случайно оказавшиеся в зоне действий военного флота. Соответственно код «Гамма» с цифровыми индексами от 1 до 9 означал личный состав боевого флота, «Дельта» — наземные подразделения, а «Пси» — гражданских лиц, случайно оказавшихся в зоне боевых действий. Позиция R-7 платежных ведомостей относилась к вспомогательным силам флота, R-9 — к женскому персоналу.

Помнивший эти премудрости еще со времен армейской молодости, Андрей сделал вывод: гражданскому корыту с женщинами на борту грозит опасность в виде небольших подразделений каракатиц. Проще говоря, «Собаке Баскервилей» придется совершить посадку для эвакуации терпящих бедствие людей.

Харонов чертыхался, Эльцвейг матерился во весь голос и уверял, что все беды — от баб. Андрею было уже все равно — хотелось только вытряхнуться из осточертевшего скафандра и залезть под душ. От нечего делать Юджин поймал на свой мобильник передачу с «Феи». Из района северного полюса шел непрерывный панический репортаж: пара NG — Роберто Юнг и Федора Ли — наперебой рассказывали о сыпавшемся с темного неба ливне вражеских снарядов, несметных полчищах шоббихельского десанта и колоссальных потерях земных войск.

— Очередная вспышка взрыва затмила сияние звезд, — с надрывом стонала Федора. — Погиб еще один корабль человеческого флота. Сражение проиграно, нам остается лишь надеяться на последний чудом уцелевший крейсер, который прорывается сквозь бешеный огонь победившего врага, чтобы эвакуировать нашу съемочную группу. Если же и этот корабль будет уничтожен точным огнем безжалостных победителей, вспоминайте о нас. Федора Ли и Роберто Юнг ведут свой последний репортаж с безымянной планеты, превращенной бомбардировками в радиоактивную пустыню. Сегодня здесь поставлена жирная точка в летописи поражений человеческой цивилизации. Маленькая, но гордая раса указала людям их истинное место на галактических задворках. Гуманоиды снова проиграли, поэтому должны сойти с дистанции. Мы призываем соплеменников понять, что нас спасет не

бряцание оружием, не бессмысленная экспансия, не противостояние культурным продвинутым расам, но лишь признание высоких идей прав нечеловека. Лишь признав собственное убожество, мы дадим шанс будущим поколениям двуногих...

Первоначальное недоумение сменилось безразличием. Парочка репортеров относилась к многочисленному племени рафинированных интеллектуалов, искренне презиравших и ненавидевших собственную расу. Трудно понять, почему происходит подобное, но во все времена существовала крикливая прослойка придурков, которые бурно радовались любой неудаче себе подобных. Застрявшие возле Рудника корреспонденты до такой степени убедили себя в никчемности людей, что кричали о поражении в момент, когда земляне почти без потерь истребляли зазнавшихся каракатиц.

— Что болтает эта дура? — осведомился ошеломленный Юджин, разглядывая голограмму перепуганной Федоры. — Какие на хрен права нечеловека?

— Ренегаты, — односложно ответил Андрей. — Меня от них тошнит.

— Закуси соленым огурчиком, помогает, — хохотнул майор. — Между прочим, сама того не зная, дура делает полезное дело. В штабах противника наверняка слушают этот идиотский репортаж и частично дезинформированы.

Юджин, окончательно сбитый с толку сложной логикой контрразведчика, решил, что корабельный доктор издевается. Укоризненно посмотрев на старшего по званию, физик обиженно произнес:

— Хорошо прикалываться. Их штаб наверняка получил подробные рапорта от пехотных и корабельных командиров, поэтому должен знать наверняка, что их поймали во всех позах Камасутры.

Однако Гагиев ответил вполне серьезно: дескать, не каждый командир эскадры или бригады станет спешить с рапортами о поражении. По мнению майора, командиры каракатиц наверняка сообщают вышестоящим штабам о тяжелых боях с переменным успехом, вызывают подкрепления. Может быть, даже доложили, что одерживают победу.

— Точно говорите, так часто бывает! — вспомнив похожие документы, хорошо знакомые любому военному историку, Андрей засмеялся. — Потом объяснят, что совсем уж была их победа, но подлые гуманоиды прислали многократно превосходящие силы, так что доблестные каракатицы, несмотря на массовый героизм, были вынуждены отступить под натиском... Именно так пишут историю неудачники.

Развеселившись, он рассказал несколько анекдотов о придурковатых шобби, яшках и даласах. Планета давно исчезла с голограммы, превратившись в обычную карту местности. Мигающая зеленая точка показывала координаты корабля журналистов, с которого продолжали разноситься модулированные сигналы прямой видеотрансляции.

Когда «Собака» снизилась до двадцати с небольшим километров, на мониторе показались мелкие неприятельские машины — танки и БМП. Андрей машинально пометил их как мишени и выпустил четыре снаряда. «Пирании» не промахнулись. Еще две машины, фланировавшие в паре километров от «Фей джунглей» он расстрелял импульсами пушки.

На голограмме видеофона Федора, вскрикнув, схватилась за сердце. Запинаясь, побледневший Роберто Юнг продолжил рассказ о страшных событиях на радиоактивной планете:

— Бомбардировка продолжается с прежней яростью. Мы только что видели, как в горах совсем рядом от нас упали десятки ядерных боеголовок. Горный хребет, где держались последние подразделения людей, сметен с лица планеты. Это конец...

Его перебил визг Федоры. Лицо дамы-репортера перекосила гримаса ужаса, рука дрожала, указывая в иллюминатор.

— Там шобби, — истерично выкрикнула Федора. — Как объяснить им, что мы ненавидим заносчивых приматов-милитаристов, что мы всегда хотели, чтобы люди потерпели поражение...

— Может, не стоит их спасать? — задумчиво проговорил Юджин.

Эльцвейг загорелся этой идеей, стал убеждать всех: мол, не стоит зря кораблем

рисковать. Гагиев нехотя проворчал:

— Какие-никакие, но люди. Не бросим.

Чтобы подстраховаться от неожиданностей — не зря же Федора вопила про каракатиц вблизи от аварийного судна — Андрей очертил «Фею джунглей» кругом гамма-импульсов. Упавшие с неба лучи дали журналистам повод подробно рассказать о сражении в небе над планетой, о погибшем земном корабле и необходимости отказаться от звездной экспансии. Потом акулы пера увидели зависший над ними корпус и умолкли.

Просканировав окрестности, Андрей доложил командиру:

— В холмах к северо-востоку от кораблика разбитый танк и три БМП. И несколько живых шевелятся. Добить?

— Мог бы и не спрашивать, — разрешил Харонов. — Нужен доброволец. У кого есть опыт стрельбы на поверхности?

Андрей выпустил в сторону холмов «Пиранию». Журналисты плаксиво сообщили, что шобби возобновили обстрел, прикончив последних людей на планете. На этом радостном известии репортаж почему-то прервался.

— Придется мне за придурками прогуляться, — со вздохом вызвался Гагиев.

— Я тоже могу, — сказал Андрей. — Пусть кто-нибудь заменит меня около пушки.

— Плахо, замените его, — приказал командир. — Справитесь, гипермастер?

— Постараюсь.

Выбраться из кабинки управления «Ландышем» оказалось непростым делом. За четыре часа, несмотря на все устройства внутреннего массажа, мышцы затекли, спина не разгибалась, в ногах кололи десятки иголок.

— Машукевич, ты вообще «Гладиолусом» пользоваться умеешь? — спохватился Харонов.

— Обижаете. Три года танкистом отслужил.

«Гладиолус» — основное личное оружие земной армии — входил в комплект боевого скафандра «Гоблин» и прятался в футляре за спиной.

Притяжение радиоактивной планетенки было примерно вполовину нормального. Харонов с Эльцвейгом без больших проблем уложили «Собаку Баскервилей» на ровное место неподалеку от аварийной яхты. Между двумя кораблями, заслоняя обзор, вздыбился холм. Держа наготове короткоствольные машинки, Гагиев и Машукевич запрыгали по камням в обход возвышенности и вскоре очутились возле «Феи джунглей».

На вызовы по радио — и грависвязи журналисты не отвечали. Потоптавшись, возле корабельного борта, майор просто повернул внешний маховик. Оказавшийся незапертым люк открылся, впусив спасательную команду в тамбур-шлюз. Уравняв давление, они открыли внутренний люк и двинулись по широкому коридору гламурной яхты. Паркетный пол, перламутровые потолок и стены, позолота, стилизованные под старину светильники — отделка судна встала кому-то в немалую копеечку. Зато переборки поставить забыли, так что малейшая пробоина превращала «Фею» в благоустроенный гроб.

Из открытого люка позвякивала посуда и доносились нетрезвые голоса — мужской и женский. Журналисты жаловались на судьбу, ругали себя за глупое согласие лететь за фронтовыми репортажами.

— Может, не убьют? — с надеждой в голосе спросил Роберто.

— Хочется верить, — Федора шмыгнула носом. — Вдруг у босса проснется совесть, и нас выкупят из плена.

— Легко на помине.

Зазвучал новый голос — солидного дельца, привыкшего командовать мелкими служащими вроде режиссеров и журналистов. Босс приказал возобновить репортаж и показать побольше убитых землян, а также разбитые вражеским огнем земные корабли.

— Сейчас нас самих убьют! — взвыла Федора.

Босс успокоил их: дескать, шобби про вас знают, убивать не станут. На этом сеанс

связи оборвался, журналисты опустошили запасы ненормативных пожеланий, после чего решили продолжить репортаж и включили аппаратуру.

— Вы видите холм, за которым недавно упал сбитый корабль приматов! — с воодушевлением декламировал Роберто. — Грозный межзвездный дредноут превращен в груды обломков метким выстрелом воинов Шоббихеля. Эта мертвая машина, символ безумных имперских амбиций уродов из Красной Башни, сейчас олицетворяет победу маленького, но гордого свободолюбивого народа над безжалостным милитаризмом гуманоидов. Люди, еще не поздно покаяться, а не то карающие выстрелы звездных мстителей засверкают в ваших городах!

Они были так заняты своими проблемами, что не слышали лязганий шлюзного люка и шарканья тяжелых сапожищ в коридоре. Когда в отсек ввалились две громоздкие фигуры в боевых скафандрах, корреспонденты завизжали.

Надо было пользоваться моментом, поэтому Андрей подошел к объективам, опытным взглядом проверил, работает ли передатчик. Шла прямая трансляция, на контрольном мониторе держалась вполне приличная четкая картинка. Подняв забрало шлема, старший лейтенант улыбнулся и выпалил одним духом:

— Уважаемые зрители, теперь послушайте несколько слов правды. Уже несколько часов репортеры и владельцы этой медиа-компании лгали вам, будто люди проигрывают сражение за Конус. На самом же деле мы вдребезги побили каракатиц, подло напавших на наших друзей коштов. Кроме того, сейчас некто, кого журналисты называли «боссом», в присутствии офицера спецслужб признался, что его компания работает в тесном контакте с противником. Уважаемые зрители, могу заверить, что в скором времени на экраны выйдет новый сезон величайшего видеошоу «Казарма», где будет подробно вскрыта подноготная этого предательства.

Журналисты словно тренировались перед конкурсом «Кто сильнее выпучит глаза». Голос «босса» прохрипел приказ выключить трансляцию, после чего погасли контрольный монитор и сигнал передачи на камере. Майор, скорчив свирепую рожу, делал большие глаза и покачивал шлемом: дескать, натворил ты дел. Андрей самодовольно ухмыльнулся.

Подавленных «акул пера» нарядили в скафандры и вывели на поверхность. Андрей предвкушал счастливый момент, когда избавится от «Гоблина». Они прошли больше половины пути до «Собаки», когда Харонов обеспокоенным тоном приказал немедленно спрятаться. Выполнять такие команды в тяжелом полужестком скафандре непросто, но четверо кое-как опустились на карачки среди больших угловатых камней.

Едва они присели, из темноты вылетели две БМП довольно новой ресовской модели.

— Их прислали, чтобы спасти нас, — догадалась Федора.

Роберто Юнг тоскливо произнес:

— Надо было остаться на яхте.

Две машины остановились в паре сотен метров от борта «Феи», их пушки развернулись в сторону судна. Планета не имела атмосферы, а в пустоте лучевых импульсов не разглядеть. Тем не менее можно было догадаться, что шобби открыли огонь: на корпусе яхты появились глубокие разрезы — такое случается, если провести лучом боевого лазера. Из пробоин хлынул воздух, и лучи тоже стали видны.

От избытка чувств и большого ума Федора заорала:

— Эй, каракатицы, что вы делаете? Это же яхта нашего босса!

Обычные солдаты-шобби наверняка бы не обратили внимания на посторонние сигналы в радиоэфире. Однако эти головоногие были какими-то особенными — возможно, для уничтожения судна с ненужными свидетелями послали элитное подразделение с очень умными шобби. Судя по дальнейшим действиям отряда каракатиц, они засекли вопль журналистской души и даже смогли взять пеленг. Рассыпавшись цепью, две дюжины спецназовцев-шобби направились к скалам, за которыми притаились люди.

«Будем стрелять», — бодро подумал Андрей, вытягивая из заспинной кобуры короткоствольный бластер «Гладиолус».

Глава 9

Возвращение победителей

В безвоздушном пространстве стояла мертвая тишина, время тянулось лениво и липко, подобно густому желе. Даже цифры на табло часов, встроенных в рукава скафандров, сменялись словно медлительнее положенного. Далекие звезды в ночном небе тускло и равнодушно освещали каменистое плоскогорье, обломки «Феи джунглей» и наступающую цепь каракатиц.

— Нет, вы скажите, зачем эти дуры со щупальцами нашу яхту грохнули? — громко возмутилась Федора.

Установив видеофон на подходящий камушек, чтобы в кадр попало по возможности больше деталей, Андрей поднял с грунта «Гладиолус» и постарался объяснить в доступной форме:

— Они хотели вас убить. Наверное, у них был такой приказ.

Шипящий с посвистом голос ответил:

— Правильно говорить, тупая примата. Мы вас убивать. Эта веселье смешно будет.

— У них длинноствольные пушки, — предупредил майор Гагиев.

— Это шобби, — пренебрежительно ответил Андрей. — Ну, дистанция триста метров. Поехали.

Все-таки когда будем снимать эту серию, перенесем действие на планету с атмосферой, машинально подумал он, нажимая спуск. Впрочем, полет гранаты с мигающим трассером неплохо смотрелся и в вакууме. Снарядик разорвался точно над головами наступающих шобби, превратившись в облако плазмы, задевшее как минимум троих врагов. Одновременно выпустил гранату доктор, поразивший еще нескольких.

Андрей уже ловил в прицел бесформенные туши каракатиц, посылая в них фотонные пучки. Когда он срезал четвертого, остальные смекнули, что в них стреляют, и возмущенно завопили. Уложив еще одного, Андрей пальнул гранатой в стоявшую возле яхты БМП. Выплеснувшаяся из магнитной ловушки плазма разворотила машине борт и смяла башенку с пушкой.

— Верно, — согласился Гагиев, посылая гранату в другую БМП. — Эй, вы, сдавайтесь, пока вас не перебили.

Шобби ответили возмущенными звуками. Некоторые залегли, самые смекалистые опустили на все восемь щупалец и поползли к разбитым машинам. Остальные пригнулись, прячась за камнями, а двое даже подняли свои длинноствольные штурмовые бластеры. Чтобы привести каракатиц в чувство, Андрей положил одного лучом, а другого — снарядиком с плазмой.

— Эй, примата, зачем стреляешь? — заорал шобби, умевший говорить по-человечески.

— Ты же сам обещал нас убить, — напомнил Андрей.

— Нет, э-э-э, зачем убить, моя дорогу спросить хотела.

Кто-то из каракатиц сделал неосторожное движение, и люди послали в это место шквал фотонных лучей. Прекратив переговоры, шобби побежали так проворно, что два человека успели застрелить всего троих. Уцелевшие солдаты противника молниеносно исчезли среди каменных нагромождений, установив олимпийский рекорд для спринтеров.

Журналисты профессионально засняли отважное исчезновение маленького, но гордого народца и азартно потребовали устроить погоню. Гагиев и Машукевич категорически отказались — физиология требовала поскорее вернуться на корабль.

— Опасно, — строго сказал майор. — Могут из-за камней подстрелить.

Довод подействовал, и они двинулись в обход холма, за которым ждала «Собака». К сожалению, появились три БМП земной армии, которые прошли над лабиринтом скал, постреливая из башенных установок. Обрадованные журналисты закричали, что теперь там безопасно. С полчаса они бродили по каменному полю недавнего боя, снимая трупы

каракатиц, и заставили спасителей позировать на фоне подбитых шоббихельских машин.

Лишь услышав повторно свирепое рычание капитана 2-го ранга Харонова, спасенные корреспонденты согласились направиться к вспомогательному корвету. Оказавшись возле шлюза, они искренне удивились, почему корабль цел. Объяснению — дескать, потому что про сбитый дредноут вы сами выдумали, — они не поверили.

На выходе из шлюза встречал Эльцвейг. Ворчать судовладелец начал еще до того, как открылся люк, поэтому Андрей услышал лишь середину тирады:

— ...где их носит. Ноги пора делать, а они прогулку себе устроили...

Внезапно Велимир увидел Федору Ли, немедленно замолчал и принял охотничью стойку. Ловко подсобив дорогим гостям снять скафандры, Эльцвейг увел их — расселять по свободным каютам.

Когда за посторонними захлопнулся люк, майор сказал, не скрывая раздражения:

— Какого черта ты болтал в живом эфире? Этот босс подаст на нас в суд за клевету. Ведь у нас нет доказательств — трансляция была отключена, когда он признался, что у него договоренность с шобби.

— О чем разговор? — Андрей самодовольно рассмеялся. — Забываете, майор, что я много лет в шоу-бизнесе варился. Мой видеофон всегда включен на запись.

Обрадованный контрразведчик согласился, что в таком случае даже хорошо, если медиа-босс подаст в суд. Потом нахмурился, словно пытался вспомнить о чем-то важном, рассеянно поинтересовался, зачем старший лейтенант упомянул идиотский сериал «Казарма», но слушать ответа не стал.

— Ты обратил внимание, что старшина был без «Гоблина»?

— Точно. — У Андрея расширились глаза и слегка отвисла челюсть. — Думаешь, отбой?

Майор уже давил кнопку вмонтированного в переборку интеркома. Командир был добродушно расслаблен, армейскими афоризмами не злоупотреблял и разрешил отдыхать.

Они стремительно, почти уложившись в норматив, помогли друг другу покинуть скафандры и враскорячку потащились в свои каюты, чувствуя под униформой холодок от омерзительно разбухших мокрых памперсов.

После гигиенических процедур стало так хорошо, что не хотелось даже вспоминать об ужине, не говоря уж о приближавшейся вахте. Расслабившись телом и подсознанием, Андрей сидел в кают-компании, полузакрыв глаза, потягивая холодный сок и слушая поток сообщений.

Президент, вице-президент, спикеры палат, министры галактической безопасности, иностранных дел и обороны дали интервью, назвав несколько расходящиеся цифры потерь. По-любому получалось, что каракатицы биты с очень крупным счетом. Столь оглушительных побед в локальных войнах не одерживали ни Джангархан, ни Кнауб с Чармановым.

Начальник Генштаба заявил, что все эшелоны военной структуры сработали безукоризненно, четко и без промедления отреагировав на быстро нараставшую угрозу. Он также показал трехмерную презентацию основных этапов: шобби подвели войска к Конусу, обстреляли населенные планеты, вторглись в скопление, получили по зубам и побежали. На последней стадии конфликта бомбардировщики ударили по планетоидам, где базировалась вражеская артиллерия. Захвачены богатые трофеи. В настоящее время разведгруппы людей патрулируют окраины Шоббихеля во избежание повторной провокации.

«Знаем эти разведгруппы, — меланхолично подумал Андрей. — Небось как в четырехста двадцать пятом году — целый флот выжигает базы, с которых они двинулись на Конус». Было приятно ощущать себя частью победоносной силы, утверждающей принципы высшей справедливости. Как там говорил эпизодический персонаж «Фауста»? Часть силы той, что вечно творит добро...

Вошел командир, обвел угрюмым взглядом отдыхающих и осведомился:

— Где старшина?
— Все там же, — вяло сообщил Юджин.
— Однако... третий час без передыху. — Старик скривил в усмешке тонкие губы. — Поспали бы, Машукевич, скоро на вахту, а вы почти сутки на ногах.

— Нет смысла ложиться, — вздохнул Андрей. — Перетерплю. Ожидается новый бой?
— Дембель ожидается, — проинформировал командир. — Сектор взят под охрану силами регулярного флота. Мобилизованным резервистам приказано двигать восвояси. Как только «Подвеску» и «Ниагару» подлатают, уходим в исходный район.

Он хотел сказать еще что-то, но схватил пульт и сделал звук погромче. Дикторы зачитывали срочное сообщение: правительство Шоббихеля взывало к миролюбивым государствам Галактики, требуя остановить агрессию кровавых рептилий. Если учесть, что совсем недавно речь шла про агрессию кровожадных приматов, перемены казались разительными.

— Что-то я запутался, — признался старший лейтенант Плахо. — Сначала они обещали не нападать на коштов, потом все-таки напали и прямо сказали: дескать, решили вернуть исконные миры. Потом начали плакать, будто никого не трогали, а злые гуманоиды ни за что их обижают. Теперь вот на рептилий жалуются.

Капитан 2-го ранга нетерпеливым жестом велел ему помолчать. Ведущие новостного канала уже рассказывали о последних событиях на здешнем отшибе цивилизованной Галактики. Как выяснилось, пока люди учили каракатиц хорошим манерам, Оххо-Яшир сосредоточил огромное войско, внезапно вторгся в Шоббихель и оккупировал несколько пограничных звездных систем. Яшки объявили, что эти миры по всей справедливости принадлежат им как прямым наследникам древнейшей расы динозавров, создавших полмиллиона лет назад Вторую Галактическую Империю. Правительства ломов, импов и ресов потребовали немедленно прекратить военные действия и созвать мирную конференцию.

— Быстро все меняется. — Харонов покачал головой. — Пойду я, пацаны. Машукевич, если во время вашей вахты будет приказ на поход, не доверяй старшине. Меня разбуди.

— Слушаюсь! — гаркнул Андрей, вытягиваясь по соответствующей стойке.

Вяло махнув рукой: дескать, сиди уж, не подсакивай, — ветеран поковылял прочь из кают-компания. Посмотрев ему вслед, Андрей сочувственно произнес:

— Тяжело старику. Вымотался.

— Чуть больше семидесяти, не возраст, — проворчал Юджин. — Скоро пойдет на омоложение, через десять лет будет как огурчик. Ты про Велимира скажи — без разговоров телку завалил.

— Мастер своего дела, — грустно признал Андрей. — У меня так никогда не получалось.

— И у меня тоже... — Физик развел руками, а на лице его было написано возмущение несправедливостью вселенских законов. — Что женщины в таких козлах находят?

— Есть многое на свете, что нам понять не суждено... — Сделав паузу после перефразированной цитаты, Андрей добавил: — Козлы могут нравиться только зоофилкам.

— Это ты от зависти... — Юджин погрозил пальцем, зевнул и тяжело встал. — Пойду, однако, в койку. Мне после тебя вахту стоять.

В проеме люка старший лейтенант разминутся с доктором. Задрав вход за спиной сонного физика, Гагиев тихо, почти шепотом, похвастался:

— Взломал-таки его архив с маршрутами. Эта шаланда частенько ходит на Альтаир.

— Поздравляю, — проворчал Андрей, не понимавший, отчего радуется контрразведчик. — Туда многие ходят. Модный курорт.

— Сейчас прибежит Эльцвейг, — перебил его майор. — Я буду его колоть, а ты подыгрывай.

Судовладелец действительно появился — взволнованный, измазанный помадой, растрепанный, в расстегнутой рубашке. На голой шее и дальше в сторону плеча выделялась

россыпь свежих засосов.

— Что случилось? — тревожно спросил он с порога. — Старик приказал немедленно бежать к вам.

Как бы продолжая прежний разговор, Гагиев лениво произнес:

— Напрасно вы, старший лейтенант, выражаете такую несерьезную скептичность. Это очень важная проблема... — Затем, повернувшись к Эльцвейгу, сказал недовольным тоном: — Старшина, вы не обратили внимания, что прервали важную беседу старших по званию?

Вспомнив, как подобных разгильдяев ставили на место в родном полку, Андрей рывкнул командирским голосом:

— Приведите себя в порядок, застегнитесь и сперму с морды смойте. Через час отправляемся на штурм вражеской столицы, а у вас ботинки не чищены!

Насладившись зеленоватым оттенком его физиономии, майор поведал, что судовладельца разыграли и что в скором времени «Собака» возьмет курс на скопление Зевс, в котором расположены основные планеты, населенные людьми. Эльцвейг с облегчением выдохнул несколько кубометров воздуха, Гагиев же вновь обратился к Андрею:

— Не могу понять, почему вы, историк по образованию, не верите во влияние Альтаирского клуба...

Небрежно произнесенная фраза испортила настроение. Мигом забыв, что контрразведчик просил подыграть, измотанный бессонными сутками Андрей приготовился высказать все, что думает про конспирологический бред. Злости прибавило появление Федоры Ли, которая без грима выглядела вовсе не сексапильно. К тому же обтягивающая майка продемонстрировала мелкую грудь, чего деревенский парень с Калиюги не уважал.

Журналистка чмокнула Велимира, попросила накормить бедную девушку и поинтересовалась, о чем спорят господа офицеры. Неодобрительно покосившись на нее, Андрей направил взгляд, полный сарказма, на майора и заговорил назидательным тоном, словно разъяснял азы двоечнику-первокурснику:

— Уважаемый доктор, меня просто бесят нелепые слухи о всеильном Альтаирском клубе, который якобы уже не первое столетие управляет из-за кулис основными событиями в Галактике.

— Неужто несколько столетий об этом говорят? — поразился Гагиев.

— Представьте себе. Как писал в мемуарах Аристан Гринбрайар, ближайший соратник Джангархана, к старости у Рамзеса появились навязчивые подозрения, будто какая-то незримая сила направляет политические процессы. Гринбрайар, всегда признававший гениальность строителя ССМ, позволил себе иронизировать по поводу этого заблуждения великого президента. Затем, уже при Чарманове, заговорили о тайном обществе, которое устраивает заговоры на деньги Ломандара, о сборищах на курортах Альтаира. Сказка про Альтаирский клуб многократно была опровергнута, поскольку решения, приписываемые клубу, нередко принимались вопреки интересам Ломского Союза.

Эльцвейг многозначительно заулыбался и пробормотал неразборчивую реплику. Строго посмотрев на судовладельца, майор процедил:

— Вы-то в этом точно не разбираетесь... — затем сказал Андрею: — Вы неправы, старший лейтенант. Ежегодно на одной из планет Альтаира собираются неформальные представители разных цивилизаций — топ-менеджеры, финансисты, публицисты-пиарщики, политехнологи, аналитики. Выработывают согласованные решения с целью преодоления конфликтов между странами и корпорациями, помогают лоббистам. А затем навязывают принятые решения общественному мнению и правительствам, организуя массированные медиа-штурмы. Случается — снимают непослушных правителей. Их цель — полное спокойствие, обеспечивающее стабильность в Галактике и, соответственно, стабильное поступление прибылей, с которых они имеют свою долю.

— Короче говоря, шпионы ломов. — Андрей засмеялся.

— Не шпионы. Агенты влияния. И не обязательно, что ломандарские.

— Вот именно: им другие платят. — Велимира Эльцвейга просто распирало

нетерпение похвастать осведомленностью. — Там такие мозги собираются — не вам чета. И люди, и всякие другие. Вроде бы незаметные сошки, а большими политиками крутят. Что президент — завтра прокатят на выборах, и нет президента. А эти останутся и дальше будут править исподтишка.

— Ты еще скажи, что сам возил туда Адольфа Сваниховского. — Андрей вложил в голос максимум издевательских интонаций. — Или, может, Клариссу Латунную?

У старшины Эльцвейга отвисла челюсть. Он беспомощно оглянулся, жалобно посмотрел на Федору и двух офицеров, нервно сглотнул. Затем мелко закивал головой, выдавливая чистосердечное признание:

— Все-то ваша контора знает, старший лейтенант... Или ты на самом деле в больших чинах ходишь... — Он был бледен, лоб покрыли крупные капли пота. — Ну да, возил, и что с того? Они же не преступники, добропорядочные граждане...

— И они при вас получали задания от представителей других государств? — осведомился Гагиев.

— Ну не обязательно от других. Там разные бывали — двуногие, членистоногие, головоногие, мохнатые...

На перепуганного судовладельца жалко было смотреть, поэтому Андрей проворчал: дескать, успокойся, приятель, никто тебя ни в чем не обвиняет. Эльцвейг, окончательно уверовав, что загадочный Машукевич служит в тайном ведомстве, смотрел на него безумным взглядом кролика, повстречавшего анаконду.

«Да валил бы ты подальше, придурок», — подумал Андрей. Однако в реальности валить пришлось не Эльцвейгу, а Машукевичу, потому как время приближалось к полудню и пора было сменять на вахте капитан-лейтенанта Феррари. Выходя из кают-компании, он услышал, как майор выясняет у Велимира про заработки членов Альтаирского клуба — какие деньги им платят, кто платит и за какие услуги.

После недолгой позиционной борьбы с подступающей дремотой, перепробовав кофе, музыку и физические упражнения. Андрей чуть было не капитулировал. Глаза упорно старались закрыться. Спасение пришло в образе командира бригады, появившегося на голограмме и объявившего часовую готовность к походу.

Вызвав на экран соответствующие пункты Устава, старший лейтенант отдал необходимые распоряжения в отсеки, разбудил командира и гипермастера, запустил программу сверхсветового пилотирования, протестировал двигатели. Заставший его в разгар бурной деятельности капитан 2-го ранга Харонов с обычной деликатностью поинтересовался:

— И как долго мы собираемся командовать в одиночку?

— В отсутствии старших по должности вахтенный выполняет обязанности командира. Разрешите доложить, получен приказ...

— Знаю побольше твоего, — проворчал старик. — Слушай вводную. Что ты будешь делать, если увидишь, что по коридорам вверенного тебе корабля бегают голые негуманоиды, размахивающие каменными топорами?

— Первым делом прокляну тех, кто придумал не выдавать нам личное оружие... Виноват! Постараюсь пробраться к боевым отсекам, заберу «Гладиолус» из скафандра...

— Отставить. Ты перестрелял негуманоидов, но они успели зарубить командира, навигатора и гипермастера. Твои действия?

— Доложу командиру бригады.

— Бригада уже ушла, наших кораблей поблизости нет.

— Поведу корабль в базу.

— Сам поведешь? — восхитился командир. — Один?

— Думаю, справлюсь.

Харонов сумел задавить хохот, издав лишь странный звук. Оглядев исподлобья борт-инженера, капитан 2-го ранга передвинул кресло подальше от пульта и разрешил:

— Валяй. А мы полюбуемся.

Стараясь не обращать внимания на развеселившегося ветерана, Андрей закончил тестирование, ввел в систему управления полетом курс на тыловую базу в скоплении Трамплин, продублировал полученный со «Старательного» режим разгона. Сидевший за спиной командир тихо напевал что-то бодрое — кажется, походно-строевую песню из репертуара позапрошлого века.

Вскоре с флагмана поступил приказ начинать движение с перестроением в колонну. Нечто подобное он делал на втором году действительной службы, но тогда рядом стояли два навигатора и наперебой подсказывали, как правильно выполнить маневр. На этот раз получилось не слишком гладко: занимая место в строю между «Василисой» и «Ниагарой», пришлось резко притормозить, потом вновь разогнаться до половины света. Из отсеков завопили: дескать, осторожнее рулите, не картошку везете. Командир затаил неаполитанский романс о влюбленном солдате.

Колонна кое-как выстроилась, держа заданный курс. Пострадавшие в бою вспомогательные посудины плохо слушались руля, скорости немного изменялись, иногда корабли опасно приближались к соседям по походному ордеру. Комбриг смачно высказался по поводу бездарного пилотажа, поставив командирам в пример «Собаку Баскервилей». Затем, во избежание неприятностей, велел увеличить интервалы между кораблями до световой минуты. Очередной этап перестроений проходил под аккомпанемент исполняемой Хароновым арии Париса из «Прекрасной Елены».

Спустя час, когда поступил приказ начинать разгон, борт-инженер стал подтягивать, и они дуэтом исполнили «Звездное танго», «Часовой на линкоре» и «Тени в тумане».

— Где учился? — осведомился Харонов, когда кончилась песня и скорость перевалила за три света.

— Сначала в деревенской школе, потом в...

— Где учился судовождению, охламон?!

— Курсы переподготовки комсостава перед производством в старшего лейтенанта. Водили десантную баржу.

— Гиперпереходы выполнял?

— Много раз, на бронелетах. Однажды прыгал на той же барже.

— Переход рассчитывать умеешь?

— Нет, конечно. Воспользовался стандартной программой.

— Ну, в добрый путь... — Старик произнес в интерком: — Плахо, твоя вахта отменяется. Остаешься на компьютере, будешь выдавать данные для прыжков.

Бригада разгонялась около часа, к исходу которого скорость поднялась до двадцатки. При попытке ускориться выше этого предела корабли начали расплзаться. Комбриг распределил по справедливости скипидару и прочих звездюлей, но «Собаку» вновь обошел вниманием. Продержав колонну на этой скорости с полчаса и убедившись, что мателоты держат место в строю, капитан 1-го ранга разрешил начинать гиперпрыжок.

Расчетные данные были давно готовы, конечная точка введена еще до начала движения, текущие координаты вводились автоматически, стрелка курсора давно стояла на иконке «Старт». Андрей нажал кнопку виртуальной клавиатуры, генераторы выплеснули поле деформации, корабль провалился в хаос измерений. Харонов, Машукевич и самовольно примкнувший к ним Плахо громко мурлыкали «Мы вместе шли по трапу».

Через три часа, преодолев около тысячи световых лет, бригада вернулась в трехмерность. Переход разбросал корабли в радиусе световых суток от флагмана. Предстояло грандиозное шоу — возвращение в походный строй. Эту ответственную обязанность Харонов доверил Эльцвейгу, а Машукевичу разрешил отдыхать. Ни разу не сбившись с курса, не заснув по дороге, не вспомнив об обеде и ужине, Андрей добрался в каюту и даже нашел свою койку.

Раздеваться сил уже не было. Заснул в комбинезоне и ботинках.

Глаза раскрылись без усилия. Табло хронометра подсказывало, что проспал он намного больше, чем положено в армии, на флоте и в приличном обществе. Тома, занимавшего вторую койку в каюте, на месте не оказалось. Приятное чувство избавления от усталости омрачали смутные подозрения — что-то случилось, коли его не разбудили по расписанию.

Позавтракав в пустой кают-компании, он отправился на поиски живых и мертвых душ. На люках, ведущих во все жилые каюты, светились табло: «Не беспокоить». Похоже, весь экипаж окупнулся в спячку.

Том Феррари отыскался в машинном отсеке. По его словам, на промежуточной стоянке возникли сложности. Вроде бы корабли бригады разбрелись и долго не могли вновь собраться в ордер. Кое-какой порядок удалось навести лишь после восьми часов аврала, старик Харонов психовал, грозил отдать Эльцвейга под трибунал.

— Меня на вахту не пустил, — посетовал капитан-лейтенант. — Только зарычал: мол, сам доведу лоханку. Часа два назад вошли в гипер.

— А какого черта собирали стадо в колонну? — засмеявшись, осведомился Андрей. — Все равно же дальше каждый пойдет своим курсом.

— Это тебе не бардак, а военный флот. — Том тоже ухмылялся. — Раз приказали собрать бригаду — умрем, но соберемся.

Конечным пунктом похода была Калиюга, где жили все резервисты, включая Харонова, которого тоже призвали из запаса. Бортовое время приближалось к полудню, и Андрей потащился на мостик, чтобы изобразить готовность заступить на вахту.

На последнем отрезке коридорного лабиринта ему попала Федора. Увидав Андрея, она вдруг обрадовалась и принялась выяснять подробности нового сериала «Казарма».

— Коммерческая тайна. — Консультант фирмы «25-й век — Спрут» сделал непроницаемое лицо. — Попрошу вас ничего не сообщать об этом проекте.

— Конечно, не сомневайтесь. — Акула пера сделала честное лицо.

Андрей не сомневался, что теперь она точно разболтает о реанимации «Казармы» на всю Метагалактику, обеспечив Жозефу Паккарди бесплатную рекламу. Маэстро будет счастлив.

Командир встретил его сердитым взглядом, поворчал для отвода глаз и души, но не сильно. Старик хандрил, песен не заводил, Андрей тоже сидел тихо. Завершающая часть полета прошла без осложнений. За пять минут до финиша Харонов нацепил обруч ментоинтерфейса и поработал генераторами тонкой наводки. «Собака Баскервиль» вышла из гипер в астрономической единице над плоскостью системы. Пакетбот, который уже никто не называл вспомогательным корветом, пришвартовался к базе на орбите Калиюги.

Неделю, оставшуюся до конца сборов, экипаж провел на казарменном положении. Харонов и Гагиев отбыли на планету, а младших офицеров и старшину оставили в орбитальной крепости. Жизнь покатила по замкнутому циклу: подъем по утрам, завтрак, вялая работа в доке, где «Собаку» разоружали и ремонтировали перед возвращением прежнему владельцу, затем обед, самоподготовка, ужин, отбой. На третий день сняли с корабля все военное оборудование, прорехи латали уже без экипажа, и офицеры в перерывах между кормежками и построениями маялись бездельем.

Война в Конусе вроде бы завершилась, но база жила по суровым законам. Пользоваться средствами межзвездной связи не разрешалось, а корпус космической твердыни экранировал сигналы гражданских видеофонов. Три дня они тупо сидели в свободных отсеках, где работали зомбоящики, настроенные на дюжину дозволенных для армии каналов. Сообщения были скучнее видеосериалов: каракатицы сбежали, бросив горы снаряжения, земная армия практически без боя заняла военные базы на окраинах Шоббихеля и вывозила горы трофеев.

В субботу Андрей, затосковав, предложил попросить, чтобы их назначили в караул, — хоть какое-то развлечение. Перспектива провести уик-энд в такой тоске казалась невыносимой.

После завтрака всю команду неожиданно вызвали к коменданту базы. Старый адмирал

приказа читать не стал, объяснил обстановку своими словами:

— Не хрена вам тут пролежни натирать до понедельника да казенные харчи переводить. Тем более что за героизм в боях все представлены к наградам, а офицерам присвоены очередные звания.

Комендант поздравил с новыми погонами капитана 5-го ранга Феррари, капитана-инженера Машукевича и капитан-лейтенанта Плахо. Затем объявил, что на их банковские счета начислены положенные за службу деньги с фронтовыми надбавками, а через два часа уходит шлюпка до Кракенбурга, так что все должны собираться и бежать в ангар для малотоннажников.

— Я останусь, мой корабль только в среду будет готов, — заикнулся Эльцвейг.

— Пакетбот получите на планете, — не повышая голоса, приказал адмирал. — Вам сообщат, на какой космодром явиться. Можете идти.

В иллюминаторе шлюпки, едва стартовали с базы, появился слегка подернутый белыми цепочками облаков знакомый контур полуострова. Золотое пятно отраженного солнца купалось в синеве бухты. Не слушая Велимира, нывшего про убытки, усугубленные необходимостью три дня жить в мотеле, договорились оторваться в приморском ресторанчике. Скупердяй Эльцвейг в компанию вливаться не согласился, но спросил, где в Калиюге проще снять девок. Уставший от его капризов Андрей назвал самые дорогие ночные клубы города.

На КПП космодрома всех ждал сюрприз в виде роскошной телки, которая ждала Велимира. Не то чтобы она сильно понравилась Андрею, но короткое летнее платье открывало приятные пейзажи. Девушка была крупная, с тяжелыми формами, но при этом стройная, густые длинные волны золотисто-медных волос обрамляли правильное лицо с полными губами.

— Везет же таким уродам, — вполголоса выразил общее мнение Юджин.

Как выяснилось, завидовали они напрасно. Рыжая красотка поцеловала старшину запаса в щеку, назвала «папой» и с интересом посмотрела на трех спутников Эльцвейга. Последний нехотя представил их, добавив:

— Это моя средненькая дочка Виктория. Пригнала свою шхуну...

— Средненькая? — удивленным голосом перебил Андрей, машинально говоривший комплименты, даже если женщина не производила приятного впечатления. — Как можно такую красоту называть «средненькой»?

Он был удостоен благосклонного изумрудно-бирюзового взгляда. Юджин и Том — после месячной вахты без женского общества им даже Баба-яга показалось бы Еленой Прекрасной — тоже рассказали, как восхищены очаровательной незнакомкой. Рыжая легко согласилась посидеть с мальчиками в ресторане и добавила: дескать, редко бывает на Калиюге, поэтому охотно задержится здесь, если кто-нибудь согласен показать ей планету. Мужики приуныли: Андрей не собирался тратить время на девушку, которая не в его вкусе, Тома Феррари ждала семья, Юджин тоже не проявил энтузиазма. Выручил всех Эльцвейг, нетерпеливо спросивший:

— Ты забрала груз?

— Забрала, отвезла, сплавила, — неохотно отчиталась Виктория. — У придурка Хайнрика лежит на складе хороший товар, но сволочь не желает со мной разговаривать, ждет тебя.

— Полетели! — заорал Велимир и убежал вместе с дочкой.

Оставшиеся хорошо гульнули в ресторане Центрального порта, где к ним присоединился Савва Машукевич — все еще в военном мундире. Впрочем, через час брату пришлось вернуться на дежурство, еще через час поезд увез Тома в Эвридику, а в половине четвертого Юджин сел в трансконтинентальный гиперзвуковик.

Домой не тянуло. Закинув за спину солдатский рюкзак, Андрей уехал на трамвае до самого дальнего конца городского пляжа, где даже в субботу не бывает много народу. Теплый соленый раствор океанской бухты приятно ласкал кожу, желтые лучи светила

будили пигмент загара в клетках эпителия. Андрей был готов валяться на песке до поздней летней темноты, но цивилизация настигла его трелью видеофона.

— Уже вернулся? — забарабанил в ухо возбужденный голос маэстро Жозефа. — Ты просто монстр: ловко раструбил всем каналам, что мы возрождаем «Казарму»! Генеральный уже выписал тебе бонус, завтра собирается бригада сценаристов в полном составе, расскажешь про войну. И давай в темпе: решено гнать по два эпизода в неделю — половина региональных компаний стоит в очереди за новыми сериями.

Все-таки мирная жизнь тоже имеет свои преимущества, с умилением подумал Андрей, после чего объявил режиссеру, что намерен лично писать сценарии как минимум пяти серий. Паккарди поперхнулся, но возражать не стал.

Глава 10

Архивированные тайны

Профессор говорил подчеркнуто вежливо, но интонации подсказывали, что Максим Анисимович недоволен.

— Я понимаю — отпуск, лето, война, — укоризненно перечислял Фролов. — Но вы не должны забывать о своей работе. Ни дня без работы, ни дня без маленького продвижения. Помните, что собрать много материала — это мало, такое даже бот в Инете сделает. Вы должны систематизировать собранные материалы, проанализировать, сформулировать выводы, подтверждающие вашу концепцию. Не сомневаюсь, что концепцию вы уже продумали.

— Да, безусловно, — проямлил Андрей, который всю неделю после дембеля диктовал роботу-секретарю свои фрагменты сценария нескольких эпизодов «Казармы», а про диссертацию даже не вспоминал. — Кое-какие задумки намечаются...

Помолчав для вежливости, но не дождавшись развития темы, Фролов продолжил:

— Замечательно, голубчик. В своем докладе на конференции вы должны наметить эту концепцию, но советую не раскрывать всех деталей. Избегайте сенсаций, молодой человек, — вы пишете не сценарий видеобоевика. Научная работа должна быть серьезной, добротной, неуязвимой для критики. Не гоняйтесь за призраками ошеломляющих открытий, от вас не требуется совершать перевороты в науке, придумывая принципиально новые толкования минувших событий.

— И в мыслях не было, — честно заверил его сломленный натиском аспирант.

Максим Анисимович позвонил ни свет ни заря — в начале одиннадцатого, и спросонок Андрей разобрал не все слова. Только теперь, когда видеобеседа с очевидностью близилась к финалу, он сообразил, что профессор дважды упоминал какую-то конференцию, к которой нужно что-то подготовить. Запаниковав, аспирант пообещал приехать и обсудить все детали. Над идеей встретиться лично научный руководитель вежливо посмеялся:

— Сложно будет организовать, голубчик, — объяснил Фролов. — Мы с супругой путешествуем. Вернусь на Калиюгу десятого июля, на двенадцатое назначен семинар — там и послушаем о ваших предварительных результатах. Вы перечитайте внимательно мое письмо, я подробно изложил. Ну, успехов вам.

Письмо действительно приходило — это Андрей помнил наверняка. Он сходил в санузел, взбодрился контрастным душем, после чего глаза стали открываться в полный размер. Подогреть вчерашний чай не вышло — чайник оказался пуст, пришлось заваривать свежий. Синтезатор уже приготовил заказанный перед заходом в душевую завтрак — посыпанный сыром омлет с корейкой. Поставив тарелку перед монитором, Андрей отыскал письмо Фролова — он, хвала политеизму, не стер этого файла вместе с сотнями реклам и прочих глупостей, накопившихся за время его службы.

Послание от профессора поступило на почтовый сервер через неделю после старта «Собаки Баскервильей» в сторону Конуса. Говоря по-простому, Андрей потерял почти месяц, подаренный судьбой на подготовку доклада.

Как сообщал Максим Анисимович, международную конференцию «Актуальные проблемы новейшей истории» запланировали еще пару лет назад, и местом проведения была назначена шоббихельская планета Векскеела. Однако война спутала все карты, оргкомитет стал поспешно искать запасной космодром. Случайно узнавший о затруднениях коллег Фролов предложил свой университет, аудитории которого пустовали по случаю летних каникул. Поскольку шобби отказались ехать во вражескую страну, а часть импов и ресов присоединилась к бойкоту из глупой солидарности, в программе открылись прорехи. Кооптированный в оргкомитет Фролов немедленно забил все дыры сотрудниками и аспирантами своего факультета. Машукевичу разрешалось предоставить один доклад и одно короткое сообщение. Времени до конференции оставалось в обрез, а еще не сверстаны и не размножены диски с докладами.

Разобрав почту, Андрей обнаружил еще одно письмо из университета. Ректорат прислал удостоверение аспиранта, дающее право беспрепятственно получать архивные материалы, необходимые для научных исследований.

Время поджимало: два дня от силы на подготовку доклада, после чего начнутся съемки экстренного сезона «Казармы». Кое-какие идеи, конечно, появились, однако превращение сырого материала в корректный научный текст — это работенка не для слабонервных.

Первым делом аспирант отыскал в интернет-журнале «Воин Империи» опубликованные главы мемуаров маршала Копфа, командовавшего соединениями ударных сил дальнего действия накануне и во время 9-й Галвойны. Нужной ему информации в изданных отрывках книги «Звездные крылья» не содержалось. Согласно комментариям редакторов, с полгода назад престарелый маршал перенес процедуру генетического омоложения и в настоящее время проходит терапевтическое сопровождение на даче в окрестностях города Порфир (планета Добрава). Работу над мемуарными черновиками продолжает его внук, контр-адмирал в отставке профессор Эльфрид Копф.

Адмиралу, внуку маршала, Андрей написал подробное письмо с просьбой прояснить историю с кораблями, наблюдавшими за базами дальних бомбардировщиков. Файл отправился скитаться по ретрансляторам, превращаясь то в фотоны, то в гравитоны. Нормальное время пересылки сообщений между цивилизованными планетами ССМ не превышало часа. В глубинку письма пробирались дольше, но Порфирская область Добравы — не какая-нибудь глухомань, послание ляжет на серверы семейства Копф очень скоро. Другое дело, когда отставной адмирал соизволит ответить, если вообще соизволит.

Не теряя времени, Андрей вошел на сайт архива военного ведомства и набрал код своего аспирантского удостоверения. После затянувшегося на секунды выжидания появилась табличка сообщения: дескать, ваш допуск позволяет ознакомиться с документами таких-то степеней секретности. Проще говоря, аспирант имел право читать все рассекреченные материалы, а также кое-какие не слишком засекреченные. Пока этого было достаточно.

Центральный архив министерства обороны находился, естественно, на Земле. Там же хранились архивы прочих государственных учреждений. Однако многим юридическим и физическим лицам часто требовались те или иные архивные выписки. Поэтому, чтобы не забивать межзвездную связь миллионами запросов, электронные копии большей части документов имелись в каждой провинциальной столице.

Хранилище документации по 32-й армии насчитывало миллионы текстовых, графических и видеофайлов только за период сражений в Призме, причем примерно три четверти документов оказались засекреченными до сих пор. Обычная история — у военных не доходят руки просмотреть эти записи, чтобы объявить рассекреченными отчеты об отправке обмундирования и продовольствия с армейского склада на дивизионные распределительные пункты. При этом грифы секретности с боевых рапортов нередко были сняты еще четверть века назад.

Итак, 32-я общевойсковая армия... дата последнего формирования... гарнизоны постоянной дислокации... приказ Верховного Главнокомандующего о выдвижении армии в

скопление Призма... боевая задача: установить полный контроль над скоплением, побить всех, кто попытается оказать сопротивление... Нормально, узнается стиль Порфирия Енисейского.

Командующий армией — генерал пехоты Шарль Эрих Вимутье, заместитель командующего — генерал-полковник Адриан Юнгер, начальник штаба — генерал-полковник Артур Габриэлян. Объединение состоит из пяти армейских корпусов четырехдивизионного состава. Штаб армии расположен в районе звезд Призма-3722, Призма-1029, Призма-5106, Призма-0127, штабной корабль — мобильный центр управления «Австралия».

Местом расположения штабов корпусов назначены:

- 55 ак — система звезды Призма-3659;
- 76 ак — система звезды Призма-8913;
- 89 ак — система звезды Призма-0437;
- 114 ак — система звезды Призма-2836;
- 131 ак — система звезды Призма-8395.

Как и следовало ожидать, командующим 114-го корпуса числился генерал-лейтенант Теодор Лестер, штабной корабль — легкий крейсер «Торнадо». Дед Афанасий так и говорил, только назвал штабной крейсер линкором. Одно слово — пехота!

Все оперативные документы штаба 114-го корпуса скачались одним огромным архивированным файлом. Оценив размеры добычи, Андрей засомневался, возможно ли просмотреть такое количество рапортов, докладных, приказов, видеороликов, разведсводок и записей переговоров командования корпуса с вышестоящими и нижестоящими штабами.

Он попытался разобраться хотя бы в диспозиции накануне последних боев, когда дед Афанасий повстречал тарогский супертанк, а потом его батальон выручала другая дивизия. Удалось установить, что после 5 сентября 2475 года части корпуса получали приказы не от Лестера, а непосредственно из штаба армии, причем 8 сентября на крейсер «Торнадо» прибыл генерал Юнгер, который руководил боевыми действиями 114-го и 76-го корпусов вплоть до завершения операции, то есть до середины сентября.

Естественная любознательность заставила поискать упоминания о 76-м корпусе. Согласно директиве командарма от 30 августа, это соединение под командованием генерал-полковника Николая Шайена было выведено в резерв. Трехмерная карта объяснила многое: 32-я армия готовилась разгромить противостоящие войска импов, а 76-й корпус предназначался для завершающего удара. Однако что-то неправильно пошло на участке Лестера, и пришлось через половину скопления перебрасывать резервный корпус. Кстати, в состав соединения генерала Шайена входила та самая 480-я дивизия, 5-й батальон которой нашел на Чархе подразделение Афанасия Машукевича.

Складывались контуры вполне логичной картины, оставалось лишь уточнить детали. Это будет скелет еще одной главы, а потом Андрей собирался незаметно встроить в текст давно продуманные соображения о влиянии оружия на тактику и оперативное искусство. Никто не сможет придраться: формально диссертация посвящена сражению за Призму, но тему оружейного прогресса в такой работе обойти никак нельзя.

Прочесав еще раз документы корпусного штаба, Андрей выяснил, что на Парнасе живет генерал пехоты в отставке Шайен. Расстояние от Калиюги до Парнаса невелико, можно будет слетать на выходные. Нашлись также старые генералы, командовавшие дивизиями в Призме. Андрей даже удивился, как легко всплывают из бездны времени бесценные факты, знатоки секретов, очевидцы событий. Для полноты коллекции захотелось найти майора-разведчика Эльфейри, который якобы командовал 114-м корпусом до появления Юнгера.

Новый поиск пришлось отложить: на нижней панели монитора подмигивал значок, означавший, что кому-то захотелось поговорить с Андреем по видеосвязи.

Лицо собеседника на голограмме принадлежало незнакомцу средних лет. Собеседник,

одетый в униформу флотского фасона с отпоротыми знаками различия, равнодушно разглядывал аспиранта. Вокруг неприветливого мужика смутно просматривался интерьер по моде позапрошлого десятилетия.

— Вы — Машукевич? — осведомился незнакомец и, получив подтверждение, сухо продолжил: — Я — Эльфрид Копф, вы мне писали.

Ни хрена себе, только и смог подумать Андрей. Профессор имел доступ к межзвездному видео в режиме реального времени.

— Мы с дедом собрали кое-какие материалы, которыми вы интересовались, — проговорил отставной адмирал. — Файл отправлен несколько минут назад.

Проверив почтовый ящик, Андрей подтвердил:

— Файл получен, огромное спасибо... Как самочувствие маршала?

— Благодарю, дед здоров.

Отодвинув изображение внука, в мониторе появилось лицо человека постарше возрастом. Ариэль Копф бодро приветствовал собеседника и громко сообщил:

— Набираюсь сил, скоро буду совсем как огурчик. Вы, молодой человек, подали прекрасную идею — я обязательно добавлю в книгу главу про взаимный контроль накануне войны. Неужели есть грязные скоты, которые обвиняют нас в бомбардировке Глешнеке?

— Так точно, маршал. Кое-кто пытается доказать, будто Енисейский таким образом спровоцировал нападение тарогов на соседей.

— Какая глупость! — вскричал старик. — Возле наших баз постоянно дежурили стационары двух-трех держав. Ни одна «Валькирия» не смогла бы взлететь незамеченной.

— Но уже испытывались «Звездные сверхкрепости», — осторожно напомнил Андрей.

— На тот момент была построена лишь одна машина, — молниеносно парировал маршал. — Испытания проводились на полигоне возле Сириуса в присутствии иностранных инспекторов. Вторую машину собрали только после начала войны, а «Протуберанцы» появились полугодом позже.

Эльфрид забеспокоился, уговорил деда не нервничать и отправил отдыхать. Затем, вернувшись к видеофону, произнес недовольным тоном:

— Оказывается, вы просились аспирантом на нашу кафедру, получили согласие, но так и не явились. Позвольте осведомиться, почему изменились ваши планы?

Получилось очень неудобно. Пришлось извиняться и объяснять, что не может оставить работу, поэтому выбрал университет поближе к дому. К счастью, профессор воспринял его доводы благосклонно, расспросил о работе над диссертацией, дал несколько весьма полезных советов. На прощанье Эльфрид Копф взял с Андрея слово, что тот апробирует свои результаты на конгрессе военных историков, который состоится в Порфире следующей весной. Вместе с приглашением на конгресс Андрей получил обещание:

— Если сделаете добротную работу, буду вашим рецензентом.

Попрощался Копф вполне добродушно, без прежней холодности. Дав отбой, Андрей немедленно бросился просматривать полученные с Добравы материалы и чуть не взвыл от восторга. Это была настоящая бомба!

Письмо от 23 мая 2473 года ломандарского премьер-министра коллегам из 7-й Республики, ССМ и 12-й Империи с требованием организовать взаимный контроль средств дальнего нападения.

Договор о режиме взаимного контроля, подписанный 16 июня того же года и ратифицированный 26 июля.

Списки всех кораблей, выделенных в Международную флотилию взаимного контроля. Рапорты всех командиров — на языках оригинала и в переводе на общеземной.

Отчеты лома, импа и реса о тренировочном рейде «Валькирии» за два дня до Глешнекского инцидента. Три крейсера проконтролировали весь маршрут учебного рейда от базы «Аванте» до учебной мишени и обратно. В момент инцидента 20 марта 2474 года все земные рейдеры дальнего действия стояли в ангарах и в бомбардировке участвовать не могли. Другие документы подтверждали, что дальние бомбардировщики ресов, имперцев и

Ломандара также не покидали своих баз, а другие страны подобных средств не имели.

Вывод был прост: война не была спровоцирована великими державами, то есть круг подозреваемых сужался до трех фигурантов, чьи корабли могли добраться до Глешнеке: Даласули, Мрагвенд и Кьелтарогга.

Звезда Августа в небе над Кракенбургом давно миновала зенит и склонялась к морю. Очень хотелось на пляж, однако, сделав героическое усилие, Андрей вернулся к военному архиву.

В списках довольствия 114-го корпуса нашелся майор Эль-Фейри — прикомандированный офицер армейского штаба. Дальнейший поиск в Интернете привел к неожиданному результату — никаких сведений о таком человеке, словно никогда не рождался. Буквально чудом удалось отыскать упоминание, что Махарадж Эль-Фейри награжден орденом «За заслуги перед человечеством» № 009854 и орденом Боевого Знамени № 037125478. Поиск по номерам привел к сообщению из провинциальной сводки новостей тридцатилетней давности: перед выпускниками выступает кавалер ордена «За заслуги перед человечеством» № 009854... Рудольф Молинас.

Андрей обмер — любимый писатель его детства! Да что там детство — он и в студенческие годы зачитывался чудными книгами об открытии, освоении, колонизации Калиюги, о приключениях первооткрывателей других планет. Первые романы были опубликованы еще до войны — сколько же лет старику, жив ли он...

Молинас оказался жив, более того — жил на Фрейе, будучи ведущим научным сотрудником Института социальной математики при университете города Астротаун на западном побережье континента. Не в силах откладывать встречу, Андрей созвонился с Молинасом и бросился на вокзал.

Через час, обогнав время, поезд доставил его в уютный тихий ретрогородок. Дома в Астротауне строили не выше двадцати этажей, над улицами проносились стилизованные под ретродревность трамваи-монорельсы, жизнь текла медленно, как в XXII–XXIII веках. Некоторые районы города частенько использовались при съемках исторических фильмов.

Выслушав его просьбу, Молинас удивленно переспросил:

— Вы хотите узнать правду о каком-то историческом процессе? Это невозможно в принципе. История непознаваема. Она — как океан. Мы можем нарисовать контур берегов, зафиксировать рельеф дна и поверхности волн, но все равно будем весьма смутно представлять, что происходит в глубине. А экипажи батискафов видят лишь небольшой кусок дна и совершенно не представляют, какие ураганы бушуют на поверхности.

— Нужно много наблюдателей в каждой точке, — предположил Андрей.

— Вот именно. Каждый серьезный процесс представляет собой сумму множества мелких событий. Часто бывает трудно понять, какая именно причина была главной. Результат, который мы видим, является итогом совместного действия множества факторов, поэтому любому историческому факту может быть найдена масса истолкований, зачастую противоположных по смыслу. Задача историка — вычленить несколько главных причин, в том числе глубинных, неявных, которые почти всегда носят субъективный характер.

— Вы тоже историк?

— Не совсем, хотя специальность близкая... — Старик задумался, словно забыл о собеседнике, но вдруг заговорил опять: — Моя работа — математическое моделирование боевых действий. Мы еще до войны пытались создать виртуальную модель исторических процессов. Получалось очень неточно — невозможно учесть все факторы.

— Как море состоит из капель, которые движутся под действием мощных сил — течений, ветра...

— Вот именно! — Молинас кивнул. — История любой расы сводится к сумме движений разумных капель. Во многих случаях многочисленные массы разумных существ действуют по довольно простым усредненным схемам. Но в критических ситуациях поведение становится непредсказуемым. И тогда целые дивизии разбегаются, бросая оружие,

но сотня усталых бойцов творит чудеса, останавливая полевую армию со средствами усиления.

Спорить на эту тему Андрей мог очень долго, потому как сам немало думал о странностях человеческой и нечеловеческой психологии. Во многих случаях так называемые разумные существа действовали нелогично и неразумно. Причин тому имелось немыслимое количество.

Однако сейчас его интересовали несколько иные проблемы, поэтому Андрей постарался тактично вернуть беседу к событиям вокруг Альганга.

— Простите, коллега, — начал он, — как я понял, вы служили в разведке и выдавали оперативные рекомендации на основе своей математической модели...

Молинас, он же Эль-Фейри, посмотрел на гостя с таким недоумением, что стало понятно: догадки Андрея получились весьма далекими от истины. Покачав головой, старик произнес:

— Что за странные домыслы? Никогда не работал в уважаемом учреждении. Меня призвали и направили в оперативный отдел штаба Тридцать второй армии. Наше подразделение, которым руководил профессор Шахрияр, анализировало планируемые операции, мы просчитывали возможный ход боевых действий.

— Простите... — Андрей смутился и не знал, как выйти из глупого положения. — Просто среди солдат и офицеров ходили слухи, что операциями руководит офицер разведки, к тому же вы служили под псевдонимом — это наводит на мысль о конспирации...

— Вот оно что... — Молинас засмеялся. — Да, иногда мы отдавали приказы через голову строевых командиров... Мне и другим коллегам выписали документы на другое имя, чтобы противник не догадался о присутствии на фронте видных ученых во главе с великим математиком Шахрияром. Но вообще-то вы правы — там сошлись не только армии, но и разведки. Ваши коллеги — военные историки — редко способны понять истинные причины многих событий, потому что забывают огромную роль спецслужб. Разведотдел фронта сумел перехватить и расшифровать связь противника, так мы поняли их тактику — наносить удары мелкими подразделениями. Противник бросал в бой штурмовые группы в составе одного-двух батальонов, стараясь раздразнить наши силы, а потом нанести решительный удар по ослабленным участкам. Моя программа рассчитала оптимальную ответную тактику. Мы отвели войска из-под ударов, перегруппировались, собрали батальоны в бригадные кулаки, поочередно разбили штурмовые группы, а потом обрушились на ослабленное ударное соединение.

— Запланированное на сентябрь наступление должно было протекать по вашим схемам?

— Совершенно верно. К сожалению, мы не смогли проконтролировать осуществление плана «Наковальня громовержца». Диспозицию спустили в войска, а нас отозвали в штаб фронта — моделировать большое наступление силами двух армий в скоплении Конус. В наше отсутствие армейское командование сработало не слишком уверенно. Вроде бы возникли какие-то разногласия между Лестером и Вимутье... Прошу прощения, но деталей не запомнил.

— И вы не знаете, за что попал в опалу Лестер?

— Трудно сказать, могу лишь догадываться. Перед контрнаступлением я предложил несколько вариантов действий. По-моему, Лестер перестраховался. Комкор выбрал не самую перспективную, но наименее рискованную диспозицию. Был другой план, требовавший предельного напряжения сил, в том числе интеллектуальных, но успех мог быть просто сокрушительным. Лестер не решился и предпочел ограничиться малой победой. Вомастен зи Райфинг поймал его на этой ошибке и жестоко наказал.

Андрей забеспокоился: даже первые крупницы материалов, которые он успел собрать, заставляли подозревать, что без сенсаций дело не обойдется. Еще несколько подобных находок — и профессор Фролов откажется руководить скандальным исследованием.

Поблагодарив за интересную беседу, аспирант осведомился, какие сведения о

фронтальной работе сотрудников Шахрияра можно публиковать. Молинас равнодушно показал ему список послевоенных публикаций на эту тему. Вот оно — влияние технологий на оперативное искусство! Интереснейшая информация опубликована чуть ли не полвека назад, но историкам неизвестна, потому что гуманитариям такая математика попросту непонятна.

Вечером, почта статьи Шахрияра, Молинаса и других сотрудников этой лаборатории, Андрей сделал неутешительный вывод: даже ему, при всей его подкованности в области естественных дисциплин, удалось понять только первые и последние абзацы каждой публикации. Впрочем, ему этого было достаточно: выводы социальных математиков поддавались переводу с математической тарабарщины на человеческий язык.

Глава 11

Комедия ошибок

Признаваться в этом считается неприличным, но для людей все тароги на одно лицо. Как и люди для тарогов. Хотя существа обоих видов относятся к гуманоидам, но тароги — далеко не гоминиды. Их древние неразумные предки были близки к земным куницам, в процессе эволюции потеряли волосяной покров, глазницы перекочевали на переднюю часть черепа, мозг сделался сложнее, развилось прямохождение, на руках появились пальцы. Только черты лица выглядели страшновато.

На второй день конференции Андрей не без удивления обнаружил, что выделяет Ксодраана среди других представителей Кьелтарогга, даже когда не видит имени на бедже. Что называется, присмотрелся. Ростом коллега немного уступал Андрею, то есть среди соплеменников числился невысоким. Они подружились неожиданно, когда выяснилась близость научных интересов.

Так получилось, что стенды с их сообщениями стояли рядом. Андрей с интересом читал материалы никому не известного Вокто Ксодраана про инцидент на планете Глешнеке. Историк-тарог выяснил, что при атаке на Глешнеке использовались ядерные заряды средней мощности с лазерным поджигом литиевого заряда. Судя по спектру радиоактивного следа, боеприпасы были оборудованы двигателями точной наводки типа «Евокрюзз-78» — такие моторы выпускала фирма «Дарежиц и сыновья» (12-я Империя), большая часть изделий закуплена арсеналами имперской армии, некоторое количество продано в ССМ, Ломандар и Кьелтарогга. Таким образом, резюмировал Ксодраан, приходится признать маловероятными конспирологические догадки, будто Глешнеке бомбили гиперпространственные носители Мрагвенды или Даласули, у которых просто не имелось подобных боеприпасов. Выводы коллега-тарог сформулировал очень осторожно, лишь намекнув, что ставшая общепринятой концепция по-прежнему не подтверждена достоверными доказательствами.

Он собирался внимательно перечитать и даже скопировать очень любопытный текст, однако рядом послышался жалобный вздох. Оглянувшись, Андрей увидел тарога, буквально впившегося глазами в его видеостенд. Пожалев псевдогуманоида, землянин показал, как управлять материалом, как регулировать размеры всплывающих голограмм, как выбирать текст на нужном языке. Просмотрев сообщение «Инцидент Глешнеке в свете соглашений о Режиме взаимного контроля», тарог проверещал серию неблагозвучных идиом, и висевший на левом ухе Андрея кибертолмач перевел:

— Он убил меня!

«Хотя бы «приматом» не обозвал, морда соболия», — подумал Андрей. Как выяснилось, тарога звали Вокто Ксодраан, они быстро подружились и засиделись в ресторане, обсуждая жуткие тайны Галактических войн — к еще более жуткому неудовольствию своих подруг. Дамы общих тем не нашли, откровенно скучали, безуспешно предлагая разойтись по номерам.

Между прочим, Вокто прояснил загадку, давно не дававшую покоя коллеге-человеку. Оказывается, в тропических лесах на Кьеле росли гигантские деревья со стволами

поперечником в несколько метров. Когда в разгар войны между древнетарогскими государствами одна из сторон начала производить примитивные танки, боевые машины подвозили к фронту на железнодорожных платформах, накрытых полотнищами плотной непромокаемой ткани. В целях секретности гражданскому персоналу говорили, что везут для строительных работ бревна деревьев-исполинов. Термин прижился, и тароги до сих пор называют танки «бревнами».

Утром и выяснилось, что Андрей научился различать характерные черты лица нового приятеля. Большие желто-карие глаза, вертикально вытянутый зрачок, форма носа, острые уши, своеобразно подстриженные — под кабтейлунка — бакенбарды... Человек узнал коллегу-тарога, хотя тот вышел к завтраку в другом костюме. Они сели рядом и язвительно комментировали некоторые выступления.

Первые доклады на утреннем заседании читали маститые ломы, импы, рагвены и ресы. Темы были не знакомы ни Машукевичу, ни Ксодраану — проблематика оценки достоверности астроархеологических находок времен Второй Галактической войны, методология квантово-структурной датировки информационных массивов, роль сословия астровладельцев на переходе от 2-й Империи к 1-й Конфедерации.

Весьма повеселил публику лом, имевший степень, примерно соответствующую земному кандидату наук, исследовавший гибель рас, которые теоретически могли бы создать собственную цивилизацию. Все было неплохо, пока лом рассказывал про первобытные племена Бсархада и полумразумных головоногих, конкурировавших с публами. Однако в заключительной части он помянул гигантских пещерных пингвинов: оказывается, эти злобные твари кочевали по Земле во времена последнего ледника, истребили всех неандертальцев, но были уничтожены людьми в битве около горы Кроманьон.

Затем очень неплохой доклад прочитала молоденькая блондинка Жюльена Гарамонд — дипломница и протеже Фролова, работавшая над темой «Причины ошибок в исторической науке». Наконец, ближе к перерыву случился долгожданный скандал.

Председатель пригласил на сцену почтенного ученого с труднопроизносимым набором имен. К терминалу направился импик — четырехполое ложнокрылое млекопитающее, внешне напоминавшее пингвина. Существа этого вида считались самыми свирепыми расистами среди народов 12-й Империи, двуполых они люто ненавидели, причем главная доля ненависти приходилась на двуполых млекопитающих, то есть на людей, ломов и тарогов.

— Мой внутренний голос шепчет из подсознания, — сообщил, оскалась улыбкой, Ксодраан, — этот урод скажет много глупостей.

— Откровенно расистские доклады должны быть отфильтрованы, — напомнил Андрей. — Он не сможет сказать, что Большой Взрыв осуществили спецслужбы Земли, злобно замышлявшие оскорбить мультигендерные расы.

Снисходительно посмеявшись его наивности, Вокто уверенно заявил:

— Он придумает про вас и нас особенную глупость, не сомневайся.

Для аспиранта Машукевича это был первый международный форум историков, а для ученого-исследователя 2-го ранга Ксодраана — двадцать какой-то. Тарог угадал: импик вывалил на коллег очередную кучу грязных домыслов о ненавистном человечестве. Доклад назывался «Истребление инородцев как основа земной истории».

Видеоряд открылся знаменитыми кадрами: под грозно-величественные аккорды «Триумфального марша» Верди по рисунку созвездий перемещались четкие боевые порядки космического флота. Крейсера и линкоры плыли сквозь пустоту, выстроившись трехмерной решеткой, как атомы в кристалле алмаза. На бортовой броне горели опознавательные знаки Солнечной Державы. Потом в поле зрения неторопливо встроилась обреченная планета — красновато-кирпичная полусфера. Убийственно-медленно начали приоткрываться люки пусковых труб, и ринулись на цель торпеды.

Известный документальный фильм о завершающем этапе 8-й Галактической войны —

группа войск генерала Кнауба сбрасывает на безжизненную планету неиспользованные боеприпасы.

На мониторе ураган термоядерных, аннигиляционных и кварковых взрывов коверкал мертвый рельеф безымянной планеты, стирая горные хребты и вышвыривая в космос отломленные куски поверхности с Африку размером. Голос докладчика скорбно прокомментировал:

— Земная раса приматов несет во Вселенную лишь смерть и разрушение. Вот и на этой планете люди уничтожили все живое...

Затем докладчик долго перечислял чудовищные преступления людей, истребивших множество разумных рас. Варварскому ксеноциду люди подвергли, в частности, родственные подвиды приматов: австралопитеков, питекантропов и неандертальцев. Последних — то есть неандертальцев — люди уничтожили в ходе крестовых походов Юлия Цезаря, распинали на крестах, душили отравляющими веществами в газовых камерах и сжигали в крематориях лагеря смерти Освенцим, входившего в зловещую корпорацию ГУЛАГ.

Часть зала, ужаснувшись, заохала, защелкала жвалами и клювами, зашевелила клешнями и щупальцами. Большинство гоминидов и часть гуманоидов смеялась и свистела. Кто-то требовал немедленно предоставить слово для опровержения тупого бреда. Председательствующий рес призывал к порядку и спокойствию.

Не обращая внимания на бурную реакцию научной общественности, докладчик-импик перешел к самому кровавому преступлению земных варваров, которым нет места в цивилизованной Галактике. Назвав общеизвестным фактом секретные протоколы к пакту Чингисхана — Наполеона, пингвин-импик сообщил, что главной целью этого преступного сговора земных диктаторов с властями 5-й Федерации было поголовное истребление динозавров. Докладчик страстно обличал кровавые, не имеющие аналога в галактической истории злодеяния приматов. Он упомянул тысячи динозавровых захоронений во всех закоулках Земли. Миллионы ящеров были безжалостно убиты и брошены в асфальтовые болота без проведения похоронных ритуалов.

— Леденящее душу массовое убийство было совершено людьми возле кишлака Катынь в районе Подкаменной Тунгуски, — продолжал инопланетный историк, и в такт его словам по голограммам катились «тигры» дивизии «Лейбштандарте». — Наполеоновские солдаты согнали в это место миллионы пленных динозавров, которых содержали в ужасных условиях, с нарушением всех мыслимых прав нечеловека. Затем карательный рейдер 5-й Федерации нанес по концлагерю удар «чистой» боеголовкой кваркового синтеза. И после этого преступники-приматы смеют оправдываться: дескать, динозавры были неразумными животными и вообще будто бы вымерли естественным путем задолго до появления на Земле человеческого вида! Однако, как показали исследования видного земного астронома академика Хамченко, хронология человеческой истории была фальсифицирована в угоду тоталитарному режиму — на самом деле раса рептилий существовала на Земле вплоть до начала атомной эры. К тому же эту подлую ложь приматов опровергают архивные видеоматериалы!

Под саунд-трек в ритме танго потянулись видеоклипы, нарезанные из идиотских фильмов земного производства: люди с копьями, каменными топорами, автоматическими винтовками и бластерами охотятся на гигантских ящеров. Вперемешку шли кадры военных парадов из кинохроник XX–XXIII столетий — гарцевала кавалерия, проносились антиграв-платформы, маршировала пехота, дефилировали станковые плазмострелы, конные упряжки тянули громадную гаубицу, ползли древние — на гусеничном ходу — танки. И вновь киносхватки рыцарей-драконоборцев, путешественники во времени стреляют в тираннозавра, поединок ящера с Кинг-Конгом, Илья Муромец рубит головы Змею Горынычу.

Конец доклада утонул в какофонии протеста: добрая половина зала свистела, топала, выкрикивала непристойности. Андрею удалось расслышать, что импик описывал

трагическую судьбу народов, которых продажная земная история даже не считает нужным упоминать, — докладчик имел в виду гномов, эльфов, гоблинов, гремлинов и троллей.

С огромным трудом уgomонив аудиторию, председательствующий заверил, что все желающие обсудить этот доклад получат такую возможность на вечернем семинаре в малой аудитории кафедры истории сопредельных цивилизаций. Еще раз взмолившись о тишине, рес объявил последнее выступление утреннего заседания — маститый ученый из Оххо-Яшира собирался поведать откровения о роли мореплаваний в истории разных цивилизаций.

После бреда предыдущего докладчика Андрей был настроен скептически, но старик-яшка быстро завоевал симпатии гуманоидов, начав с лирического отступления:

— Уважаемые коллеги, я не меньше гуманоидов смущен забавной историей, которую мы только что прослушали. Хочется верить, что почтенный коллега не повинен в сознательной подтасовке фактов, а лишь некомпетентен в этой области. Не сомневаюсь, что невольный виновник конфуза принесет необходимые извинения.

Кажется, рептилиеобразный нанес пингвину смертельное оскорбление, облеченное в оболочку изысканной учтивости. Во всяком случае, расист-импик демонстративно покинул зал, разразившийся шквалом аплодисментов. Поклонившись, ящер приступил к своему докладу.

По его словам, большинство историков сводит роль раннего мореплавания лишь к рыболовству, прибрежной торговле и, на позднем этапе, к нахождению новых берегов. Однако, сказал яшка, дальние морские путешествия имели более фундаментальное значение. Он привел подборку примеров, подтверждающих этот тезис.

Многочисленные галеры и парусники древних ломов были унесены штормами в открытый океан. Часть экипажей уцелела, но, не сумев найти обратного курса, образовала поселения на островах. Спустя несколько веков архипелаги стали базой свирепого пиратства, сражения с морскими разбойниками способствовали быстрому прогрессу прибрежных стран южного полушария планеты Бсархад. В результате прибрежные южане-мореходы обогнали в развитии остальные народы и понесли цивилизацию другим этносам.

На Земле раса кроманьонцев быстро распространилась по всей планете, совершая морские путешествия между континентами. Конкурирующая раса неандертальцев исчезла, проиграв естественный отбор. Главной причиной вымирания неандертальцев стало пренебрежение мореплаванием — если бы эти крупные гуманоиды создали колонии-поселения на отдаленных островах, их раса получала шанс дожить до более поздних времен.

Из других примеров Андрею запомнилась история великого расселения самих яшек. Около двадцати пяти тысяч земных лет тому назад первобытные динозавры на плотках пересекли Огненный океан, достигнув Восточного Босли, архипелагов Треугольника и Жертвоприношения. Именно здесь, в так называемом Новом Оххо, совершили посадку исследователи пресловутой 2-й Империи, передавшие родственной расе рептилий бесценные познания. Когда же вражеский флот федералов разбомбил базы звездных ящеров в Восточном и Северном Босли, несколько парусных кораблей с воинами и мудрецами смогли вернуться в Старый Оххо. Пришельцы из-за моря огнем и мечом создали новую империю, сохранившую знания и умения небесных сородичей.

Доклад показался Андрею любопытным, старику вежливо похлопали, но было видно, что ломы и другие инопланетяне, про чью историю рассказывал яшка, остались недовольны. Возможно, на их мирах было принято иначе интерпретировать описанные события.

Тем не менее заседание закончилось мирно, участники конференции потянулись к выходам. Андрей тихонько предложил спуститься в буфет и услышал в ответ полный ужаса голос:

— Неужели все это правда?

— Ты о чем? — не понял он.

— Ну как же... Пингвин привел столько фактов... Неужели наши предки совершили все эти преступления?

Наверное, Андрей посмотрел очень выразительно. Изумрудно-сиреневый взгляд

выразил некоторое смущение, что было настоящим чудом.

Встретились они совершенно случайно. Вернувшись с семинара, на котором Фролов одобрил его материалы для конференции и собственноручно отредактировал оглавление диссертации, Андрей попал в свирепый цейтнот. С утра он пропадал на съемочных площадках — новые эпизоды «Казармы» снимались одновременно в четырех студиях. Вечером начиналась аспирантская каторга. Спал он в эту неделю урывками, так что через неделю едва держался на ногах и выгрыз у маэстро Жозефа выходной день.

Отоспавшись, Андрей взялся разгребать видеоматериалы первого месяца вторжения в Призму. Плохо сфокусированные голограммы, второпях заснятые на мобильные видеофоны или оружейные прицелы, были нечеткими, дрожали и покачивались, часто изображение получалось чересчур темным — или, наоборот, слишком блеклым. Что поделать, автонастройка объективов не успевала подобрать точные параметры. С немалым трудом Андрей наскреб отрывки примерно на час непрерывного изображения. Вместе с другими документами это составляло один законченный параграф будущей работы.

Не успел он нарадоваться успеху, как позвонил мобильник, выплеснувший трехмерное чудо природы: роскошные плечи, прическа цвета меди, зеленые глаза.

— Привет, — сказала чудо. — Удивлен, что я тебя нашла?

— Я ждал этого всю жизнь, — машинально ответил Андрей, пытаясь сообразить, с кем разговаривает. — Где ты?

— Да вот занесло в городок у моря. Кракенбург называется. Как лучше к тебе в Эвридику добраться?

— Не надо в Эвридику...

— Жена мешает? — Рыжая красавица подняла брови над океанской зеленью глаз. — Ладно, не парься.

— Какая еще жена?! Я в Кракенбурге живу, не надо тебе куда ехать.

Только в этот момент Андрей понял, откуда знает рыжую: это была дочка Эльцвейга. Старая история — все женщины, которыми он впоследствии всерьез увлекался, на первой встрече не производили сильного впечатления. Или даже, как Виктория, поначалу казались несимпатичными. Как бы не влюбиться, мысленно пошутил он, выпрашивая, в какой части города находится девушка.

Весь вечер они гуляли по городским достопримечательностям — часок побултыхались и позагорали на пляже, полюбовались Каскадным Водопадом, побывали на скале Разбитых Сердец. Когда начало темнеть, спустились к подножию горы на ретроаттракционе «Канатная дорога». С обзорной площадки на крыше «Чертова пальца» — самого высокого городского здания — Андрей показал Виктории ночной Кракенбург. Конечно, губернская столица размахом уступала гигантам-гигаполисам, но была по-своему красива: скопище разноцветных мерцающих огней распласталось вдоль берега бухты подобно спруту, протянув через акваторию светящиеся щупальца эстакад.

Виктория тоже была красива — Андрей понял это даже до того, как увидел ее в бикини. Сильное тренированное тело прекрасно дополняло красоту лица. К сожалению, Виктория хорошо знала степень своей привлекательности и умела пользоваться производимым на мужчин эффектом. На все попытки Андрея разорвать дистанцию и перейти в ближний бой она реагировала снисходительными усмешками. При этом вела себя вполне естественно, держалась просто и непосредственно, но деревенскую дурочку из себя не корчила и подробностей прежних романов не пересказывала.

О себе она говорила без охоты, словно в этой теме таились многочисленные табу. Оставалось лишь догадываться, насколько сложен и пограничен с криминалом бизнес межзвездных извозчиков. В ресторане на верхнем этаже гостиницы «Дворы Хаоса» Виктории понравилось.

— Да уж, не портовый кабак, — признала она. — Часто сюда девок водишь?

— Не так много тех, кто достоин... — проворчал Андрей, потерявший надежду на

взаимность. — И времени свободного тоже немного.

— У тебя интересная жизнь, насыщенная, — неожиданно сказала Виктория.

— Брось, тебе ли жаловаться на скучную жизнь. Каждую неделю — новая планета.

— Бывает, что три планеты в неделю. А потом сидишь пару месяцев в какой-нибудь гнилой дыре, никаких заказов, каждый грош экономишь, за полцены хватаешься за самый мерзкий фрахт — лишь бы вырваться.

— Тоже романтика! — Андрей с удовольствием рассматривал неприступную красавицу. — Семейный бизнес у вас. Трудовая династия.

Она захихикала и сказала удивленно:

— Ну ты шутник... Папаны скинул мне свою старую шхуну, когда купил «Собаку». Он сам по себе, я — сама...

После повторных просьб и долгих уговоров она поведала, что научилась кораблевождению в детстве. Чтобы дочка не мешала ее личной жизни, мамаша на каникулы вешала Викторию на шею Велимира. Два-три месяца в кубрике — слишком скучно для девочки. Она задавала много вопросов, выслушивала раздраженные ответы, в пятнадцать отец впервые доверил ей пульт управления, к семнадцати она уже намотала вторую тысячу светолет. После школы Виктория поступила на двухгодичные курсы, так что в двадцать лет обзавелась дипломом 4-го класса. Папаша как раз приобрел по случаю «Собаку Баскервильей» и подарил дочке дряхлое корыто «Золотая тиара Клеопатры», на котором ходил уже лет десять. Так началась долгожданная взрослая жизнь.

— В этом что-то есть, — Андрей вздохнул. — Я до двадцати пяти учился. Потом — армия, студия.

— Брось кокетничать. — Она вновь засмеялась. — Какая студия? Мой старик запалил тебя, что в шпионской конторе служишь. Потому и молчишь про свою работу.

Оправданиям — дескать, никакой он не шпион, а консультант при видеокорпорации — Виктория не поверила. Коварное предложение заглянуть к нему и посмотреть интересные фильмы, которые еще не вышли на большой экран, она встретила насмешливой ухмылкой.

— Не знаю, с чего Велимир меня заподозрил, — обиженно надулся Андрей.

Виктория прервала его, прищурясь с видом бывалого следователя, раскалывающего врага цивилизации:

— А с того, что кто-то взломал его комп и скопировал навигационные программы.

— И при чем тут я? «Собаку» полмесяца на военной базе ремонтировали — странно, что только программы украли, могли бы даже подтиральную бумагу из гальюна вынести.

— Ясное дело, вашего брата учат отмазываться... — Она махнула рукой. — Ладно, давай еще потанцуем — и отвезешь меня в порт. Утром отчалию.

Оркестр затянул незнакомый Андрею медляк, но Виктория, положив голову ему на плечо, тихонько подпевала про любимого, который совсем забыл наивную девушку и никак не вернется в родные джунгли. Когда они возвращались к своему столику, какая-то девка из очень пьяной компании показала пальцем и громко сказала:

— Вот этот хмырь видео снимает. Педик он, спит с режиссером...

Во взгляде Виктории опять появились приметы заинтересованности. Изобразив мучительные сомнения, она — словно бы нехотя — согласилась посмотреть обещанные фильмы.

Серия про абордаж султанской галеры девушке понравилась. Она даже попыталась протестовать, когда Андрей остановил проигрыватель и запустил на другой голограмме кадры, снятые в студии. На первом мониторе знаменитые актеры лихо танцевали, размахивая мечами, на реях горящего корабля. На втором — несимпатичная спортсменка и Андрей небрежно ступали босыми ногами по силуэтам оснастки, нарисованным на полу студии. Не раз и не десять они промахивались мимо рисунка, и режиссер заставлял снимать новый дубль.

Ему даже стало жалко Викторию — такое обиженное выражение прорисовалось на ее мордашке: словно у ребенка, вдруг узнавшего, что Деда Мороза можно взять в лизинг за

умеренную сумму. Впрочем, объяснения Андрея рыжая слушала не слишком охотно, Викторию больше интересовали не технические подробности, а дальнейшие повороты любовной линии.

— Точно не знаю, — с искренним сожалением признался Андрей. — По исходным задумкам, их должно было занести в экзотическую местность, и там начинались битвы, любовь, поиски сокровищ, взаимные предательства... Но шоу тянется уже больше года, настроение сценариста могло поменяться много раз.

Виктория странно посмотрела на него, поиграла загадочно-свирепой улыбкой, сообщила угрожающе:

— Ты развеял мои иллюзии. Придется тебя жестоко наказать.

Наказание оказалось не таким уж страшным, как обещалось: Виктория принялась его раздевать, а потом повалила на кровать. Будучи джентльменом, Андрей сопротивления не оказал, даже помог девушке избавиться от короткого платья и нижнего белья. Любовь получилась не быстрой, бурной, с элементами новизны. Заснули оба, вполне довольные прекрасным завершением свидания.

Однако наутро Виктория встала сердитая и заявила, что коварный соблазнитель обманул ее — прикинулся гомосексом, потому-де она с первого раза полезла к нему в койку, хотя не имела никакого желания заниматься сексом. У нее, оказывается, есть большая любовь, и она, как порядочная девушка, не собиралась изменять хорошему человеку, а просто подумала немного подразнить педика.

Послушав упреки еще немного, Андрей осведомился, с чего ей втемяшилось, будто у него проблемы с ориентацией.

— Уж в этом меня до сих пор еще не подозревали, — сказал он, слегка обидавшись. — И не надо врать, будто тебе не хотелось.

— Не хотелось! — уперлась она, покраснев. — А про твою ориентацию какая-то баба в ресторане орала. Дескать, ты с режиссером спишь.

Не без труда припомнив события во «Дворах Хаоса», Андрей заржал. Виктория обиделась еще сильнее.

— Иногда приходится прикинуться гомиком, — сознался коварный соблазнитель. — Чтобы отвязаться от надоедливой дуры. Наверное, той бабе тоже наплел что-то в таком духе. Ну не сердись.

Он начал утешать рыжую красавицу. Виктория сначала отпихивалась роскошным плечиком, потом перестала и позволила отнести себя обратно в кровать. Примерно к полудню она уже совсем не сердилась и даже чуть не рассказала про своего первого мужчину, хотя Андрея больше интересовал последний. Неожиданно девушка, повздохав, сообщила:

— Поздно уже. Мне в порт надо.

— Отложить рейс не можешь?

— Хороший фрахт подвернулся... — Она опять вздохнула. — Давно так не фартило. Да и незачем оставаться.

Помогая Виктории одеваться, Андрей узнал, что они друг другу — не пара. Он — образованный, в богеме вращается, книжки слишком умные читает, у него своя квартира, семья с родителями, а у нее — только каюта на старой лоханке, и все друзья — пьянь каботажная да шваль портовая. Доводы были неслабые, социальное неравенство и в двадцать шестом веке сохранилось, как ни прискорбно. Только годы жизни среди плохих актеров научили Андрея безошибочно различать фальшивое исполнение роли.

— Ищешь предлог больше не встречаться, — резюмировал он обличающим тоном. — Дело твое, но мне с тобой было хорошо.

— Ничего такого я не ищу! — прикинулась она возмущенной. — Как ты можешь...

— Ладно-ладно... — Грустное лицо, каменный взгляд в сторону, ненужные движения. — Раз уж решила вернуться к своему любимому, держать не буду. Ты куда свой груз везешь?

Виктория растерялась, назвала промышленную планету в сутках хорошего хода, для старой шхуны — от силы два дня.

— Подброшу им провиант, обратно привезу сотню тонн ванадиевых окатышей... — Насупившись, она пустилась в ненужные объяснения: — Мне на самом деле никак нельзя отказаться — с баблом за этот груз я наконец смогу подлатать «Тиару»...

Она вернулась на четвертые сутки. Шхуну, по протекции брата Саввы, без очереди загнали в орбитальные доки Центрального порта и плату за работу взяли вполтину меньше, чем Виктория могла мечтать. Целых полторы недели они не расставались, днем Виктория послушно сидела в съемочных павильонах или возилась на кухне, пока Андрей работал над диссертацией. На студии рыжая прелесть произвела маленький фурор, несколько раз проконсультировала сценаристов «Казармы» по вопросам навигации в гипермежду скоплениями. Даже отметилась в эпизодической роли штурмана десантной баржи. Трудно сказать, что потрясло девушку сильнее: почти дармовой ремонт шхуны, участие в съемках всемирно любимых сериалов или оброненная самим Квиринелли фраза: дескать, про эту телку можно придумать сюжет под названием «Звездная волчица».

В первые дни августа шхуна «Золотая тиара Клеопатры» была готова, Виктория начала суетиться насчет очередного груза, но согласилась поехать с любимым (теперь это звание носил Андрей) на конференцию в Эвридику.

После перерыва читали доклады три профессора-инопланетянина, потом Фролов представил большое исследование о тенденциях социально-экономической эволюции человечества в первой половине позапрошлого столетия. Следующим, согласно расписанию, слово получил аспирант Машукевич.

Немного волнуясь и заглядывая время от времени в блокнот, он описал ход военных действий на раннем этапе сражения за Призму. Иллюстрируя каждый тезис архивными документами и материалами видеохроники, Андрей опровергал общепринятую концепцию о вторжении земных войск в нейтральные миры. Выводы получились обтекаемыми, но вполне обоснованными и серьезных возражений не вызвали: в скоплении Призма накануне войны сложилась ударная группировка недружественных стран, угрожавшая главным населенным планетам Солнечной Державы, поэтому Красная Башня была поставлена перед необходимостью парировать возникшую опасность.

Когда он вернулся в зал, Виктория восхищенно простонала:

— Ты такой умный... как можно запомнить столько слов!

Фролов похвалил его не без удивления в голосе:

— Вы прекрасно выступили, очень уверенно, безапелляционно. Не ожидал, признаюсь. Прекрасный получился доклад.

Декан истфака добавил: дескать, так держать, и докторская степень сама в руки свалится.

Между тем какой-то маститый публ заканчивал скучное выступление про влияние космологических процессов на судьбы галактических сверхдержав. Аудитория вежливо похлопала, и председательствующий назвал последнего на сегодня докладчика — Вокто Ксодраана.

Только теперь Андрей обратил внимание на походку приятеля-тарога. Безусловно, коллега служил в армии, был мастером строевой подготовки и сохранил отличную выправку. Разложившись на пюпитре кафедры, Вокто повторил название своего доклада:

— «Создание партии Свободы и Единства Возрожденного Кьелтарогга в свете новых данных, рассекреченных державами-победительницами».

Трудно сказать, что в его докладе содержалось очень много новых сведений. Скорее рассекреченные материалы позволяли уточнить отдельные нюансы. Но для Андрея, который в студенческие годы потратил немало сил на биографию кабтейлунка, любой свежий взгляд представлял интерес. Слишком уж однообразным был основной поток публикаций на эту тему: авторы всех держав — больших и малых — состязались в бездоказательных обвинениях, называя Кордо Ваглайча маниакальным убийцей, садистом-параноиком,

истеричным шизофреником, оголтелым расистом. Сильнее других старались очернить низвергнутого вождя сами тароги — словно хотели оправдаться перед теми, кому проиграли войну.

Грубо нарушая традицию, Вокто ни разу не назвал кабтейлунка «кровавым тираном» или «безумным фанатиком». Ксодраан без эмоций описывал давнюю — сразу после 8-й Галвойны — эпоху. Костяком создаваемой партии стали дожившие до конца бойни солдаты и офицеры трех батальонов, в которых Кордо служил в разное время. Попали в эту компанию и головорезы из штрафного нирендуфа — им после бросков через аннигиляционные воронки не было страшно ничего.

Потерпевший поражение Кьелтарогга был охвачен кризисом, закрывались предприятия, разорялись бизнесмены и фермеры, сотни миллионов интеллектуалов и наемных работников остались без средств к существованию. Эту армию несчастных обездоленных тарогов и шерлонов пополнили полсотни миллионов вернувшихся с войны солдат, многие из которых прихватили с собой кое-какое оружие.

Еще на фронте, в перерывах между боями, Кордо Ваглайч начал писать книгу о своей жизни, о войне, о предвоенной обстановке в Кьелтарогга и остальной Галактике. Доводы и формулировки оттачивались в разговорах и спорах, постоянно ведущихся в отсеках и блиндажах. После войны, когда вышли из подполья многие оппозиционные группы, в том числе радикальные, а полиция больше не препятствовала плюрализму, городские площади превратились в трибуны митингов. Кордо выкладывал главы из книги в Интернет, писал посты в социальных сетях и сетевых изданиях, а также почти каждый день выступал на уличных митингах перед «живой толпой».

Буквально за год призывы возродить державу, установить справедливые законы, восстановить предвоенные границы и объединить тарогов сделали Кордо популярным политиком. Опубликованная наконец в полном виде книга «Не наша битва» стала всепланетным бестселлером. Вокруг талантливого агитатора и его друзей сформировалась партия Трудового Единства.

В те же дни другой лидер будущей партии, Делатту Жорлофай, наследник владельцев гостиничной сети, вернулся с фронта, где командовал десантным полком. Он создал партию Возрождения, к его бывшим однополчанам присоединились многочисленные единомышленники, поддержавшие лозунги реванша и наказания тех, кто виновен в поражении. Многих партийных активистов он пристроил в гостиницы своего деда, поэтому противники называли партию реваншистов «профсоюзом швейцаров».

Обе партии добились определенного влияния на периферийной провинциальной планете Лорсавойль. Между тем в столице, на густонаселенном Кьеле, многочисленные группы отставных офицеров и генералов, сотрудников военной промышленности, научных учреждений, союзы безработных создали несколько слабых движений, превратившихся в Единую партию Прогресса. Эта партия не имела ни сильных лидеров, ни вразумительной платформы, но книга Ваглайча сплотила столичное крыло оппозиции.

Накануне первых послевоенных выборов эти реваншистские движения провели объединительный форум. Вождем-кабтейлунком новой общегосударственной партии был выбран Делатту, идеологом стал Кордо. В последующее двадцатилетие (14 земных лет) к организации присоединились десятки мелких политических движений, в партию приходили миллионы сторонников. Идея возрождения державы и оздоровления социума неуклонно привлекала все больше и больше тарогов, униженных военным поражением и несправедливыми условиями капитуляции.

В разросшейся партии периодически возникали разногласия по различным вопросам, вспыхивала борьба платформ. В 5329 году экстремистское крыло поставило на 16-м съезде вопрос об отказе от парламентской борьбы и силовом свержении правительства ренегатов. Полковник барон Жорлофай колебался, но Кордо твердо выступал за следование законам, заверяя, что на следующих выборах партия получит уже не относительное, но абсолютное большинство. Большую роль в победе линии Ваглайча сыграл герой минувшей войны

астрокомандир-ас Чорвейл Адораш, возглавлявший партийную фракцию шерлонов.

Описывая дальнейшую борьбу радикальных патриотов, Ксодраан упомянул создание партийных боевых дружин, охранявших массовые мероприятия. В то же время он подчеркнул, что Делатту и Кордо принципиально дистанцировались от головорезов экстремистского движения Мейбсадар, которые совершали бессмысленные теракты против оккупационных войск 7-й Республики, тем самым провоцируя репрессии против мирных тарогов, не причастных к этим акциям.

На следующих выборах партия Свободы и Единства Возрожденного Кьелтарогга получила чуть меньше половины мест в федеральном парламенте, однако Жорлофай сумел договориться о создании коалиции с лидерами интернационал-неокоммунистов и имперских технократов, что составляло квалифицированное большинство в 71 процент голосов. Во время торжественного митинга по случаю победы кабтейлунк партии Делатту Жорлофай был убит. Схваченный на месте преступления снайпер оказался не только агентом 7-й Империи, но членом Мейбсадар.

— В недавно рассекреченных документах оккупационных властей найдено досье секретной команды убийц, состоявших на содержании имперской военной полиции, — добавил Ксодраан, пресекая прокатившийся по залу шум. — Этих бандитов оккупанты использовали, чтобы убирать народных вожаков и разжигать конфликты — как этнические, так и социальные. В условиях всеобщего возмущения главой правительства был избран Кордо Ваглайч.

Дальнейшие события были хорошо известны, поэтому Вокто упомянул их скороговоркой. Огромную роль в стремительном строительстве государственной машины на основе идей, высказанных в «Не нашей битве», принадлежала Ладуге Радвайлу. Однако воинствующий расизм лидера имперских технократов привел к острому конфликту и удалению Ладуги, назначенного провинциальным губернатором. Для укрепления властной пирамиды Кордо создал военизированную организацию Одо-Одо, что переводится примерно как «Верная Стража». Одо-Одо быстро превратилась в костяк государства и партии — своего рода рыцарский орден. Закончив этап государственного строительства, Кордо Ваглайч объявил об отказе соблюдать кабальные условия мирного договора. В этом вопросе его поддержали Ломандар и 12-я Империя, которые надеялись превратить Федерацию Кьелтарогга в противовес набиравшей чрезмерное влияние 7-й Республике.

Поздно вечером они сидели в университетском кафе, вспоминая, какой грандиозной порке был подвергнут импик, озвучивший фальсифицированные обвинения в адрес человечества. Комизм экзекуции прочувствовала даже Виктория, не понявшая большей части сказанного.

— Он еще пытался сопротивляться, — хихикала хозяйка «Золотой тиары». — Но потом этот опоссум сказал два слова, и пингвин выключился...

— Да уж, кто бы мог подумать, что сам великий Цланг снизойдет до наших споров, — покачивая головой, произнес Фролов. — Я, признаться, в этих вопросах военной истории не слишком силен, но даже мне было понятно, что импик не вполне адекватен. Однако вдруг встал Цланг и начал бить оппонента неотразимыми аргументами...

— Прямо скажем, самого Цланга тоже надо читать с опаской, — пренебрежительно высказался Андрей. — Слишком любит делать выводы, не понимая нашей специфики...

Неожиданно локоть спутницы больно ткнул его в бок, и Виктория прошептала:

— Тише, дубина, лом тебя слышит.

Удивленно повернувшись к ней, Андрей обнаружил, что возле их столика стоит высокий худощавый — человека такой комплекции в старину бы назвали «чахоточным» — лом. Поскольку все ломы для него были, как и тароги, неотличимы один от другого, распознать в нем знаменитость Андрей, конечно, не смог. Однако бедж на лацкане принадлежал именно Мермезе Цлангу — видимо, рыжая секс-бомба прочитала имя, хоть и сидела в неудобной для этого позе вполоборота.

Поспешив погасить неловкость, Максим Анисимович пригласил коллегу присесть за столик и заказал роботу-официанту какао с миндальными кексами.

— Ни в коем случае, — возмутился Цланг. — Не знаю, кто придумал идиотскую легенду, будто мы любим эти отвратительные продукты.

Лом велел официанту принести напиток и закуску, названия которых Андрей никогда не слышал, но Виктория выразительно поморщилась. Доставленный роботом заказ действительно неприятно пахивал, но ничего иного не стоит ожидать, когда собирается компания существ, принадлежащих к столь несхожим астробиологическим видам.

Отхлебнув темно-синей дымящейся жидкости из большой чашки, Цланг положил в рот большой плод в блестящей шкурке с острыми шипами, откусил от ядовито-оранжевой плитки, запил темно-синим варевом, блаженно прикрыл глаза, прожевал, еще выпил — и наконец осведомился, пристально посмотрев Андрею прямо в глаза:

— Нельзя ли выслушать подробный рассказ о моих ошибках?

Долговязый лом был почти на полметра выше рослого аспиранта с Калиюги. Мермезе Цланг буквально нависал над Андреем — разговаривать в такой позиции не слишком удобно. Еще неудобнее уличать в промахах маститого ученого. Деваться, однако, было некуда, и Андрей неловко начал:

— Почему же нельзя... Помимо поправок и замечаний, сделанных редакторами перевода, на глаза постоянно попадались грубые ошибки... К примеру, маршал Ханг не был главой правительства после Енисейского, генерал Родольфо Самаэль не застрелился, дабы избежать пленения, но сумел отразить наступление рагвенов. В плен едва не попал дальний генеральский однофамилец адмирал Рудольф Семенов, но его окруженная дивизия продержалась до подхода деблокирующих частей...

Года два назад, прочитав трилогию Цланга, он обнаружил десятки, а то и сотни ошибок — малозначительных и весьма серьезных. Сейчас многое подзабылось, Андрею приходилось напрягать память, чтобы вспомнить наиболее сочные перлы лома.

Безусловно, Мермезе Цланг был порядочным существом, не испытывал презрения или ненависти к людям, не пытался обвинить человечество в надуманных ошибках и преступлениях. Дотошный исследователь, он переворачивал горы информации в поисках истины. Тем обиднее казались грубые промахи Цланга. Не так страшно, когда врет враг, однако неправильные оценки друга досаждают очень больно.

Андрей припомнил, как в главе про снабжение земной армии Цланг пересказывает байку якобы из первоисточника. Будто бы солдаты-люди получали малопитательные пайки, оголодали, но кто-то умный читал в детстве, как двумя веками раньше на этой самой планете воевали ломы, употреблявшие в пищу местные растения — так называемые «голубые злаки». Цланг писал, что солдаты самовольно стали варить эти побеги, получая необходимую добавку витаминов и килокалорий.

— Да-да, весьма питательная флора, — горячо подтвердил Цланг. — Ваши солдаты были спасены благодаря отвару «голубых злаков». Есть достоверное свидетельство фронтовых корреспондентов, подтвержденное Темучином Барбароссой. Также мне удалось найти приказ военной жандармерии, регламентирующий уголовные наказания за чрезмерное употребление отварных растений такого рода.

Бедняга слишком поверхностно изучал человеческую цивилизацию. Захотел узнать все понемногу, но не понимал простых вещей. Снисходительно усмехнувшись, Андрей произнес:

— Вы совершенно правы, коллега. «Голубой знак» весьма питателен для ломов, но ядовит для человека. После долгого кипячения получается состав, насыщенный амфетаминами, то есть возбуждающий наркотик. Солдатам разрешалось пить небольшие дозы перед атаками для поднятия боевого духа, но злоупотребления сурово карались... Не смущайтесь, вы не могли знать, что Темучину Барбароссе нельзя верить... Или другая ваша оплошность: вы пишете, что в конце войны маршал Копф попал в немилость, был смещен Енисейским с должности главкома и стал простым командармом...

Цланг возмущенно вскричал, размахивая руками:

— Тут вы не сможете меня упрекнуть — информация почерпнута из официального издания — «Военной энциклопедии человечества»! В биографии Копфа четко перечислены даты его карьеры: незадолго до войны назначен главнокомандующим ударными силами дальнего действия, незадолго до конца войны неожиданно переведен на должность командующего Тридцать Восьмой армии. Вы сомневаетесь в достоверности источника?

— Дело не в достоверности, а в интерпретации, — не сдержавшись, засмеялся Андрей. — Прошу простить, коллега... Дело в том, что ударные силы были переименованы в отдельную армию. Так что Копф сохранил ту же должность, и никакой опалы не было.

— Не может быть, — прошептал потрясенный лом.

Желая подсластить пилюлю, сердобольный Фролов позабавил компанию былью про другого ломандарского исследователя, написавшего университетский учебник по истории человеческого Средневековья. Тонкий момент, почему Христофор Колумб, отправившись в Индию, приплыл в Америку, автор учебника объяснил весьма оригинально: лоцман Иван Сусанин коварно повел флотилию неверным курсом. По этому поводу на Земле якобы сложилась эпиграмма: «Он шел на Одессу, а вышел к Херсону».

Анекдот понравился всем, кроме Виктории, которая слышала в школе все названные имена собственные, но не могла понять, чего смешного в той древней трагедии. Андрей пообещал объяснить потом.

— Я понял, о ком вы говорили, — негромко сообщил Цланг. — В первом издании учебника у него фигурировал Христос Коломбо... А насчет Одессы я проверял по старым земным картам. Если двигаться от Запорожья в Одессу, то Херсон окажется на полпути.

— Надо признать, что мы тоже плохо знаем вашу историю, — великодушно сознался Фролов. — А что поделать? Общий курс «История внеземных цивилизаций» занимает четыре семестра, по две лекции в неделю. Один семестр на три большие державы, второй — на пять среднегабаритных и два семестра на полсотни остальных — двухчасовая лекция на целую цивилизацию. Более глубокое изучение — на спецкурсах или факультативах.

— У нас то же самое, — вздохнул лом и залпом заглотал свое пойло, запах которого становился невыносимым. — Не наука, а комедия ошибок! Надеюсь, молодой коллега не откажется прислать соображения о моих ошибках. Обещаю, ваше имя будет с благодарностью упомянуто в следующем издании.

Едва не запрыгав от счастья, Андрей обменялся с инопланетным светилом адресами электронной почты. Затем набрался наглости, хлопнул для отвязки рюмку коньяку и спросил, не доводилось ли уважаемому Мермезе Цлангу слышать о применении тарогских тяжелых танков против земных войск. Цланг и Ксодраан, не задумываясь, назвали предположение чушью. Когда землянин, со свойственным его расе коварством, предъявил видеосвидетельство, лом растерялся, но тарог уверенно заявил: дескать, артефакт и ничего больше.

Глава 12

Выдумки конспирологов

С органами безопасности Таризель сотрудничал еще в студенческие времена. Получив диплом врача-фармаколога, лейтенант запаса Гагиев был зачислен в оперативный резерв и вот уже полтора десятка лет выполнял деликатные миссии, хотя официально числился по гражданскому ведомству. Многое довелось повидать и пережить за годы тайной службы: борьба с пандемиями на чужих мирах, испытания биологических оружейных средств и простая работа врачом-добровольцем среди негуманоидов. Сколько тех негуманоидов завербовать удалось — о том только большому начальству ведомо.

И хотя нигде разведчик не был изобличен иностранными коллегами, но светиться на дальних планетах ему больше не следовало. Вместе с приказом о присвоении майорского звания Гагиев получил известие о переводе в департамент внешней контрразведки.

Благодаря протекции видных бизнесменов и врачей Таризель оказался сотрудником большого концерна, выпускавшего микробиологические препараты сугубо мирного назначения. Не без его наводки соответствующая служба разоблачила сеть промышленного шпионажа, по которой бесценные сведения утекали в аналогичные компании других стран.

Однако попутно выяснилось, что заказчик не ограничивался воровством ноу-хау и других коммерческих секретов одной фирмы «Килиманджаро». Частная разведка трансгалактической корпорации занималась и другими делами, входившими в компетенцию не только внешней, но и политической контрразведки. Расследование проводилось крайне деликатно, чтобы не спугнуть агентуру прежде времени, но уже становилось понятно: тут работает не одна корпорация, тут рисуется грандиозная картина, в которой фармакологический концерн, вся земная промышленность и вся человеческая раса — лишь крохотный фрагмент исполинской мозаики.

Поэтому к операции подключились и другие департаменты министерства, пришлось расконсервировать агентуру давних времен, экспромтом запустить особо хитроумные комбинации, заготовленные впрок, отредактировать отличные легенды. Как следствие, Таризель Гагиев сидел в люкс-кабинете ресторана «Бриллиантовая диадема», безглаголиво просматривая меню, где цена закуски-ассорти мало уступала недельному заработку земного инженера средней квалификации.

— Не надо говорить, что вы всего лишь менеджер захудалой фирмы, поставляющей предметы роскоши, — монотонно наговаривал он, изредка бросая на сидевшее напротив существо равнодушные быстрые взгляды исподлобья. — У нас были свои люди в окружении Адзуми Тора. Поэтому нам известно, что якудза поддерживала тесные связи с вашей лавочкой.

— Ничего не понимаю... — Признание собеседника прозвучало непринужденно. — У вас были где-то свои люди, но теперь их нет. Какое отношение это имеет ко мне?

— Вы поняли неправильно. Наши люди остались. Но Адзуми Тора больше нет. Мы избавляемся от ненужных конкурентов. Как вы знаете, чуть раньше мы устранили верхушку «триад» и африканскую группировку.

На встречу с ним прислали не лома, но — ломо. Бесполой тварь, назвавшаяся Мренеби, восприняла новость хладнокровно. Только черная полоска зрачка вытянулась, перечеркнув вертикальной чертой желтоватый кружок глазного яблока. Согласно легенде, Гагиев представлял преступную группировку Северной Евразии, ведущую борьбу за полный контроль над криминальными структурами Земли. Как объяснил он в начале застольного разговора, уважаемым вождям синдиката хотелось бы получить поддержку ломандарских спецслужб.

Предварительные переговоры прошли заранее — на нейтральных планетах. И если сегодня Мренеби устроило игру в непонимание, то с единственной целью — обеспечить алиби на случай, если встреча в ресторане все-таки окажется провокацией земных контрразведчиков.

Оно с нарастающим внутренним раздражением смотрело, как гуманоидный гангстер извлекает золотой вилочкой шампиньоны из миски со смесью черной икры, кусочков балыка и других деликатесов. Фармацевт из «Килиманджаро» безусловно был связан с производством наркотиков, однако руководство посчитало возможным рискнуть. Мренеби не преувеличивало своей ценности, но все-таки оно было удачно внедренным агентом. И если резидент приказал согласиться на встречу — значит, возможный результат стоил возможной потери важной оперативной позиции. Конечно, резидент был из бигендерных и мог просто пожертвовать однополым сотрудником, но такой сексизм не прощался...

— Вы предлагаете нам закрыть глаза на экспорт вашей дури в Ломандар? — осведомилось Мренеби. — Этого не имели ни якудза, ни мафия, ни...

— Они были глупы, поэтому много не имели, а теперь их самих осталось немного. — Человек покрутил вилку. — Синдикат возглавляют солидные джентльмены, владеющие вполне легальным бизнесом. Они готовы бросить свои капиталы на рынки цивилизованной

страны. Что касается наркотиков, то вопрос весьма скользкий. Препарат, который считается сильным наркотиком для моей расы, для вас — всего лишь вкусная пряность, острая приправа или, например, легкое лекарство. Если ваш департамент здравоохранения выдаст лицензию...

Тщательно избегая точных формулировок, он объяснил замысел. Евразийский ганг собирался развернуть на подконтрольных предприятиях производство нейролипидов, амфетаминов, атропинов и других препаратов, пригодных в пищу для основных ломских рас. Продукция будет оформлена как экспортное продовольствие, поэтому местные власти не смогут назвать товар наркотическим средством. А то, что некоторая часть «пищевых добавок» попадет аборигенам, которые захотят использовать препараты не по назначению, — так это уже проблема местных властей.

Описывая перспективы коммерческого предприятия, землянин даже чуть оживился, с лица исчезла маска флегматичной скуки. Он пересказывал тщательно проработанные планы своих главарей: большая часть продуктов пойдет даже не в торговые сети Ломандара, но будет реализована в магазинах для иностранцев на планетах Солнечной Державы и других стран.

— Замечательный план, — не скрывая насмешки, произнесло Мренеби. — Но совершенно непонятно, какую выгоду получит моя фирма. Или вы собираетесь отстегивать нам долю с прибыли?

— Такой вариант рассматривался, но признан нерентабельным. — Примат доел икру десертной ложкой, вытер пасть салфеткой, выпил рюмку и взял стакан газированного напитка. — Мы готовы исполнять ваши деликатные поручения.

— Например?

— Например, аккуратно убрать кого-нибудь на планете, где расположены наши предприятия. Или собрать интересующую вас информацию.

— В том числе и на центральных планетах Солнечного Союза?

Официант-ящер — здесь обслуживали не роботы, а живые экземпляры — принес горячее. Перед Мренеби появилась многоярусная конструкция: в чашечках из настоящего земного фарфора источали ароматы кусочки полусырого мяса, различные соусы и приправы. Безмолвный официант вопросительно посмотрел на вазу с фруктами, которую ломо заказало, но почти не притронулось к закуске, увлеченное разговором. Мренеби махнуло рукой: дескать, оставь. Фигурными щипчиками оно взяло кусок слегка прижаренной рыбы, обмакнуло в атропиновый соус, обваляло в тертых орехах и положило благоухающий деликатес на язык.

Эти варвары всерьез рассчитывают производить нашу пищу, подумало Мренеби. Производить, не представляя, к какому пласту ломской культуры они самонадеянно прикоснулись. Впрочем, приматы наверняка не собираются выходить на рынок элитных продуктов. Это будут простые полуфабрикаты, замороженные обеды быстрого приготовления, грубые приправы для солдат и obsługi.

Ломо подняло глаза на собеседника. Тот ел ложкой суп, искоса поглядывая на официанта. Когда ящер, пожелав приятного аппетита, удалился, человек продолжил:

— На центральных планетах мы предпочитаем не привлекать внимания спецслужб. Однако нет ничего невозможного. — Он отложил ложку и добавил без эмоций: — У нас есть каналы в Красной Башне.

Скорее всего, примат преувеличивал всемогущество своей банды. На протяжении веков Красная Башня в городе Шамбала служила резиденцией земной власти — исполинское строение из гранитных блоков, прилепившееся к склону грандиозного горного массива в центре Евразии. Красную Башню, окруженную другими правительственными зданиями, гарнизонами, узлами связи, жилыми кварталами, построили при Джангархане, и за двести лет лишь трижды разведкам удалось внедрить агентуру в этот жуткий мегаполис.

— Я доложу руководству ваши коммерческие проекты, — сказала Мренеби, стараясь не проявить недоверия слишком явно. — Вероятно, ваши руководители готовы предложить

нам чертежи боеголовок и карты дислокации дивизий.

— Вы не восприняли предложение всерьез, — прокомментировал примат-фармацевт. — Нам известно, какие ваши поручения выполняли другие подобные организации — африканская, южноамериканская, азиатские, сицилийская, североамериканская, так называемые «семейства» окраинных миров. Мы можем оказывать подобные услуги.

Уже не маскируя недоверия, ломо поинтересовалось:

— Разве сицилийский клан перешел под ваш контроль? Я уже не спрашиваю про внешние «семейства» или ганги Парнаса и Сольдо.

Человек пристально посмотрел на ломо, и в его глазах больше не было холодного равнодушия — только ледяное презрение и смерть. Мренеби знало такой взгляд. Взгляд убийцы, готового в любой момент заняться привычным ремеслом.

После короткой заминки — он словно подбирал нужные слова — землянин проговорил:

— Некоторые подчинились нам. Другие *пока* нет. — Он подчеркнул интонацией слово «пока». — Красная Башня уже начала зачистку Сольдо. Когда уйдут жандармы, там появятся наши солдаты.

— Правительство выполняет ваши мелкие поручения? — Ломо улыбнулось.

— Постарайтесь воспринимать собеседника всерьез, — разозлившись, зашипел вошедший в роль майор. — Организация проникла во многие структуры правительства. И вполне может повторить то, что африканский синдикат сделал однажды по вашему заданию.

Мренеби было опытным разведчиком, но не могло знать обо всех операциях, проведенных различными спецслужбами Ломандара. После некоторого замешательства ломо искренне призналось:

— Не понимаю, о чем вы говорите.

Опустив глаза, человек пробормотал:

— Не верю. Вы наверняка слышали, что поглощенный нами клан Моиза Хатхи контролировал фармацевтическое производство. Тридцать лет назад Моиз получил задание ликвидировать одного старика. Была изготовлена специальная партия «вакцины молодости» особой очистки, — человек вновь посмотрел на притихшее в напряжении бесполое существо. — В некоторых ампулах Л-аргинин был заменен на Д-изомер. Всего два звена в длинной цепочке белкового полимера, но результат был достигнут.

Теперь сомнений не оставалось: посланник земного преступного сообщества говорит о внезапной смерти Порфирия Енисейского, проходившего завершающий этап омоложения. Мренеби понимало, что принимать решение будет не оно и даже не резидент. Полученная информация подтверждала давние подозрения, но никто не ждал, что разгадка упадет в руки таким образом — от мелких преступников варварской расы. И еще оно понимало, что стало носителем смертельно опасной тайны, которой нужно немедленно поделиться с региональным координатором. Может быть, даже в обход резидента.

Тряхнув головой, Мренеби облизало губы тонким языком — рудиментарное напоминание о временах, когда дикие предки ломо разоряли гнездовья мелких насекомых. Допитый залпом горячий коктейль немного успокоил нервную систему, нейтрализуя выплеснувшиеся в кровь гормоны. Понизив голос, словно не доверяло глушилкам, оно спросило:

— Как вы получили эту информацию?

— Собственноручно... — Наконец-то защиту человека прорвало, и он самодовольно хихикнул. — Вам должно быть известно, что синдикат внедрил меня в концерт «Килиманджаро». Моим наставником был... как бы тактичнее выразиться... старенький гений биотехнологических процедур, помнивший много интересного. Иногда старика тянуло на откровения... Но главное он сообщил в нашем последнем разговоре. — Из-под тяжелых надбровных дуг землянина вновь выглянули глаза убийцы. — Боюсь, я немного погорячился, и он умер раньше, чем успел рассказать обо всем, что знал. Но рассказал он много, можете не сомневаться.

Нарушая все правила, Мренеби рискнуло:

— Не сомневаюсь. Но почему вы считаете, что приказ исходил от моих коллег из правительства?

Сбитый с толку человек сдвинул брови, не спешил с ответом, однако все-таки сказал:

— Он и его сотрудники были уверены, что работали на вашу службу...

— Естественно... — с отвращением произнесло Мренеби. — *Те* любят прикидываться клерками администрации.

— Что значит «те»? — немедленно клюнул человек. — Приказ о ликвидации был провокацией Красной Башни?

— Не думаю... — Ломо зашло слишком далеко, теперь не имело смысла отступать. — Вы слышали сказки про всемогущие центры тайной власти, не подвластные государственному строению?

— Я не считаю сказкой Альтаирский клуб, если вы намекаете на это тайное общество.

— Вы почти угадали. Тайные центры власти — вовсе не глупая выдумка безумных конспирологов. Альтаирский клуб — ширма, за которой творится высокая политика.

Броня высокомерного равнодушия слетела с человека подобно шелухе, уносимой порывом урагана. Представитель криминального сообщества был растерян и напуган. Он озибался, словно прикидывал пути быстрого исчезновения.

Насладившись его унижением, ломо деловито выполнило требования давнего циркуляра. Связник получил приказ: передать своим главарям, что придется не просто сотрудничать с разведкой Ломандара, но также проводить активные мероприятия против почти призрачного противника. Подавленный землянин угрюмо кивнул, однако поинтересовался, получит ли его бандитская шайка лицензию на производство и поставки продовольствия.

Ответив утвердительно, Мренеби попрощалось и покинуло зал, не расплатившись. Оно числилось представителем солидной компании межзвездного туризма, в ресторан зашло на время перерыва и теперь возвращалось в офис.

За годы службы в тайном ведомстве майор Гагиев научился в совершенстве владеть мимикой. Отключая приборы, глушившие записывающую аппаратуру, он сохранял гримасу легкого испуга и напряженной задумчивости. Постепенно мышцы, покрывавшие переднюю часть его черепа, расслабились, придавая лицу обычное неопределенное выражение. У тех, кто наблюдал за ним, сложилось бы впечатление, что бывалый преступник оправился после шока.

Лениво потягивая тонизирующе-витаминный напиток, он откинулся в кресле, разглядывая зал из-под неплотно прикрытых век. Альтаир, он же Альфа Орла, большая белоголубая звезда, расположенная в пяти парсеках от Солнца, жгла лучами даже сквозь плотное тонированное стекло большого — на всю стену — окна.

Уже четвертое столетие Альтаир удерживал статус анклава в территориальном пространстве ССМ. Законы человечества здесь не действовали, поскольку в системе развилась разумная жизнь.

Ближняя к светилу планета размерами немного превосходила Землю — горячий камень, богатый месторождениями тяжелых металлов. Впрочем, все рудники были подчищены до двадцатикилометровой глубины в незапамятные времена. Кажется, там поработали 3-я Империя, а то и 5-я Древняя Федерация — выяснить подробности не представлялось возможным.

Следующий спутник, обращавшийся вокруг Альфы Орла по вытянутому эллипсу с полуосями в две и три астрономические единицы, носил неведомо кем придуманное название Тунди. Планета мало чем отличалась от Венеры, разве что зной на поверхности был не столь жесток да ядовитая атмосфера сформировалась менее плотная.

Наконец, на периферии системы кружили два громадных газовых пузыря чуть поменьше Юпитера. В аммиачно-метановых оболочках планет-гигантов родилась

своеобразная жизнь, эволюционировавшая до стадии, которую принято называть разумом. Странные существа создали своеобразные технологии сверхвысоких давлений, выглянули в космос, обнаружили цивилизацию соседней планеты и после недолгого общения развязали войну.

Майор-контрразведчик не слишком хорошо знал историю давних веков. Помнил только, что долгое время возле Альтаира дежурили военные флоты соседних держав, пытавшихся погасить межпланетную бойню. По итогам 7-й Галактической войны система перешла под контроль землян.

Формально звезда и окружающее пространство — вплоть до внешней границы кометного облака — считались суверенным владением обитателей планет-гигантов. Де-факто это пространство полностью контролировалось международной эскадрой миротворцев, причем большую часть кораблей традиционно выставляла Солнечная Держава. При помощи галактических соседей аборигены залечили раны прежних сражений, наладили отношения с родственными обитателями газовых пузырей в других системах. Мультинациональное акционерное общество вело успешную торговлю с альтаирцами — в мире чудовищных давлений синтезировались многие материалы, производить которые не умели ни люди, ни ломы.

Вторая планета, прикрытая от альтаирского излучения космическими щитами, превратилась в оффшорную зону, шикарный курорт для жителей множества миров, а также — в эдем для коммерсантов. На границе системы теряли силу законы других цивилизаций, а порядок на Тунди поддерживался службами безопасности корпораций.

Здесь, если верить агентуре, собирались воротилы закулисной политики — члены полумифического клуба тайной власти. Альтаирского клуба.

Офицер оперативной поддержки подал сигнал. Положив на стол крупную купюру ломской валюты, майор расслабленной походкой вышел в полутемный зал, где сходились врата нескольких ресторанов разного класса. Здесь, как и было запланировано, Гагиев «случайно» столкнулся с двумя людьми. С радостным воплем майор полез обниматься. При этом несколько сотен крошечных, как микробы, приборов переключались с его манжетов на одежду ошеломленных соплеменников.

— Разве мы знакомы? — осведомился один из них, отталкивая майора.

— Друг моего друга — мой друг, — с пьяным энтузиазмом сообщил контрразведчик и, крепко взяв за плечи, встряхнул второго. — Маленькая у нас Вселенная, везде знакомые лица! Как тебя сюда занесло?

— Да так, понимаешь, клиента подвез... — Растерянный Эльцвейг вяло пытался вырваться. — Ты ждешь кого-то или мимо проходил?

Распространяя сильный аромат дорогого коньяка, майор объяснил, что обедал с деловым партнером. При этом он помахал счетом «Бриллиантовой диадемы», отчего собеседники прониклись завистливым почтением. Спутник Велимира, презрительно морщась, буркнул:

— Я пошел, меня ждут. Будь готов к утру.

Он зашел в «Белый кит» — ресторан весьма средней категории. Проводив его взглядом, майор сообщил с пьяным удивлением в голосе: дескать, видел эту рожу в ящике. Через десять минут, поддавшись на уговоры выпить за счет фармацевтической корпорации, Эльцвейг прочно уселся за стойкой бара и сообщил:

— Это же сам Сваниховский, жмот несчастный. Сейчас будет у спонсора бабло вытряхать, потом завалится в дорогой бордель, а мне даже обед не оплатил, скотина.

— А ты, значит, до утра будешь пить в одиночестве, — посочувствовал Таризель, сделавший вид, что не понял намеков насчет обеда.

— Нельзя много пить, — поделился печалью космический каботажник. — У меня тоже деловые переговоры намечаются.

Кивнув, контрразведчик согласился повторить — и больше ни-ни. Когда бармен

поставил перед ними запотевшие бокалы, майор похрустел солоноватыми орешками, глотнул приятный коктейль и осведомился:

— Ты кого-нибудь из наших видел?

— В гробу я всех видел! — окрысился злой на всю Вселенную звездный кучер. — Помнишь, был у нас пушкарь, в шпионской конторе служил? Так он, гад, мою дочку в койку завалил, извращенец! Вот ведь дура рыжая, нашла под кого ложиться! Тоже мне видеозвезда...

Таризель перебил его:

— погоди, ты с чего взял, что историк за нами шпионил? Он же лопух, только книжки свои читал. За нами физик присматривал, к твоему сведению.

— Не может быть!

— Точно тебе говорю. Он же все время в компе копался, какие-то программы переписывал.

— Не может быть! — повторил остолбеневший Велимир и даже сполз с высокого стула.

— Ты уж поверь, не обману.

Нанопередатчик, приклеенный к мочке уха, сообщил, что Сваниховский уже начал разговор со своим визави. Торопливо распрощавшись, майор поспешил в номер отеля, где был оборудован узел технического контроля.

Помянув его непристойными пожеланиями, владелец «Собаки Баскервилей» выбрал столик в пустынной части зала и заказал чашечку кофе. До назначенного времени встречи оставалось меньше получаса. Эльцвейг проголодался, но хроническая скупость не позволяла заказать хотя бы дешевенький салатик. Он надеялся, что потенциальный наниматель заплатит за плотный обед.

Его чаяния сбылись не в полной мере. На встречу пришли двое — пермит и рагвен. С пермитом они встречались прежде — двухметровый муравей служил в богатой фирме, легко бравшейся за скользкие дела и нанимавшей для разовых операций одиночек вроде Велимира. Ракообразный, не сильно уступавший ему размерами, лихо простучав по дубовому паркету тремя парами лап с клешнями, грациозно опрокинулся в специально для него подготовленное ложе и тяжело устался на человека треугольником узких глаз.

Членистоногие переглянулись, обменялись неразборчивым бурчанием на каком-то из галактических сленгов. Кибертолмач Эльцвейга чужой речи не разобрал. Поскрипев пластинами панциря, пермит подозвал робота. Он заказал крепкую выпивку для трех рас, закуску и порционные обеды. Человеку досталась недурная жрачка: овощной салат, тарелка супа-чунки, горшочек с чем-то вроде рагу и бутылка виски. Пермит, ни разу не назвавший своего имени, знал, что Велимир пьет, не разбавляя тониками.

Откусив кусок своего лакомства, напоминавшего большого жука, зажаренного в кляре, муравей повелительно произнес:

— Ты будешь питаться, когда мы уйдем. Но сначала мы будем питаться, а ты расскажешь про ту историю.

Пить ему не запрещали, поэтому каботажник налил почти полный стакан и, потягивая не слишком большими глотками, сообщил суть дела. Он передал по памяти слова Юджина Плахо про гравитационные аномалии в скоплении черных дыр, затем поведал о корабле, пытавшемся прорваться в Черную Долину. Эльцвейг знал, что его собеседник — деловое существо, лишних слов не терпит, однако требует подробного изложения. Поэтому, в надежде заполучить выгодный заказ, человек старался говорить коротко, но не пропускать важных фактов.

Громоздкие наниматели слушали, не переставая работать челюстями. Фасеточные гляделки были полуприкрыты — наверное, от удовольствия. Внезапно рагвен отложил наполовину обглоданные ребра неведомой зверюшки и заскрипел ротовыми пластинками. Его переводящая машина произнесла на общечеловеческом:

— Один пилот был валдад, а кто второй?

— Вот его снимки, я успел сделать фотку. — Велимир протянул видеофон и раскрыл нужную голограмму. — Я потом проверял по каталогу — они называются *ресминант*. Панцирь и скелет делают их очень прочными, эта раса поставляет отличных пилотов и солдат, устойчивых к перепадам гравитации. Похожая раса живет в Империи, но этот — явный ресминант из Республики...

— Мы соизволили узнать эту тварь, — сообщил рагвен. — Говоришь, корабль был валдадский?

— Валдадского производства, — уточнил Эльцвейг. — Но принадлежал компании «Счастливое подземелье».

Его собеседники дружным дуэтом издали протяжные звуки — немелодичную помесь пощелкиваний со свистками. В последовавшем обмене репликами на гангстерской фене Велимир не разобрал ни слова. Сотрудники земной контрразведки, слушавшие этот разговор в номере отеля несколькими этажами выше, имели чуткую аппаратуру, а потому поняли почти все слова. Рагвен и пермит были возмущены и озабочены вмешательством конкурентов из трансгалактической корпорации «Жескеч», название которой на ресовском языке означало «Галактика».

При упоминании корпорации майор Гагиев ошеломленно разжал — совсем чуть-чуть — челюсти. Разрозненные факты начали складываться в более-менее цельную картину, и он торопливо чиркнул фотокарандашом по жидким кристаллам блокнота, делая заметку на память.

Между тем передача из ресторана продолжалась, два членистоногих гангстера сделали Велимиру долгожданное предложение, назвали цену и протянули пластиковую карточку с авансом. Сумма была вполне приличная, но владелец «Собаки Баскервильей» попытался торговаться. Ему пообещали бонус, если привезет из рейда что-нибудь по-настоящему ценное.

После этого пермит и рагвен ушли, Эльцвейг взялся за свой обед. А внимание контрразведчиков переключилось на другой монитор. Здесь шла трансляция с приборчиков, прицепившихся к одежде знатного политолога Сваниховского.

Нанокamеры находились в кабинете, почему-то называемом «чайная комната». Никакого чайного прибора на столике, разумеется, не было — только бутылка квадратного сечения и вместительный фужер. На диване вальяжно развалился представитель человеческой расы, хорошо знакомый множеству зрителей зомбоящика.

Адольф Сваниховский частенько выступал в различных информационно-политических шоу, вел собственную передачу на популярном столичном канале, выкладывал свои аналитические материалы в различных сетевых ресурсах. В патриотических кругах Сваниховского не любили за принципиально негативное отношение к Солнечной Державе.

Иной раз майору казалось, что вывелся целый биологический подвид, люто ненавидящий людей и созданное ими государство. Сваниховский и большой отряд его единомышленников были готовы по любому поводу поливать грязью культуру, историю, политику, науку человечества. Они придумывали какие-то ужасные преступления, будто бы совершенные людьми в прошлом либо непременно обязанные случиться в будущем. Трудно сказать, ненавидели они себе подобных или презирали, но ввали злбно и с азартом, что наводило на подозрение о щедрой оплате их усердия.

Как правило, спецслужбы не следили за журналистами, которые почти всегда могли укрыть свои действия непробиваемым щитом — гарантированной свободой слова. Однако недавно один из сенаторов обвинил ряд средств массовой дезинформации в предательстве и сотрудничестве с иностранными разведками. Парламентский скандал стал прекрасным поводом для начала расследования.

В результате сотрудники майора Гагиева наблюдали, как Сваниховский ждет кого-то. Альтаирский курорт был идеальным местом для конспиративных встреч ввиду отсутствия здесь каких-либо уголовных законов. Однако никто не появлялся, и опергруппа принялась

вслух гадать, кто придет на randevу: лом, рем или перец. Большинство считало, что антиземную кампанию подпитывает ломская разведка, — потому и не сомневались, что на встречу явится именно лом.

Наконец открылась дверь, впустив пародию на живое, более того — разумное — существо. Публы — вторая по численности раса 7-й Республики — принадлежали к особому отряду двоякодышащих головоногих прямоходящих.

В древности симбиоз ресов и публов позволил обитателям планеты Гирбиммо завоевать сушу и море, создав уникальную цивилизацию, почти тысячелетие доминировавшую на громадном участке Галактики. Около полутора тысяч лет назад Республика — тогда она называлась Четвертой — одержала пиррову победу над очень сильным альянсом, завоевавшим большую часть звездного рукава, прилегающую к галактическому ядру. В той давней войне ресы и публы потратили слишком много сил и не смогли ответить и вовремя осадить быстро развивавшихся пермитов. Пятая Галактическая война, не зря называемая Трехсотлетней, обескровила обе державы. Среди руин погибших культур выросли Кьелтарогга, Мрагвенда и Ломандар, также пожелавшие именоваться великими державами. Шестая Галвойна почти завершила дележку звездного захолустья, но в следующем турнире приняли участие люди под предводительством безжалостного Рамзеса Джангархана, и старым расам пришлось потесниться.

Никто не сомневался, что жители Республики люто ненавидят и людей, и ломов, и всех остальных рагвенов, но вошедший в кабинет публ приветствовал человека вполне благожелательно. Тот вскочил, ответив подобострастным поклоном и показывая рукой на внушительных размеров кресло с характерными подлокотниками. Два щупальца, оплетенные полосками вычурной одежды, взмахнули, отвергая приглашение. Публ предпочел стоять на мощных хвостовых плавниках, укрытых широкими штанинами. Большая, как у спрута, голова с парой ноздрей повернулась, нацелив на политолога большие, без век, водянисто-прозрачные глаза.

Огромная туша, покрытая крупной чешуей, нависала над человеком, щупальце протянуло пакет. Затем зазвучал голос — публ урчал и хлюпал, однако киберпереводчик трансформировал эти звуки в слова человеческой речи.

— Ты хорошо работал, — сказал публ. — И мы хорошо платили тебе. У тебя в руках банковская карточка — там еще больше денег. Это аванс за следующую работу.

— Я безмерно благодарен, — залебезил Сваниховский. — Клянусь и впредь...

— В пакете найдешь инструкции, — перебил его публ. — Ты и остальные должны изменить акценты. Новая философия вашей пропаганды — предупредить о земной угрозе. Ты будешь доказывать, что солнечники становятся слишком сильными, люди представляют опасность для цивилизованных соседей.

— Но до сих пор я говорил совсем противоположное, — робко напомнил политолог. — Мы доказывали, что приматы слишком слабы и должны добровольно стать на колени.

— А теперь будешь говорить другое! — Кончики щупальцев прочертили сложные фигуры, едва не сбросив со стола бутылку. — Аудитория твоя не заметит разницы, но ты должен очень стараться, ты должен переплюнуть Скрипуна-Бонапарта. Человечество должно выглядеть очень неприглядно, все приматы должны ужаснуться и восстать против агрессии, которую готовят их преступные вожди. И обязательно добавляй, что Красная Башня собирается коварно заключить временные союзы с Ломандаром и Республикой, чтобы обрушиться на беззащитных имперцев, а потом, в союзе с ресами и публами, завоевать ломов.

По мимике нетрудно было понять: политологу невтерпёж осведомиться, на кой ляд понадобились такие сложности, но он все-таки сдержался и не стал задавать ненужных вопросов. Лишь возобновил поклоны, заверяя, что выполнит заказ в лучшем виде. Когда публ удалился, Сваниховский сделал большой глоток прямо из горла и вновь повалился на диван. По предательской морде скользила блаженная ухмылка.

— Затеваается непонятная игра, — задумчиво произнес один из оперативников. —

Почему публ пытается вбить клинья между Империей и Землей? Ведь отношения в последнее время налаживаются.

— Этот публ представляет оппозицию, — предположил другой сотрудник. — Или разведку Империи. И тем и другим не по нраву, что Красная Башня смогла наладить дружбу со старыми врагами.

Покачивая головой, майор неуверенно процедил:

— Нет-нет, объяснение проще... Кажется, мы не совсем правильно понимали, кто работает против нас... Надо как следует подумать.

А на мониторах продолжалась видеопередача. Эльцвейг и Сваниховский встретились в баре, выпили, сняли телок и пошли танцевать. Оба выглядели вполне довольными — еще бы, такие выгодные заказы отхватили.

Вскоре агенты наружки сообщили, что сумели прицепить нанокамеры к одежде публа. Другие подозреваемые, прибывшие на курорт за последние сутки, также были опылены крохотными устройствами. Старания принесли ожидаемый результат: публ поочередно встретился с влиятельными политическими комментаторами Клариссой Латунной, Гансом Подколотником и Паулем Фолькенгольцем. Каждый получил деньги и такое же, как Сваниховский, задание.

По завершении всех разговоров Таризель Гагиев уже не сомневался, что понимает смысл случившегося. Против них работали вовсе не разведки Ломандара и 7-й Республики. Не зря же так вздрогнуло Мренеби.

Глава 13

Как начиналась война

Разговор с Чаклыбиным получился коротким и деловым. Крупногабаритный мужик постарше среднего возраста — усталый, небритый, одетый в рабочую робу — задумался, услышав необычное предложение. Затем объявил, что можно будет поискать артефакт. Вопрос о цене услуги удивил его, но странный писатель вдруг хохотнул и попросил о встречном одолжении — доставить ему небольшой груз, второй месяц ржавеющий на Урарту.

— Вы ведь с Калиюги идете? — уточнил он. — Небольшой крюк получается.

— Какой груз? — сурово хмурясь, осведомилась Виктория.

— Четыре пятитонных контейнера. Содержимое — металлические отходы, листовое железо, угольники, арматура. Разрешение на вывоз имеется.

— Возьмем. — Она тряхнула рыжей гривой. — Будем послезавтра.

Когда погасла голограмма, Виктория вновь занялась подсчетами, развернув на дюжине мониторов сайты разных компаний. При этом она бурчала: дескать, мужик путает шхуну с телегой, которой ничего не стоит сделать крюк в соседнюю деревню.

— Получается? — спросил Андрей.

Она кивнула, водя пальчиками по сенсорам. На центральной голограмме выстраивалась схема непростого рейда по нескольким звездным системам. На других мониторах стали появляться стандартные формы договоров, и Виктория вводила личный пароль, подтверждая свое участие в сделке. Центральная схема дополнилась табличками над каждым отрезком маршрута — в рамках горели суммы вознаграждения за доставку груза и расходы на топливо. Итоговый результат был положительным — 347,48.

Не так уж много за неделю непрерывных перелетов, подумалось Андрею. Сам он зарабатывал в «25-й век — Спрут» чуть больше, к тому же помимо зарплаты получал бонусы и гонорары. Не такой уж прибыльный бизнес эти межзвездные перевозки. Опасный к тому же.

Тем не менее Виктория выглядела вполне довольной. Сев на колени Андрею, она стала объяснять, что сегодня же отправится на Морию с грузом свежих продуктов, стоивших на Калиюге вшестеро дешевле, чем на рудно-промышленных планетах. Морийский филиал

концерта «Быстрая доставка» подготовил для нее большую партию редкоземельного сырья.

— Завтра днем я привезу металл на Калиюгу, снова загрузу провиант, который мы сбросим на Урарту, загрузимся ломом и двинемся на Чарх. Там я оставлю тебя, а меня ждут холодильные контейнеры с экзотическими продуктами для Урарту. Отличный график, ты мне удачу приносишь. — Поцеловав любимого, Виктория вдруг сказала: — Этот мужик, с которым ты договаривался, солидно выглядел. Крутой, наверное?

— Точно не знаю. Известный писатель, к тому же бизнес какой-то держит на дикой планете.

— Крутой, — уверенно провозгласила Виктория. — Прямая видеосвязь через две тысячи светолет, и сигнал почти не запаздывает. Знаем, какой у него бизнес: покупает за гроши промышленные отходы и сбывает аборигенам втридорога. Вроде того парня из «Галактических трасс». Молодой такой, но вроде как племян кому-то из больших боссов и деловой до ужаса. А на меня смотрит такими глазами — прямо дух перехватывает. И говорит о чувствах очень красиво.

— Ты что же, замуж собралась? — опешил Андрей.

— Замуж? Скажешь тоже. — Она прыснула. — Не, замуж рано. Не всех мужиков еще несчастными сделала.

— Не думала кого-нибудь сделать счастливым?

Вопрос, оказалось, поставил ее в тупик. Недолго подумав, она выдала:

— Ради «кого-нибудь» не стоит стараться.

Через час на космодроме Андрей обнаружил, что Виктория заметно подросла в авторитете. Персонал порта называл ее «артисткой», к девчонке не придирались, все формальности были выполнены молниеносно.

Проводив взглядом взметнувшуюся в облака «Золотую тиару Клеопатры», Андрей потащился домой. Вечер обещал быть унылым.

На семинаре накануне конференции он честно признался Фролову, что утонул в материалах. Хотя появились кое-какие интересные находки, но в целом работа получается рыхлой, без стержня.

— Первым делом попытаемся разбить материал на разделы, — прервал его научный руководитель. — Проще говоря, начнем с оглавления. Некоторые считают, что начинать надо с выводов, но мне такой подход не нравится.

Посидев над аспирантскими черновиками, профессор объявил, что первую главу следует назвать «Обзор предшествующих работ о сражении за звездное скопление Призма». Главу они разбили на четыре параграфа:

1. Цели и планы главных участников 9-й Галактической войны.
2. Общий ход военных действий.
3. Известные сведения о битве за Призму.
4. Исследования о влиянии боевого опыта на военное искусство и вооружение.

Гора накопленных материалов немедленно разлежалась по полочкам, и стало понятно, что нужно разобраться, из-за чего державы устроили двухлетнюю бойню. Точнее говоря: разобраться, как историки разных стран объясняют причины начала войны.

Простая до идиотизма концепция 7-й Республики излагалась в университетском курсе лекций:

Войну начали двуполые приматы, атаковавшие с двух сторон позиции демократических и высококультурных мультигендерных цивилизаций. Гипертрофированная агрессивность, генетически запрограммированная в массовом сознании этих примитивных уродств естественного отбора, породила шизофренические доводы о защите национальных интересов, о возвращении незаконно отобранных планет, о необходимости превентивных мер ввиду мифической угрозы со стороны соседних держав. Тароги, ведомые параноидальным диктатором, обрушились на Валдадних и Даласули, а тоталитарные земные правители, бездумно подражавшие деградирующим тарогам, развернули вялое, плохо

подготовленное наступление на Мрагвенд. Еще более отвратительные отбросы эволюции, а именно — ломы, которых однополость превратила в законченных дегенератов, не спешили присоединиться к этой кровавой потехе. Ломандар выжидал удобного момента и вступил в войну, когда появилась реальная возможность одним ударом добиться регионального господства.

Карликовые динозавры Оххо-Яшира, искренне считавшие себя наследниками цивилизации гигантских ящеров, уничтоженных миллион лет назад в забытой войне с не менее забытой империей насекомых, не скрывали своего презрения к соседям:

«Земляне думали, что мы должны ответить им благодарностью за помощь в создании нашего государства. Подобная политическая наивность вообще характерна для низших рас. Поставляя нам оружие и продовольствие в ранний межвоенный период, жалкие приматы искренне верили, будто расовополноценный социум Оххо-Яшира проникнется добрыми чувствами к так называемому человечеству и, более того, станет союзником Солнечной Державы. Эти наивные глупцы, провозглашающие дебильные принципы равенства всех рас, напрочь забыли, что в политике нет и не может быть благодарности, а тем более — равенства. Политика малых стран напоминает дикий рынок, где главное — подороже продаться.

Итоги предыдущей Галвойны никого не устраивали — это было понятно даже насекомым и гуманоидам. Главные силы этой части Вселенной должны были сойтись в новой свалке. Для великой расы рептилий это давало шанс освободиться от ига дегенеративного конгломерата, именуемого 12-й Империей. Ради этого было нужно, чтобы другие большие страны разгромили противоестественную империю, построенную на взаимной неприязни десятков биологических видов. Мы были готовы оказать помощь кому угодно — лишь бы добиться освобождения. В результате тонкой политики рептилий глупые приматы напали на Империю, с которой прежде поддерживали вполне дружественные отношения...»

«Какая глупость». — Андрей брезгливо закрыл файл. Мелочь искренне верит, будто играла важную роль в битве великанов. Что ж, если нет других достижений, остается лелеять комплекс неполноценности глупыми легендами.

Новоприобретенный приятель Мермезе Цланг в монументальном опусе «Накануне трагедии» был осторожен и точен в тщательно выверенных формулировках:

«Истоки 9-й Галактической войны тянутся в предыдущую — Восьмую. Корни Восьмой, в свою очередь, растут из Седьмой, но столь давнюю историю мы в этой книге рассматривать не будем.

Восьмую Галактическую войну отделяет от Девятой срок, примерно равный одному поколению. Целое поколение выросло и было воспитано на памяти о минувшей бойне. Учителя и родители рассказывали детям, как Ломандар провозгласил галактизацию, но Кьелтарогга и 12-я Империя выступили против, а 7-я Республика поддержала ломов. Так сложились два блока, развязавшие битву, в которой отстаивали собственные представления о будущем устройстве вселенского мира. Тоталитарный режим Германика (так у автора. — *Прим. пер.*) Чарманова решительно выступил против силового решения политических споров. Земля была атакована галактизаторами, отразила атаки, продвинулась в облако Артемиды, помогла карликовой державе Эднеромке. Когда капитулировала Империя, а союзники добились тарогов, человечеству был предложен мир на умеренно почетных условиях.

Итоги 8-й Галактической войны не удовлетворили ни одного из главных участников. Таримкли Ломди Сахал, понесшее главные потери ради победы, не достигло целей, ради которых начинало войну. Республиканская элита была напугана мощью Ломандара. Ресы считали себя господствующей сверхдержавой, но ломы в союзе с имперцами и людьми могли пошатнуть основы монополярного мира. Потерпевшие обидное поражение гуманоиды затаили надежду на реванш. Малые страны — Мрагвенда, Валдадних и Даласули, нарастившие территорию за

счет Федерации Кьелтарогга, считали себя обделенными, поскольку не получили обещанных Республикой звездных систем человечества. Наконец, 12-я Империя надеялась вернуть прежнее влияние, пошатнувшееся после 7-й Галактической войны и окончательно подорванное по результатам Восьмой.

Готовясь к новому переделу Вселенной, державы вступали в странные, порой противоестественные союзы, пытаясь укрепить собственные позиции за счет союзников. Так, в период между войнами сложился Альянс Главной Оси, основанный на Пакте о Координации между 7-й Республикой, 12-й Империей, Даласули, Валдаднихом и Мрагвенда. Сверхзадачей этого парадоксального союза была консервация итогов 8-й Галвойны, что означало решение двух стратегических принципов:

- не допустить возрождения военного могущества ССМ и Кьелтарогга;
- всячески воспрепятствовать экспансии Ломандара.

Во исполнение этих задач 7-я Республика, главный победитель 8-й войны, пыталась натравить на ССМ малые державы. Надеясь пристегнуть тарогов к антиземному «санитарному кордону», республиканцы, вопреки элементарной логике, уговорили регентов Империи не мешать восстановлению военных сил Кьелтарогга.

Подобная политика архаичных мультигендерных рас настораживала Бсархад. Как правящая партия, так и оппозиция Таримкли Ломди Сахал понимали, что в Южной зоне галактического рукава складывается коалиция для войны против ломов. Естественными, пусть и временными, союзниками Ломандара становились человечество и воинственная раса тарогов. Чтобы склонить на свою сторону вождей Кьель, Бсархад согласился отменить ограничения, наложенные на Кьелтарогга, предоставил кредиты и дал понять, что готов пересмотреть послевоенные границы в пользу тарогов. Одновременно были сняты барьеры на передачу высоких технологий Земле, что позволило человечеству, модернизировав армию, одержать победу в локальных конфликтах.

В первой половине межвоенного периода гонка вооружений велась вяло (всеми странами было построено лишь 14 линкоров и 54 крейсера), причем тоннаж боевых флотов и мощность оружия регулировались Бсархадским договором. Затем все страны приступили к энергичному строительству громадных флотов, собирая на стапелях все более мощные и совершенные корабли.

Лишь накануне войны, когда поздно было что-либо менять, правящие круги великих держав стали понимать, что недооценили потенциала и коварства гуманоидов. Ловко прикидываясь послушными сателлитами, люди и тароги смогли в короткий срок создать первоклассные вооруженные силы, способные противостоять любой великой державе. При этом имперцы и республиканцы долгое время не считали серьезным противником диктатора-кабтейлунка, хотя Кордо Ваглайч открыто провозгласил необходимость справедливости, то есть возвращения всех миров, отобранных у Федерации Кьелтарогга.

Более опасной считалась стремительно набиравшая силу Солнечная Держава, где приобрел огромную популярность сенатор Енисейский, в прошлом возглавлявший азиатские губернии Земли (в действительности накануне выборов П. Енисейский был не сенатором, а губернатором планетной системы Добрава; пост губернатора провинции Центральная Евразия он занимал десятком лет раньше. — *Прим. пер.*), призывавший готовиться к неминуемой войне за передел Галактики.

Президент Фен, победивший Енисейского на предвоенных выборах, сумел договориться с имперским правительством о совместном использовании ресурсов спорных пограничных скоплений. В 7-й Республике восприняли это соглашение как измену и потребовали разорвать экономический договор. Бсархад обратился с подобным же требованием к Земле. Уступая давлению союзников, правительства ССМ и 12-й Империи воздержались от ратификации договора. Отказ от соглашения вызвал возмущение в обеих державах. Военный переворот на Земле привел к власти Енисейского.

Проявляя вопиющее неблагоразумие и презрение к двуполым расам,

правители 7-й Республики обостряли ситуацию, открыто угрожая Кьелю. Призывы Бсархада и Земли урегулировать конфликт без применения оружия казались ресам проявлением слабости и были отвергнуты. В этой ситуации Ломандар провозгласил политику невмешательства, но при содействии Бсархада часть аннексированных миров удалось вернуть Федерации Кьелтарогга.

Сложилась уникальная ситуация, когда большинство держав лишь начинало разворачивать программы перевооружения и не было готово к войне. В то же время дипломатическая победа воодушевила не только вождей диктаторского режима, но и народы Кьелтарогга. Выступая с разных трибун, кабтейлунк повторял демагогические требования воссоединить расу. Подливали плазму в огонь и неразумные угрозы Империи. В этой напряженной обстановке преступная организация Одо-Одо подготовила провокационную бомбардировку пограничной планеты Глешнеке. Используя эту провокацию, Кордо Ваглайч обвинил в агрессии Валдадних и двинул в бой заранее отмобилизованную армию. Объединенные Планеты Даласули, связанные с Валдаднихом договорами о взаимопомощи, объявили войну Кьелтарогга, но экспедиционный корпус даласов был разгромлен молниеносными ударами тарогов. От полной оккупации Даласули спасло лишь вступление в войну великих держав, вследствие чего Ваглайч ослабил это направление, ограничившись редкими атаками на позиции Объединенных Планет.

Подтвердив свой нейтралитет, Ломандар поддержал призыв прекратить военные действия и начать переговоры о мире, однако 12-я Империя и 7-я Республика заявили, что намерены уничтожить агрессивные гуманоидные расы. Тем самым они развязали руки Енисейскому, который немедленно ввел войска в спорные скопления. Таким образом, военные действия охватили не только Южную, но и Среднюю зону спирального рукава, вследствие чего президент Ломандара впервые назвал конфликт 9-й Галактической войной. Поскольку малые страны «санитарного кордона» были разгромлены полчищами Кордо, страны Альянса Главной Оси были вынуждены вести сражения на два фронта — против тарогов и людей — вблизи своих планет, а не на удобных промежуточных позициях...»

Андрей закрыл файлы и принялся массировать уставшие глаза.

Мемуаристы наперегонки с историками описывали несколько принципиально разных войн, хотя речь шла об одной и той же — 9-й Галактической. Самое обидное, что авторов предшествующих работ почти немисливо уличить во лжи. Из океана фактов каждый исследователь выбирал небольшую долю, подтверждавшую конкретный замысел и показывавшую те или иные страны в выгодном ракурсе. К примеру, сравнительно порядочный нечеловек Мермезе Цланг будет скрупулезно подсчитывать число генералов и полковников армии Земли, но никогда не вспомнит общеизвестного факта о политике президента-ломо Лиане Турфе в предвоенное шестилетие.

Историки необъективны. Более того, историки злобно субъективны. Правда часто бывает нелюбимой. Напишешь правду — получится, что твой народ или твоя партия совершали глупейшие ошибки, да и в нравственном отношении показали себя не лучшим образом. Каждому историку стыдно признаваться, что твоя цивилизация проиграла войну или отстала от соседей в технологической гонке. Еще стыднее признавать правду, если всей Галактике известно, как твои предки совершили ксеноцид слабой расы, но в честном бою трусливо бежали, бросая оружие, раненых, инкубаторы с невылупившимся потомством. Но и победителю не захочется подтверждать, что не пожелал помочь рождению следующего поколения расы убийц, а потому энергопоток от инкубаторов был направлен в города подвергшегося ксеноциду племени.

Вот недавний пример: в живом эфире, на глазах триллионов телезрителей шобби напали на мирную планету, но показали хвост, наткнувшись на весьма слабый отпор. Конечно же ни один историк-шобби не пересилит ущербной своей гордости и не напишет правды, а будет лгать об агрессии многократно превосходящего земного войска. Правды не

пишут, потому что боятся правды, вся историческая наука строится на трусливом придумывании безопасных легенд...

«Мне бояться нечего, — бесшабашно подумал Андрей. — Что раскопаю, о том и напишу. И пусть потом все отставные маршалы всех стран кричат, что я преуменьшил их полководческие достижения. Взять того же Всеволода Чаклыбина — пишет, как ему видится, не боится кого-нибудь обидеть...»

Таинственный писатель с варварской планеты появился на горизонте неожиданно-негаданно. Когда все знакомые участники конференции хором назвали видео «Веспапа» вульгарным артефактом, Андрей обиделся и брякнул:

— Надо пошарить на дне той бухты. Глядишь, чего найдем.

Дело было ближе к полуночи, все немного перебрали напитков с привычными для разных рас алкалоидами, поэтому при выборе выражений не церемонились. Ехидно посмеиваясь, Максим Анисимович осведомился:

— Всерьез, юноша, думаете, что университет организует экспедицию для проверки ваших восторгов? Так знайте, что на кафедре археологии все экспедиции на много лет вперед расписаны. Причем не каждая запланированная... хи-хи... состоится.

— Даже клубы любителей старой военной техники не раскошелятся, — уныло поддакнул Вокто. — А там энтузиасты настоящие, у них богатые спонсоры...

— Вот! — торжествующе провозгласил Фролов. — Археология — не самая почтенная наука. Помните, как нашли Библиоколлектор?

История была знаменитая, все про тот случай слышали, причем в разных версиях. Вроде бы лет сто назад, еще до 8-й Галвойны, какой-то археолог стучался по инстанциям: дескать, ему доподлинно известно, где спрятано книгохранилище 5-й Древней Империи. Парня всерьез не принимали, тем более что был он даже не человек, а динозавр — кажется, потомок политэмигрантов-яшек или даже наш, с Эднеромке. Получив очередной десяток отказов из университетов, ящер совсем отчаялся, но рептильному историку неожиданно повезло. Кто-то из великих ученых настучал в компетентные органы, что провокатор-иноземец вымогает деньги на сомнительную затею. В компетентной организации книгохранилищем заинтересовались всерьез и организовали поиск под видом учений спецназа.

Бравые ребята из отрядов глубинного проникновения в два счета переворошили всю планету и действительно нашли что-то, с тех пор именуемое Библиоколлектором. Публику проинформировали в общих чертах — лишь о малой части находок, остальное исчезло в недрах тайного ведомства. Раздосадованные университетские деятели устроили бойкот удачливому коллеге-динозавру, провалили на защите докторской диссертации. Ящер обиделся, поколотил обидчиков, однако дело до суда не дошло. Друзья из разведки назначили его научным консультантом в оперативную группу, изучавшую содержимое Библиоколлектора. С тех пор о нем никто не слышал.

Решив подыграть шефу, Жюльена, дипломница Фролова, захихикав, проговорила нараспев:

— Он на свои кровные купит билет до Чарха, нырнет с аквамаской и руками танки со дна вытянет.

Вероятно, студентке казалось, что она сказала что-то ужасно смешное. Во всяком случае, Жюльена закончила реплику нарочито громким хохотом, в котором отчетливо слышалась издевка. Виктории очень не понравилось, что какая-то тощая кикимора подкалывает ее парня, поэтому она громко сказала:

— Надо будет — я сама его отвезу.

Зря это было произнесено при всех. Узнав, что Машукевич приглашен на престижный форум в Порфире, многие маститые профессора Эвридикского универа, такого приглашения не получившие, обиделись на излишне проворного аспиранта. А тут вдобавок выясняется, что Машукевич располагает собственным межзвездным транспортом, — в академической среде подобная удачливость чревата черными шарами на защите.

— Ну, если так, и я с ассистентом отправлюсь, — сказал вдруг Максим Анисимович.

— Бесплатно только любимый летит, — отрезала рыжая.

Вернувшись домой, Андрей составил план операции: заинтересовать маэстро Жозефа и найти какую-нибудь земную компанию, которая могла бы помочь археологическим изысканиям на Чархе. Первый же поиск в Интернете привел его в состояние ступора: на Чархе работал Всеволод Чаклыбин!

На следующий день, в перерывах между съемками эпизодов, Андрей посвятил в проблему режиссера. Идею найти тяжелый танк и утереть рыло недоверчивым историкам Паккарди принял благосклонно — внушительная машина вполне могла пригодиться в качестве реквизита для какого-нибудь военно-исторического сериала. Спустя минуту, выслушав рассказ о концессии Чаклыбина, маэстро приказал Андрею немедленно отправляться на Чарх и подписать договор с предприимчивым писателем. Кораблестроитель с такими возможностями был остро необходим в преддверии грандиозного шоу про Непобедимую армаду.

Посылать с Андреем съемочную группу Паккарди, конечно, не собирался, но снабдил приятной суммой на мелкие дорожные расходы и выделил камеру среднего класса, поручив запечатлеть процесс поисков и подъема боевой машины. Юристы видеокорпорации получили задание оформить право собственности компании «25-й век — Спрут» на все находки предстоящей экспедиции.

Документ был готов, когда на почтовый сервер Андрея посыпались депеши. Всеволод Чаклыбин выражал легкое недоумение, но помощь обещал твердо. Как информировал Вокто Ксодраан, Центральный музей вооруженных сил в пригороде кьельской столицы готов отдать любые деньги за танк, если таковой действительно найдется. После уточняющих вопросов стали понятны не слишком щедрые рамки пресловутых «любых денег», однако Паккарди пообещал утроить эту сумму, а маэстро Жозеф был прирожденным торгашом.

Наконец, последнее письмо пришло от Фролова, сообщившего, что кафедра командирует на Чарх только Жюльену Гарамонд, а Машукевичу положены лишь суточные. «С паршивой овцы хоть какая польза», — равнодушно подумал Андрей. Его куда сильнее волновало, как намерен Паккарди поделить с кьельским музеем права собственности на сокровище, закопанное в ил на дне бухты.

Вздохнув, Андрей скептически посмотрел на горку дисконки и решительно убрал большую часть на полку. Время было позднее, он томился одиночеством, поэтому решил просмотреть до отбоя только два тома, написанных не историками, а публицистами.

В лихом опусе «Преступный путь человечества» Алекс Бонапарт маялся прежней идеей фикс: перебежчик обвинял Енисейского, земную элиту и всю человеческую расу в гнусных умыслах. Про геноцид австралопитеков и диплодоков Бонапарт почему-то не распространялся, но старательно тасовал факты, пытаясь доказать, что 9-ю Галвойну развязали именно люди. Все миротворческие призывы Кнауба, Фена и Енисейского автор называл циничной ложью. По его словам, люди только прикинулись миролюбивыми, а на самом деле тридцать лет готовились к реваншу. Накопив, стало быть, много военной силы, кровавый тиран Енисейский выбрал удачный момент, послал бомбардировщики и превратил в пепелище прекрасную планету Глешнеке. Это подлое преступление, утверждал Алекс Бонапарт, подтолкнуло безумца Кордо начать войну.

Андрей плотоядно оскалился. Он предвкушал, как вытрет ноги об этого урода: месть будет еще упоительнее, чем прилюдное унижение Пашки Напыльникова. Для начала разберем цифру за цифрой подсчеты гада-перебежчика и докажем, что Солнечная Держава готовилась к войне весьма небрежно, хронически отставая от других стран, — вот имперцы с республиканцами готовились по всем правилам, не говоря уж о ломах и рагвенах. Доказательства тому давно приготовлены — тут и мемуары Анхеля Ханаана «Легенды и мифы великой войны» пригодятся, и несколько монументальных изданий, которые подсказал дружище Цланг.

А напоследок припечатаем неопровержимым фактом: земные бомбардировщики на Глешнеке в тот день Глешнеке атаковать не могли никоим образом. И вообще, последние работы видных историков Машукевича и Ксодраана доказывают, что планету бомбили сами тароги. Провокация, конечно, только не надо зря обвинять людей! Мы, люди, белые и пушистые...

За книгу Лаймы Бахман «Звездные пушки» он взялся в самом лучшем расположении духа. Конечно, тетенька не страдала избытком патриотизма, но писала хорошо, да и фактов особо не перевирала и не утаивала.

«В воскресный день 7 декабря 2470 года многие люди искренне верили, что решают судьбу своей цивилизации на следующее пятилетие. Миллиарды жителей Земли, Венеры, Олимпа, Парнаса и других миров нажимали иконки на трехмерных мониторах своих видеосистем, делая выбор между шестью кандидатами на высший государственный пост. Процессоры суммировали данные, поступающие с обитаемых планет, орбитальных комплексов, научных станций, кораблей в глубоком космосе. Цифры непрерывно менялись, усиливая напряженность этого дня, полного интригующих загадок. По крайней мере две трети граждан ССМ искренне волновались за исход выборов. Миллиарды глаз были прикованы к мониторам, люди ждали результатов с таким волнением, как будто следили за ходом решающего матча за Кубок Галактики.

Первый час голосования не выявил явного фаворита, в течение нескольких минут лидировали даже заведомые аутсайдеры. Однако очень быстро определились фавориты этого ралли. Как и следовало ожидать, результаты exsit-rolls показали, что основными претендентами становятся два кандидата. Действующий президент генерал Йохан Кнауб не мог составить конкуренции лидерам оппозиционных сил — его умеренная политика вызывала критику с обоих флангов. Затянутая им модернизация не принесла желаемых результатов, рост экономики замедлился, в обществе назревало недовольство.

Немалую роль в поражении Кнауба сыграла резкая критика его половинчатых мер со стороны Порфирия Енисейского, который начинал свою карьеру как офицер во времена Чарманова, затем был военно-политическим обозревателем, а в предвоенное десятилетие стал крупным администратором и управлял губерниями с многомиллионным населением. Енисейский, считавший неизбежной новую войну за передел галактического сектора, требовал стремительно модернизировать вооруженные силы, изменить всю их структуру и наращивать производство новейших вооружений. Сторонники этих взглядов (генералы Ханг и Кодор, адмирал Еремеев и др.) были уволены со службы, однако правительство все-таки заложило серию из десяти новых тяжелых крейсеров типа «Бриллиант» и три ударных космолетоносца типа «Фельдмаршал» («Фельдмаршал Андриашин», «Фельдмаршал Веллингтон», «Генералиссимус Суворов»).

С немалым пылом либеральное крыло оппозиции требовало резко сократить военные программы и заняться оптимизацией экономики, которая мало изменилась со времен Рамзеса Джангархана. Деятели политического блока, во главе которого стояли видные ученые доктор Фен и профессор Хохбауэр, были сторонниками тесного сотрудничества с Ломандаром и державами Альянса. Их программу поддержали деловые круги, напуганные призывами Енисейского создать военный блок с Кьелтарогга и 12-й Империей.

Хорошо продуманная предвыборная кампания либералов, сумевших привлечь иностранных политехнологов, привела к успеху. За три с половиной года до войны президентом Солнечной Державы стал представитель либерального блока профессор права Фен Цзю-чжоу, чью программу социального прогресса поддержали чуть более половины избирателей, принявших участие в голосовании. Второе место, набрав около 45 % голосов, занял идеолог и признанный лидер «ястребов» Порфирий Енисейский.

Вице-президент Клаус Хохбауэр и премьер-министр Биргит Нкрумба возглавили экономический блок нового правительства. При содействии

гигакорпораций «Жескеч» и «Прусло Кром» были быстро освоены новейшие технологии, начато строительство нескольких производственных комплексов возле основных планет ССМ. Высокопроизводительные добывающие предприятия разворачивались в малонаселенных окраинных провинциях, богатых природными ресурсами. Строительство больших военных кораблей было прекращено.

Внешнеполитический блок нового кабинета, возглавляемый министром иностранных дел Хорхе Гомесом, проводил миролюбивую политику. Человечество выбрало курс на улучшение отношений со всеми странами, провозгласив подключение к программе галактизации. Из Красной Башни все чаще раздавались призывы к разоружению, ограничению мощности основных видов оружия, сокращению армий. Земля болезненно реагировала на военные приготовления других стран, заявляла протесты после каждого захвата территорий, требовала созвать конференцию с участием главных держав. Конференция была созвана на планете Шагуот под эгидой Альянса Главной Оси, однако Землю на этот форум не пригласили.

В конце 2472 года лишь слепой не видел угрозы новой Галактической войны. Явный провал либеральной дипломатии стал причиной резкой критики со стороны губернатора Енисейского, заявившего: «Нас опять унизили, правительство Земли не способно постоять за интересы своей цивилизации. Блистательное отсутствие Хорхе Гомеса на Шагуотской конференции — последний звонок. Вместо следующего предупреждения мы получим залп главного калибра». На внеочередных парламентских выборах, проведенных по требованию оппозиции, с небольшим перевесом победили сторонники Енисейского, получившие большинство мест в Сенате.

Между тем Кордо Ваглайч и его государственный канцлер (глава внешнеполитического ведомства) Бирро Миттельф проводили тонкую дипломатическую игру, сумев обмануть будущих противников. У лидеров Альянса создавалось впечатление, что тароги готовы стать пешками в планируемой войне против Ломандара и ССМ. В качестве аванса в 2473 году Кьелтарогга позволили присоединить Внешний Кьель. Вместо благодарности Кордо потребовал вернуть планетные системы, отобранные в пользу Даласули и Валдадних. Мрагвенда и Оххо-Яшир поддержали это требование, предъявив претензии на близкие к ним регионы этих государств. Кроме того, Мрагвенда заявила претензии на скопления Трамплин и Призма, а Оххо-Яшир — на Конус.

Эти события непосредственно затрагивали интересы человечества, уже начавшего осваивать ближний сектор богатейшего Трамплина, где колонизировались планеты Арнор и Раздол. Замыслы галактических карликов приводили к охвату земных владений враждебными территориями, это затрудняло сообщение с относительно дружественными Ломандаром и 12-й Империей.

Земля предложила правителям Империи совместные акции, заявила о недопустимости захвата скоплений, пригрозив односторонними действиями. Историки расходятся в оценке этого демарша. По мнению некоторых аналитиков, лицемерные заявления Красной Башни спровоцировали войну, другие полагают, что последовавшие переговоры лишь оттянули начало военных действий. На конференции, созванной опять-таки без участия Земли, было решено разделить пограничный сектор Валдадниха между Кьелтарогга и Мрагвендом. Очередной призыв президента Фена Цзю-чжоу создать систему коллективной безопасности и заключить договор о неприменении силы был оставлен без внимания.

Только теперь в Красной Башне осознали, что война стучится в дверь, и в панике бросились на поклон к милитаристам. Вскоре после формирования новой парламентской коалиции президент Фен назначил Енисейского премьер-министром. МИД возглавила другая представительница «ястребов», 120-летняя генерал Хуанита Стивенсон, в недавнем прошлом — замминистра глобальной безопасности в кабинете Кнауца, служившая в разведке со времен Чарманова. Вице-премьером по координации экономических проектов стал Элефтерос Олимпикос, видный менеджер оборонной промышленности. Машиностроительные комплексы были немедленно переориентированы на выпуск военной продукции,

возобновилось строительство флота.

Сразу после назначения земной премьер отправился на Кинро-Баздоп, где открывалась конференция министров иностранных дел, — ему нужно было показаться на международном форуме даже столь невысокого уровня. Дебют прошел не слишком ярко и мало повлиял на ход дальнейших событий. По слухам, Енисейский рассчитывал встретиться с кабтейлунком, однако нет никаких сведений, что такая встреча состоялась.

Начиная с осени 2473 года казалось, что военная опасность отступает. Риторика выступлений Кордо становилась менее агрессивной, армия Федерации была частично демобилизована. Либеральное крыло Сената поставило вопрос о доверии правительству Енисейского, но вотум удалось провалить большинством в 4 голоса.

Внезапно Кордо вновь поднял вопрос о населенных тарогами планетах Валдадниха. В ответ Мрагвенд и Даласули начали масштабные закупки оружия у ломов и ресов, а Земля предупредила, что любое вторжение в спорные скопления будет рассматриваться как нападение на ССМ. Получивший от Сената чрезвычайные полномочия Енисейский объявил частичную мобилизацию, усилил гарнизоны в Трамплине, направил флот в Облако Артемиды, заключил договор о дружбе и совместной обороне с карликовым государством Редкош в скоплении Конус.

В этой напряженной обстановке все великие державы оглашали миротворческие призывы, но каких-либо реальных шагов не предпринимали. Неудивительно, что бомбардировка планеты Глешнеке стала искрой, воспламенившей порох войны. Когда воинство Кордо, реализовав классический блицкриг, сокрушило созданный против Земли «санитарный кордон», Енисейский решился на авантюру и занял войсками скопление Призма. Таким образом, Центральный фронт вклинился между облаками Артемиды и Алеф, 7-я Республика объявила войну Федерации Кьелтарогга, 12-я Империя направила войска для удержания Артемиды. Последующие действия Земли кажутся вполне логичными: добившись своих целей, Енисейский немедленно потребовал прекратить враждебные действия, но ввел войска в скопление Посох, после чего развернулись главные сражения человеческой армии в 9-й Галвойне».

Скопировав в черновик диссертации последние цитаты, Андрей уже представлял, каким образом будет описывать этот период. Предшественники лишь перечисляли факты, не заморачиваясь объяснением причин, по которым политики разных цивилизаций принимали роковые решения. А ведь стоило чуть-чуть задуматься — и все события уложатся в логичную схему...

Оставалось уточнить несколько фактов, чем он и собирался заняться по возвращении с Чарха. Засыпая, Андрей предвкушал, какую сенсацию произведет его доклад в Порфире.

Глава 14

Пасторально-колониальная идиллия

Очень редко, но Вика все-таки доверяла любимому вести шхуну. Поначалу она сильно нервничала, глядя, как Андрей управляет судном при помощи ручного пульта. В первый раз даже раскричалась, чуть не прогнала с мостика. Сама предпочитала работать с ментоинтерфейсом и не могла понять, как это можно — рулить пальцами, просто глядя на мониторы.

Рыжая вообще удивляла. Натянув рабочую робу, она преобразилась. Бедлам космодромной суеты был ее стихией. Виктория знала всех в каждом порту, и все знали ее. Кроме того, она действительно умела различать на глазок негуманоидов, и Андрей заподозрил, что на самом деле Вика на пяток лет старше, чем говорит.

После короткой стоянки на Урарту «Золотая тиара» стартовала к Альгангу. По сверканию зеленых глазищ было видно, что Вике не хочется доверять пилотажа беспонтовому

бойфренду, но предстояла долгая, почти в неделю, разлука, и обижать Андрея она не решилась.

Испортив им последние часы уединения, в рубку притащилась Жюльена. Дипломница скучала: влюбленная парочка не обращала на нее внимания. С точки зрения Жюльены, они бездельничали: сидели без резких движений перед панелями управления, рассматривая какие-то идиотские картинки.

— Я не мешаю? — осведомилась пассажирка.

— Разогнались до двух с мелочью, — доложил Андрей, поигрывая рукоятками, чтобы совместить фактический курс и расчетный коридор. — Он требует ползти на трех, пока не пересечем орбиту следующей планеты.

— Это недолго. — Виктория зевнула, полуприкрывшись ладошкой. — Потом резко поднимай до пяти. И постарайся не промахнуться мимо форточки... Ты чего, подруга, спрашивала?

— Не сильно мешаю?

— Не сильно. За билет заплатила — можешь ходить где хочешь. Если там не написано, что вход запрещен.

— Почему не полетел Максим Анисимович? — полубопытствовал Андрей.

— Его жена сцену ревности закатила, — небрежно поведала дипломница и с чувством добавила: — Дура.

Они с Викторией принялись умело злословить по поводу ревнивых жен. Андрею быстро наскучило прислушиваться к потоку накопленных обид, и он сосредоточился на пилотаже.

Движение материальных тел в пространстве высших измерений описывается чудовищными формулами, понять которые способны лишь очень умные физики-теоретики. Простые пилоты просто следуют указаниям навигационного компьютера. Опто-биоэлектронные процессоры вычисляют координаты «форточки» — довольно большого сектора, в который надо войти под определенным углом и на определенной скорости.

По-хорошему движением должен управлять автопилот, но на практике иногда происходят сбои, поэтому почти все навигаторы предпочитают контролировать движение корабля на участке разгона. Известно много случаев, когда удавалось вовремя исправить компьютерные глюки. О случаях, когда сделать этого не удавалось, известно гораздо меньше.

Разогнавшись до шести световых, «Тиара» примерно за час пересекла орбиты трех внешних планет и мчалась к довольно плотному облаку газа, каменных обломков и пыли, какими окружены многие звезды. В световом часе от «форточки» компьютер и Андрей совместными усилиями уложили шхуну на идеальный курс.

— Через шесть минут прыгнем, — предупредил аспирант из видеокорпорации. — Параметры в норме.

— А что будет, если прыгнуть на минуту раньше или позже? — поинтересовалась любознательная студентка истфака.

Три века звездной экспансии, множество фильмов и книг приучили публику к изысканной лексике космопроходцев. Даже самый малограмотный алкаш из отдаленной глухомани точно знал, что звездолеты «прыгают», за считанные секунды преодолевая многие световые годы. Для этого совершенно не нужно было понимать, чему равен световой год и с какой радости он так называется.

— Выйдем совсем далеко от цели, — сообщила Виктория новой подруге. — Ползи потом через трехмерность несколько дней — расход горючки зверский, вся прибыль мышу под хвост...

Она вновь и снова возвращалась к болезненной теме. Рассчитанный перед рейсом доход оказался ниже ожидаемого. Отправитель груза на Мории нашел другого перевозчика, Виктории пришлось в спешке искать товар и соглашаться задешево доставить партию металла на Калиюгу. Хорошо хоть Андрей все-таки договорился с родней и община

согласилась отправить с «Тиарой» сотню тонн провианта на Урарту...

Шхуна приближалась к каналу входа в гиперпространство. Виктория начала сбивать скорость, и к моменту срабатывания генераторов-деформаторов они делали меньше трех световых. Судно сильно трянуло, на мониторах обзора звездное небо сменилось фрактальными абстракциями. Прыжок обещал быть долгим: почти семь сотен световых лет — это не меньше двух часов для старенькой, пусть даже недавно отремонтированной скорлупки.

В гипере шхуну сильно потряхивало, многомерный мир оказался не гладким, а щедрым на турбулентности. Пришлось постоянно вмешиваться в четыре руки, чтобы с курса не снесло. Пассажирка быстро поняла тщетность надежды провести полет в приятной болтовне со сплетнями — на Жюльену перестали обращать внимание на двадцатой минуте. На сороковой даже она поняла, насколько нехорошо дела складываются, и громко взвизгнула.

К счастью, путешествие закончилось благополучно, последние четверть часа они шли по ровной шестимерной плоскости, плавно огибая кривизну, порождаемую гравитационными полями звезд. Когда сигналы маяка на краю системы Альганга стали четкими и автопилот начал понижать нагрузку на деформаторы, Виктория призналась:

— Если бы ты не держал тангаж, я бы одна не проскочила...

— А что тогда? — побледнев, осведомилась Жюльена. — Конеч?

— Но ведь я был рядом, — небрежно сказал Андрей.

Ответив на его поцелуй, Виктория сообщила пассажирке:

— Пришлось бы выбрасываться в трехмерность, заново пересчитывать курс, опять разгоняться — это верных три сотни убытка... Правду говорят: летать без напарника вредно для здоровья, а с напарником — вредно для кошелька... — Повздохав, она добавила: — Давай, любимый, как тогда, возле Урарту...

Идею накануне подал Андрей, вспомнивший, как точно старик Харонов вывел из гипера пакетбот Эльцвейга. Виктория уныло возразила, что маневр хорош, но выполнить его могут лишь очень опытные пилоты, тогда как она не в состоянии контролировать все параметры. Однако после настойчивых домогательств Андрея все-таки согласилась попробовать и в результате сэкономила десяток тонн топлива.

Сегодня, приближаясь к Альгангу, они повторили этот прием: Виктория контролировала курс и подрабатывала движками точной наводки, а тем временем Андрей поддерживал на низком уровне тензор скорости. Без такого контроля они рисковали вывалиться в трехмерный космос на сверхсвете и с разгону вмазаться в планету. Вдвоем же прекрасно справились с упражнением, без выполнения которого курсанты военных академий не станут офицерами.

«Тиара» точно выскользнула в три измерения, имея прямо по курсу бело-голубой диск Чарха. Шхуна мчалась на четырех процентах световой скорости, до столкновения с планетой оставалось меньше часа. Разумеется, они успели затормозить, но как орали диспетчеры — как будто их любимая команда пропустила гол в решающем матче!

Тормозить пришлось главным двигателем, развернувшись кормой к планете. Космодромные чины продолжали упражняться в непристойностях.

— Перестаралась я, слишком близко вышли. — Рыжая хихикнула и перешла на деловой, с легким намеком на флирт, тон: — Ау, на Чархе... мальчики, что у вас происходит? Это «Золотая тиара Клеопатры», капитан Валеvская. Прошу посадки.

— Вика? — Диспетчер поперхнулся на взлете свирепых обещаний. — Слушай, мы тебя в «Казарме» видели.

— Сейчас в натуре увидите, — многообещающе проурчала восходящая звезда видеосериалов. — Это кто там, Витторио, что ли? Ты же на Чертовом Зубе пахал...

— Перевели, когда сдал тесты за третий курс, — похвастался Витторио. — А как ты, как твой...

Украдкой покосившись на заинтересовавшегося разговором Андрея, Виктория поспешила перебить болтливого диспетчера:

— Мой кораблик нормально, только что из ремонта. Витек, я на посадку собралась. Прими координаты пункта назначения.

После короткой заминки на мониторе появились цифры и символы. Вика зацепила курсором рамку с данными и перетащила в красный прямоугольник в левом верхнем углу монитора. Автопилот сообщил, что готов вести шхуну на посадку. Вика нажала «ВВОД», и корабль устремился прямым курсом на космодром в прибрежной части единственного континента северного полушария.

У каждой планеты свой статус. Такие точные копии Земли, как Добрава, Калиюга, Парнас, Эпикурея, Сольдо, свободные от собственной разумной жизни, незамедлительно подвергались колонизации. Мория, Урарту, Гефест и тьма подобных миров были богаты минеральными ресурсами, но вся их экология помещалась в герметичных пространствах городов и предприятий. Эти колонии снабжали Солнечный Союз индустриальной продукцией, но полностью зависели от завоза продовольствия. Metallурги, машиностроители, химики — народ избалованный, грубую синтетическую пищу не уважает, им натуральные деликатесы подавай. На подобные планеты везли свежие фрукты, овощи, мясо, рыбу, копчености с миров, где развито сельское хозяйство.

Чарх имел собственную цивилизацию, местные гуманоиды внешне напоминали землян. Накануне 9-й Галактической войны некоторые чархианские королевства вышли на уровень бронзового века, но вдали от редких очагов цивилизации туземцы жили в пещерах, с трудом добывали огонь, пользовались костяными и каменными орудиями. С приходом землян эволюция прервалась, аборигены получили металлопластик, люди обучили их обрабатывать изделия из него и пользоваться видеофонами. За полвека прогрессоры добились поголовной грамотности, во всех школах планеты преподавали учителя-аборигены, даже самые отсталые племена отказались от рабовладения, каннибализма, трайбализма и кровавых обрядов. Короли и прочие феодалы признавали власть колониальной администрации, уже двадцать лет не случилось больших войн, а самые продвинутые технари поверили в сферичность Чарха.

Тем не менее основными видами производства оставались охота, рыболовство, земледелие и скотоводство. Продукты здесь были дешевые, зато металлы во всех видах не падали в цене. На этой разнице — «ножницах», как говорят экономисты — зарабатывали торговые компании.

Возле посадочной площадки «Тиару» ждали несколько автопоездов с эмблемами разных фирм. Экспортеры даже помогли выгрузить металл, чтобы поскорее наполнить шхуну холодильными контейнерами.

Андрей и Жюльена сидели в тени ящиков с обрезками стальных изделий, а вокруг в ритме большого бедлама суеились чархиане. Виктория деловито покрикивала, распоряжаясь, в какой трюм грузить мясные туши, в какой — колбасу, а в какой — компоты, фрукты и помидоры. Когда все контейнеры кое-как удалось разместить, появилась группа туристов, которым срочно надо было куда-то лететь, и рыжая радостно согласилась принять их на борт. Было слышно, как она растолковывала: дескать, по три сотни с носа — это вдвое дешевле, чем на пассажирском лайнере. Кажется, ей все-таки удалось нормально заработать на этом рейсе, порадовался Андрей.

— Вы давно вместе? — рассеянно спросила Жюльена.

— Не так чтобы очень.

— Это серьезно?

— Что ты называешь серьезным?

— Ну-ну, не темни, — дипломница хихикнула, но вдруг сменила тему: — Где твой фальсификатор?

— Сейчас узнаем, — Андрей вытащил видеофон. — Ты его заранее невзлюбила?

— Пишет всякую муру. Вдобавок — типичный тоталитарный милитарист. Ему бы жить во времена Джангархана.

— Интересные были времена, — засмеялся Андрей. — Ты пойми, он пишет не диссертацию, а романы. Имеет полное право на художественный вымысел.

— Ну да, описал Рамзеса каким-то ангелом!

Дипломница презрительно фыркнула. Отыскав нужный номер в памяти мобильного, Андрей послал вызов, и после нескольких гудков зуммера видефон выдал голограмму собеседника. Из-за чрезмерно яркого тропического полдня изображение получилось трудноразличимым, однако прозвучавший в динамике голос принадлежал Чаклыбину. Писатель сильно удивился, что они уже прибыли, — он ждал «Тиару» часа через четыре.

— Вылетаю, — сказал Всеволод. — Подождите минут двадцать.

Жюльена театральной гримасой — как начинающая статистка в дешевом сериале — подняла глаза к раскаленному добела небу. Потом увидела спешившую к ним Викторину и подняла взгляд еще раз.

— Дорогой, мне надо срочно стартовать, — за двадцать шагов закричала рыжая. — Срочный груз.

Дело было житейское, Андрей даже не сильно огорчился. Они поцеловались, Вика пообещала вернуться дня через два-три-четыре, потому что где-то уже ждет партия металлолома для здешних варваров. Еще раз прижавшись к любимому, она убежала, чуть ли не пинками загнав в люк замешкавшихся пассажиров. «Тиара» взлетела плавно, в антигравитационном коконе, лишь легкий ветерок прогулялся по космодрому.

Рядом кто-то брюзгливо проворчал: дескать, кто же так взлетает, весь груз перебьет на хрен. Обернувшись к ворчливому незнакомцу, Андрей собирался огрызнуться, но благоразумно промолчал. Большой мужчина с меланхоличной гримасой на загорелом лице был ему знаком: Чаклыбин примчался даже быстрее, чем за двадцать минут.

Прибывших вместе с писателем аборигенов звали Шашоххуар и Виелграффимек, но Чаклыбин успокоил гостей, сказав, что мальчишки откликаются на нормальные имена — Саша и Валера. Когда парни скинули рубахи, продемонстрировав великолепные торсы, дыхание Жюльены сделалось прерывистым. Андрею показалось, что Чаклыбин похабно усмехается.

Саша и Валера сноровисто приладили антигравы к контейнерам, перенесли груз на транспортные платформы и закрепили таями. Платформы они прицепили к аэровэну писателя. Последний помог историкам затащить поклажу в кабину и проинформировал:

— Сначала подвезем железо на стапельную площадку, потом закусим и займемся вашими делами.

Усадив гостей, он оторвал машину от грунта и начал осторожно набирать высоту. Три тяжелых платформы — антигравы компенсировали вес, но не массу — неуклюже тянулись на буксире. На высоте полусотни метров скорость каравана достигла двухсот километров в час.

Воздушное движение на Чархе было интенсивным лишь в окрестностях космопорта и расположенного поблизости города земных колонистов. Над джунглями они летели практически одни — лишь изредка вдали проносились аэробусы и другие машины.

— Надо будет посидеть над картами и разобраться, в какой части континента происходили те бои, — озабоченно сказал Андрей. — У вас есть подробные карты?

— В Интернете есть все, — уныло проговорил Чаклыбин. — Должен вас разочаровать — корпеть над картами не придется. Я уже нашел это место. Бухта Небесной Битвы. Там до сих пор валяются подбитые машины. На мелководье можно даже с поверхности разглядеть.

— А танк? — обмерев, осведомился Андрей шепотом.

Внизу под нос аэровэна подползала деревня, разбитая на речном изгибе и окруженная распаханнами полями. Поругиваясь вполголоса, Чаклыбин заложил вираж, обходя стороной населенный пункт. Далеко впереди, за зеленым морем садов и джунглей, засверкала синяя полоска океана.

— Не могу сказать, — сказал наконец писатель. — Не погружался. Оставил это

удовольствие на вашу долю. Вы первооткрыватель — вам и нырять.

Каким-то чудом прервав бурный флирт с аборигенами, Жюльена заверила, что никакого «Веспапа» там нет и быть не может. Андрей опять начал злиться, но Чаклыбин примирительно предложил подождать до завтра, потому как любые теоретические споры проверяются лишь экспериментом. Потом писатель поинтересовался, нет ли у коллеги Машукевича работы по биографии Кордо. Оказывается, сейчас он писал параллельно роман о завоевании землянами скопления Трамплин и вторую книгу — подробную биографию Кордо Ваглайча. Среди использованных материалов была и дипломная работа Андрея.

— Устарела та работа, — Андрей отмахнулся. — Появилось много новых сведений, сильно поменявших мои взгляды на эту личность. Кордо много сложнее, чем принято считать.

— Безусловно, — Чаклыбин кивнул, переводя взгляд с приборов на панораму за стеклами кабины. — Меня возмутила книжонка Синтии Дарк «Главный преступник Галактики». Как бы сильно ни отупел современный читатель, мы не имеем права пичкать сограждан таким примитивным чтивом. История сложнее прямолинейного деления личностей и событий на белые и черные, тут палитра побогаче.

Они разговорились, оказались единомышленниками по многим вопросам. Чаклыбин неплохо разбирался в истории новейшего времени, перечитал невероятное количество книг и даже подсказал Андрею несколько полезных для диссертации мемуаров и монографий. Он также напомнил Андрею, что до сих пор жив Хохбауэр — вице-президент Солнечной Державы накануне и в первый год войны. В берлогу писателя они прилетели почти друзьями и первым делом выпили на брудершафт.

В двухэтажном коттедже с верандой Чаклыбин жил один, без семьи, так что для участников археологической экспедиции нашлись свободные комнаты. Удобства показались Андрею чрезмерно спартанскими, словно в видеосериале про варварские времена — XXIII или даже XXI век. Для управления смесителем душа имелись два крана без процессорного блока, пришлось помучиться, прежде чем пошла вода приемлемой температуры. Хоть унитаз Всеволод заказал не слишком отстойной конструкции — с регулируемой высотой сиденья, удобной спинкой, автоматическим ароматизатором и прочими необходимыми приспособлениями.

Посвежевший после гигиенических процедур Андрей вернулся в свою комнату, разложил вещи, застелил постель и с ужасом обнаружил, что кровать оснащена примитивным пневматическим матрасом. Ни тебе функции облегания тела, ни музыкального ящика, ни простыней-кондиционеров. Страшно представить, что в таком кошмаре придется провести несколько ночей.

Помимо кровати обстановку составляли стол, два стула, шкаф и тумба, на которой лежала плоская коробка видеосистемы. С немалой оторопью Андрей понял, что вся мебель изготовлена из натурального дерева. По слухам, подобные изделия в стиле «антика» входили в моду и даже росли в цене. Красиво, добротно, спору нет, однако даже в деревне у родителей мебель имела встроенную амортизацию. Видеокомплекс тоже был древний, но все-таки работал — подмигивал приглашением спуститься к обеду.

На блюде дымились громадные раки-лангомары — каждый в полкило весом. На гарнир повар отварил местные клубни — Андрей забыл их название, но помнил рассказы деда про плоды, мякоть которых напоминала картофельное пюре с добавкой лука и чеснока. Такой обед в хорошем ресторане на Калиюге обошелся бы в сотню на брата. Поневоле закрались грешные мысли: организовать с Викой семейное предприятие и возить деликатесы на большие планеты.

Не я первый такой умный, подумал Андрей. Наверняка рынок давно поделен, и серьезные дельцы не потерпят конкурента. Вдохнув, он большими деревянными щипцами переложил одного лангомара в свою тарелку. Потом, посмотрев, как это делает хозяин, наполнил клубнями — мимзи, вот как они называются! — тарелочку поменьше и налил в

пиалу красноватый соус из большого кувшина.

Абориген — то ли Саша, то ли Валера, — пожирая Жюльену масляными глазами, на ломаном общеземном объяснял, как надо взламывать панцирь, отделять мясо и поливать соусом. Соус оказался острым и кислым, Андрею вкус понравился. Рак-переросток тоже был выше всяких похвал. Жаль, больше двух съесть не удалось — очень уж большие. После раков Саша сбегал на кухню за чайниками, а Валера принес на подносе варенье, блюдца и чашки.

— Все местного производства? — спросил Андрей. — Очень вкусное варенье и чай отличный.

— Чай привозят из южного полушария — на каких-то островах плантации. Остальное наш комбинат производит.

— Командор наладил работа, — сообщил Саша, умильно скаля белоснежные зубы. — Чархиане хороший работа есть, деньги есть, хороший дом есть. Командор доктора привез, четыре доктора, чархиане лечат. Командор учит чархиане длинный корабль строить, чархиане далеко в море ходит, большой рыба ловит.

— Командор нам как родной дедушка, — добавил Валера. — Моя матушка говорила, раньше совсем плохая жизнь бывала, командор хорошую жизнь сделал.

— Что-то вы, пацанчики, слишком сладко петь научились, — Чаклыбин, набычась, разглядывал аборигенов-помощников. — Что задумали?

По докрасна загорелым чархианским лицам пробежали явные признаки смятения. Вскочив из-за стола, оба наперебой заскулили: дескать, командор обижает их подозрениями, а у них срочные дела, надо металл разгружать и по цехам распределять. Они стремглав покинули дом, устремившись по булыжной дорожке в сторону большого деревянного сарая. Вероятно, там находился пресловутый цех.

Подозрительно посмотрев им вслед, хозяин вновь наполнил чаем свою чашку.

— Мы вас, наверное, отвлекаем от работы? — деликатно проговорила Жюльена. — Много пишете?

— Примерно час в день, — Чаклыбин фыркнул. — Обленился совсем. И производство много времени отнимает.

Естественно, гости поинтересовались, каким образом знаменитый писатель оказался на дикой планете. Немного захмелевшего Всеволода потянуло на откровения, и он поведал о жестоком приступе депрессии, поразившем его лет десять назад. Возможно, так проявился пресловутый кризис среднего возраста или неприятности личной жизни сработали, но захотелось бежать прочь от опостылевшей цивилизации. Бросив налаженную жизнь в континентальной столице на Сольдо, Чаклыбин записался в прогрессоры, выбрал для работы Чарх и отправился в большое, но слабо развитое королевство Дагайвами.

Некоторое время он обучал аборигенов полезным ремеслам вроде изготовления столярных и слесарных инструментов, добился по линии прогрессорской службы завоза большой партии стальных пил, топоров и стамесок. За первый год производство в губернии выросло так сильно, что прибрежную деревню посетил сам его величество Чаппа Пятый. Заискивающе улыбаясь, он осведомился, не может ли великий мастер строить большие лодки, чтобы дагайвамские купцы могли плавать через море, не опасаясь пиратов.

Просьба упала на обильно удобренную почву. Провинциальная скука начала утомлять землянина, имевшего в активе не только плохой характер со страстью к опасным приключениям, но и бурную биографию. По некоторым его репликам Андрей понял, что Всеволод успел повоевать в некоторых локальных конфликтах, прослужил по контракту два года в полуполицейском военизированном формировании, участвовал в миротворческих и спасательно-гуманитарных операциях.

— К тому времени я уже сражался на суше, в космосе и в воздухе, — Всеволод ностальгично заулыбался, машинально сжимая и разжимая кулак. — А вот на море не воевал, хотя обожал эту романтику парусного и парового флота...

Король пригнал солдат и другую рабочую силу, которые построили стапель. Чаклыбин

скачал из Интернета справочники по деревянному кораблестроению и парусному спорту. Чархианские военные рассказали о пиратах, которые хозяйничали в море на многовесельных галерах и брали дань со всех мореходов, рискнувших покинуть прибрежные воды. Первый корабль, построенный на чаклыбинской верфи, был учебным шлюпом, на котором будущие моряки осваивали парусные премудрости. Потом пошли в серию барки и каравеллы, хотя случались проблемы на металлургическом предприятии, где отливались чугунные дульнозарядные пушки. Купеческие караваны Дагайвами шутя отбиваясь от пиратских галер, ходили вдоль берегов материка и к дальним архипелагам. На четвертый год, собрав эскадру в дюжину вымпелов и выпросив у Чаппы две сотни солдат, Чаклыбин атаковал остров, где засели пираты, разгромил галерный флот, высадил десант, освободил рабов...

— И перевешал главарей, — закончил за него Андрей. — Я читал твой «Остров проклятых скал». Текст сочный, а видеоклипы просто великолепны. Мы с нашим режиссером гадали, какой программой они сработаны.

— Все кадры натуральные, — ухмыльнулся Всеволод. — Правда, из трех разных экспедиций. Мы потом в другие набеги ходили...

Распространяться об этом он почему-то не стал, а поспешно скомкал финал рассказа. Теперь ему принадлежал обширный производственный комплекс: верфь, деревообрабатывающее и кузнечное производство, ювелирная мастерская. Много вывозилось во внутренние провинции королевства, немало продукции купцы продавали за морями, но лучшие изделия Всеволод отправлял на развитые планеты. Когда хозяйство стало прибыльным, он опять заскучал и вернулся к литературе, написал даже биографию Джангархана и несколько исторических романов.

— Про старика Рамзеса получилось очень неплохо, — вполне искренне сказал Андрей. — Конечно, не всем понравится, вот Жюльена, с ее либерально-гуманистическим мировоззрением, его не одобряет, конечно...

— Конечно! — с вызовом подтвердила дипломница.

Предотвращая политический диспут, Андрей озвучил идею режиссера Паккарди — построить несколько парусных кораблей для натурных съемок фильмов о морских сражениях древности. Идея хозяину понравилась, но Всеволод сразу дал понять, что корабли стоят денег. Потом лениво махнул рукой и пожелал услышать подробнее, за какой надобностью навестили его историки.

Рассказ Андрея, сопровождаемый ехидными комментариями Жюльены, он выслушал с прежней скучающей миной. Когда гость иссяк, Чаклыбин уклончиво сказал:

— Завтра с утра займемся. Мне кораблик надо испытать — вот и продвинемся вдоль берега на сотню миль.

— Вы не верите, что мы найдем его? — Андрей обиженно прищурился.

— Эх, юноша, меня жизнь учила недоверию. — Всеволод подмигнул. — Много невероятного приходилось видеть.

— Просто вы не профессиональный историк, поэтому не понимаете, — Жюльена вновь полезла в драку. — Там не может быть этой машины, потому что войска тарогов сражались в это время далеко, не меньше трех тысяч световых лет.

— Завтра, — повторил Чаклыбин. — А пока предлагаю сходить на пляж. Вечером лучи Альганга не столь опасны для кожи.

Звезда склонялась к упрятанному за лесом горизонту, прожигая лучами горячий воздух и горячую воду. Отплыв подальше от берега, Андрей нырнул, наслаждаясь холодком в глубине, возле самого дна. Мелькнуло сожаление: дескать, жаль, что улетела Вика, побултыхались бы вместе, как на пляже в Кракенбурге.

Только «Тиара» еще даже не прибыла в пункт назначения.

Выбравшись на пляж, он растянулся на ракушках, рассеянно слушая, как Жюльена пытается переспорить Чаклыбина:

— Ну как вы можете делать такие выводы? — возмущалась дипломница. — Ведь у вас

нет никаких оснований так думать!

— Я вживаюсь в образы, — кротко сообщил Всеволод. — Пытаюсь думать, как мои герои. Так была написана книга о Джангархане. В образ Ваглайча вжиться труднее. Мы плохо понимаем тарогов.

— Вжиться в образ невозможно, — отрезала Жюльена. — Или вас местные колдуны гипнозом в транс вводят?

— Скорее местные самогонщики. — Писатель хохотнул. — Перебродивший настой некоторых ягод и трав действует как сильный гамма-эмпатизатор со свойствами нейростимулятора.

Ужаснувшись, Жюльена обозвала его наркоманом. Андрею пришлось уточнить:

— Сенсомодуляторы не считаются наркотиками.

— Ему виднее, — сказал Чаклыбин. — Артисты используют эти препараты для вживания в образ.

— Это должны быть какие-то сверхъестественные артисты, — засмеялся Андрей. — Ты сильно идеализируешь нашу богему. Чтобы сработал модулятор, надо много знать о своем персонаже, а в сериалах исполнители ролей редко пытаются разобраться в психологии тех, кого им поручено сыграть. Да и нет у нас четких характеров. Герои сериала без труда совершают феноменальные превращения: из придурка в гения, из порядочной женщины в отпетую шлюху.

Его слова разрядили обстановку. Остаток вечера они вспоминали глупые эпизоды разных фильмов и разошлись вполне мирно.

Глава 15

Были схватки боевые...

Чаклыбин устроил непристойно раннюю — задолго до рассвета — побудку. Сонные и злые гости совершили марш-бросок по темной лесной тропинке. Чархианская фауна громко и неприятно вопила, тогда как флора распространяла пьянящие ароматы. Поневоле приходили на ум воспоминания деда про то, как солдаты жевали красно-желтый дурман-цветок, отключавший почтище кружки самогона.

По счастью, ночной поход оказался не слишком длинным. Заросли внезапно кончились, и перед ними распахнулась узкая бухта, красиво подсвеченная двумя лунными полумесяцами. По правую руку темнели на фоне звездного неба очертания стапеля со скелетом будущего корабля. Другой парусник стоял возле недлинного пирса. На борту горели факелы и слонялись тени моряков.

Силуэт корабля показался Андрею странным. Подойдя ближе, он понял, что плавсредство нуждается в основательной достройке. Поднявшись по трапу на палубу, консультант крупнейшей видеокорпорации стал машинально прикидывать, как дорисовать недостающие части судна средствами стереографики. Корпус был, кажется, собран и накрыт палубой, однако на палубе строители установили только носовую надстройку с мостиком и каютами, а также фок-мачту. Дальше, до самой кормы, тянулась ровная дощатая поверхность с мачтовыми дырами для грота и бизани.

Чуть левее, пришвартованный к другому причалу, дремал вполне законченный двухмачтовый красавец. Показав рукой на соседний корабль, Андрей тактично поинтересовался:

— Мы не ошиблись? Может быть, нам туда?

Громко зевнув и покачав головой, писатель приказал отдавать концы. Сонная команда с грехом пополам втянула на борт и намотала на кнехты швартовые канаты. Чаклыбин достал видеофон из висевшего на поясе футляра, нажал какие-то сенсоры. За кормой забурилась вода, и безмачтовое судно неторопливо двинулось в сторону выхода из бухты.

— Мотор! — догадалась Жюльена.

— Зря на блондинок наговаривают, — задумчиво проговорил Всеволод. — Именно так

— на корабле установлен мотор. И вдобавок палуба почти вся свободна, так что можно будет погрузить нашу находку.

Невыспавшаяся дипломница немедленно выразилась: дескать, они даже ни кусочка сушеного дерьма не найдут, а подавно не видать им артефакта. Кораблик уже вышел из бухты, покачиваясь от встречного бриза. Не вступая в спор, Чаклыбин посоветовал гостям разойтись по каютам и продолжить отдых. Оценив разумность предложения, все так и сделали.

Андрей проснулся от просочившегося сквозь шторы слишком яркого света.

Удобства в каюте оказались еще примитивнее, чем в особняке, — раскладной походный биосортир и бачок с теплой водой. С другой стороны, судно строилось для чархиан, привычных к спартанскому стилю существования. Кое-как оправившись и умывшись, Андрей осторожно выглянул наружу.

Альганг отчаянно жарил, температура в тени была не меньше сорока цельсиев или сотни фаренгейтов, а в полдень станет еще горячее. Не раздумывая, Андрей надел светлый комплект-сафари с длинными рукавами и системой внутреннего кондиционирования. Широкополая шляпа и темные очки защитили морду лица от солнечных ожогов. В фулярах на поясе повисли видеофон и выкованный Робертом ножик-мачете.

Как и следовало ожидать, писатель и дипломница завтракали на мостике в тени тента, обдуваемые встречным потоком. По случаю знойного летнего времени меню составляли холодные блюда и напитки. Взяв окрошку и стакан ледяного пива, Андрей сел в свободный шезлонг. Держа руку на сенсорах переносного пульта, Чаклыбин сообщил:

— Будем на месте часа через полтора-два.

Кораблик делал не меньше двадцати узлов, оставляя по левому борту курортный пейзаж. Изумрудная полупрозрачность моря плавно переходила в ленту белой пены прибоя, дальше тянулся, взбираясь на холмы, золотой песок пляжа. За холмами зеленели джунгли, над водой носились большие птицы-рыболовы, между волнами время от времени появлялись большие плавники.

Раздражала только жара, даже аппетит пропал. Без удовольствия доедая содержимое миски, Андрей рассеянно любовался пейзажем, изредка посматривая на матросов-аборигенов, сидевших на циновках в тени надстройки. Возле них лежали гарпуны, а на боку Саши висела железка, похожая на abordажную саблю. Чархиане галдели по-своему, показывая руками на плавники и чешуйчатые спины океанских тварей.

— О чем они? — спросила Жюльена. — Порыбачить хотят?

— Наоборот. Боятся, что большой зверь на корабль бросится, — равнодушно откликнулся Чаклыбин, утираясь влажным полотенцем. — Андрюха, ты вчера забавные вещи говорил, будто собираешься написать об истории всю правду-матку, только правду-матку и ничего, кроме оной.

Не обижаясь на несерьезный тон, Андрей подтвердил:

— Именно так. Историю слишком долго фальсифицировали. Пришло наконец время описывать истинный ход событий.

— Другими словами, прежде все историки были дураками да подлецами, а ты у нас кристально честен и вообще образец высокой нравственности.

— Перегибаешь. — Андрей тоже утерся. — Я далек от идеала. Но в прошлом существовало политическое давление, многие источники были засекречены. Сегодня сняты почти все барьеры, мы получили свободный доступ к информации. Другими словами, сложились условия для беспристрастного поиска правды.

— Не хочу тебя огорчать, но не соглашусь, — проворчал Чаклыбин. — И прежде были честные люди, получавшие доступ к правдивой информации. А историю пишут через пень-колоду во все времена — и в стародавние, и в новейшие. История, дружище, непознаваема по определению.

Они заспорили, совсем забыв о существовании Жюльены, которая странно хихикала, слушая мужчин. Наконец блондинка не выдержала и напомнила, что ее дипломная работа

называется «Причины ошибок в исторической науке». Чаклыбин удивился, но из вежливости поинтересовался, не поделится ли очаровательная спутница своими познаниями в этой области. Пропустив мимо внимания комплимент, она заговорила по писаному. Наверное, наизусть цитировала собственные тексты:

— История пишется людьми, которые в большинстве случаев бывают необъективны. Вокруг больших событий обязательно возникают всевозможные слухи, домыслы, легенды, которые проникают в исторические труды. Участников событий подводит память, тем более спустя несколько лет после случившегося. Даже составляя отчет через час после боя, генералы допускают фактические ошибки — например, из-за неполноты доступной информации. В результате разные люди по-разному описывают одно и то же событие, даже не имея умысла фальсифицировать историю. Подобные неумышленные искажения неизбежны, однако столь же вредны, как и сознательная ложь.

Затем она припомнила грубые ошибки на почве недопонимания истинной картины. Классический пример — Христофор Колумб, отрапортовывавший спонсорам о путешествии в Индию, хотя его корабли причалили к берегам совершенно другого континента. Другой пример — все участники Курской битвы вспоминали, как отбивали атаки танков «Тигр», — даже на тех участках, где «Тигров» быть не могло.

Андрей подхватил, возвращаясь к задачам экспедиции:

— Вот и мой дед уверяет, будто подбил тарогский «Веспап», хотя у рагвендов их быть не могло. Я проверил ментовизором — действительно, похоже на «Веспап». Точнее, на следующую версию «четверки». Старик сумел сам себя убедить, что видел эти машины.

— Ложная память, обычное дело, — на удивление миролюбиво предположила Жюльена. — На его смутные впечатления накладывается видеоряд из кинофильмов, из книг, из рассказов других ветеранов. Так возникает синтетический образ, вытесняющий подлинные воспоминания. Искусство всегда создает упрощенные мифы, засоряющие историческую память. Литературные и видеосюжеты заменяют в массовом сознании реальные события.

Призвав коллег к объективности, Андрей напомнил, что тяжелый танк хорошо виден на видеокадрах, снятых в прицел «дырокола». Чаклыбин только pokrивился, но Жюльена запальчиво пересказала главу своего диплома, посвященную сознательным искажениям и фальсификациям исторического события. Самым невинным фальсификатом она считала распространенный среди солдат и младших командиров обычай включать в свои видеоархивы чужие, но красивые кадры. По ее словам, в каждой части были умельцы, монтировавшие для боевых товарищей подобные клипы. Бывало хуже: высокопоставленные командиры, желая оправдаться за неудачные действия, писали заведомо лживые рапорты, сваливая вину за поражение на соседей либо выдумывая многократное численное превосходство противника. К таким рапортам прикладывались фальсифицированные видеоматериалы и массивы компьютерной памяти, прошедшие более или менее умелое редактирование штабными специалистами.

Про такое Андрею приходилось слышать. Только в прошлом веке несколько заслуженных военачальников за подобные художества были разжалованы до майорского или полковничьего чина. Кое-кого потом восстановили в прежних званиях и объявили безвинными жертвами тоталитарных правителей вроде Чарманова и Енисейского. Историки третье столетие спорили, насколько справедливым следует считать приговор трибунала по делу «шести обманщиков»...

Утомленный диспутом профессиональных историков Чаклыбин резонно заметил:

— О чем спорить — нырнем и посмотрим.

— А зачем я вызвалась в экспедицию? — засмеялась дипломница, считавшая себя победительницей. — Танка не найдем, конечно, зато понырять в чужом океане — такой шанс редко подворачивается.

— Ну а вдруг там и вправду «четверка»? — подумал вслух Всеволод. — Если окажется, что тароги передали новые машины рагвендам, это сильно изменит наши представления о

закулисных отношениях на финальном этапе войны.

У каждого нашлось что сказать на сей счет, однако судно вдруг изменило курс, направившись к берегу. Чархиане заголосили, показывая руками на буруны вокруг выраставших на пути рифов. Ориентируясь по экрану гидролокатора, Чаклыбин миновал скалы, и они оказались в бухте.

Андрей узнал местность — видел этот пейзаж на кадрах деда. Металлический хлам давно вывезли, но рельеф изменился мало. Холмы растянулись тройной цепочкой, окружая пляж. Батальон дрался здесь несколько дней, отступая от рубежа к рубежу, и наконец дал последний бой в круговой обороне. А потом из-за длинной косы выходили плоты аборигенов. Чархиане творили шаманские ритуалы, задабривали огненных воинов корзинами фруктов и рыбы, умоляли не возвращаться на небо. Так и вышло — уцелевшие бойцы астропехоты надолго задержались и многому научили жителей ближних деревень.

Он даже принялся рассказывать матросам, как его дед учил их предков делать весла и построил первую мельницу, но Саша, Валера и трое других аборигенов, равнодушно проигнорировав историка, окружили Чаклыбина. Саша произнес требовательно, почти без акцента:

— Сева, мы забираем корабль. Революция. Теперь небесные захватчики станут служить нам.

Гарпуны и клинки были нацелены на Всеволода, за Жюльеной и Андреем присматривал лишь один абориген, вооруженный кривой саблей. Допив успевшее согреться светлое пиво местного розлива, Андрей небрежно швырнул пустую бутылку в море. Стражник машинально проводил взглядом полет сосуда, и за это мгновение рука мастера видеосериальных схваток скользнула к ножнам. Откинувшись в шезлонге, он прислушивался к перебранке, готовый рвануться на помощь Чаклыбину.

По законам авантюрного сериала такие события случаются в каждом сезоне. Туповатые, но не чуждые своеобразного благородства гуманоиды, простодушные дети гор и степей, устраивают заварушку, требуют чего-то непонятного и обвиняют землян в эксплуатации ресурсов родной планеты, коварных умыслах и каком-нибудь обмане. Однако, выслушав пламенную речь одного из главных героев, аборигены мигом осознают глубину собственных заблуждений, просят прощения и возвращаются к мирному труду под мудрые песни престарелых сказителей.

В реальности получалось иначе. Накануне вечером Чаклыбин успел поведать о трех мятежах гуманоидов, в подавлении которых участвовал во время службы в жандармских войсках. Наверное, у него был немалый опыт, поэтому писатель даже не пытался вызывать ни к благоразумию, ни к совести. Он просто посоветовал не валять дурака и пообещал забыть по возвращении про пьяную выходку.

Аборигены, как положено неблагодарным дикарям, ответили хохотом. Для начала Саша и Валера обвинили людей, что те не строят для чархиан красивых домов, не готовят вкусной жратвы и не дают много золота. По этой причине землянам полагалось наказание — пожизненные работы в услужении чархиан. Самке с белыми волосами — наверное, имелась в виду Жюльена, — предстояло стать наложницей вождя восстания.

— Твоя беда не в том даже, что ты дурак, — флегматично сказал Чаклыбин. — Беда в том, что ты и тебе подобные не ценят хорошего. Вы понимаете только язык силы. И еще вы слишком любите врать. Могу поспорить, что никакой революции не было. Ты просто хочешь украсть корабль и стать пиратом.

— Как ты догадался? — завизжал Саша, размахивая саблей. — Я заставлю тебя выполнять приказы! Ты отведешь этот корабль в порт Бурчумбанбе...

Ехидно хихикнув, Чаклыбин предложил послушать мудрую притчу. Последовал знаменитый анекдот про курсантов военно-космического училища, получивших задание написать на имя главы дружественной планеты просьбу освободить землянина, задержанного местной полицией за пьяный дебош. По итогам семинара преподаватель

сделал замечание, что «поимею» пишется слитно, «куда попало» — раздельно, и вообще, дескать, не стоило называть президента дружественной планеты «синерылой скотиной».

— Что ты хочешь сказать? — насторожился Валера, инстинктивно заподозривший скрытую опасность.

— Хочу сказать, что этим кораблем вы управлять не сможете, но рискуете быть сильно побитыми. Поймите наконец, что люди помогали вам, не требуя благодарности, но такой черной неблагодарности могут и не простить.

— Вот как ты заговорил! — прикинувшись оскорбленным, вскричал Саша. — А совсем недавно кто-то пел сказки, будто наши расы — сестры!

— К сожалению, младшая сестра оказалась дурой, — объяснил Чаклыбин. — Ты знаешь, что делает глава семьи, когда кто-то ведет себя неправильно?

— Ты не сможешь нас убить, — быстро сказал Валера. — Нельзя убивать слабых. Если ты откажешься служить нам, мы покалечим твоих друзей.

Он выкрикнул команду, и приставленный к Андрею чархианин сделал шаг вперед, заноса саблю. Жюльена вскрикнула. Молодой, рослый, широкоплечий абориген был отлично сложен и надвигался, поигрывая могучими мышцами. Сильный парень и, наверное, умеет драться.

Андрей резко выпрямился, выхватывая нож. Чархианин рубанул с размаху, но путь его сабле преградил выкованный на Калиюге клинок, и заточенный монокристалл легко перерубил полосу обычной стали. Сколько таких эпизодов сыграл никому не известный консультант, подменяя холеных героев-мачо! Не давая чархианину опомниться, он ударил пяткой в печень, затем добавил согнувшемуся противнику локтем в челюсть. Не дожидаясь, пока избитый чархианин грохнется на палубу, Андрей схватил шезлонг и как дубину обрушил его на стоявших к нему спиной аборигенов. Двое, в том числе Валера, упали, двое других попытались повернуться к нему, но Чаклыбин ткнул Саше в глаза растопыренными пальцами левой руки, а затем врезал правой в челюсть.

Оставшийся на ногах гарпунщик, озираясь, попятился и получил шезлонгом по голове. Шезлонг сломался, голова не получила видимых повреждений, но чархианин бросил гарпун и быстро присел, закрывшись руками и умоляя пощадить его.

Усмирение корабельного бунта продолжалось не больше десяти секунд. С учетом предварительных переговоров — минуты четыре.

Корабль, оставшись без управления, едва не врезался в отмель. Грязно ругаясь, Всеволод описал крутой разворот и перевел двигатель на «самый малый». Андрей отпаивал дрожащую Жюльену найденным в холодильнике ромом «Капитан Флинт». Побитые аборигены сгруппировались на носу, пожирая «командора» умоляющими взглядами. О возобновлении мятежа никто из них явно не помышлял.

Сообщив людям о приближении времени отлива, Чаклыбин рявкнул чархианам приказ — готовить снасть. Прихрамывая и держась за ушибленные места, матросы бросились исполнять приказ. Связка буйков полетела в море, и судно двинулось по сложному курсу, волоча за кормой растянувшиеся длинной цепочкой приборы. Часа через два с небольшим они прочесали всю поверхность бухты, и на планшете Всеволода появилась трехмерная картинка донного рельефа. Попутно детекторы обнаружили десятки массивных подводных объектов.

— Показывай клипы своего деда, — сказал Чаклыбин. — Разберемся, в каком месте танк утонул.

Продолжавшая переживать Жюльена, почти приговорившая поллитровую бутылку «Капитана Флинта», показала на резавшие бухту плавники.

— Согласен, погружение будет непростым... — Андрей правильно понял ее молчаливый намек. — Кто-то должен страховать нас сверху.

— Подстрахуем, — нетерпеливо перебил писатель. — Сначала выясним, где искать.

С отвращением изучив помутневшим взглядом плескавшиеся на дне бутылки граммы

рома, дипломница выдала коронный тезис: дескать, никакого танка там быть не может.

— Там есть много разных обломков. — Андрей перебирал файлы в памяти видеофона. — Когда наши отбили первую атаку со стороны суши, противник ударил с моря. Дед говорил, они целый день имперское железо ломали. В основном антиграв-платформы, легкие танки, броневики. Немалая часть подбитых машин должна была упасть в бухту.

Большая хищная рыба выглянула из воды неподалеку от форштевня, продемонстрировав впечатляющие зубы. Жюльена вскрикнула. Стоявшие у лееров матросы дружно посмотрели на мостик, и Саша заискивающим голосом осведомился, нельзя ли потренироваться в метании гарпуна. Чаклыбин показал жестами, чтоб обождали, — всему свое время. Андрей наконец нашел нужный клип и запустил воспроизведение.

Плоское изображение покачивалось и металось — это боевой расчет «дырокола» наводил бластер. Потом картинка стабилизировалась — прицел смотрел на громоздкую, но изящную конструкцию. Разумеется, это был не «Веспап» — самое знаменитое «бревно» тарогов. Выросшая в размерах полусфера башни и сдвоенные конусы силовых эмиттеров на корме выдавали машину следующего поколения — «Рин-Веспап», сверхтяжелая, практически неуязвимая машина. Лишь под конец войны ломы научились бороться с этими супертанками гравитационными ударами с орбиты. Направленный пучок гравитонов выдерживал «Рин-Веспап» с поверхности за пределы атмосферы, перетирая в пюре все живое во внутренних отсеках.

Однако танк на голограмме пока не имел видимых повреждений. Прощальное чудо кьельских оружейников извергало смерть, уничтожив огневыми установками малого калибра полностью оборудованный опорный пункт взвода вместе с окопанной бронетехникой. На танк метнулась стая «Вурдалаков», но выстрелы роботов-убийц не брали силового щита сверхтяжелого монстра. Затем излучатели танка поставили плазменную стену, сметавшую «Вурдалаков».

Казалось, батальонный район обороны обречен — ни пехотное оружие, включая «дыроколы», ни тем более башенные орудия боевых машин пехоты не могли пробить энергетического кокона «Рин-Веспапа». Однако в центре позиции лежал на грунте подбитый, утративший способность летать, но сохранивший артиллерию «Носорог». Разом заговорили несколько огневых точек, то есть внутри помятого корпуса оставалось десятка два бойцов, решившихся на смертельную дуэль.

Двухорудийная башня и тяжелые бластеры «Носорога» обрушили на танк раскаленные шары плазмы и пучки квантов. Ответные выстрелы «Рин-Веспапа» рвали в клочья толстую броню гиперлета. Командир батальона или другой офицер, управлявший схваткой, принял верное решение — три луча уцелевших бластеров скрестились на корме супертанка, разрушив один из генераторов защиты. Танковая пушка немедленно выплеснула серию импульсов, поразив бластеры, но интенсивность силовых полей резко упала, и башня земного транспортера точным выстрелом разворотила носовую часть «Рин-Веспапа».

Следующий огневой удар танкистов покончил с «Носорогом». «Рин-Веспап» тоже был поврежден, а встроенная система саморемонта не могла быстро залечить такие раны. «Бревно» медленно двигалось над пляжем, стреляя из малых орудий по бронетехнике землян. На экране были видны сообщения прицельного устройства: дистанция составляла около 400 метров. Ствол «дырокола» выпустил невидимый луч, и на бортовой броне танка вспыхнул огненный кружок — гамма-кванты сорвали электронные оболочки с атомов танкового корпуса и накачивали кинетической энергией возникший комок плазмы. Под давлением квантов огненный шарик двинулся в глубину бронеплиты, прожег стенку танка насквозь и разорвался внутри машины.

Танк дернулся, завалился набок и прекратил стрелять. Вихляя справа налево и обратно, «Рин-Веспап» набрал высоту, поднявшись метров на двадцать. Так и не выровнявшись, тарогская машина пролетела с полкилометра над пляжем, потом еще столько же над бухтой — и рухнула в воду.

— Упал на траверзе вон того мыса! — заорал Андрей.

Они со Всеволодом очертили на карте примерное место падения. Глубина в этом месте была метров тридцать, при отливе получится метра на три меньше. Детекторы обнаружили там полдюжины массивных металлосодержащих объектов. Может быть, скалы, но может, и танки. Проявивший завидную крутизну логического мышления Чаклыбин заметил, что «Рин-Веспан» весил не меньше сотни тонн, поэтому на мелкие объекты можно не обращать внимания.

Альганг уже миновал зенит, но времени до вечера оставалось изрядно, так что волны света пронзали чистую воду на солидную глубину. Там, в прохладных слоях, скользили большие и наверняка опасные твари — местные аналоги акул, шестирукие спруты, большие змеи. Обилие хищников отбивало настроение погрузиться в бухту, несмотря на все байки: дескать, зубастое зверье редко нападает на пловцов.

— И когда они уйдут? — осведомилась Жюльена.

— Они не уйдут, — равнодушно сообщил писатель. — Тут много жратвы, привлекающей хищников. Андрей, ты собираешься надевать гидрокостюм или в цивильном прыгнешь?

Вероятно, у Чаклыбина был какой-то план, решил аспирант Машукевич. В справедливости своих догадок он убедился, вернувшись на палубу в подводном снаряжении. Корабль приближался к району, где мог находиться объект поисков. Стоявший на мостике Всеволод расшвырял с обоих бортов несколько шариков, которые глухо взрывались за кормой, вздымая водяные бугры. На поверхность всплыло много разных морепродуктов, включая спрутов, акулopodobных и змеевидных.

Восторженно покрикивая, матросы-чархиане проворно сбросили крупноячеистый трал, подняв на палубу почти центнер крупной рыбы и спрута с трехметровыми щупальцами. Попался также еще живой змей-дракончик в два человеческих роста длиной, который щелкал челюстями, дергал хвостом и рудиментарными лапками. Валера ловко ударил гада гарпуном в загривок, и зверь утих. Не знавшие меры и приличий аборигены совсем забыли, что пока не наказаны за недавний мятеж, и раскричались, требуя обязательно затратить вторую псевдоакулу, пока глупая рыба не утонула. Чаклыбин, отмахнувшись, продолжал бросать гранаты, оглушив еще много аквафауны.

Отлив медленно увлекал всплывшие тушки в открытое море. Привлеченные дармовой добычей хищники поднялись к поверхности, и Всеволод подстрелил нескольких из охотничьей двустволки «Цербер».

— Думаешь, всех кончил? — деловито спросила, натягивая гидрокостюм, относительно протрезвевшая Жюльена.

— Всех кончить невозможно, — Чаклыбин печально развел руками. — Но сейчас опасность меньше, чем полчаса назад. Я буду вести вас сонаром. Ныряйте быстрее, пока хищники заняты.

Поправив подвешенные к поясу ножны, Андрей натянул прозрачную аквамаску, взял гарпунное ружье и прыгнул — спиной назад — за борт. В момент, когда голова коснулась воды, он видел свои ноги с лапами и отделившуюся от корабля дипломницу.

Он медленно погружался, шевеля лапами и выдыхая через молекулярные фильтры маски. Каждого фильтра хватало на час, не больше, но пока загубник возвращал после очистки вполне пригодный воздух. Прибор на запястье показывал рельеф дна с помеченными местами, где под илом лежит что-то большое и массивное. Наушники доносили ровное сильное дыхание Жюльены.

Первая находка разочаровала: бронетранспортер имперского типа, многократно перфорированный оружием разного калибра. В следующие четверть часа попались антиграв-платформа, два легких и один средний танк, а также оторванная корма трансатмосферного штурмовика. Судя по маркировке, штурмовик был построен в 7-й Империи, то есть принадлежал рагвенской армии.

Неудачи разозлили, но Андрей продолжал методично прочесывать дно. Вода в глубине

была не слишком прозрачной, поэтому приходилось ориентироваться по прицельному экрану гарпунного ружья. Он видел острые скалы, бахрому водорослей, стаи небольших рыбешек. Пару раз далеко впереди, за пределами досягаемости сонара, мелькали тени солидного размера — возможно, спрут или Жюльена.

Потом он увидел, как девица плывет навстречу, и тотчас же голос Чаклыбина сказал из наушников:

— Андрей, я сказал ей, чтобы к тебе присоединилась.

— Вижу ее. Что-то случилось?

— Около вас кто-то крутится.

— Где оно?

— Обходит вас по большой дуге, примерно в двадцати метрах у тебя за кормой. По моему, трехметровая панцирная пила.

Только этого не хватало — Андрей рассвирепел. Панцирник не укусит — челюсти маловаты. Но спину прожорливого всеядного бревна украшали острые костяные треугольники, делавшие рыбу похожей на пилу. Если поцарапает ненароком и слизь в ранку попадет — неприятности гарантированы. Хотя вкусна, зараза. Поневоле вспоминались деликатесы, которые Андрею доводилось отпробовать на крутых презентациях: бутерброды с балыком, розовые ломтики отварной рыбы, суп из плавников. Однажды, после очень большого гонорара, Андрей даже решил пошиковать и купил полкило панцирника холодного копчения... Да уж, по сравнению с пилой даже севрюжка отдыхает.

Дипломница водила перед его глазами ладонями, проверяя — не заснул ли напарник. Отмахнувшись, Андрей сильнее ударил ластами и показал пальцем на впадину, над которой они зависли. Предстояло обследовать самую глубокую часть бухты — котлован размером с футбольное поле, где мог поместиться десятиэтажный дом, а то и космолет Виктории.

Панцирник все-таки решил поближе познакомиться с людьми. Ближе пяти метров рыбка подойти не осмелилась, но Андрей сильно нервничал, поэтому засадил гарпуном чуть позади хрящевой маски, закрывавшей голову и часть подбрюшья. Пила забилась, поднимая муть, пришлось добить вторым выстрелом. Рыба стала потихоньку всплывать, а спустивший пар Андрей зарядил в ружье предпоследний гарпун и пошел в глубину.

Здесь действительно лежал, причем днищем кверху, танк. Действительно сверхтяжелый. Только не тарогский «Рин-Веспап», а имперский «Хонкедикта», модель седьмая или восьмая. Редкая машина, известная только специалистам. На нашем Центральном фронте «Хонкедикты» почти не появлялись — их посылали в скопление Трамплин. Не удивительно, что дед не узнал танка, а принял за «Веспап» из-за огромных размеров.

Разочарование граничило с отчаянием. Нестерпимо захотелось пристрелить еще нескольких панцирников или броситься в рукопашную с драконом. Переворота в исторической науке не произошло, но благоразумие подсказало, что в данном случае отрицательный результат намного лучше положительного. Тарогские танки не воевали против людей — значит, Кордо не совершил коварного предательства.

Профессиональная добросовестность требовала поднять находку на поверхность. Андрей достал из мешка два плоских диска, прилепил их магнитными присосками к днищу. Потом подумал и прикрепил еще два к башне, чтобы не вывалилась из корпуса при подъеме. Нажатие кнопки включило антигравы, и танк медленно потянулся к поверхности, сбрасывая пласты ила. Вода стала мутной, и только в сонарный прицел гарпунного ружья удалось увидеть громадину всплывавшего корпуса.

На радостях Чаклыбин осведомился, не заметил ли кто из подводных историков зарослей желтокочанной водоросли. Он даже передал изображение, и Жюльена подтвердила, что видела такое растение совсем близко. Делать было нечего, они сплавали к груде камней возле обрыва в эту впадину и набили пустой мешок Андрея плотными кочанами с кулак размером.

Всеволод сообщил, что скоро начнется прилив, а хищники почти доели плавающую по

бухте мелочь и скоро вернутся. Пора было подниматься, но тут, как назло, из впадины выглянул средней упитанности спрут. Андрей навел на зверя ружье, и сонар просветил ультразвуком котлован до самого дна. Теперь этот артефакт был совершенно не нужен, аспирант смирился с его отсутствием, однако танк лежал в самой глубине. До сих пор «четверку» не удавалось разглядеть, потому что сверху, как крышка, свалился дурацкий «Хонкедикта».

По старой привычке решать проблемы в оптимальном порядке Андрей проткнул спрута гарпуном. Затем он поменялся с Жюльеной мешками, отдав ей свой, набитый кочанами. Кивнув, дипломница сбросила грузила и начала подъем, а Машукевич вновь погрузился во впадину и, отмахиваясь от спрутов ножом и ружьем, установил антигравы.

На поверхности он подплыл к моторному паруснику, схватился за вбитую в борт скобу, с удовольствием стянул аквамаску и сделал глубокий вдох. Над бортом появились головы Чаклыбина и матросов.

— Девчонка поднялась? — спросил Андрей, карабкаясь вверх по скобам.

— Уже переделась. Говорит, аспиранту вздумалось еще капусты собрать.

— Именно так.

Перевалившись через борт, Андрей протянул Всеволоду мешок с водорослями, скинул ласты, расстегнул шов гидрокостюма. Было жарко — день в самом разгаре, пусть даже Альганг успел миновать почти полпути от зенита до горизонта.

За кормой висел громоздкий «Хонкедикта». Антигравы удерживали сто с лишним тонн примерно в метре от поверхности моря.

— Отбуксируем на берег, а там уже переставим на палубу, — сказал Чаклыбин. — Очень уж здоровый, повозиться придется. Ну ты не переживай, подумаешь — нашел не то, что искал...

— Ты лучше подумай, как ты будешь два таких здоровых размещать, — захохотал Андрей.

Вода в сотне метров от корабля забурлила, расступаясь под натиском всплывающей массы. Антигравы с натугой выталкивали машину, полвека пролежавшую на дне. «Бревно», которому нечего было делать на этой планете, но которое здесь каким-то образом оказалось.

«Рин-Веспап» — самый мощный танк прошлого века. Возвращенная легенда 9-й Галактической войны.

В процессе аврала на видеофон прилетела текстовуха: «Корабль в системе. Где ты?» Подивившись, как быстро Виктория обернулась, Андрей впопыхах послал на тот же адрес название бухты. Они как раз вытаскивали на берег ужасно неуклюжего «Хонкедикта», которого требовалось еще перевернуть в обычное — днищем вниз и башней вверх — положение. Времени на нежности не оставалось, поэтому Андрей лишь мельком глянул на ответ с борта — там что-то говорилось о посадке на космодроме через два часа.

Он даже не следил, как долго продолжалась суматоха: все силы и внимание поглотила суматошная битва за вытягивание громадных танков. Каким-то чудом они поставили на пляж две облепленные грязью глыбы спрессованной смерти и поливали гидрантами, смывая наслоения ила. Под струями воды открывались строгие изящные формы, некогда наводившие ужас на противников. Сейчас обе машины были мертвы, и жидкая грязь толчками, как последние капли крови, выливалась через пробоины и неплотно задраенные люки.

Потом они поплескались в море и вернулись на корабль, где матросы закончили кашеварить. Все сидели за общим столом, энергично поглощая рыбное рагу с водорослями. Это было невероятно вкусно, хотя после такого напряженного дня даже сухарики с горчицей показались бы запредельными деликатесами.

Чрезмерно стройная Жюльена сошла с дистанции первой, а чархиане продолжали работать ложками, когда сдались Андрей и Всеволод. Люди в блаженной истоме устроились на холодке в тени, допивая белое полусухое.

— Мы, конечно, молодцы, — задумчиво произнесла дипломница, любившая поспорить и убедить собеседников в собственной правоте. — Но так ли уж нужны кому-то реликты полувековой давности?

— Они будут стоять в музеях и мелькать на экранах, напоминая людям и остальным о давних событиях. — Андрей надеялся, что обтекаемые фразы помогут избежать ожесточенной перепалки. — В этом задача историка — выяснить, что же происходило в прошлом, и поведать об этом Вселенной.

— Мы все-таки нашли то, чего не может быть, — добавил Чаклыбин. — Теперь будем думать, как объяснить этот феномен. Очень интересная интеллектуальная задача.

— Кому нужны ваши догадки! — Жюльена с досадой поставила на стол обиженно звякнувший бокал. — Мелкий эпизод бездарно проигранной войны!

Чаклыбин удивленно возразил:

— Девятая Галактическая — самая успешная из войн, которые вело человечество.

— По сравнению с победами в Седьмой и даже Восьмой наша армия выглядела крайне беспомощно, — презрительно бросила дипломница. — Мы всего лишь напугали несколько диких племен и весьма бледно показали себя при столкновениях с серьезными противниками. Мы не стали на сторону цивилизованных держав в борьбе против кровавого диктатора. Наоборот, мы ударили в спину его врагам, обезопасив тыл агрессора. И даже в битве за Облако Артемиды наша великая победа не так уж очевидна.

— Слишком много пафоса, — усмехнулся писатель. — Зато мы не проиграли ни одного сражения, понесли минимальные потери, а в итоге нам достались три скопления, не говоря о двух облаках с колоссальными ресурсами.

— Это цинично! Неужели наши солдаты погибали ради такого ничтожного результата? Десять миллиардов разумных существ были убиты, десятки планет сгорели, сколько звезд взорвано!

Она была неправа, но не хотела признавать поражения исключительно из упрямства. Андрей напомнил:

— Все войны ведутся ради материальной выгоды. Лишь в редких случаях — чтобы спасти собственное племя.

Надменно глянув на него, девушка заявила с высокомерными нотками в голосе:

— А вот наука ломов считает главным результатом той войны установление долгого мира и начало галактизации.

— Если бы Енисейский не наложил лапу на ресурсы тех облаков, галактизация бы нас прикончила... — Чаклыбин разлил вино и продолжил: — А главный итог войны заключается в поражении Кьелтарогга. Вот если бы Кордо победил...

Писатель замолчал со вздохом. Победоносно усмехаясь, Жюльена сказала пренебрежительно:

— Бросьте, он не мог победить. Кордо Ваглайч — простой понятный образ. Маньяк-психопат, возжелавший власти над Галактикой. Комический персонаж. Ввел в армии архаичный язык...

— Вы неправы. — Чаклыбин опять вздохнул. — В особые моменты история выводит на передний план чудовищных спасителей — таких, как Рамзес Джангархан, Виктория Базальт, Порфирий Енисейский. Таким же избранником истории был Кордо Ваглайч. Вокруг него создана целая гора сплетен, домыслов, анекдотов и просто лжи. Настоящий Кордо ничуть не похож на того недалекого психопата, которого мы видим в кино и про которого читаем в книгах. Кордо — не Юлий Цезарь, не Атилла, не Наполеон, не Боливар, не Гитлер, не Чарманов и уж подавно не Джангархан. Совсем другое существо, очень несчастливое в личной жизни. Исключительно яркая личность, многогранный талант — гениальный политик, обладавший энциклопедическими знаниями и потрясающей интуицией, великолепный оратор, интересный писатель-беллетрист, блестящий знаток истории. Пропаганда победителей создала отвратительный образ монстра-параноика, но мне кажется, что Кордо был всего лишь горячим патриотом своей расы, хорошим политическим

менеджером и талантливым военачальником. Его сумел понять только Порфирий — поэтому с такой непреклонной настойчивостью рвался в Мрагвенду.

Что-то новенькое! Такой тракторки Машукевич прежде не слышал. Он приготовился услышать сенсацию, но дипломница спешила высказать собственное мнение.

— Вы просто идеализируете персонажей своих книг. — Жюльена тихо засмеялась. — Ого, у нас гости.

На пляж стремительно спикировали две воздушные машины. Из первой ловко высыпали здоровенные тароги и шерлоны, одетые в до боли знакомые мундиры.

Рассыпавшись цепью, на корабль уверенным маршем двигалась добрая дюжина астрогренадеров. Судя по эмблеме на предплечье — из 2-й гренадерской дивизии «Демоны славы». Отборное соединение, которое Кордо Ваглайч посылал на самые трудные задания.

Опережая цепь на положенные четыре шага, шагал тарог, носивший погоны кенобзана, что примерно соответствовало капитану земной астропехоты. Лицо офицера показалось Андрею знакомым. Поскольку он умел отличать лишь одного тарога, сомнений не оставалось — это был Вокто Ксодраан.

Тем временем отворились люки второго аэрокара. Выходившие из этой машины пассажиры принадлежали к человеческой расе. Тоже знакомые личности.

Глава 16

Музейный экспонат

Веселые гуманоиды в астрогренадерских мундирах бродили по лагерю, фотографировались на танках. Котел морских деликатесов, наготовленных матросами, смолоти молниеносно. Чархиане глядели на гостей с ужасом — насмотрелись дешевых видеофильмов о безжалостных убийцах из воинства Кордо Ваглайча.

Отряд состоял поровну из приматов обеих рас Федерации Кьелтарогга. Внешне шерлоны мало отличались от тарогов, только голова более звериная, похожая на медвежью. Несколько гостей — видать, из мастеровых на все руки — немедленно занялись осмотром подбитого супертанка и объявили, что машину можно подлатать.

Немолодой шерлон по имени Хлау Тенточ долго и цветисто благодарил друзей-землян за чудесную находку. Шерлон оказался вице-директором Центрального музея военной истории на планете Шерлонда и называл «Рин-Веспап» самым ценным экспонатом своего учреждения.

Стоявший неподалеку Жозеф Паккарди слушал восторги Хлау с ехидной ухмылкой. Юристы еще на прошлой неделе подготовили все необходимые документы. Владельцами находок являлись корпорация «25-й век — Спрут», а также физические лица Андрей Машукевич и Всеволод Чаклыбин. Два танка передавались в долгосрочную аренду шерлондскому музею, но видеокорпорации гарантировалось исключительное право использования машин для съемок любых фильмов, в которых не очерняется и не фальсифицируется история Федерации Кьелтарогга.

Оценив монументальность громадных танков, маэстро намекнул своему консультанту: дескать, пора подумать о сюжете, где можно было бы использовать оба музейных экспонатов. Машукевич и Чаклыбин заверили режиссера, что идея супертриллера уже почти вызрела. Хлау вмешался в разговор, напомнив, что вскоре исполняется ровно полвека — по календарю Шерлонды — одного из самых кровопролитных сражений прошлой войны, и предложил немедленно лететь на его планету, чтобы отснять несколько красочных эпизодов. Всеволод и Андрей, прекрасно понявшие, о чем идет речь, немедленно выплеснули поток предложений, Паккарди затосковал, а Жюльена, Хлау и Вокто ужаснулись.

Виктория поочередно посматривала на людей и гуманоидов. Кажется, рыжая пыталась понять — всерьез они разговаривают или глупо прикалываются.

Первыми к Чарху подошел корабль с Кьеля, на котором прилетели Вокто, Хлау и отряд

военно-исторического клуба, действующий при музее на Шерлонде. Члены клуба занимались поиском и ремонтом старого оружия, а заодно участвовали в костюмированных ролевых шоу, изображая подразделение астрогренадерской дивизии. После таможенного и пограничного контроля иностранцы принялись искать экспедицию Эвридикского университета.

Дозвониться Андрею не удалось, потому что он в эти минуты как раз нырял за танком и оставил видеофон в каюте. По старой традиции астрогренадеры устроили военный совет в портовом ресторане. Спустя час совершила посадку «Тиара» — маэстро Жозеф арендовал шхуну и прилетел с небольшой съемочной группой. Виктория узнала Вокто, обе команды подружились — за эти два часа три человека и пять чархиан успели вытащить на берег танки и немного подкрепиться. На пляж веселые гости прибыли, когда закончился аврал и всплыли новые проблемы.

Надо было похоронить либо передать соответствующим странам останки танковых экипажей, предварительно организовав опознание погибших танкистов. Надо было доставить на космодром громадные машины, опять пройти таможенную и погрузить их на звездолеты. Надо было вернуть на верфь недостроенный парусник, причем люди не слишком доверяли матросам, которые вполне могли повторить попытку мятежа. Чаклыбин перед отлетом на Шерлонду должен был сдать свое хозяйство другому прогрессору. Было еще много разных технических и организационных моментов, до решения которых они не могли покинуть планету.

Без опыта и связей Жозефа Паккарди они провозились бы еще полгода, но режиссер сделал несколько звонков, и на пляж слетелась половина чиновников континента. Представители земного гарнизона занялись убитыми солдатами и выдали документ о том, что устаревшая военная техника находится в небоевом состоянии, а потому может быть вывезена за пределы Союза Солнечных Миров. Вскоре прибыли сотрудники консульств Мрагвенда и 12-й Империи, таможенники дали разрешение на вывоз. Кто-то из космодромных приятелей Виктории подсказал пункт законодательства, согласно которому звездолетам разрешалось подбирать негабаритные грузы за пределами космодрома. А вот совершать посадку за пределами космодрома разрешалось только кораблям, приписанным к планетам Солнечной Державы, причем экипаж таких кораблей должен был состоять из граждан ССМ.

Виктория улетела на космодром и через пару часов вернулась на «Тиаре». Тем временем Всеволод передал дела двум офицерам прогрессорской службы, а матросы наловили и выпотрошили не меньше тонны морских обитателей. Рыбoproductы распределили по холодильникам шхуны, а с аборигенами Виктория расплатилась отличными наборами инструментов для работы по дереву и металлу. Саша, Валера и прочие мятежники благодарили рыжую со слезами на глазах.

Уже в глубоких сумерках удалось покончить со всеми хлопотами. Тароги и шерлоны вернулись на космодром, прогрессоры увели в море корабль, а Виктория оторвала «Тиару» от пляжа. В небе над северным полюсом к ним присоединился корабль, арендованный музеем Шерлонды, и два звездолета взяли курс к мирам Кьелтарогга.

Во время финиша на мостике «Тиары» опять вспыхнули споры о 9-й Галактической, о войнах вообще и о проблемах высшей нравственности. Жюльена, в последние дни проигравшая все диспуты сплоченной команде Чаклыбина — Машукевича, слетела с роликов и потянулась в самые высокие материи.

— Войны случаются из-за глупости, — заявила дипломница. — Участники конфликтов не могут договориться, как цивилизованные разумные существа. Им легче нажать на гашетку, чем найти мирное решение.

— Чего эта крыса такая умная? — обиженно пробормотала Виктория, плавно снижая потенциал антигравитации.

«Тиара» вписалась в дугу финиша, нацеленную на раскинутый по всему полуострову

космодром. Андрей, фыркнув, подправил параметры торможения и собрался возразить, однако Всеволод опередил его:

— Вы снова неправы, — раздраженно сказал писатель. — Часто нет другого выхода. Враг атакует, и мы обязаны дать вооруженный отпор. Как это вышло совсем недавно в Конусе. Невозможно договориться, когда в тебя стреляют.

— Договориться можно всегда! — отрезала Жюльена. — Была бы только добрая воля.

Чаклыбин вежливо согласился: дескать, при наличии доброй воли договориться можно. И добавил:

— Но только если добрую волю проявляют обе стороны.

— Не надо софистики, — разозлилась дипломница. — Главное — всегда оставаться самим собой!

На рыжую было жалко смотреть — бедняжка тяжело переживала интеллектуальное превосходство соперницы, которая умеет к месту выговаривать такие заковыристые слова. Андрей, напротив, окончательно разочаровался в помощнице. Со студенческих лет ему не нравились ограниченные девки, произносившие глубокомысленную чушь.

— Как это «оставаться самим собой»? — насмешливо переспросил он. — Мы не оборотни, чтобы меняться. Мы всегда остаемся сами собой.

Послав их подальше, Жюльена вылетела из рубки, а Виктория наградила любимого восхищенным взглядом.

В следующие несколько минут они в шесть рук — при помощи Чаклыбина — выполняли гадкие маневры в лабиринте искусственных сооружений, окружавших планету Шерлонда. Обливаясь потом, навигаторы «Тиары» все-таки ввели шхуну в коридор, уводивший к 3-му общественному космопорту возле города Турсвегда.

Когда судно легло всем подбрюшьем в гнездо посадочной платформы, они долго восполняли потерю жидкости витаминизированными соками, равнодушно наблюдая, как музейные астрогренадеры помогают разгрузить археологические находки. Громадные мультиблочные роботы осторожно извлекали танки из трюма. Видеосистема доносила крики аборигенов, управлявших процессом.

— Справедливости ради надо признать, что твоя ассистентка в чем-то права, — великодушно признал Чаклыбин, допивая вторую бутылку. — Язык у них грубый и некрасивый. А уж возвращение к архаичному доисторическому диалекту ничем объяснить невозможно.

— Каждая раса выбирает свой путь и свою судьбу, — философски резюмировал Андрей. — Результат их выбора известен: они проиграли войну, а мы выиграли.

Отключив оборудование, они разошлись по каютам — собираться перед выходом на планету.

Гостиница стояла на живописном холме над речным изгибом. Вечером земляне пригласили хозяев на пикник в рощу лиственных деревьев со стройными смолистыми стволами. Жюльена приглашение проигнорировала, отправившись в ресторан с маэстро Паккарди и его командой.

Разместившись в тенечке на пахучей травке, Андрей, Виктория и Чаклыбин организовали шашлык из местного мяса. Хлау и Вокто с дамами подозрительно обоняли запахи инопланетной кулинарии, на всякий случай приготовив более привычные деликатесы.

— Мне всегда нравилось, как организована служба в портах Кьелтарогга, — призналась рыжая. — Быстро, четко, по правилам.

— А бизнес? — осведомился писатель, покручивая насаженное на керамические стержни мясо.

— Как везде, — печально вздохнула Виктория. — Торгуются, цену сбивают, обувь норовят.

Она немного кривила душой: прихваченные с Чарха дары моря были проданы весьма выгодно, и хозяйка «Золотой тиары» получила заказ от большой ресторанно-гостиничной

компании. Чаклыбин обещал посодействовать, оговорив свой процент прибыли. За эту неделю Виктория заработала как за весь позапрошлый месяц, но почему-то заскучала. «Переживает, что мы на этой планете три дня в гостях будем бездельничать, — решил Андрей. — Небось ей не терпится сделать еще несколько рейсов по новым маршрутам. Такими темпами она будет каждый квартал свой банковский счет удваивать...»

Разлив по стаканам золотистое вино, Хлау Тенточ печально проговорил:

— Отлаженный сервис часто связывают с высокой дисциплинированностью нашего народа. Это не совсем так. Тароги в самом деле с детства приучены к порядку, обязательность у них чуть ли не генетически запрограммирована. Но мы, шерлоны, всегда были довольно безалаберной расой.

— Коллега хочет сказать, что высокоорганизованный сервис — результат колониальной дрессировки, — пояснил Вокто. — У нас на Кьеле тоже происходит подобное, но Шерлонда превращена в центр обслуживания иностранцев. Повсюду представительства чужих корпораций, чудовищно развит туристский бизнес. Естественно, население превращается в вышколенных стюардов и горничных.

— Обратная сторона поражения в большой войне, — грустно подхватила спутница музейного вице-директора. — В наших предках воспитывали гордость, готовность к подвигу во имя галактического триумфа. Мы стали другими: мы боимся вспоминать великое прошлое. Нас приучили к мысли, что многим поколениям остается лишь каяться за преступления предков.

— Значит, нет сомнений, что Кордо создал и применил гиперонные заряды? — сочувственно спросил Чаклыбин.

— Кто-то ведь их применил. — Вокто равнодушно пожал плечами. — Ломы уверяют, что у них такого оружия не было. По этой причине победители объявили, что гипербомбы применил аморальный монстр Кордо. С победителями не спорят. Факты против нас.

При таком раскладе участь местных коллег выглядела безрадостно. Кьелтарогским историкам остается лишь находить новые доказательства совершенных предками преступлений, а любой, кто решится отступить от предписанного сценария, немедленно будет обвинен в реваншизме и пропаганде тоталитаризма.

— Вам проще, — негромко, словно боялся подслушки, сказал Хлау. — Вы можете свободно интерпретировать историю, спорить и возражать официальным теориям. Мне стало страшно, когда вы — Всеволод и Андрей — рассказывали сюжет, который начнете снимать завтра. У нас такой фильм, в котором Кордо Ваглайч не будет визжащим неврастеником, вполне могут запретить.

— Кордо появится в единственном коротком эпизоде, — возразил Вокто. — Для наших зрителей фильм предстанет демонстрацией чудовищной военной машины, сокрушающей миролюбивых противников.

Рассвирепевший Чаклыбин невнятно пробормотал не вполне цензурную фразу о народе, который согласился считать себя ущербным. С некоторыми оговорками Андрей разделял мнение писателя: тароги были ему симпатичны и не заслуживали подобных издевательств.

Готовый разразиться диспут историков спонтанно потерял актуальность, потому как земляне закончили жарить шашлычок. Подрумянившиеся, источающие дымный аромат куски мяса и рыбы пришлось по вкусу даже сомневающимся хозяевам. Приготовленные последними салатики и пирожки тоже оказались не лишними. Даже гурман Чаклыбин был в восторге от шерлонского хлеба.

После пиршества компания купалась в реке, и Хлау спохватился: мол, надо было пригласить землянку для Чаклыбина, благо туристов много и наверняка нашлась бы хорошенькая. На это Чаклыбин, подтвердив славу похабника, ответил: дескать, не отказался бы и от шерлонки. Пока местные стыдливо хихикали, представляя межпланетное непотребство, Андрей поинтересовался у Виктории:

— Ты чего не в духе?

— Тревожно, — буркнула рыжая. — Папаша нашел какой-то крутой контракт — выгодный, но рискованный. Второй день на связь не выходит.

— Далеко забрался, вот передатчик и заглох, — предположил Андрей. — У него бортовое оборудование, сама знаешь, полное барахло.

— Будем надеяться, — вздохнула Виктория. — Только, боюсь, нарвется на неприятность, и хрен я наследство получу. Старшая сестренка, стерва такая, все заграбастает. Чего ржешь?

— Я уж подумал, ты всерьез за него беспокоишься.

— Куда уж серьезнее, — грустно изрекла она. — Старый хрен много добра накопил, обидно будет потерять.

Набултыхавшись, они допили земной коньяк и шерлонское вино. Вечернее солнце приятно грело, покрывая кожу пигментом загара. Людей и аборигенов разморило, потянуло на откровенные беседы. Блаженно морщась, Всеволод поделился сокровенным:

— Ох, напишу я когда-нибудь этот роман — прямо вижу финальную сцену, когда Кордо ринется в свой последний бой, возглавив соединение «Лейбштандарт» на тяжелом крейсере «Звездное пламя»...

Никакого крейсера «Звездное пламя» никогда не существовало, и Андрей деликатно подкорректировал приятеля:

— Да, рин-илдрос типа «Звездное пламя» — настоящее чудо. Удивительно, что в ту эпоху, на базе тех примитивных технологий, удалось построить корабли-трансформеры. Огневые башни и другие ненужные в походном режиме внешние надстройки складывались, убирались внутрь корпуса, усиливая конструктивную защиту во время сверхсветовых бросков. По слухам, трансформер даже умел перехватывать управление соседними кораблями, в том числе вражескими.

— В ту эпоху не было ничего невозможного, — почтительно произнес Чаклыбин и вдруг понял, что ему намекают на ошибку. — погоди, ты хочешь сказать, что «Звездное пламя» — название не флагманского корабля, но типа крейсеров?

Аборигены не проявили желания прояснить тонкий момент. Может быть, захотели проверить компетентность землянина. Или сработал прочно усвоенный запрет обсуждать успехи своего народа в эпоху правления кровавого тирана. В любом случае пришлось отвечать Андрею.

Начал он издавека, напомнив, что любая классификация — технических, общественных, либо природных объектов — базируется на традициях конкретной культуры. Человечество распространило на военно-космические корабли классификацию, наработанную за многовековую историю морских флотов. При этом самые большие корабли в разных океанских державах именовались принципиально по-разному. Так, понятие «линкор» происходит от русского и немецкого термина «линейный корабль», однако ангlosаксы и итальянцы называли тот же класс судов термином, который переводится на современный общеземной как «корабль для сражения», а испанцы и французы — словом «одетый в доспехи». Сложную историю имеют и прочие названия.

Естественно, что имена космических кораблей других рас происходят от совершенно иных понятий, поэтому земные аналогии не совсем точны. Корабельный класс, который земляне называют «крейсером», в Кьелтарогга называли шерлонским словом «зобиар», что означает «кочевой разбойник». Оригинальное имя корабельного класса «илдрос», означающее по-шерлонски «небесный охотник», люди привычно переводят, как «тяжелый крейсер», а «рин-илдрос» — как «большой крейсер», хотя истинный смысл понятия — «непобедимый небесный охотник» уходит глубоко в древнюю мифологию. Соответственно люди называют «хор-типинош» (гладиатор с трезубцем) линейным крейсером, «акрон» (первобытный варвар с большой дубиной) — линкором, а «бариках» (рыцарь в тяжелой броне) — суперлинкором.

— В действительности принятая у нас система перевода сильно запутывает ситуацию, — продолжал Андрей. — Рин-илдросы предназначались вовсе не для крейсерских набегов, а

сопровождали в сражениях акроны и барикахи, защищая гигантов от нападения легких сил противника, тогда как хор-типинош выполняли функции, вовсе не свойственные земному предназначению линейного крейсера. «Звездное пламя» — это название первой и последней серии рин-илдросов, а флагманский корабль Кордо Ваглайча носил имя «Авеескелло», что по-шерлонски означает «Верховный вождь».

— По-тарогски, — уточнил Хлау. — И правильнее перевести, как «Владычица неба» или «Богиня небес» — это был титул главы божественного пантеона континента, где зародилась главная культура тарогов.

«Ну конечно, — пристыженно сообразил Андрей. — Шерлонский верховный вождь — это же кабтейлунк!» Рассеянно поглаживая волосы на затылке своей подруги, Вокто мягко уточнил:

— Андрей, ты долго и внимательно изучал историю нашего народа... Но в битве у Буршенты расклад был несколько иным. Ваглайч командовал отрядом рин-илдросов, но ни один корабль этого класса не носил имени «Авеескелло». Флагманом был более тяжелый корабль — вероятно, хор-типинош или акрон.

— Разумно, — провозгласил Чаклыбин. — Кордо командовал сражением с борта самого мощного и защищенного корабля.

— Дорогие друзья, ничего не понимаю. — Голова слегка кружилась от выпитого, поэтому Андрей малость подзабыл о вежливости. — Вокто, вашим историкам не известно, на корабле какого типа погиб кабтейлунк?

— Потихе, — перепугался вице-директор музея. — Здесь не принято произносить это слово вслух. Но ты прав, мы в самом деле не знаем многих подробностей. База, с которой вышла в открытый космос эскадра... бывшего правителя, была разгромлена ломандарским флотом в последние дни войны. Сохранилось не так уж много сведений о тех событиях. Коллега Ксодраан долго собирал по крупицам информацию, но мы по-прежнему многого не знаем.

— Как принято считать, Ваглайч понимал, что война проиграна и что, пока он жив, Кьелтарогга не получит справедливого мира... — начал было Андрей.

Решительно замотав головой, Вокто перебил друга-землянина:

— Кордо вовсе не рвался героически погибнуть в битве, он собирался продолжать войну. И никакого соединения «Лейбштандарт» никогда не существовало — это название придумали земные историки на базе каких-то своих предрассудков и неверных аналогий. Кабтейлунк вышел в космос на следующий день после известия об уничтожении ломским флотом его родной планеты Лорсавойль. Целью похода считаются испытания новых рин-илдрос. В отряде было четыре рин-илдрос, три зобиар и тяжелый корабль, на котором находился Кордо. Когда разведка сообщила, что ломы послали десантный караван для удара по Шерлонде, главные силы не успевали на перехват, поэтому Кордо повел свой отряд, надеясь задержать противника до подхода Чорри Адораша. Ломский караван был обнаружен в системе тройной звезды Нудбешкар — почти двести транспортных барж и 20–30 легких конвойных кораблей ждали, пока линкор и десять крейсеров заправятся с танкеров. Внезапной атакой Кордо уничтожил не готовые к бою линкор и крейсера, после чего приступил к избиению десанта. Легкие силы конвоя ничего не могли противопоставить колоссальной огневой мощи рин-илдросов. Всего возле той звезды было уничтожено до сотни транспортов, которые перевозили не менее миллиона солдат-ломов с бронетехникой, артиллерией, авиацией. Тем самым удалось сорвать высадку огромной армии на планеты Шерлонда. Уцелевшие транспорты противника бежали к соседней звезде Буршент, и кабтейлунк погнался за ними, видимо намереваясь уничтожить всех до единого. Однако, не позволив нашим воинам завершить истребление врага, в систему Буршента ворвался Лухат-Моттан — шесть линкоров, четыре тяжелых и до двух десятков легких крейсеров.

— Откуда вам известны такие подробности? — запинаясь, осведомился потрясенный землянин.

— В начале боя ломский командующий послал за помощью корвет. Когда появились

тяжелые корабли противника, Кордо сделал то же самое, отправив на Шерлонду один зобиар. Воспоминания экипажей покинувших пространство битвы легких кораблей рисуют довольно подробную картину первой части сражения. О том, что случилось позже, на втором этапе, можно лишь строить догадки. Вероятно, понимая неизбежность гибели, Кордо решился применить гиперонные боеголовки. Вероятно, пораженные смертельным излучением ломы все-таки сумели уничтожить наши рин-илдрос и акрон. Спустя примерно сутки начался третий этап — к Буршенту подоспели почти одновременно ударное соединение Адораша и еще один Лухат-Моттан. Они обнаружили обломки множества ломских и тарогских кораблей, излучающих вторичные дельта-частицы. Некоторые корабли не имели повреждений, но их экипажи погибли от гиперонного излучения. Адораш нанес ломам тяжелые удары, но все-таки отступил, сохранив свои корабли.

— Ценой собственной гибели Кордо сорвал наступление противника, предотвратил геноцид родственной расы, — подытожил Хлау. — Его смерть позволила новому правительству заключить мир на сравнительно пристойных условиях — всего лишь отказавшись от большинства завоеванных миров.

Профессионализм не пропьешь. Тем более что выпито было не так уж много. Разгоряченный Андрей потребовал дать ему ссылки на эти источники. Вокто честно сознался, что не смог опубликовать результаты многолетних исследований, а большая часть сведений получена от стариков, служивших на флоте прежнего Кьелтарогга. Они договорились, что Ксодраан передаст землянину собранные материалы, Андрей добавит собственные главы, после чего книга будет опубликована на общеземном языке под двумя именами. Поскольку один из авторов — гражданин ССМ, у кьельских властей не возникнет претензий к Вокто (пусть докажут, что крамольные главы написаны тарогом!), и в дальнейшем книга может быть издана в пределах Кьелтарогга.

В невыносимую рань непроспавшаяся команда с проклятиями собралась перед отелем и погрузилась в аэробус. Полет до павильонного центра получился длинный, поэтому некоторые пассажиры успели опохмелиться, тогда как остальные немного проспались.

Павильоны для съемок видеофильмов людям понравились, хотя даже на студии в Кракенбурге подобное заведение было побогаче и как бы не побольше. Тем не менее производители видеофильмов построили возле континентальной столицы на Шерлонде вполне пристойный комплекс, где с помощью декораций, голограмм и прочих подсобных средств можно было изобразить практически любой пейзаж: непроходимые джунгли, город-крепость эпохи варварства, пасторальное поселение времен промышленной революции, мегаполис постиндустриальной эры. Заглянув по пути в разные павильоны, Виктория и Андрей увидели интерьеры вполне современной квартирki, что-то вроде крестьянской хижины, старинное (примерно на уровне XXII века) предприятие с примитивными роботами-станками, рубку океанского парохода, салон пассажирского астролайнера, шатры античных кочевников.

Между бутафорскими строениями разного назначения примостился трактир — что-то вроде салуна с Дикого Запада. Чаклыбин и Паккарди заглянули в заведение, и оказалось, что трактир — вовсе не бутафория. К пиву здесь подавали мелко нарубленную копченую рыбу, а к вину — выпечку с сыром. Поскольку со съемками возникли непонятные сложности, земная делегация торопливо продегустировала несколько сортов тарогских, шерлонских, импиковских и даже земных напитков.

— Твой друг — еще тот самец, — неодобрительно высказалась Виктория. — Опять с новой девкой.

— Та же самая, — возразил Андрей, кивая на Чаклыбина.

Писатель прихватил с собой туристку-землянку, которую снял вчера в отеле. Отмахнувшись, Виктория объяснила:

— Я про Ксодраана.

Недоуменно покосившись на спутницу Вокто, Андрей недоверчиво спросил:

— Как ты различаешь негуманоидов?

— Само собой получается, — пренебрежительно сообщила рыжая. — Помоталась год по чужим портам, вот и научилась. Они разные, ты просто не видишь.

Обрадованный наплыву любителей экзотики владелец трактира вынес поднос горячих пирожков и начал собирать заказы на плотный завтрак в традиционном стиле покорителей континента. Испортив ему бизнес, появился Хлау, объявивший:

— Артист, который должен играть отвратительного диктатора, занят в другом проекте и подтянется чуть позже. Пока будем снимать сцену танкового сражения.

Пообещав трактирщику вернуться чуть позже, шумная компания разобрала пакеты с пирожками и отправилась на танкодром.

Под батальные сцены здесь отвели обширное поле, оборудованное механизмами управления рельефом. На глазах гостей долина с рекой, водопадом, феодальным замком и горами на горизонте стремительно разгладилась, лес отодвинулся на периферию. Пока персонал убирал реку на средний план, выключилась голограмма замка, справа появилось горное ущелье. Андрей забыл название планеты, на которой разразилось это сражение, но Вокто заверил: дескать, в тот раз танкогренадеры превратили в обломки немало килотонн вражеской техники, вдребезги разгромив многократно превосходящие силы 12-й Империи. Победа получилась почти пирровой: именно после того побоища Ломандар вмешался в войну, чтобы не допустить победы Федерации Кьелтарогга.

Антиграв-платформы привезли технику — «Рин-Веспап» и легкий танк-разведчик с эмблемами «Демонов славы». В нескольких километрах, где недавно возвышался замок, появились вражеские танки: громоздкий «Хонкедикта» и два средних. Кое-где грунт пересекали окопы, траншеи, ходы сообщения, накрытые маскировочными сетями. Ближе к ущелью Андрей разглядел позицию полевой артиллерии — там были неряшливо замаскированы пушки-роботы. Энтузиасты из военно-исторического клуба, одетые в бронекомбинезоны 2-й дивизии, побежали к машинам.

— Андрюха, вы вчера много умных слов произнесли, — проурчал Чаклыбин. — Напомни, что такое лутон-махан.

— Наверное, Лухат-Моттан, — после недолгой растерянности сообразил Андрей. — Дословно — автономные силы непосредственной угрозы. Ломы так называют ударный флот.

— Ясно, — сказал писатель, навел бинокль на танковое поле и возмущенно взвыл: — Опять задержка?!

Возле пульта управления видеоустройствами собралось все руководство, включая режиссеров, продюсеров и вице-президента видеокомпании, предоставившей павильон. Там же собрались кучкой два лома, пингвин-импик, несколько шерлонов в полицейской униформе. Глядя, как яростно машет конечностями маэстро Жозеф, Андрей легкомысленно предположил, что полиция решила проверить, надежно ли заблокировано оружие на танках. На всех человеческих планетах подобные проверки проводились регулярно — никому не хотелось, чтобы древнее железо выстрелило по-настоящему.

Подбежавшие к спорившему начальству Вокто и Хлау немного послушали возбужденный разговор, после чего медленно вернулись к зрителям.

— Съемки отменяются, — уныло поведал историк-тарог. — Оккупанты решили показать, кто здесь главный.

Не понявшим идиом людям Хлау объяснил, что ломы, импы и ресы ведут себя как настоящая оккупационная администрация, существовавшая после 8-й Галактической войны. Не скрывая возмущения, вице-директор продолжил:

— Они нашли в акте о капитуляции пункт, гласящий, что тарогам и шерлонам запрещается управлять боевой техникой определенных типов. Танки «Рин-Веспап» тоже под запретом. Никто из нас не сможет вести танк даже с помощью дистанционного управления.

— Но это же не боевая машина! — возмутилась сегодняшняя подруга Ксодраана.

— Не имеет значения, — опустил голову, еле слышно пробормотал Вокто. — Они требуют соблюдать букву договора, а наша полиция с готовностью поддержала чужаков.

— А как же остальные машины? — с живым интересом осведомился Чаклыбин, показывая на легкие и средние.

— С ними проблем нет, — с горечью ответил Вокто. — Но главное в этой сцене — большая машина, поэтому оккупанты решили побольнее нас укусить... Андрей, ваша студия наверняка сможет нарисовать нужные кадры.

— Не проблема, — согласился консультант фирмы «25-й век — Спрут». — Но у меня совершенно нестерпимое желание прищемить хвост вашим оккупантам.

— Я с тобой, — обрадованно провозгласил Чаклыбин и позвал аборигенов: — Пошли с нами, посмотрите шоу.

Спустя три минуты растерянные ломы звонили куда-то, требуя новых указаний, а Чаклыбин, Машукевич и Паккарди цинично выясняли у местной полиции, существуют ли законы, запрещающие землянам кататься на музейных танках.

— Хорошенько проверяйте! — покрикивал писатель. — Если пушки этого монстра заработают хотя бы в четверть штатной мощности, виноваты будете вы.

Имп и ломы, злобно поглядывая на веселившегося гуманоида, прозванивали приборами электронные схемы «Рин-Веспапа». Тяжелый танк тихо гудел реактором и дребезжал плохо подогнанными заплатами.

— Откуда взялись эти оккупанты? — поинтересовался Андрей. — Из аппарата военного атташе при консульстве?

— Хуже. — Вокто сделал отмашку с видом полного смирения. — Тут же курортные места, вот корпорации разных стран и построили в долине свои фабрики. Повсюду частные охраняемые территории: собственность трансгалактических владельцев. Вот и прислали хозяева своих охранников — наверняка все в разведках служат или раньше служили.

Попросив несколько минут внимания, Хлау начал объяснять людям состояние танка.

Обшивку «Рин-Веспапа» подлатали на скорую руку. Пробоины в броне залепили заплатами и покрасили, так что внешне машина выглядела целой. Рулевую систему починили как следует, заменив поврежденные узлы современными аналогами. Блестеры ближнего боя были, разумеется, отключены от источников питания и заблокированы, полицейский осмотр это подтвердил. Контуры длинноствольной гравимагнитной пушки восстановлены на четверть стандартной мощности, что позволит выстреливать пластиковые снарядики со скоростью не больше двух звуковых.

Главная процессорная сеть полностью вышла из строя, поэтому инженеры собрали временную схему. «Родной» реактор заменили мощной кварковой батареей, двигатель поставили от тяжелого грузового аэромобиля. Механический движитель и приборы наблюдения работают нормально. С большим трудом удалось активировать автоматику саморемонта, но древние устройства работают медленно. Как понял земной историк, экипаж сможет водить танк по грунту на приличной скорости, поднимать машину в воздух на высоту человеческого роста, лететь не быстрее пассажирского аэробуса и стрелять имитаторами. Для короткого эпизода этого вполне достаточно, дизайнеры студии дорисуют остальное.

— Нарисуем двухчасовое сражение, — заверил Андрей и спросил в переговорное устройство: — Викуся, ты как устроилась?

— Хреново, любимый, — сообщила рыжая из кабинки стрелка-водителя. — Тут кресло на каких-то дистрофиков рассчитано. Мои ляжки не помещаются.

Сразу несколько тарогов и шерлонов бросились к лобовой маске танка, помогли Веронике покинуть тесный отсек, подрегулировали размер сиденья и вернули землянку на место. Повертевшись, она сообщила, что теперь стало чуть комфортнее. Кажется, звезда провинциальных космопортов собиралась добавить сочную непристойность, но в последний момент раздумала.

Подпрыгивавший от нетерпения маэстро потребовал начинать, ассистентка хлопнула табличкой с названием фильма, эпизода и дубля, режиссер скомандовал: «Мотор!»

— Давай, малышка, вперед на малой скорости, — попросил Андрей.

— Покатили! — обрадовалась Виктория, врубая вторую передачу.

Армированные проволокой монокристаллического титана керамические гусеницы понесли танк в сторону вражеских позиций. Преодолев окопы, в которых стреляли холостыми бойцы военно-исторического клуба, машина прибавила скорость, а потом и оторвалась от поверхности. Чаклыбин с Андреем, сидевшие в башне, время от времени разворачивали эту башню вправо-влево и водили стволом пушки вверх-вниз. Платформа с камерами и прожекторами летела рядом с танком, Паккарди свирепым голосом отдавал приказы прибавить или сбавить ход, выполнить резкий разворот, медленно развернуть башню в сторону вражеских танков, промчаться над артиллерийской позицией.

За два часа они сняли несколько дублей, не меньше десятка раз выстрелили главным калибром. Когда вымотанная Виктория отказалась терпеть такие издевательства, за штурвал сел Андрей, которому нестерпимо хотелось, как в армейские годы, поручить мощной машиной. «Рин-Веспап» оказался весьма послушен, и они от души напугали зрителей, выполнив несколько головокружительных приемов танкового боя. Эпизод, когда «Рин-Веспап» и «Хонкедикта» сошлись лоб в лоб, Паккарди назвал жемчужиной будущего фильма.

Потом отведенное земной группе время закончилось, Андрей отвел танк на площадку для крупногабаритного реквизита, и астрогренадеры, поставив винтовки в пирамиду, бросились мыть заляпанную грязью машину. Танкодром уже превращался в сказочный лес, из павильонов подтягивались жуткие существа в кошмарных доспехах. Можно было биться об заклад, что скоро начнут снимать эпическую фэнтэзю про борьбу отважных шерлонских рыцарей против местных аналогов эльфов и гоблинов.

Воспользовавшись получасовой паузой, люди вернулись в тот же кабачок, хорошенько подкрепились и поспешили в другой павильон.

При помощи декораций, макетов и голографического фона работники студии выстроили солидный сектор мегаполиса. За линией жандармского оцепления, усиленного линией военно-полицейских роботов, толпилась массовка. Посреди площади стоял отмытый и подкрашенный «Рин-Веспап». Хлау Тенточ заверил гостей, что городской пейзаж и наряды горожан точно соответствуют изображаемой эпохе. За танком выстроились пехотные подразделения: по отделению гренадер, астродесанта, спецназа и Одо-Одо. Позже мастера трехмерного дизайна дорисуют остальные подразделения, и получится парадное прохождение многочисленных войсковых колонн.

На трибуне губернаторской резиденции стояли шерлоны и тароги в мундирах. В центре, разумеется, поместили актера, загримированного под Кордо Ваглайча. Сбоку висела устаревшая платформа видеохроники — именно таким устройством пользовались журналисты Федерации Кьелтарогга сорок лет назад.

— Артист не похож, — раздраженно заворчал Всеволод. — Ведь у Кордо был очень характерный профиль: дважды повторяется закругление со скосом. Сверху круглый выпуклый лоб, острая впадина глазниц, а ниже — снова круглый нос и впадина челюстей. А что за урода нам предлагают?

Хлау деликатным шепотом объяснил, что послевоенная традиция требует изображать кровавого тирана совершенно конкретным образом, поэтому исполнять данную роль могут лишь актеры комического жанра. Между тем началась работа над первым дублем. По приказу маэстро Жозефа публика на трибуне зашевелилась, адмирал с монументальными бакенбардами сказал что-то, вызвав отрететированный вой верноподданной толпы. Можно не сомневаться, что люди поймут сцену как всенародное благоговение перед кабтейлунком, а кьельцы посочувствуют предкам, обманутым демагогией Ваглайча.

Под рев толпы исполнитель роли кабтейлунка вприпрыжку сбежал с трибуны, развинченной походкой приблизился к танку, с помощью офицеров Одо-Одо попытался влезть на машину, но сорвался и упал. Ничего не поделаешь — согласно местной традиции,

Ваглайч не может вызывать симпатий, то есть обязательно должен выглядеть смешно и глупо, как пьяный дворник. Кое-как забравшись на танк, пискляво произнес заученные фразы: дескать, каждый шерлон обязан принять смерть по воле правителя, поэтому все пойдут на фронт ради победы, предначертанной кабтейлунком. Это был совсем не тот текст, который написали для сценария Чаклыбин и Машукевич, немного смягчившие настоящую речь Кордо.

Второй дубль получился вовсе примитивной клоунадой: актер-комик глупо гримасничал, терял равновесие и громко сморкался. Возмущенные профанацией их творчества сценаристы бросились к Паккарди.

— Сам вижу, что дерьмо прет, как из прорванной канализации, — огрызнулся режиссер. — А что делать?

Подвыпившего злого Чаклыбина потянуло на подвиги. Андрей засомневался, но по комплекции Всеволод в самом деле годился на роль, а детали можно подретушировать. Маэстро закатил короткую истерику, требуя от научного консультанта принять решение.

— Сыграем, — коротко бросил Андрей. — Согласно хронике, кабтейлунка сопровождали два адъютанта.

— Астрогренадер и танкист из Одо-Одо, — подтвердил Вокто Ксодраан.

Новую диспозицию расписали на месте, и через несколько минут они уже стояли под трибуной. Всеволод натянул снятый с актера китель Ваглайча, оба историка — человек и тарог — нацепили голографы, создававшие вокруг них изображение соответствующих мундиров. Камеры, массовка и прочие декорации вроде актеров, игравших генералов и политиков, медленно водворялись на место.

— Строевым шагом пройдете? — осведомился хмурый Чаклыбин, подправляя фуражку, плохо сидевшую на человеческом черепе.

Ассистенты распустили ремешки, подгоняя головной убор под нестандартную анатомию земного гуманоида. Вокто неуверенно произнес:

— Я-то пройду, как надо. Сомневаюсь насчет коллеги — наши движения не похожи на шаги людей.

— Постарайтесь, — потребовал кабтейлунк и убежал на трибуну, перескакивая по две-три лестничные ступеньки.

— Попробую притвориться тарогом, — сказал Андрей. — Вокто, вы разобрались, откуда взялась эта машина в океане Чарха?

— Танк числится за третьей гренадерской дивизией, которая в последние дни войны двинулась против Даласули.

— То есть их разбили ломы.

— Не то чтобы разбили. — Вокто усмехнулся. — В итоге мы поколотили ломов. Сначала шли бои с переменным успехом, они много выбили нас ударами заатмосферных бомбовозов, потом Кордо послал сюда подкрепления и большое соединение флота. Гренадеры и Одо-Одо, сломив сопротивление ломов, гнали врагов от планеты к планете. Еще месяц войны — и мы взяли бы столицу даласов...

Над площадью загремел голос Паккарди:

— Всем заткнуться и хотя бы сделать вид, будто собираетесь работать.

Ассистентка объявила, что начинается съемка третьего дубля.

Хлебнувший дозу сенсомодулятора Чаклыбин энергично сбежал по каменным ступеням лестницы и двинулся в сторону танка, пытаясь имитировать кошачью походку тарога, марширующего под музыку на три такта. Толпа, заинтересовавшись необычным зрелищем, одобрительно зашумела. Адъютанты Ксодраан и Машукевич пристроились к Ваглайчу, держась в положенных шести шагах за спиной Верховного Главнокомандующего.

Ждавшие возле «Рин-Веспапа» офицеры Одо-Одо бросились навстречу, намереваясь помочь кабтейлунку, но ветеран земного десанта майор запаса Чаклыбин отогнал их взмахом руки, взялся за скобу на бортовой броне и легко взобрался на корпус, а затем встал на башню. Вскинув сжатую в кулак руку, вождь отсалютовал зрителям, и несколько участников

массовки нестройно и робко откликнулись выкриком, который не раз слышали в фильмах:

— Боззу, Ваглайч!

Положив левую руку на пушечную маску, Всеволод мощно втянул воздух. Растекавшийся по кровеносным сосудам нейростимулятор уже проник в мозг, лицо писателя возбужденно подергивалось.

Андрей понимал, что наступает решающий момент. Он не сомневался, что писатель долго изучал Ваглайча, пытался понять кабтейлунка, даже восхищался незаурядной личностью вождя всех тарогов и шерлонов. Еще минута — и станет ясно, достаточно ли книжного знания, чтобы воспроизвести характер существа иного биологического вида. В одном Андрей не сомневался: Чаклыбин дословно, без купюр, скажет знаменитую речь.

— Соотечественники, мы живем в страшное время, когда на весах удачи колеблется судьба миллиардов. — Чаклыбин начал вполголоса, но его рычание звучало все громче, набирая свирепость. — Мы долго сражались, восстанавливая справедливость. Мы одержали великие победы, прославившие в тысячелетиях расу гуманоидов. Осталось сделать последнее усилие, и никто не сможет отнять у нас победы. Лишь сила и воля способны обеспечить торжество справедливости. Пусть мы окружены врагами, но мы не одни в нашей великой борьбе. Пусть у нас нет союзников, но есть друзья. Пусть расы гуманоидов расколоты, пусть часть гуманоидов предала дело расы, но мы сможем одержать победу. Солдаты, вы отправитесь на самый главный участок великой битвы, вам суждено нанести последний решительный удар, который прекратит эту войну. Все остальные фронты не имеют более значения. Раса посылает вас на подвиг во имя будущего. Я верю вам, солдаты, верю в вашу победу! Сокрушим коварного врага, подарим долгую счастливую жизнь будущим поколениям! Боззу куона!

Он произнес текст почти точно, лишь кое-где поменяв порядок слов или воспользовавшись синонимами, но риторический стиль и жестикация Кордо были воспроизведены весьма точно. Именно такие речи Ваглайча завораживали громадные массы соплеменников, увлекая тарогов и шерлонов на немыслимые свершения.

Чаклыбин замолчал, немного ссутулившись, тяжело переводя дыхание и обводя массовку тяжелым взглядом исподлобья. Толпа застыла в мертвом безмолвии. Простые тароги и шерлоны, наряженные в старинную одежду и знавшие прошлое лишь по дешевым видеофильмам, потрясенно молчали. Они видели стоявшего на танке гуманоида чужой расы, но сила убеждения, звучавшая в его словах, стирала биологические различия. Страстная речь, гремевшая над павильоном через динамики и переводящие устройства, вновь, как десятилетия назад, покорила слушателей.

После короткой паузы над толпой взлетели сжатые кулаки. Массовка неистово скандировала славу вождю и победе:

— Боззу, Ваглайч! Боззу куона!

Площадки с камерами висели со всех сторон, записывая трехмерное изображение. Часть объективов смотрела на бесновавшуюся толпу. Самодовольно ухмыляясь, Чаклыбин трижды вскинул кулак, и все аборигены — в массовке, на трибунах и в армейских шеренгах — откликнулись новой волной запретных в побежденной стране лозунгов. Андрей подумал, что давно не видел столь успешного исполнения спорной роли непрофессиональным актером.

Никто не догадывался, что, кроме трех сотен гуманоидов, у Чаклыбина был еще один слушатель, помнивший настоящего Кордо.

Сверхтяжелый танк «Рин-Веспап» 2-й серии, бортовой номер 24, вторые сутки находился в режиме саморемонта. Укрытый под броневым колпаком командирского ложемент запасной компьютер перезагрузился, выполнил сканирование и медленно восстанавливал оптико-волоконные линии передачи команд. Наномасса перемещалась по капиллярам внутренней обшивки, оживляя поврежденные цепи. Одна за другой оживали многочисленные полезные мелочи, делающие груду деталей настоящей боевой машиной,

способной сеять смерть и разрушения: антигравы, сканеры, генераторы силовой защиты.

Компьютер обладал зачатками псевдоразума, немного превосходя домашних животных, и был запрограммирован сражаться до победы, неуклонно выполняя волю кабтейлунка. Совсем недавно, катаясь по полю и стреляя практическими снарядами, танк оценил свое состояние. В автомате заряжания не осталось ни одного снаряда главного калибра, но компьютер сумел вновь подключить к реактору вспомогательные бластеры. Встроенные системы анализа обстановки просканировали планету до горизонта, обнаружив объекты, передававшие сигналы на вражеских языках. Танк не знал, что война давно закончилась, и считал вражеским объектом любую трансгалактическую компанию, в которой пользовались языком или символами Ломандара, 7-й Республики, 12-й Империи, Даласули, Мрагвенда.

Планета напоминала Шерлонду, вокруг выстроились знакомые подразделения, то есть танку вновь предстояло совершить парадный пробег по площади перед губернаторским дворцом. А потом на танк поднялся гуманоид, и танк узнал голос кабтейлунка, узнал ритм мыслей вождя. Кордо Ваглайч звал совершить подвиг, и псевдоразум танка с готовностью откликнулся. Он был создан для исполнения приказов о подвиге, последний приказ предписывал отправиться в Даласули против ломского десанта, но теперь ломы находились совсем близко. Танк приготовился выполнить приказ наилучшим образом.

Оставалась последняя малость — получить подтверждение приказа.

Режиссер остановил съемку, разрешил всем отдыхать и принялся утешать перепуганных аборигенов. Массовка медленно расходилась, после короткого перерыва maestro собирался отснять короткий и неважный кадр парада.

Всеволод и Андрей сидели на теплой броне башенной крыши, любясь Вокто и Хлау, которые бегали вокруг танка и причитали: дескать, какой скандал получился. Неожиданно откуда-то появился недавний однополчанин — корабельный врач-шпион Тариэль Гагиев.

— Пива принес великим артистам, — сообщил майор, протягивая соплеменникам бутылочки «Астровайзера» и пакетики соленых сухариков. — Андрюха, где твоя красавица?

— Наверное, в баре. Пойду-ка, поищу...

— Не торопись, не уведут, — удержал его Гагиев. — Есть разговор. Она ничего не говорила, где наш дружок Велимир?

— Вроде бы нашел какой-то выгодный контракт, однако темнит и подробностей не рассказал.

— Кажется, папаша твоей возлюбленной сильно вляпался, — понизив голос, поведал лже-доктор. — Огромная просьба: если Эльцвейг или Валевская попросят о помощи — не отказывайся. Очень серьезное дело...

— Ваша контора до сих пор пасет придурка? — искренне поразился Андрей.

— Присматриваем, — уточнил майор. — Однако недосмотрели. Придурку повезло, что живым остался.

Чаклыбин, про Эльцвейга прежде не слыхавший, с любопытством посматривал на фронтовых приятелей. Биохимическая отравка понемногу распадалась на низкомолекулярные фрагменты, отпуская нейронные рецепторы в извилинах писательского мозга. С мрачным удовлетворением Всеволод махал ладонью, приветствуя глазевших на него граждан Кьелтарогга.

Вокруг огромного танка продолжалось оживленное движение. Ассистенты режиссера вновь загнали массовку за линию оцепления, военно-исторические клубы опять построились в шеренги. Паккарди объявил начало работы над последним эпизодом, но Виктория куда-то подевалась, поэтому Андрей подменил ее на месте стрелка-водителя. Гагиев и Чаклыбин укрылись в башне «Рин-Веспапа». Не теряя даром времени, Тариэль попытался вывести, каким образом писатель привел толпу в такое возбуждение, но десантный ветеран отделивался невразумительными ссылками на чародейскую силу высокого искусства.

Ухмыляясь, Андрей медленно провёл танк по декоративной площади, выехал за

пределы павильона. За ними прошли другие машины и прошагала пехота. Тарогский компьютер без конца запрашивал разрешения выполнить какие-то мелкие операции, поэтому человек в кабинке стрелка-водителя, даже не пытаясь переводить тарогские письма, машинально давил клавишу подтверждения. Сам Андрей был занят более важным делом — выяснял, куда теперь вести танк. Наконец, после долгой ругани на многих диапазонах, ассистент режиссера приказал ехать на площадку реквизита. Как туда проехать, Андрей не знал, поэтому решил осмотреться и попытался поднять стотонное чудовище выше окружающих строений.

К его удивлению, антигравы сработали безукоризненно, вознеся «Рин-Веспап» на приличную высоту. Разобраться в нагромождении декораций, впрочем, не удалось — территория студии была разбита на квадраты, где сражались средневековые рыцари, взлетали зенитные ракеты индустриальных эпох, отражались атаки космических монстров, а также разыгрывались адюльтеры и спортивные состязания. От греха подальше, чтобы не попасть в чужие объективы, Андрей вылетел за пределы студии, надеясь получить более внятные указания. В этот момент Чаклыбин осведомился задумчиво:

— Я правильно понял, что наша находка сражалась в Даласули против ломов?

— Так получается, — подтвердил Андрей.

— Тогда есть объяснение... Ломы подбили танк и передали кому-то из наших врагов — имперцам или рагвенам.

— Могли, конечно, — рассеянно согласился Андрей, высматривая место назначения на обзорной голограмме.

Неожиданно в обмен репликами включился Гагиев, предположивший:

— Скорее не само ломандарское командование подарило танки, а фирма, которой трофей передали на исследование. Все сильнее впечатление, что нашим главным врагом в той войне были не имперцы, а трансгалактические корпорации.

— Главным врагом были и остаются ломы, — безапелляционно заявил писатель. — Хотя корпорации вроде «Прусло Кром» — тоже сволочи, которых надо уничтожить. Это еще Джангархан и Чарманов поняли...

Тренированная память контрразведчика немедленно нашла подходящий пример: дескать, сам Андрей недавно рассказывал, что великие президенты не сомневались в кознях закулисной силы. Возмущившись, Андрей призвал не искажать его слов, потому как Рамзес Джангархан подозревал в кознях Альтаирский клуб. Чаклыбин парировал: по его словам, в поздних документах Джангархан открытым текстом назвал корпорацию «Прусло Кром» главным врагом, которого необходимо сокрушить.

Мысль была высказана в явном виде, и компьютер танка затребовал подтверждение по главным пунктам боевой задачи. Увидав очередной набор символов древнетарогской азбуки, Андрей прошипел проклятие и нажал клавишу. Тем самым он разрешил танку атаковать обнаруженный вражеский объект, используя небогатый арсенал сильно поврежденного «Рин-Веспаса».

Когда танк рванулся, набирая крейсерскую скорость, три человека в бронированной коробке не сразу поняли, что случилось. Они ничего не понимали даже через несколько минут, когда пробудившийся компьютер развернул в боевое положение фальшборт, выдвинул бластеры и включил защитное поле. Немыслимо было догадаться, что в бою танк плохо реагирует на ручное управление, а в междонном уплотнении припрятаны боевые снаряды. На счастье сотрудников фабрики «Прусло Кром» на Шерлонде, в танке оставалось всего три снаряда — два подкалиберных и один фугасный.

Убедившись, что попытки остановить разогнавшийся танк не приводят к успеху, Андрей все-таки удосужился прочитать текстовые сообщения. Тексты были полной чушью, но танк не слушался штурвала, поэтому стрелок-водитель крикнул в переговорник:

— В бою эта скотина слушается только командира в башне. Попробуйте перехватить управление.

Всеволоду и Тариэлю потребовалось немало времени, чтобы разобраться с пультом.

Тем временем Андрей, дозвонившись полупьяному Паккарди, кое-как объяснил, что свихнувшаяся машина решила разгромить фабрику. На прощанье консультант успокоил режиссера: мол, в заряднике только игрушечные хлопушки, причем оружие не способно выбрасывать заряды с полной скоростью.

За оставшееся время «Прусло Кром» начала эвакуацию сотрудников, но танк разрушил угловую башню подкалиберными снарядами, а фугасный всадил точно в главное административное здание. Затем, расстреляв бластерами глупо выбежавшую навстречу охрану, «Рин-Веспан» перенес огонь на технический корпус, обрушил стену четырех этажей, после чего выключил силовой щит и перестал подавать признаки жизни.

— Я его остановил, — напряженным голосом сообщил Тариэль. — Схожу-ка погляжу, чего машинка натворила.

Рация танка работала на забытых частотах, поэтому два человека могли общаться с внешним миром лишь по мобильникам. Высунувшись по пояс из люков, историк и писатель пытались объяснить представителям власти, что трижды проверенная полицией машина внезапно вышла из повиновения и разгромила какой-то административный комплекс на берегу озера. Стандартный автопереводчик мобильного не слишком точно трансформировал их слова на местный язык, чиновники-шерлоны не понимали, что происходит, и задавали вопросы, которых не понимали люди.

Пока продолжалось это безобразие, Гагиев спрыгнул с танкового корпуса и, осторожно ступая по битому бронестеклу, пробрался между обломками органического бетона и скрылся внутри разрушенного здания. Машинально забеспокоившись — как бы не придавило мужика падающими конструкциями, — Андрей безуспешно попытался объяснить тупому собеседнику, что понятия не имеет, где именно находится танк. Внезапно шерлон прервал разговор, сказав на прощанье:

— Полиция выехала.

Вскарабкавшись на башню, Андрей сел возле Чаклыбина. Оба подавленно помалкивали, плохо представляя масштабы жертв и разрушений, в причинении которых они — пусть невольно — приняли соучастие. Появилось неодолимое предчувствие, что вместе с полицейскими нарядами приближаются большие неприятности. Андрей скептически посмотрел на покореженную арматуру офисной башни, где клубился дым, разгорался пожар и рассыпались снопы искр. К общему облегчению, Тариэль выбежал из развалин, проворно залез на танк и скомандовал:

— Полным ходом отсюда! Пока полиция не нагрянула.

Наверное, майор знал, что делает. Утешая себя подобным образом, Андрей средним ходом увел танк вдоль берега озера. На круговой голограмме он видел, как подлетают полицейские аэромобили, санитарные кареты и прочие машины ведомства по чрезвычайным ситуациям.

На студию добрались без новых приключений, под конвоем патруля. Инженер-тарог, отвечавший за восстановление «Рин-Веспана», под присягой поведал следователю-шерлону, что полумразный танк способен выкинуть фокусы и похуже случившегося. Налетевшие чины из правительства и «Прусло Кром» после долгих препирательств постановили отрубить механизмы танка от всех источников питания. Против съемочной группы обвинений не выдвинули, но посоветовали исчезнуть с планеты как можно скорее.

Глава 17

За кулисами событий

Узнав, что Тариэль — лучший друг Велимира Эльцвейга, рыжая откровенно поморщилась. Подбросить доктора до Калиюги она согласилась только после долгих упрасиваний Андрея. Ничего не поделаешь — Виктория недолюбливала своего распутного папашу, а за компанию — и всех его дружков.

Растянувшийся почти на сутки бросок в скопление Зевс загулявшая компания

отсыпалась. Потом отхаживали Чаклыбина, который расклеился после ударной дозы нейростимулятора и пребывал в депрессии. Несмотря на предупреждения Гагиева, сообщения насчет катастрофы с Эльцвейгом не поступали. Как всегда, конторы тайной службы узнавали новости первыми.

Расслабившаяся из-за непредвиденных каникул Виктория постепенно возвращала былую форму. Едва завершив второй бросок через гипер, она с помощью любимого направила «Тиару» в сторону скопления Зевс — к миллиону с четвертью звезд, спрессованных в неправильную сферу поперечником около пятисот световых лет. Это были неоспоримые владения человечества, неподалеку от центра скопления защищаемые пехотой, военной жандармерией, спецназом, флотом и пограничниками, процветали Земля, Добрава, Калиюга, Парнас и еще полсотни освоенных людьми планет.

Убедившись, что шхуна движется верным курсом, Виктория засела за гравипередатчик и затеяла бурную торговлю, договариваясь о грузах и пассажирах на десятке планет. Умные программы попутно рисовали трассы оптимальных рейсов по южным секторам Зевса. В такие моменты она не нуждалась в Андрее, поэтому тот убивал время, используя любые подручные средства.

— Что-то наш рыцарь тайных дел подолгу в каюте своей пропадает, — заметил Чаклыбин, с отвращением отпивая по глоточку энерговитаминизированный коктейль. — Не похож он на тех, кто в одиночку надирается.

— Вроде малопьющий, — рассеянно буркнул Андрей. — Заперся — и хрен с ним. Мало ли какие занятия можно в дальнем рейсе придумать.

Недавно салон пережил стихийное бедствие — поздний завтрак маэстро и его команды. Страдающие похмельем творческие личности не сообразили прибрать за собой, поэтому наводить порядок пришлось явившимся пообедать историку и писателю. Кое-как сбросив грязную одноразовую посуду в мусоросборник, протерев столы и пол нанобумажными полотнищами, разбрызгав освежитель воздуха и частично лишившись аппетита, они взяли по салату.

— Долго еще ковылять во тьме? — осведомился Чаклыбин, брюзгливо морщась.

— Часа четыре. — Андрей хлопнул стопарик. — Дружище, ты обронил загадочную фразу, которая не дает мне покоя.

— Это мы можем... А какая фраза?

— Ну что-то в духе: дескать, Енисейский понимал Ваглайча, поэтому рвался навстречу тарогам через Мрагвенд.

— Верно. — Всеволод доел салат, допил полезную жидкость и задумчиво посмотрел на панель автомата раздачи. — Нет уж, потерпим до Калиюги, там в кабаке поужинаю как следует... Я же сейчас про Порфирия книгу пишу, уже не первый месяц в образ вживаюсь... — Он замолчал, словно погрузился в отвлеченные размышления. — Полное впечатление, что сражения в Артемиде, Трамплине, Конусе и Призме не слишком занимали Енисейского. Он держал наготове огромную армию, но не пускал в дело, как будто приберегал для более важного противника.

Чаклыбин выжидательно посмотрел на собеседника. Безусловно, писатель был умен, эрудирован и проницателен, однако не решался сделать последнего вывода — ему тоже мешали психологические барьеры общепринятых концепций. Напрасно считают дилетантов способными к ортодоксальному мышлению, они могут лишь приблизиться к разгадке, но не сумеют перешагнуть устоявшиеся представления об истине. Долгий путь привел Андрея на грань, за которой — либо безумие ошибок, либо великое открытие. Теперь ему казалось странным, почему другие не видят столь простых различий, а потому пытаются объяснить гениальную политику свалкой глупейших просчетов.

— Либо против Ломандара, либо против Кьелтарогга, — пряча ехидную гримасу, предположил историк.

— Похоже, воевать с ломами он не думал. — Всеволод ткнул вверх указательным пальцем. — Два великих политика рвались навстречу друг другу. Кордо бросил армию на

даласов, а Порфирий — на рагвендов. После захвата Мрагвенда и Даласули тароги и люди вступали в соприкосновение. Возник бы новый фронт, предназначенный решить заочный диспут гениев.

Он был умен. Историки привычно описывали второй этап 9-й Галактической как непродуманные метания земных и тарогских стратегов. Удары наносились хаотично, усилия постоянно переносились с одного фронта на другой, но нигде ни Кордо, ни Порфирий не одержали решительной победы.

А ведь так просто все загадки рушатся, если не искать ошибок, но попытаться разглядеть логику. Чаклыбин сумел увидеть часть разгадки: сначала Ваглайч и Енисейский прибрали ближние звездные кластеры, необходимые для дальнейшего существования обеих держав. Затем устремились навстречу друг другу. Разделявшее ССМ и Кьелтарогга пространство становилось все тоньше. Еще месяц — и встретились бы передовые отряды. Встреча не состоялась: в последний момент между людьми и тарогами вздыбилась непреодолимая преграда — громадная армия Ломандара.

— Да, именно так и было, — вкрадчиво проговорил Андрей. — Но что, если две лавины катились во встречных направлениях не для войны? Встреча могла создать не только новый фронт, но и общую границу. Ведь обе наши расы не имели причин для вражды, а вот общих врагов имели.

Смущенный парадоксальностью неожиданной гипотезы Чаклыбин задумался, удивленно поглядывая на друга. Подумав с минуту, он покачал головой в знак несогласия и, нахмурившись, поинтересовался:

— С чего ты взял?

— Вспомни речь, которую сам цитировал на съёмочной площадке. Кордо говорил, что предстоит последняя битва, после чего повторил свой традиционный слоган: «У нас нет союзников, но есть друзья».

— Намекаешь, что битва за Даласули стала бы последней, а никакой войны с людьми Кордо не замышлял? — Писатель был растерян и одновременно заинтригован. — *Друзья, но не союзники* — согласен, это мог быть намек на человечество... Только без веских доказательств это — просто спекулятивные рассуждения. Мне, писателю, подобное простительно, а тебе придется потрудиться, чтобы обосновать идею.

— Будем искать доказательства, — твердо сказал Андрей.

Как водится среди существ интеллектуального труда, друзья занялись ерундой, то есть потихоньку выпивали, слегка закусывали, а попутно пытались найти слабые места в гипотезе Машукевича. Заглянувшие в салон оператор и маэстро Жозеф, услышав возбужденные выкрики, побоялись вмешаться — очень уж обсуждение напоминало прелюдию к мордобойю. Осторожно прикрыв дверь, акулы шоу-бизнеса ретировались, едва не столкнувшись лоб в лоб с торопливо шагавшим по коридору Тариэлем.

Доктор Гагиев застал уже затухающий спор. Отчаянно размахивая руками, Чаклыбин выкрикивал:

— Порфирий не оставил мемуаров, тебе придется работать по косвенным признакам. Обязательно поговори с дожившими до наших дней членами правительства.

— Да! — повышенным тоном согласился разгоряченный Андрей. — Да, с политиками! И с военачальниками. Может, в разговорах с ними президент упоминал какие-то планы!

— Черта с два он с кем-нибудь откровенничал, — чуть потише сказал начинавший уставать Всеволод. — Очень скрытен был. Я же встречался с его сыном и вдовой... Хотя, конечно, я ведь не спрашивал об этом.

— Сможешь еще раз поговорить с ними?

— Не сомневайся... — Писатель заметил Гагиева. — А вот и скрывающийся от коллектива работник здравоохранения.

— Здорово, — доктор помахал рукой, — мужики, есть серьезный разговор. Без посторонних.

Молниеносно проглотив порцию котлет — такой скорости даже в казарме не сразу научишься — и прихватив бутылку минеральной воды, майор вышел в дверь, поманив заинтригованных собеседников.

Каюты на шхуне были тесные. Даже капитанская, где жили Виктория с Андреем. Остальным пассажирам достались каморки со складной, убравшейся в переборки мебелью.

Для гостей лже-доктор откинул койку, предложив садиться. Сам он пристроился на дистрофичном табурете и включил лежавший на столике планшет. Прочитав название, Андрей зауважал бывшего сослуживца еще сильнее — такие модели, несмотря на компактность, превосходили по тактовой частоте и объему памяти даже очень дорогой и производительный видеокомплекс, на котором он работал дома.

— Вы, братцы, получше меня в истории разбираетесь, — неожиданно сказал Гагиев. — Что говорит наука про бомбежку Глешнеке?

— Спроси чего-нибудь полегче. — Смешок Чаклыбина прозвучал немного нервно. — Сейчас начнем спорить, и даже мы с Андрюхой поругаемся всерьез.

— Давайте основные факты и трактовки, — строго потребовал майор. — И без скандалов.

Изложение фактов несколько затянулось, хотя писатель и аспирант-историк вели себя довольно смирно, то есть друг друга почти не перебивали, только время от времени вставляли уточняющие замечания.

По итогам 8-й Галактической войны отторгнутая от Кьелтарогга планета Глешнеке перешла под протекторат 12-й Империи. Основное население составляли шерлоны, тарогов там проживало вдесятеро меньше, за годы оккупации на планету перебраслось несколько миллионов импиков и перцев, а также сотни тысяч ломов. В начале 70-х годов большие державы проводили политику «разумного миротворчества». Реально Империя и Республика помогали Кьелю преодолеть послевоенный кризис, пытаясь убедить Ваглайча в своей вечной дружбе, чтобы направить реваншизм кабтейлунка против человечества.

Однако, создав сильную армию, Кордо умело сыграл на противоречиях Империи, Ломандара и Республики. При поддержке ломов он вернул некоторые области, потерянные в прошлой войне. Помимо прочего, Кьелтарогга получил частичный контроль над Глешнеке, но импы и ресы сохранили свои гарнизоны — под предлогом защиты соотечественников.

Обстановка постепенно накалялась, армия кабтейлунка росла, Ваглайч энергично требовал пересмотреть несправедливый договор о капитуляции. Ломы не возражали против возвращения нескольких миров, населенных тарогами, поскольку тем самым ослабилось бы влияние старых держав. Ставший главой правительства Порфирий Енисейский также заговорил о скоплении Призма, и Бсархад дал понять, что по справедливости рагвенам нечего делать ни в Призме, ни в Конусе. Сами ломы предъявили претензии на несколько скоплений, включая Облако Алеф — формально бесхозное, но фактически подвластное корпорациям 12-й Империи.

Все главные игроки, не таясь, готовились к войне за передел Галактики. В то же время ни одна держава не была готова к решительной схватке. Поэтому дипломатам Земли, Бсархада и Кьеля удалось добиться важных договоренностей, главная из которых — Режим взаимного контроля. В начале апреля 2474 года лидеры двадцати трех держав договорились встретиться в Порфире. Даже пессимисты поверили в возможность избежать галактической бойни.

Саммит не состоялся: за две недели до конференции подконтрольный Кьелю континент Глешнеке подвергся бомбардировке. Среди ночи восемнадцать ядерных боеприпасов средней (от 70 до 300 килотонн) мощности поразили города и гарнизоны на поверхности, а также сооружения и корабли на орбите. Погибли миллионы тарогов и шерлонов, но поселения других рас не пострадали. Согласно договоренности с 7-й Республикой, Кьель не размещал на планете тяжелого вооружения, включая средства противокосмической обороны, поэтому не было возможности перехватить скоростные боеголовки.

Тароги и шерлоны требовали покарать убийц, атаковавших мирную планету. Кабтейлунк обвинил в нападении рагвенов и ресов, те заявили о своей непричастности, но мало кто поверил этим оправданиям. Тем более что в тот же день расквартированные на Глешнеке соединения Республики развернули боевые действия против кьелтарогских войск. Потом республиканский командующий будет объяснять судьям: дескать, предвидел неизбежное нападение полчищ Ваглайча, поэтому нанес упреждающий удар. Разумеется, трибунал тарогов признал его виновным, и смертный приговор был немедленно приведен в исполнение.

После войны державы-победительницы провели свое расследование и объявили, что Глешнеке бомбили сами тароги по приказу злодея Ваглайча. Согласно их версии, Кордо устроил коварную провокацию, чтобы получить повод начать войну. Впрочем, существовала другая конспирологическая теория, называвшая провокаторами людей: будто бы злобный тиран Енисейский послал дальние бомбардировщики-невидимки, тем самым столкнув лбами своих конкурентов, а потом нанес удар в спину державам, сражавшимся против Кьелтарогга. Историки-патриоты, принадлежащие к человеческой расе, разумеется, обвиняли в организации провокации на Глешнеке другие сверхдержавы, причем главным поджигателем войны считали Ломский Союз, получивший от войны наибольшие выгоды.

Достоверно установленные факты позволяли существенно сократить круг подозреваемых. Удалось установить, что в системе Глешнеке, как и в ее ближней окрестности, находились только тарогские боевые корабли. Поскольку международная политика балансировала на грани войны, Ваглайч запретил доступ военным кораблям других стран. Даже грузовозы, снабжавшие колонии рагвенов и ресов, могли приблизиться к системе лишь под конвоем военного флота Кьелтарогга. Правда, за два дня до нападения к орбитальной платформе причалил среднетоннажный транспорт под ломандарским флагом — ломов не конвоировали, потому как тароги считали квазигуманоидов невраждебной расой. Часть историков из числа отставных военных полагала, что ломы выпустили самонаводящиеся бомбы за пределами системы. Гипотеза не получила признания, поскольку это судно было уничтожено одной из первых бомб, и вообще Ломандару война в тот год была страшнее даже, чем для человечества.

Оставалось не так уж много вариантов. Сверхдальние бомбардировщики находились под строжайшим взаимным контролем, у ломов боеприпасов такого типа быть не могло. Фирма-производитель «Дарежиц и сыновья» поставляла такие бомбы только своей, то есть имперской армии, людям, ломам и тарогам. Имперских и человеческих носителей возле Глешнеке не появлялось, заподозрить коммерческих транспортников-ломов в фанатизме камикадзе было трудно. Оставалось признать, что победители правы: тароги сбросили на своих же сограждан закупленные в 12-й Империи боеприпасы.

Судьба самой планеты Глешнеке никого особенно не интересовала. Между тем, согласно Бсархадскому мирному договору, система досталась Республике Даласули.

— Боюсь я фактов, вопиющих о собственной неопровержимости, — проворчал Чаклыбин.

Странно посмотрев на писателя, Таризель изрек:

— История непредсказуема. Никогда не знаешь, какой факт откроется в самый неподходящий день. Никто ведь не сомневается, что преступный кабтейлунк издал несколько чудовищных директив, предписывающих запредельный ксеноцид негуманоидов. Никто не сомневается, что президент Енисейский коварно стравил соседей, а сам выжидал удобной минуты, чтобы послать орду варваров на добивание обессилевших нелюдей.

— Как раз на сей счет имеются сомнения, — возразил Андрей. — Причем обоснованные.

Взгляд лже-доктора скользнул по аспиранту и воткнулся в переборку между гостями. Лицо контрразведчика стало мрачным. Переводя дыхание чуточку шумнее, чем требовала нормальная работа легких, он проговорил негромко:

— Общую историю я, признаюсь, изучал не слишком основательно, зато в нашей ведомственной школе пришлось пройти курс, который не преподают в университетах, — история спецслужб и секретных операций. Когда я читал учебник, возникло впечатление, будто история наших ведомств — это бесконечные шеренги старинных и новых шкафов, под завязку набитых скелетами. Теперь вот послушал вас и понял: вся история такая — нет разницы между историей шпионажа, новейшего времени, древнегалактической...

— Ты не открыл Америки. — Андрей надеялся, что горькая правда не огорчит лже-доктора. — Даже велосипеда не изобрел. Историки догадались об этом очень давно. Скажу по секрету, даже некоторые мирные жители, не имеющие диплома истфака, догадываются. А к чему ты вспомнил о скелетах?

— Шутник, — фыркнул Гагиев, шевеля двумя пальчиками «птичку» планшета. — Держи скелет. Дарю.

Перед историком засветился текстовый файл на неизвестном языке. Кажется, документ, написанный на ресовском алфавите. Посмотрев на изображение, майор извинился, пощелкал «птичкой» — и появился перевод на земной язык. Андрей охал, чувствуя головокружение, сердцебиение, прилив адреналина и тому подобные признаки нездорового возбуждения.

Программа-переводчик в планшете Гагиева сработала виртуозно — даже даты, проставленные по летосчислению Ломандара, превратились в день-месяц-год земного календаря. Капитан грузо-пассажирского лайнера, название которого можно перевести как «Любимый цветок» или «Прелестный бутон», докладывал в штаб-квартиру торгово-транспортного концерна «Звездные магистрали», что все 18 единиц особого груза сброшены в открытом космосе на дистанции 0,103 световых года от Глешнеке, причем военных кораблей варваров поблизости не было, так что мероприятие проведено незаметно.

Число 18 играло в тарогской нумерологии особый, почти мистический смысл — любимое число кабтейлунка. Ровно столько ядерных боеприпасов поразили Глешнеке. Поморщившись, Андрей презрительно вынес вердикт:

— Фальшивка. Сам сварганил?

— Почему фальшивка? — явно заинтересовавшись, переспросил майор.

— Очевидно... — Историк даже зевнул. — Почему командир ломского корабля пишет рапорт в имперскую фирму на ресовском языке? Грубо сработано.

— Очень грубо и прямолинейно, — поддержал друга Всеволод. — Слишком откровенно подталкивает к мысли: дескать, завербованные ресами ломы сбросили вдали от планеты самонаводящиеся снаряды, которые на следующий день включили движки, разогнались до сверхсвета и бабахнули по мирно спящему Глешнеке. Никто не поверит.

Печально покивав, контрразведчик произнес долгий монолог общефилософского звучания. Мы привыкли к простым и как будто логичным представлениям об устройстве окружающего нас мира, говорил майор. Нам приятно думать, что мы — умные, добрые, полные взаимной любви существа, что Вселенная базируется на мудрых примитивных принципах вроде закона Ома, тогда как все беды происходят от злобных искусственных образований вроде государств, и особенно — от спецслужб, вечно строящих коварные козни. Поэтому большинство обывателей убеждено, что мировая политика — это нечистоплотная игра двух десятков больших и малых стран, в кильватере которых дрейфуют полсотни карликов. И если случаются войны, то вина ложится на вредных политиков, не пожелавших договориться или продавшихся врагу. Поэтому неграмотное большинство, пытаясь в рамках примитивной модели объяснить сложнейшие процессы, приходит к идиотским выводам, ужасно далеким от реальности.

— Есть такое мнение, — признал Андрей. — Но зачем ты говоришь это нам? Мы-то понимаем, что кроме президентских психозов есть еще объективные причины, есть экономические интересы, есть этнические конфликты, есть идеологическое...

— А еще есть трансгалактические корпорации, — повысив голос, прервал его майор. — Неверно называть «Бутон» кораблем Ломандара. Лайнер был приписан к периферийному ломскому порту, но принадлежал концерну «Звездные магистрали». В экипаже мы найдем

представителей дюжины самых разных рас, причем командир был ресом, поэтому и составил рапорт на своем родном языке. Что касается фирмы — производителя боеприпасов, то «Дарежиц и сыновья» действительно держала головной офис в имперской столице, но заводы строила на слаборазвитых окраинах.

Начавший догадываться Андрей неуверенно попытался продолжить:

— Оружейная фирма передала бомбы транспортному концерну... Так? Но зачем?

— На самом деле все просто, — сообщил контрразведчик. — Очень просто, если знать маленький секрет, который нам удалось раскрыть совсем недавно... Дело в том, что «Дарежиц и сыновья», «Звездные магистрали» и еще много разных компаний входят в гиперхолдинг «Прусло Кром», который творит свою политику, не считаясь с интересами даже самых великих сверхдержав.

Разговоры про подобные тайны политического закулисья ходили давно и упорно. Андрей скорее поверил бы во влияние гигантских корпораций, чем в фольклор о всемогущем Альтаирском клубе. Однако побасенки Гагиева звучали неубедительно. Заметивший слабое место Чаклыбин осведомился, опередив Андрея:

— Хорошо, что тебя не слышит Жюльена, — вот было бы избиение младенцев... Какой смысл этой фирме бомбить планету?

— Поставим вопрос иначе, — предложил контрразведчик. — Кому была выгодна провокация, развязавшая войну между странами, начинавшими мирный процесс?

— Все войны начинались невовремя, — Андрей засмеялся. — Аксиома.

Отмахнувшись — дескать, не до шуток, — майор огорошил собеседников:

— Подлинной целью войны были не амбиции диктаторов, не битва за справедливость и даже не борьба за ресурсы. На самом деле схлестнулись три трансгалактические корпорации. Главный результат войны — «Жескеч» и «Прусло Кром» изрядно потрепали более могущественную на тот момент корпорацию «Дветигул», отобрали большой кусок активов, утвердились на новых рынках. Заодно корпорациям удалось ослабить ведущие державы, которые совсем глубоко увязли в долгах и попали под влияние тех же корпораций. Между прочим, те миры Империи, где прежде находились заводы «Дарежиц и сыновья», после войны стали суверенным государством Шоббихель. Только в пределах владений компании законы карликовых стран не действуют — там правят корпоративные законы «Прусло Кром».

— Теория дистрибутированной власти, — проворчал писатель. — Приходилось читать... Истинная власть распределена по сотням планет, деньги мигрируют по множеству банков, и нет явного центра, по которому можно было бы нанести удар. Невидимая вездесущая сила, тайно правящая даже сверхдержавами. При этом корпорации поддерживают такой баланс между сверхдержавами, чтобы ни одно государство не стало сильнее коалиции нескольких других стран. Если же какой-нибудь Ваглайч станет слишком самостоятельным, против него немедленно скотят альянс очень сильных государств, пресса обвинит диктатора в нарушении прав домашних животных и сексуальных меньшинств, и под вопли о защите свободы строптивый режим будет сметен.

— Примерно так, — согласился Таризель. — В общем, поверьте старому шпиону, что документ сфабрикован не мной. Когда танк вломился в офис «Прусло Кром», я не мог упустить такого шанса. Пробрался в информационный центр и быстренько перекачал много-много эксабайтов.

С этими словами он ласково погладил планшет.

Архив корпорации, сообразил потрясенный Андрей. Чтобы не тратиться на связь по межзвездным каналам, государственные и частные конторы хранят информацию в каждой системе, где имеется важный руководящий орган. Если местному представительству понадобятся какие-то сведения, информация будет найдена мгновенно, без рискованных пересылок по линиям связи, за которыми приглядывают конкуренты.

— Красиво сработано, — восхищенно сказал аспирант. — Ты хочешь, чтобы я подтвердил подлинность документа? С радостью займусь этим делом, но тут нужны

специалисты повыше меня классом.

— Специалисты найдутся, — заверил его майор. — Сейчас моя задача — легализовать находку. Легенда будет такая: когда взбесившаяся машина развалила здание, поврежденный архив заработал сам по себе и перед нами начали появляться голограммы каких-то документов на неизвестных нам языках. Естественно, вы — историк и писатель — достали свои мобильники и начали записывать эти чудеса. Уже дома поняли, сколь важные сведения вам достались, и решили опубликовать находки. Вы же не виноваты, что сокровище само упало в руки.

— Корпорация не признает документы подлинными, — уверенно заявил Чаклыбин. — Поэтому не подаст в суд.

— Они будут все отрицать, — кивнул майор. — Поэтому предлагаю пошарить по архиву. Выбирайте каждый по десятку документов.

Чаклыбин пожелал какие-нибудь материалы о Джангархане, Кордо и Енисейском. Поиск по ключевым словам обнаружил множество таких файлов, и писатель переписал на свой планшет добрую сотню петтабайтов. Окрыленный его примером Андрей пошутил:

— Нет ли там данных о боях за Альганг и Теодоре Лестере?

К его удивлению, такие документы действительно нашлись. Почесав затылок, Андрей попросил поискать упоминания о танке «Рин-Веспап». Через несколько минут он получил подборку больших файлов неизвестного содержания.

Растерянный Андрей с ужасом оценил размеры неожиданно привалившей удачи. Лишь теперь он понял, какой адский труд ждет его в процессе перевода и редактирования добычи. От панических мыслей не отвлек даже заструившийся из динамиков голос Виктории, предупреждавшей о скором финише в системе Августы.

Как было заведено в их почти семейном экипаже, Андрей ассистировал при выходе из гипера и финальном маневре. Когда шхуна причалила к платформе орбитального космопорта и пассажиры необузданной толпой ринулись на выход, Виктория сообщила с виноватой гримасой:

— Дорогой, я думала, что сегодня останусь у тебя, но не смогу.

Она поведала печальную новость: папаша Велимир влип в какую-то неприятность, валяется в госпитале на окраине Облака Зевс и зовет любимую дочку проведать старика. По мнению рыжей, речь пойдет о наследстве, иначе не стал бы жмот Эльцвейг намекать на крутое бабло. На радостях Виктория разработала головомомный маршрут по сложнейшей трассе, но придется стартовать сегодня же, как только на «Тиару» погрузят весь товар, который ждет ее на Калиюге.

— Я бы хотел с тобой полететь, но не получится, — печально признался Андрей. — Много дел накопилось.

От его слов Виктория не слишком расстроилась. Дело касалось больших денег, и она предпочитала вести переговоры без посторонних. Любимый, безусловно, причислен был к посторонним: сегодня есть, а послезавтра другой найдется.

В процессе прощальных поцелуев Андрей взял с нее слово, что любимая девочка не будет рисковать, обещанию не поверил, но ничего больше поделать не мог. На станции отправлявшихся к планете катеров он догнал Гагиева и решил выяснить щекотливый вопрос.

— Не беспокойся, не навредишь ты своей возлюбленной, — заверил его майор. — Если я правильно понимаю ситуацию, через несколько дней она предложит нам с тобой выполнить рискованное задание, на котором обломался Велимир.

— И что?

— Постараемся выполнить, — контрразведчик поиграл бровями. — Только поторгуемся для приличия.

Андрей не понял, шутит Таризель или говорит серьезно. Кажется, не шутил.

«Золотая тиара Клеопатры» вернулась на Калиюгу через четыре кошмарных дня, в

течение которых Андрея буквально рвали на части. Надо было следить за съемками «Страсти среди звезд» и «Казармы», консультировать самого Джованни Квиринелли, который писал сценарий для следующего сезона «Смертельного меридиана» и одновременно строил план эпопеи о разгроме Непобедимой армады. После работы начиналась аспирантская каторга: он обрабатывал материалы диссертации, попутно занимаясь ворованными секретами. Документ надо было не просто перевести на общеземной — после перевода следовало подогнать формат под оригинал, сохранить важные детали оформления, даже размер и цвет шрифта.

Увидав его воспаленные глаза, Виктория поначалу не ужаснулась, а засмеялась:

— Ты, наверное, вампира играл и грим смыть забыл.

— Скоро без грима вампиром стану, — огрызнулся Андрей. — Сегодня чуть не покусал Жозефа.

Угроза сбежать в отпуск на неделю-другую не произвела на рыжую впечатления, как и на режиссера двумя часами раньше. Процессоры продолжали обрабатывать очередную серию документов, и Андрей предложил Виктории принять в ванну и погулять по ресторанам.

— Потом, — она кусала губы. — Надо поговорить наедине, чтобы никто не подслушал.

— Давай. — Такая перспектива даже обрадовала историка, которому невтерпех было посмотреть результат перевода. — Как там Велимир — написал на тебя завещание?

Отрицательно мотнув головой, она сообщила, что папаша помирать не собирается, просто немного покалечился, но жить будет. Из весьма сбивчивого рассказа Андрей сумел понять немного: Эльцвейг взялся выполнять опасный заказ, израсходовал часть аванса, но «Собака Баскервилей» сильно пострадала в окрестностях черной дыры, поэтому передал заказ дочке.

— Он велел с вашим доктором поговорить, но я решила по-своему, — говорила рыжая, делая большие глаза. — Зачем с чужим человеком делиться, мы с тобой сами все сделаем. Только найди физика из вашей команды...

— Подожди, ничего не понял, — Андрей замахал руками. — Говори медленно, подробно, не забывая ставить запятые. В чем суть заказа?

Вздыхнув, разочарованная его непонятливостью Виктория перешла на тон нянечки детского садика, объясняющей малышам, как правильно садиться на горшочек:

— Когда вы на войне были, с вами служил физик. Большой и толстый.

— Юджин Плахо. Ты видела его на космодроме, когда мы в первый раз встретились.

— Ну да. Только я его совсем не помню... Так вот, он рассказал отцу про какое-то скопление черных дыр, в котором спрятано сокровище.

Пришлось напрячь память, однако название все-таки вспомнилось:

— Дырявая Пустошь, — сомневаясь в правильности своих слов, сказал Андрей.

— Папаша называл это место Черной Долиной, — возразила рыжая. — Кто-то зверски богатый поручил ему проникнуть туда и вытащить какую-то хрень. Я так думаю, то самое сокровище. В общем, ему дали очень дорогую игрушку, такого робота, чтобы залез в сингулярность, зацепил добычу, а потом выполз на сверхсвете. Теперь понял?

Андрей скептически покивал. Он вспомнил, как разгорелись глаза Велимира во время рассказа Юджина про чудо природы. Эльцвейг убедил себя, что в Черной Долине спрятано сокровище древних императоров, и убедил в этом неведомого заказчика. Вероятно, того самого, который безуспешно послал в окрестности Алефа пакетбот с гравибуксиром в трюме.

Не заметив мимики любимого, Виктория показала записанный на мобильный видеофон спектр нужной черной дыры и помахала в воздухе банковской карточкой. Какую-то часть суммы потратил Эльцвейг, что-то сама рыжая по своим счетам раскидала, но денег оставалось немало. Предвкушая триумфальное возвращение с Дырявой Пустоши, сулившее дополнительное вознаграждение, Виктория строила грандиозные планы. Кажется, собиралась осесть на хорошей планете, открыть ресторан, массажный салон и турагентство,

вести светскую жизнь и сниматься в кино.

Идея забраться в гравитационную аномалию, погубившую Велимира, совсем не прельщала циничного прагматика, занятого диссертацией. Однако приятель Таризель просил подыграть, поэтому Андрей предложил связаться со знатоками.

— С ними тоже делиться придется, — предупредила Виктория.

— Придется, — согласился Андрей.

Юджин и Таризель нагрянули буквально через полчаса, как будто ждали его звонка. Возможно, и в самом деле ждали. Задачу излагал Андрей. Гости выслушали его с недоверчивыми физиономиями, но заинтересовались.

Мрачно насупленный физик, озабоченно изучив спектр, раскрыл огромную — в полкомнаты — голограмму звездного атласа и занялся недоступными простым смертным действиями. Гагиев собрался торговаться, но Виктория сразу объявила, что есть сто тысяч, которые будут поровну разделены между всеми участниками рейда. Видимо, такая сумма пришлась по душе алчному доктору. После тяжких раздумий он попросил разрешения взглянуть на карточку. Заверения рыжей — дескать, карточка работает — майора не удовлетворили. Контрразведчик сверил номер и серию с какой-то базой данных, после чего заявил:

— Согласен. Я участвую. Что скажешь, Юджин?

По выражению лица физика даже самый плохой физиономист без труда определил бы, что Юджин Плахо расстроен. С трудом сдерживая рвавшиеся из глубин души проклятия, он долго качал головой, яростно терзая сенсоры планшета.

— Это в самом центре, — объявил наконец Юджин. — Говоришь, Эльцвейг пошел туда на том древнем корыте и остался жив?

— Он неглубоко забрался, — уточнила Виктория. — Шхуну плющить начало, ребра затрещали, корпус прогнулся.

— Папаша твой чудом ушел, — резюмировал физик. — Во внешней зоне Дырявой Пустоши могут работать лишь очень прочные корабли, защищенные силовым полем и оборудованные внутренним антигравом второго или более высокого класса. Но к той черной дыре даже такой корабль не подойдет. Нужен батискаф абсолютной защиты. И нужен опытный оператор дистанционного управления, который будет наводить робота с гравибуксиром.

— Мой брат Савва, — моментально решил кадровую проблему Андрей. — Где можно купить или арендовать батискаф?

Виктория беззаботно припомнила несколько свалок, где нетрудно достать поддержанные суда самых разных типов. Впрочем, она быстро вспомнила, сколько стоят даже самые старые лоханки, и настроение рыжей упало, как давление в пробитом корпусе.

— Такие корабли не купишь. — Юджин угрюмо ухмыльнулся. — Был один, около сотни лет назад построен. Когда началась Седьмая Галактическая война, экспедиция работала в скоплении Посох. Там какая-то крепость взбесилась. Часть людей удалось эвакуировать, но батискаф окружен огневыми точками...

— Понял, ты про Глючный укрепрайон говоришь, — уныло сказал Андрей. — Там куча кораблей застряла. Система управления накрылась, пушки расстреливают всех, кто приблизится.

— Забыли про него. — Виктория по-прежнему не понимала серьезности происходящего. — Должен быть другой корабль.

— Должен, — согласился физик. — Уже строится. Будет готов года через два с половиной. Стоит полмиллиарда, все рейды расписаны на десять лет вперед.

— Отпадает, вернемся к укрепрайону, — майор-контрразведчик задумчиво потирал подбородок. — Скажи, пожалуйста, Андрей, как войти в укрепрайон?

— Легко и с песнями. Там пушки среднего калибра, так что линкор или тяжелый крейсер смогут с большой дистанции, не входя в зону поражения, расстрелять огневые точки своим главным калибром. — Аспирант хохотнул. — Один хрен линкор понадобится, когда в

Черную Долину полезем. Юджин ведь говорил про крепкий корабль с антигравом и защитным полем.

Сосредоточенный взгляд лже-доктора немного смутил его.

— Значит, нужен линкор, — медленно произнес Гагиев. — А также люди, умеющие линкором управлять. Придется и с ними гонораром делиться.

Шокированный Андрей вдруг понял, что контрразведчик вовсе не шутит. Кажется, он вообще никогда не шутил.

Глава 18

Шоу на линкоре

Чаклыбину замысел понравился, но склонный к авантюризму писатель немедленно выдал идею, реализацией которой в данное время занимался. Самым трудным делом оказалось уговорить рыжую. Лишь после страшно долгих объяснений до нее дошло, почему нельзя ломиться на углой шхуне в зону, где хаос полей тяготения трансформирует пространство в иную разновидность координат, плохо совместимую с существованием материи. Напротив, братишка Савва, старик Харонов, Юджин Плахо и Том Феррари согласились на удивление легко. Наверное, в глубине души все они мечтали о такой прогулке.

Способ их встречи на космодроме назывался пришедшим из незапамятной древности словом «флэш-моб». Договорившись прибыть в назначенный зал к определенному часу, они отправились в путь в разное время и разными маршрутами.

Для путешествия в топографический центр континента, где раскинулся главный город планеты, Андрей выбрал дозвуковой поезд-монорельс. Хотелось спокойно подумать, потому как проблемы возникали большими пачками. Виктория не отвлекала и, накрыв голову шлемом виртуала, смотрела какие-то шоу. Лишь однажды, остановив трансляцию, сняла шлем, чтобы поделиться впечатлением:

— Странные у тебя друзья. Ни один не поинтересовался, сколько я им заплачу, когда мы сдадим добычу заказчику. Их что же, вообще деньги не интересуют?

— Интересуют, конечно. — Андрей пожал плечами. — Но ты и так перевела каждому почти годовую зарплату профессора. Наверное, мужики не сомневаются, что ты не обманешь и подкинешь еще немножко после возвращения. Но главное не в этом.

— А в чем же? — Виктория приподняла шлем, уставив на него полные недоумения изумруды.

— Для них это просто интересное приключение. Трудная задача, решение которой доставляет огромное удовольствие.

Она поморщила лобик, потом обрадованно захлопала ресницами и сказала понимающим тоном:

— Вроде как затащить в постель фригидную красотку?

Тревожное недоумение разрешилось, доступное объяснение найдено, и рыжая собралась вернуться в мир трехмерных образов.

— погоди секунду. — Андрей взял ее за руку. — Ты не обидишься, если я предложу тебе дорогой подарок?

— Насколько дорогой? — Изумруды глаз настороженно сузились.

— Ну, мне он в пару тысяч обошелся.

— Для кольца с брюликами многовато, на подержанную машину тянет... — Рыжая потерла наморщенный лоб и обрадовалась, придумав разгадку: — Или решил проверить меня... Ревнуешь все-таки? Не брала от мужчин ничего дороже флакона хороших духов.

— Успокойся, твоя первая версия была верной. Мне по случаю обломила дешевая машинка, подумываю тебе подарить.

— Оставь себе, — отмахнувшись, Виктория нахлобучила шлем. — Тебе нужнее. Я-то на планетах редко бываю.

— Может, еще передумаешь...

Обняв ее за плечи, Андрей прикрыл глаза, вернувшись мыслями ко вчерашнему разговору с научным руководителем.

Исходя из общих принципов гуманности, Андрей показал Фролову далеко не все документы, доставшиеся ему после мародерства в архиве «Прусло Кром». Однако даже малой доли хватило, чтобы повергнуть профессора в тяжелую форму шока. Дрожащими пальцами Максим Анисимович листал планшеты, при этом бормотал традиционные подозрения о возможности фальсификации, то и дело напоминая об ответственности научного сотрудника, взывал к благоразумию. Почти наверняка высокие слова скрывали боязнь большого скандала.

— Поймите, молодой человек, нельзя публиковать такие материалы без доскональной проверки, — взволнованно растолковывал завкафедрой. — Науке противопоказана беспринципная погоня за дешевыми сенсациями. Мы изучаем прошлое во имя будущего, поэтому вправе оперировать лишь достоверно установленными фактами. К моему глубочайшему сожалению, наш университет — всего лишь провинциальное учреждение, здесь нет специалистов, способных проверить правильность перевода, не говоря уж о подлинности оригиналов.

Он добавил: дескать, экспертизу такого рода смогут сделать только профессионалы, работающие в разведке на Земле. Никаких сомнений: больше всего ему хотелось избавиться от ужасных документов. Причем почти наверняка профессор верил в подлинность ворованных файлов, но никогда в этом не признается.

Вот так и фальсифицируется история, печально размышлял Андрей, невнимательно слушая панические причитания Максима Анисимовича. В архивах покоятся миллионы документов, которые могут разрушить или хотя бы пошатнуть устоявшуюся картину минувших веков и тысячелетий. Картина может противоречить правде, но привычна и удобна, поэтому большинство историков не желает разрушать эти ложные представления, признанные верными. Много поколений псевдоученых создавали подобные теории, затем передавали в наследство следующему поколению, которое творило свои диссертации на основе заблуждений предшественников. Разумеется, очень много в исторической науке тех, кому невыгодно развенчание старых ошибок — ведь в таком случае надо будет сознаваться, что многие работы современных исследователей неверны от первой запятой до последнего многоточия...

— Разумеется, вы абсолютно правы, — делая наивную гримасу, произнес аспирант Машукевич. — Экспертизу проведут специалисты Института военной истории, но и мы способны подтвердить некоторые факты. Извольте взглянуть...

Для демонстрации он отобрал наименее сенсационные документы. Первой была представлена профессору переписка дочерней фирмы, входившей в холдинг «Прусло Кром». Руководитель регионального офиса в 7-й Республике докладывал об изучении трофейных машин типа «Веспа» и «Рин-Веспа». Отчет представлялся интересным сам по себе, поскольку содержал подробное техническое описание «бревна». В ответ головной офис направил приказ немедленно восстановить небольшое число машин этого типа. Спустя несколько дней поступило распоряжение передать единственный отремонтированный «Веспа» в дочернюю фирму, расположенную на одном из миров Мрагвенда.

Благодаря ловкости рук майора Гагиева в распоряжение земных историков попало также письмо, разосланное членам совета директоров «Прусло Кром». В документе говорилось, что наступление варваров-гуманоидов против Мрагвенда осуществляется слишком успешно, поэтому необходимо усилить армию рагвенов и остановить орду людей. С этой целью рагвенам передавалось захваченное на разных фронтах оружие тарогов. Тем самым люди должны были заподозрить, что кабтейлунк снабжает их врагов военной техникой, то есть вбивался клин между Кьелем и Землей.

По некоторым признакам Андрей догадывался, что Максим Анисимович, подобно

многим интеллектуалам, симпатизирует Ломандару. Предложенная подшивка документов не могла не понравиться профессору, ибо снимала с ломов часть обвинений в интригах против человечества. Украденные в офисе «Прусло Кром» файлы перекладывали ответственность милых опоссумов-ломов на безликую трансгалактическую корпорацию.

— Вот мерзавцы, — с чувством высказался Фролов. — Если будет доказана подлинность этой информации, вы должны обязательно включить открывшиеся факты в свою диссертацию. И сделаете доклад на эту тему — как раз в декабре пройдет межсистемная конференция.

— Обязательно, Максим Анисимович. — Андрей готовился перейти к главному, и научный руководитель, кажется, был приведен в состояние готовности выслушать ужасную новость. — Среди документов есть один, который очень не понравился мне и еще больше не понравится вам.

Документ на самом деле выглядел ужасно — не по форме, но по содержанию. Супервизор дочерней фирмы докладывал правлению корпорации, что получил точные сведения через надежную особь в руководстве спецслужб 12-й Империи. Согласно сведениям этой особи командир корпуса генерал-гуманоид Лестер сотрудничал с имперской военной разведкой и сознательно не выполнил приказ штаба фронта, изменив направление удара. Позже Лестер был фактически отстранен от управления операциями, последующие приказы о точечных ударах отдавал его заместитель генерал Робеспьер, а затем командование принял генерал Юнгер. Агент, посланный в штаб корпуса (капитан интендантской службы штаба фронта Гарольд Гринхаус), не смог поговорить с Лестером — генерал беспробудно пьянствовал, бормоча про скорый арест и трибунал. Файл содержал также видеокadres невинного разговора Лестера с агентом и — настоящее чудо! — список агентов, внедренных имперской разведкой в земную армию.

Дважды пересмотрев кадры, Фролов сокрушенно взмахнул руками и прошептал:

— Это он... это дядюшка Теодор... Какой ужас! Теперь становится понятно, почему Лестера выгнали из армии.

Ничего не понятно, мысленно возразил Андрей. Будь у верховного командования доказательства, Лестер пошел бы под трибунал за измену.

— Видимо, контрразведка не собрала надежных улик против генерала, — сказал Андрей, сам не слишком доверяя такому объяснению. — Его подозревали, но смогли только выгнать в отставку за неправильное управление вверенными войсками.

— Безусловно, вы правы. — Завкафедрой, застонав, умоляюще посмотрел на добытчика разоблачительных файлов. — Постарайтесь не упоминать предательства генерала. Лучше пусть он останется в истории бездарностью, чем изменником.

В тот день Андрей покинул университет с двойственным ощущением. С одной стороны, профессор дал согласие включать в диссертацию любые материалы, лишь бы не всплыл позорный факт измены. Но с другой стороны, как прикажете поступить с нерушимым принципом писать только правду, всю правду и ничего другого, кроме все той же правды?

Все билеты на шоу были распроданы до конца следующего дня, но Тариэль еще неделю назад раздобыл заветные картонки для всей компании. Виктория не успела даже пробежаться по космодромным бутикам — начиналась посадка.

Секцию С-9 задрапировали под призывной пункт позапрошлого века. У входа расхаживали матросы-часовые в старинной броне, вооруженные смешными короткоствольными пульсаторами образца 2320-х годов. Суровый седой военврач осматривал пассажиров, мускулистый капрал похабно домогался хорошеньких девочек, а сексапильная медсестра с внушительным декольте строила глазки мужчинам.

— Откройте рот, скажите: а-а-а... — строго потребовал военврач, когда очередь дошла до Андрея. — Не дышите, смотрите на голограмму... который из этих кораблей вражеский?

При этом он водил вдоль грудной клетки пассажира бутафорским прибором. Прибор

мигал разноцветными светодиодами, пищал на грани ультразвука, противно вибрировал и выдвигал непонятные приспособления.

— В разное время все они были вражескими. — Андрей зевнул. — Шоколадка мне положена?

— Годен к службе, зарегистрируй его, дорогуша... — Спohватившись, доктор буркнул: — Угощение только детям.

Подвинув рыжую, продолжавшую кокетничать с капралом, Андрей направился к медсестре. Та, зарегистрировав его билет и многообещающе подмигнув, хрипло промурлыкала:

— Каков красавчик. Может, встретимся на борту.

— Обязательно встретимся, — согласился Андрей. — А то мне сладенького не досталось.

Как он и рассчитывал, Виктория немедленно прибежала, вклинилась в их разговор и потащила любимого в десантный катер. С трудом удалось уговорить ее постоять еще минутку, чтобы получить удовольствие: на медосмотр двинулся старик Харонов. Одетый в штатское ветеран старательно прикидывался лохом экстра-класса, путал крейсера со шлюпками и громогласно вспоминал, как в молодости совершил круиз на «Платиновой комете». На прощанье, когда утомленный военврач, торопясь избавиться от придурковатого пенсионера, признал его годным, Аким шокировал зрителей изречением:

— Я, может быть, не адмирал, но зверствовать умею.

На борт линкора публику доставляли по тридцать душ в модернизированном десантном катере. Старую машину типа «прощай навек» слегка благоустроили, так что пассажиры сидели не на голой палубе, а в удобных ячееках.

— Ты на эту крашеную выдру не рассчитывай, — свирепо предупредила Виктория. — Мы с тобой в одной каюте записаны.

— Нешто вправду? — Андрей изобразил растерянность. — Я думал, ты к тому жлобу в кубрик намылилась. Уже хотел морду ему бить.

— Да ты чего... — опешила рыжая. — Правда, что ли, ревнуешь? Брось, я же просто так... И не вздумай драться: парень в десанте служил — порвет тебя.

— Посмотрим на твое поведение, — угрожающе прорычал Андрей.

Ни в каких серьезных частях тот актер с нашивками капрала конечно же не служил. Тату «штурм-десант» на плече было нарисовано маркером, а не наколото. Бодибилдингом, безусловно, баловался, но побить его в случае чего будет несложно. Впрочем, Андрей надеялся, что драки с экипажем удастся избежать: впятером они всех не положат, на линкоре должно быть не меньше полусотни матросов.

Тут засвистели моторы, и Виктория возмущенно взвыла: дескать, антигравы на этой телеге пьяный гуманитарий регулировал. Бедняжка никогда не ходила в настоящих машинах такого класса, конструкторы которых заботились о скорости, защищенности и огневой мощи, но никак не об удобствах для пассажиров.

Популярное шоу «Звездный рейд» открылось незадолго перед 8-й Галактической войной. В столь давние годы публику обслуживали дредноуты, построенные в конце XXII века, с трудом развивавшие десяток световых скоростей. Сегодня те корабли не покидали музейных причалов, а для шоу командование выделило линкоры, помнившие детские годы Германа Чарманова. Красочные спектакли считались полезным средством патриотического воспитания. Как показывал опыт, многие мальчишки и девчонки, побывав на настоящем боевом корабле, приняв участие в потешных сражениях, всерьез увлекались романтикой военного флота и после школы поступали в учебные заведения соответствующего профиля.

Была у шоу-эскадры и другая функция — за счет публики поддерживались в боеготовном состоянии старые, но грозные боевые корабли, которые в случае надобности могли быстро вернуться в строй. Экипажи «флота развлечений» составляли ветераны, вольнонаемные работники и проходившие практику курсанты военно-космических училищ.

По просьбе ведомства, где служил майор Гагиев, командование шоу-эскадры вне графика направило к планете Калиюга линкор «Горгозавр». Проходя по коридору к жилым каютам, Андрей оценил грубую простоту внутреннего устройства корабля. Никаких излишеств — только голые плоскости с бронированными люками в переборках. Прямые отрезки переходов перегораживались тамбурами, делившими линкор на отсеки. В стенах не было светильников, иллюминацию обеспечивали светящиеся участки наномассы, покрывавшей броню. Некоторые такие плафоны содержали полезную для пассажиров информацию об устройстве и славном боевом пути старого корабля.

Один из транспарантов поразил Викторию — хихикая, рыжая громко сказала:

— Смотри, любимый, там ошибка, лишний ноль нарисовали.

— Не шуми, все нули на месте, — шепнул Андрей. — На самом деле они вместо шестерки написали четверку.

— Заболел или не похмелился? — посочувствовала Виктория. — Масса больше половины мегатонны? Таких кораблей не бывает!

— Следующее поколение было почти в мегатонну, — подтвердил шедший за ними Харонов.

Примерно за четверть века перед началом 8-й Галактической был заключен договор об ограничении тоннажа боевых кораблей, согласно которому масса линкоров, акронов и прочих исполинов не могла превышать 100 условных единиц, составлявших 433 тысячи тонн. Реальная масса «динозавров» и «сражений», то есть линкоров типа «Тираннозавр-Рекс» и «Ватерлоо» зашкаливала за 600 килотонн, однако в официальных документах указывалась благоразумная величина 420 тысяч тонн. Точно так же поступали все державы тех времен, включая моралистов-имперцев. Когда стало понятно, что до войны остаются считанные годы, все правительства дружно вышли из договора и начали строить корабли без всяких ограничений. В некотором выигрыше оказались люди и ломы, заложившие мегатонных чудовищ.

Не без труда смирившись со столь запредельными масштабами патологического гигантизма, Виктория попыталась прикинуть мощность двигателей, носивших по Галактике подобную махину. Названные Хароновым цифры потрясли рыжую. Таких больших глаз у нее не бывало даже в моменты оргазма.

— Какой хитрый был этот Чарманов... — пролепетала она восхищенно.

— Почему же был? — удивился Андрей. — Вроде бы жив еще...

Он резко встал посреди коридора, и Харонов с разгона налетел на него, сильно толкнув в спину.

— Ты чего вздумал астероид на трассе изобразить? — осведомился раздраженный капитан 2-го ранга. — Я пока не кусаюсь и ядом не плююсь, я пока добрый, но все это — впереди, слово офицера.

— Виноват, мысль пришла...

— Мысль — не триппер, сама пришла — сама и уйдет, — продолжал ворчать старик. — Ты не в галюне, чтобы к тебе мысли ходили.

Еще раз извинившись, Андрей подхватил подругу за локоть и поспешил к выделенной им каюте. Несвоевременная мысль не давала покоя. Герман Чарманов, профессор политологии, маршал в отставке, сумевший с минимальными потерями вывести ССМ из 8-й Галактической войны, был жив — об этом Андрей слышал совсем недавно в какой-то передаче. К началу 9-й Галвойны великому старцу исполнилось около сотни лет, он как раз прошел процедуру омоложения и почти всю войну провалялся в биогенной камере. Однако в мемуарах некоторых деятелей того времени прямо говорилось, что Енисейский почитал Чарманова, неоднократно посещал в госпитале. Они могли говорить откровенно — уж эти двое наверняка понимали друг друга с полуслова. Если кто-то и знает истинные намерения Порфирия, то лишь Чарманов!

Двести участников шоу еще распределялись по каютам, а «Горгозавр» уже покинул

окрестности Калиюги. Средним ходом, задействовав лишь вспомогательные движки, линкор облетел планету и оба ее спутника, но подобное зрелище мало кого заинтересовало — большинство калиюжцев ежегодно совершало такие экскурсии. Следующим пунктом программы был бросок в сторону Наяды — большой, с Уран размерами, планеты, чья орбита умещалась между Калиюгой и Августой. Именно там, среди двух дюжин лун разного калибра, должен был разыгаться главный эпизод сценария.

На участке разгона пассажирам объяснили, как бежать в ангар по сигналу тревоги, как пользоваться скафандрами, как запускать сигнальные огни. Разумеется, Виктория учинила скандал, потребовав предъявить протоколы квартальной проверки снаряжения. После обеда — кормили настоящим флотским пайком, включая борщ и котлеты с макаронами — массовики-затейники из состава экипажа провели викторину «Что я знаю про звездный флот?». Знатоки, сумевшие ответить на примитивные вопросы, получали маечки, выпелы и макеты с лейблами военно-космического ведомства. С помощью любимого рыжая отхватила главный приз — дистанционно управляемую модель «Горгозавра».

Затем начался турнир по перетягиванию каната. От этого теста на интеллект отряд заговорщиков уклонился — по настойчивой рекомендации старших офицеров, они разошлись по каютам и занялись подготовкой к захвату звездолета.

Подготовка свелась к переодеванию в удобные костюмы, не сковывающие движений. Оставшийся час до мероприятия они провели в четырехкочной каюте, куда организаторы заселили Савву, Тома, Юджина и доктора. Харонов блаженствовал в родной обстановке большого корабля и чаще обычного изрекал казарменные афоризмы. Непривычный к стариковским шуткам Савва Машукевич поначалу дивился, но вскоре привык и даже оценил очередную сентенцию:

— Лейтенант должен все знать и хотеть работать, — назидательно говорил Харонов. — Старший лейтенант должен уметь работать самостоятельно; капитан-лейтенант должен уметь организовать работу; капитан четвертого ранга должен знать, где и что делается; капитан третьего ранга должен уметь доложить, где и что делается; а вот капитан второго ранга... — он многозначительно помахал указательным пальцем, — должен знать, на кого надо вовремя наложить взыскание, чтобы командир эскадры не наложил взыскания на него.

— Круто и не противоречит Уставу, — восхитился брат-связист. — А что насчет адмиралов?

— Не помню, — капитан 2-го ранга вздохнул, — старый стал. Кажется, задача главкома флота — уметь доходчиво доложить министру то, что тот хочет услышать.

Сообразив, что мужики прикалываются, Виктория захихикала. Неодобрительно посмотрев на нее, Том предложил поговорить о главном. Вежливый намек майора — дескать, обязанности распределены — не получил ответа, и контрразведчик запоздало начал догадываться о заговоре внутри заговора.

— Я консультировался с юристом, — сообщил Андрей. — Специалистов в этой области мало, но законы на нашей стороне. Спасибо командиру, без него мы вляпались бы по-крупному.

— Не вчера с пальмы слезли, — гордо признался Харонов. — Таблицу сложения помним, умножения — тоже.

— Вы о чем? — настороженно поинтересовался Таризель.

— Думаем, как лучше выполнить задание, — успокоил его Юджин. — Однако меня терзают злые подозрения. Почему никто не подумал об этом раньше?

— Потому что линкоры давно списаны, — грустно поведал капитан 2-го ранга. — Новые кораблики не имеют такой толстой брони из нейтрида. Новые корабли стали красивыми легкими машинами, не для них такая задача.

— Это как эволюция хищников, — объяснил Андрей. — В древности по Земле ходили громадные неуклюжие динозавры с огромными клыками, защищенные толстой шкурой, даже панцирем. Эволюция убила великанов, на смену пришли тигры и волки — быстрые, ловкие, сообразительные. Но их добыча лишена брони, поэтому и клыки стали поменьше.

— Ты хочешь сказать, что новые корабли слабее старых? — осведомился физик, недоверчиво поигрывая бровями. — Как такое возможно?

— Смирись, гипермастер, — проворчал Харонов. — Все происходило постепенно, шаг за шагом. Новые двигатели, новые конструкционные материалы, новое оружие. Через десять лет после той войны самым эффективным кораблем стал очень быстроходный крейсер с легким корпусом из компаунда, то есть вещества, скрепленного силовым полем. И новые чересчур умные торпеды достают мишень на дальностях, не доступных для самых огромных тахионных пушек. Стали не нужны большие пушки, а стало быть, и сверхтолстая броня, потому как торпедная боеголовка все равно пробьет любую защиту. Про гиперкоконы вообще разговора нет — от этого добра даже силовые поля не защитят. Старые корабли отправились на переплавку или в музей, а новые несут те же двигатели, но без брони их масса на порядок меньше, а скорость — на полпорядка больше.

— Можно понять, — проворчал Юджин. — Андрей, ты не знаешь, сколько еще таких укрепрайонов осталось?

— Ни одного, — уверенно сказал историк. — Добычу по-братски поделим или жребий кинем?

Непосвященные синхронно подумали почти об одном и том же. Гагиев заподозрил, что братва вошла в роль пиратов и намерена продать линкор и батискаф на черном рынке. Опасения Виктории получились проще, но конкретнее. Она почти не сомневалась, что любимый оказался таким же гадом, как остальные мужики, то есть намерен прикарманить все денежки, которые заплатит заказчик. Старшего Машукевича волновали совсем другие проблемы: не посвященный в истинную профессию «доктора», он беспокоился, как бы власти Солнечного Союза не перехватили «Горгозавра» вместе с добычей. Но брат заверил его в полной законности мероприятия, а сама задача была слишком интересной, чтобы в последний момент врубить моторы на «полный назад».

По лицам спутников Аким Харонов угадал возможность неполного взаимопонимания и объяснил, на какое вознаграждение рассчитывает в Глючном укрепрайоне. Новость шокировала майора, считавшего своих спутников шайкой наивных охотников за сокровищами. Виктория в очередной раз посетовала, почему она такая глупышка и в упор не видит, где настоящие деньги плавают.

Бой возле Наяды разыгрался, когда все пассажиры собрались на обзорной палубе. Для большей наглядности в этой части корабля разобрали переборки, так что получился просторный отсек, где свободно поместились все участники шоу. На массивном постаменте располагалась боевая рубка, с которой тоже сняли заднюю переборку, чтобы не мешала пассажирам любоваться действиями командиров, управлявших кораблем. Огромные голограммы позволяли следить за событиями, происходившими в окружающем пространстве.

Пассажиры видели, как из-за большой планеты внезапно вылетела вражеская эскадра, открывшая огонь на поражение. «Горгозавр» содрогнулся, что было достигнуто одновременным импульсом двигателей прямо по курсу и в противоположном направлении. Заморгали плафоны и завывли сирены. Динамики прогремели приказ занять места по боевому расписанию.

Курсанты, составлявшие команду линкора, развели пассажиров на огневые точки и наскоро объяснили, как наводить пушки на цель. Дело было нехитрое, большого ума не требовалось. Точно как в играх виртуальной реальности — совместить кружки прицела с силуэтом вражеского корабля и нажать гашетку на джойстике. Часть публики посчитала подобное развлечение чрезмерным, но многие охотно втянулись в перестрелку.

Примерно полчаса линкор обменивался залпами с противником, перебил несколько десятков корветов и повредил вражеский крейсер. Эскадра неприятеля, потрепанная столь мастерским ответным огнем, отступила за Наяду для перестройки боевых порядков, хотя перестройка — любой историк скажет — редко приводит к благополучному результату.

Неожиданно к разгоряченным пассажирам вышел обмотанный бинтами командир, сообщивший замогильным голосом:

— Катастрофа, друзья мои... все офицеры на мостике убиты, и корабль потерял управление. Нет ли среди вас пилотов, которые смогут вернуть нас на Калиюгу?

Согласно сценарию, предусматривалась минута паники, после которой из толпы выйдут несколько испуганных мальчишек и встанут к приборам управления. Опередив подставных спасителей, Харонов, Андрей, Юджин и Виктория бросились на мостик с воплями:

— Мы умеем!

После секундной растерянности экипаж спохватился, но было уже поздно. Самозванцы стремительно развернули корабль, и Харонов, злорадно ухмыляясь, врубил главный движок. Пассажиры и все прочие отделались синяками, а линкор, молниеносно разогнавшись до субсвета, уже тормозил около Калиюги. Двенадцать световых минут от внутренней планеты они преодолели с далеко не рекордным результатом в полчаса.

— Не крейсер, — с чувством резюмировал Харонов. — И на виражах слегка заносит. Учти, дочка, заносы компенсировать будешь ты, больше некому.

Рыжая, чуть не расплакавшись, простонала:

— Как же такую машину держать на курсе?! Вы не шутили, что у него тоннаж больше сотни кило?

— Шестьсот семьдесят в полной загрузке, — опрометчиво вырвалось у Андрея. — Но ты не переживай, сейчас на борту торпед и снарядов нет, поэтому не больше шестисот.

Не привыкшая оперировать такими величинами Виктория малость успокоилась. В привычных ей масштабах разгрузка шести десятков килотонн была громадным делом. Заулыбавшись, она с облегчением произнесла:

— Так бы сразу и говорил.

Корабль уже выполнил финиш-маневр и сел на грубую высокую орбиту. Торопливо, врубив сигналы тревоги, Харонов четко выдал по внутренней трансляции приказ немедленно покинуть борт. Немногочисленные роботы-стражники вышли из укрытых в переборках ниш и погнались напуганную толпу к ангарам. Экипаж, укомплектованный отставными ветеранами, вольнонаемным составом и курсантами, был сбит с толку и пытался протестовать. Все зачатки сопротивления подавил грянувший в динамиках решительный голос капитана 2-го ранга:

— Внимание, личному составу. Всем «гамма-пять» обеспечить эвакуацию категорий «эр-семь» и «пси-четыре».

Предельно четко сформулированный приказ, классическая флотская лексика и командирские интонации не допускали толкований. Экипаж мог бы возражать против вежливой просьбы высадить на планету вспомогательный персонал и пассажиров. Однако неведомый командир назвал их (в действительности подпадавших под категорию «гамма-8») высоким рангом «гамма-5», да и вообще военные были дисциплинированными людьми.

Менее чем за час все пассажиры, прихватив оставленное по каютам имущество, расселись по десантным катерам и отправились на Калиюгу. Последними на борту остались отставной капитан 3-го ранга, командовавший шоу-линкором, и еще несколько ветеранов. Их просьбу разъяснить обстановку на мостике проигнорировали, а роботы-стражники деликатно загнали стариков на катер и отправили в полет к планете.

Дважды для верности проверив показания приборов, Савва доложил:

— Командир, на борту нет посторонних живых организмов. Можно бежать.

— Старшие офицеры не бегают, ибо в мирное время это вызывает противоречащее уставу веселье, а в военное — панику, — назидательно произнес Аким Харонов. — Мы не побежим, а пойдем — быстро и с песнями. Гипермастер, трасса рассчитана?

— Так точно, — доложил Юджин.

Назвав эту новость отличной, Харонов осведомился, каков песенный репертуар у пилота-навигатора, то есть Виктории. На этот раз она не стала переспрашивать, наивно

полагая, будто старик шутит. Между тем прочно державший контроль над линкором ветеран начал разворачиваться на траекторию разгона, велел борт-инженеру, то есть капитану запаса Машукевичу, занять место второго пилота и не ловить астероиды разинутой пастью, раздал указания остальному экипажу и аккуратно потянул курсором стрелку мощности.

Форсунки выбросили в рабочие камеры тройную порцию молекулярной смеси, резонансное поле давило атомы на кварки, которые немедленно соединялись в противоестественных агрегатных состояниях, реакция деления стремительно вышла на частично неуправляемый режим, запустив реакцию синтеза. Поток энергии хлынул в генераторы деформирующего поля, разгоняя «Горгозавра» как во времена боевой молодости.

Глава 19

Сокровище Дырявой Пустоши

Когда глубоко в кормовых отсеках заворчали двигатели и проснувшаяся сила стала наращивать импульс линкора, все вопросы о массе корабля и мощности двигателей отпали сами собой. Надвинув на брови форменное кепи, Харонов выстреливал команды и, едва выслушав ответ, отдавал следующее распоряжение.

— Борт-инженер, тестирование защитного поля... Навигатор, это не вручную делается, запустить программу компенсации сдвига...

— Командир, защита запущена на сорок процентов... виноват, уже полтинник.

— Ой, дяденька, никогда такой программы не видела! Можно скопировать?

— Механик, жду доклада! Навигатор, следи за сносом, эта программа на другом корабле не сработает. Гипермастер, рассчитать курс.

— Командир, двигатели старые, тяга растет медленно. Половину мощности должен выдать.

— Командир, есть расчет трассы на три отрезка.

— Дяденька, чуть-чуть все равно заносит, но я стараюсь.

— Командир, силовое поле достигло полной мощности. Осмелюсь доложить, что емкости заполнены на восемь процентов.

— Командир, на тяге в три четверти началась вибрация, сбросил до половины.

— Вибрацию почувствовал... Второй пилот, держи курс. Навигатор, запомни, что все дяденьки и дочки полчаса назад повешены на кронштейне верхнего лафета.

— Ой, правда повешены?

— Вика, разговаривать надо как на съемочной площадке: «Есть, командир», «Так точно», «Разрешите доложить». Поняла?

— Борт-инженер, прекратить лекцию по уставам! Какая в заднюю дюзу съемочная площадка? Ты еще кордебалет из оперетты вспомни! Ты не забыл, кто на борту канонир?

— Никак нет, командир, программа тестирования запущена, результаты слегка тухлые.

— Ой, то есть... командир! Мы идем прямо на звезду!

— Канонир, доложите подробнее.

— Три орудия главного калибра из четырех частично демонтированы, то есть сняты замки. Верхний бластер, на кронштейне лафета которого повешены дяденьки и тетеньки, также приведен в нефункциональное состояние, и еще много чего не работает. Торпедные аппараты можно привести в чувство, но торпед ни одной. У нас остались батареи ближней самообороны — семь из двадцати четырех установок. Также можем использовать одну гравимагнитную катапульту, три гамма-бластера и одну тахионную пушку большой мощности.

— Дядень... командир, отворачивайте, мы через две минуты врежемся в Августу!

— Экипаж, внимание, мы входим в корону звезды Августа. Борт-инженер и механик, организуйте заполнение топливных емкостей. Пилот-навигатор, закрой глаза и делай глубокие вдохи-выдохи. Гипермастер, я борт-инженеру доверяю, но ты все-таки прозвони пушки.

— Есть, командир!

На голограммах обзора клубились огненные завихрения звездной плазмы. Механизмы линейного корабля втягивали килотонны пламени в емкости, расположенные между внешним и промежуточным поясами брони. Капитан запаса Машукевич ошибся, рассказывая возлюбленной про массу линкора. На орбите Калиюги масса «Горгозавра» не превышала четырехсот тысяч тонн, поскольку топливные баки были практически пусты. Корабль почти час плавал в верхних слоях Августы, закачав почти сотню килотонн раскаленного ионизированного газа.

Деформаторы работали на малой мощности, защищая линкор коконом свернутых измерений. Впрочем, даже без деформированного пространства слой нейтрида вполне мог бы сдерживать ярость звездных ураганов. Линкоры прежних поколений были чрезвычайно прочными машинами, потому как предназначались выдерживать удары куда более сильные, нежели природные катаклизмы.

— Командир, тахионная пушка и гамма-бластеры в порядке, катапульта потеряла мощность примерно на треть, синтезатор еле дышит.

— Механик, что скажете?

— Любимый, ты раньше был в звезде?

— Да, я тоже подумал... в звезде никогда.

— Командир, мы вместе проверяли. На синтезатор надежд мало. Делает около пяти граммов газа в час.

— Успокоили! Нам много и не надо.

— Командир, баки наполнятся через...

— Отставить, достаточно. Запускаю двигатели, всем держаться за кого-нибудь.

Вырвавшийся из солнечного океана корабль превысил световую скорость прежде, чем достиг орбиты Калиюги. Условную границу системы они пересекли на шести световых.

Для входа в гипер надо разогнаться и некоторое время держать постоянный вектор движения. Объяснить, почему так, а не иначе, навигаторы не желали. Лучше них понимавший в формулах Юджин, сильно морщась, рассказал про импульс трехмерного движения, который трансформируется в тензор псевдоимпульса для многомерного пространства-супервремени. Про теорию трансформации слышали все, она даже стала частью фольклора, наряду с теориями вероятности, относительности и безусловности, но понимали смысл этой математики лишь немногие.

После третьего вопроса — Андрей все-таки надеялся получить вразумительный ответ, но Юджин оказался посредственным популяризатором — командир не выдержал, приказал отставить, прокашлялся и бодро затянул древнюю песню про бегущую по снежной равнине волчью стаю. Поддерживая традицию, борт-инженер продолжил самодеятельность столь же палеонтологическим романсом — тоже про зимнюю дорогу и «динь-динь-динь» колокольчика, со свадьбой под занавес. Как ни удивительно, Виктория прочувствовала воцарившийся на борту дух высокой поэзии. Она пела что-то невероятно тоскливое — про измену милого, которого никогда больше не пустит на порог, как бы ни болело сердечко.

Под минорно-душещипательное музыкальное сопровождение угонщики музейной собственности преодолели первый, самый короткий отрезок трассы, покинув пределы Облака Зевса. Здесь, в пустынной части галактического рукава, их вежливо позвали по гиперсвязи, но сигналы диспетчерской службы утонули в помехах запущенного на полную мощь деформатора. Харонов быстро погасил остаточные импульсы, вышел на новый курс и опять врубил режим разгона. Андрей повидал немало, Виктория — и того поболее, но разворот под тупым углом на низком свечении шокирует даже тех, кому кажется, будто ничто в этой Вселенной не сможет их удивить.

— Ой, — снова вырвалось у рыжей. — Это же насмерть запрещенный маневр. Нас еще на первом курсе дрессировали, чего никогда нельзя делать.

— В этом разница между дрессировкой в гражданских учебках и полноценным

военным образованием, — рывкнул Харонов. — Не переживай, навигатор, такому только в академиях учат.

— Вот что значит военный корабль, — шепотом объяснил Андрей. — Любой грузовоз или лайнер давно бы рассыпался.

Они даже не сидели, но почти лежали в откинутых креслах. Тело и ноги затянуты фиксирующими ремнями, головы накрыты шлемами ментоинтерфейса, руки лежат на «птичках», перемещающих курсоры по трем осям голографических мониторов. Андрей привык работать руками по сенсорам, Викторину выдрессировали пользоваться мысленным управлением, но здесь и сейчас требовалось умение пользоваться обеими системами одновременно. Харонов это умел, причем умел виртуозно.

Минуты текли в бездну как выпущенные в темноту трассирующие пули, на терминалах менялись цифры и фигуры, деформаторы гудели неровно, временами захлебывались, но Харонов пренебрежительно назвал такие сбои обычным делом. Линкор устойчиво держался на курсе, направляясь к скоплению Посох, за который велись ожесточенные сражения в 7-й Галвойне, но который оказался глубоким тылом 9-й Галактической.

Монотонность полета разнообразили только редкие рапорты расставленных на посты угонщиков. Резкая перемена случилась, когда на мостик заглянул майор Гагиев, сообщивший:

— Командир, мы с Томом подкрутили синтезатор антивещества. Теперь в час почти двадцать граммов дает.

— Молодцы, но зря старались. Катапульта нам навряд ли понадобится... — Старик зевнул. — Устал я, пойду вздремну. Гипермастер, остаешься за старшего. Разбудишь за полчаса до маневра. Остальным советую снять сбрую и по возможности не прикасаться к приборам управления.

Расстегнув ремни, Харонов вылез из кресла, побряхтел и вразвалочку покинул рубку.

— Мог бы и раньше разрешить, — проворчала Виктория в задраенный бронированный люк.

Внезапно люк вновь раздвинулся, все настороженно притихли, но вошел всего лишь Савва.

— Что тут происходит? — осведомился связист. — Ходячий первоисточник армейского фольклора дал мне команду «вольно».

— Нам тоже, — обрадовал его младший брат. — Предлагаю подкрепиться, если оставленный за старшего капитан-лейтенант не будет возражать.

Юджин разминался, вращая верхнюю часть тела. Закончив упражнение, физик сделал страшные глаза, потом фыркнул и сказал:

— Я уже запряг роботов притащить пайки с кухни.

Саморазогревающиеся упаковки содержали типовой набор — питательный, но не слишком изысканный.

— На войне кормили лучше, — ностальгично резюмировал Андрей.

— Там роботов не было, — напомнил Таризель.

Подозрительно посмотрев на мужчин, ожидавшая подвоха Виктория произнесла с укоризной: дескать, нельзя быть такими привередами. По ее словам, случалось такую порцию на целый день растягивать. Утром — мясо с макаронами, в обед — супчик, а на ужин — булочку с маслом и салат.

— У нас, красавица, нет твоих забот за фигурой следить, — хохотнул Юджин и, допив суп, взялся за второе. — Слыхали, братцы, как воронье раскаркалось про наши разработки в Алефе?

Урчанием и кивками все подтвердили, что слышали. Буквально на каждом видеоканале то и дело выступали профессора неведомых наук, включая филологов, и взволнованными голосами повествовали о кошмарных последствиях человеческого проникновения в черные дыры. Профессора по-разному рассказывали про выбросы «темной материи», меняющиеся параметры реликтовых излучений, вихри гравитационных деформаций. При этом доктора

физики старались успокоить общественность, а гуманитарии стращали неизбежной катастрофой, сетуя на беспечность естественно-научных авантюристов.

— Ученые люди говорят, — жалобно всхлипнула Виктория. — Не все же они врут.

— Не все, — согласился Таризель. — Достаточно купить десяток — еще сотня начнет подвывать, чтобы пробиться на большой экран. И вой будет оглушительн, и голоса разума потонут среди воплей продажных псевдочученых.

— Точно как у нас в общественных науках, — с отвращением произнес Андрей. — В прессу проникают лишь самые примитивные представления, далекие от правды. Потому что правда — слишком сложная и неприятная штука, широким обывательским массам она без надобности. Куда милее байки: дескать, такая-то война случилась из-за плохого пищеварения такого-то президента.

— Извини, родной, но достал ты рассказами про фальсификаторов истории, — признался Том и пояснил, обращаясь к Виктории: — Три недели мы на войне были, из них две недели твой парень об этом толковал. Я даже фамилии академиков-историков запомнил.

— Про историю мне тоже много выслушать пришлось, — отмахнулась рыжая. — Не только Андрюша рассказывал, я на конференции пострашнее доклады видела. Но там я понимаю — гуманитарии могут врать любую ересь, какая в голову забредет. А вот физика — точная наука, тут запросто не соврешь.

Захочетав, Юджин отбросил опустошенный пластиковый контейнер и заговорил угрюмо, как о наболевшем:

— Почему вы все недооцениваете точные науки? В нашей сфере врать гораздо проще. Вам покажут уравнения с интегралом и скажут: мол, из этих соотношений следует, что Вселенная вот-вот взорвется. И лишь один человек из миллиона поймет, что рожа в зомбоящике нагло всех обманывает.

Ему не поверили, но Андрей, припомнив прослушанный в университете курс истории науки и техники, привел многочисленные примеры досадных ошибок и сознательных фальсификаций.

Так, долгие века господствовали античные представления, будто небесные тела кружатся вокруг Земли по эпициклам, а брошенный камень летит по прямой, и лишь потом, исчерпав запас энергии, падает отвесно вниз. Сильно нашумела грандиозная афера, известная как «проблема 2000»: производители допотопных компьютеров и программ, подкупив прессу, внушили публике, что с наступлением очередного столетия все старые программы перестанут работать. Перепуганные пользователи покупали новые версии, а компьютерные корпорации получили грандиозные по тем временам прибыли. Примерно в те же времена медицинская мафия объявила об открытии страшной болезни — женской импотенции. Прежде, чем их разоблачили, врачи «вылечили» от несуществующего недуга многомиллионную армию пациенток.

— Ты прав, — кивнув, откликнулся Юджин. — Всякий раз аферы такого рода приносят кому-то невероятные прибыли. В начале двадцать третьего века большая группа маститых чиновников от науки объявила, что расширение Вселенной резко замедлилось и что вскоре начнется сжатие, которое неизбежно приведет к новому Большому Взрыву. Сотни лабораторий по всей Земле выдавали подтасованные данные, пресса и политики вопили о скорой гибели, требуя принять немедленные меры. Под эту истерию всемирное правительство выделило колоссальные средства на развернутые исследования, проворные коммерсанты наладили выпуск домашних детекторов, чтобы каждый гражданин мог узнать, сколько времени осталось до конца Вселенной.

— Пытались урезать ассигнования на космическую программу и разработку методики продления жизни, — подхватил Андрей. — Требовали прекратить колонизацию Парнаса и Венеры, а все деньги направить на строительство неведомых защитных устройств. Когда этих жуликов разоблачили, они сделали большие глаза и сказали: ну, извините, немножко ошиблись. Если мне память не изменяет, при Джангархане многие фальсификаторы были расстреляны.

— Расстрелов не было, — не без искреннего сожаления уточнил доктор. — И еще припоминаю, как дважды в столетие на разных планетах начинаются разговоры о глобальном изменении климата. Экологи предупреждают, что наступает глобальное похолодание, а через полвека кричат про скорое глобальное потепление.

В следующие минуты было произнесено немало грязных слов об алчных и бесчестных обладателях ученых степеней, журналистах, политологах и политиках. Управляемый киберпилотом линкор мчался через гипер, штормов и завихрений в опасной близости не наблюдалось. Том и Тариэль ушли на свои посты в кормовых отсеках, Юджин и Виктория задремали в креслах перед пультами, поручив братьям растолкать их, если что-нибудь случится. Громко зевая, Савва подумал вслух: дескать, его работа начнется не скоро, поэтому можно поспать с комфортом в каюте.

Оставшись один на вахте, Андрей меланхолично разглядывал приборы, извещавшие о полном порядке. Мысли неторопливо вращались вокруг недавнего разговора, складываясь в неожиданный, но логически непротиворечивый вывод. Кто-то платит ученым аферистам и прессе за болтовню про фатальную деятельность людей в черных дырах. До сих пор в патриотических кругах считали по-простому: враждебные страны готовят общественность к агрессии против ССМ. Но могло случиться, что за новой кампанией против человечества стоят меркантильные надежды.

Командир появился неожиданно и очень вовремя. Андрей уже подумывал позвонить в каюту старика.

— Подъем, свистать всех наверх, — рявкнул Харонов.

Пока народ возвращался в состояние бодрствования, Андрей доложил, что за время дежурства ничего достойного внимания не произошло. Виктория спросонок брякнула:

— Мальчишки такие смешные вещи рассказывали. Оказывается, в старину люди думали, что камень по прямым линиям летает.

Грозно глянув на рыжую, старик изрек:

— Насчет камней не знаю, но пушка стреляет сначала по параболе, а потом по инерции.

Затем он подумал и пояснил, что парабола — это половинка эллипса, а эллипс — это такой вытянутый круг, в который можно вписать квадрат двадцать пять на сорок.

Продолжая развлекать экипаж прибаутками, Харонов вывел корабль в трехмерное пространство, бегущее вдоль одномерной оси времени. Гипермастер уже приготовил данные для последнего броска к укрепрайону, пилот-навигатор потихоньку разворачивала махину линкора на новый курс, однако Харонов недоволен морщился.

— Что я неправильно делаю? — Виктория прищурилась, как обозленная кошка.

— Не в тебе дело. — Харонов отмахнулся. — Пацаны, загляните в архив навигационных программ. Должна быть «Маска», «Хамелеон» или что-то в таком роде.

Просто чудо, как эти программы в архиве помещаются, — ужаснулся Андрей, перебирая память линкора. Тут были программы для выполнения различных маневров, для расчета траекторий, для анализа тактической обстановки, для ведения боя в одиночестве и в составе соединения.

Раздражало, что прежние командиры «Горгозавра» сохраняли все, даже самые старые версии. Андрея позабавило, что полная смена боевых программ, судя по датам, произведена сразу после разгрома ресов тарогами. Вот оно влияние войны — тактика меняется по мере анализа недавних сражений. Однако еще через несколько месяцев появились новые версии, безусловно заточенные против ломов с их массированным применением дронов-камикадзе: земные стратеги собирались уничтожать боевых роботов облаками шрапнели из антивещества. Получалось, что флот готовился к войне против ломов, которые в конце войны считались почти союзниками людей!

На всякий случай Андрей переписал на видеофон краткие пояснения к программам — в диссертации таким данным самое место. Он уже собирался вновь заняться командирским заданием, но Юджин громко сообщил, что нашел пакеты «Хамелеон» с версиями от 7.38 до

9.12.

— Запусти последнюю версию, — распорядился Харонов. — В таком деле подстраховаться не зазорно. А после поищите программу для черных дыр — «Колодец», «Яма» или даже «Артезианский колодец».

В этот раз удача улыбнулась Андрею. Действительно, имелись в стандартной коллекции несколько версий программы «Артезианус», причем последняя версия, датированная 2481 годом, устанавливалась автоматически, если датчики обнаружат поблизости черную дыру.

Харонов обрадовался, запустил двигатели на разгон и велел борт-инженеру вернуться к обязанностям второго пилота. Машинально выполняя нехитрые манипуляции, Андрей продолжал обдумывать открывшиеся факты, про которые не прочитаешь ни в каких мемуарах.

Его старые наработки подтверждались в полной мере: новое оружие диктует новые формы ведения войны, а это, в свою очередь, заставляет создавать еще более новое оружие, и так до бесконечности. Пусть не аспирант Машукевич первым открыл такую зависимость, но следует скорректировать название диссертации, подчеркнув, что оружие и тактика со стратегией эволюционируют совместно, причем оказывают сильное взаимное влияние. Взять хотя бы те же катапульты антивещества — как только был разгромлен Кьелтарогга, появился новый потенциальный противник в лице Ломандара, и земные корабли оснащаются средством против ломских дронов.

Он прямо с пилотского пульта раскрыл борт-журнал «Горгозавра», чтобы убедиться в правильности собственных выводов, нашел нужную запись и был потрясен, как боксер, пропустивший сильнейший хук в челюсть. Линкор «Горгозавр» отводился на завод для установки катапульт антивещества... в мае 2475 года. Значит, флот начал готовиться к войне с ломами еще за месяц до разгрома 7-й Республики, за два месяца до вступления в войну Союзных Звездных Скоплений. Андрей находил этому лишь одно-единственное объяснение: Порфирий Енисейский предвидел такое развитие событий, а потому заранее готовился к неизбежному.

К сожалению, Андрей давно уяснил для себя: если кажется, будто загадка имеет одно решение, то со временем наверняка найдется другая разгадка — правильная, но страшная. В данном случае следовало думать, что Порфирий готовил Солнечный Союз к продолжению войны, даже не предвидя скорого поражения Кьелтарогга. Означало ли это, что Енисейский предполагал неизбежность столкновения с Кордо или ломами — Андрей не знал ответа, поэтому собирался поговорить с Чармановым и другими дожившими до нынешних времен обитателями Красной Башни.

Каждый спел по несколько раз, даже Юджин, отнюдь не обладавший музыкальным слухом. Последний куплет выпал Андрею, и он с чувством поведал аудитории, как отдаст концы на дне чьих-то зеленых глаз. Принявшая на свой счет старую песню Виктория сентиментально прослезилась, а линкор покинул гиперпространство в безопасном отдалении от системы, прикрытой взбесившейся космической крепостью.

Название тусклой красной звезды, четверки планет и государства, которому они когда-то принадлежали, на земном языке не произносились — истребленные земноводные двоякодышащие разговаривали на ультразвуке. Крепость была частью оборонительной позиции: дюжина таких фортификационных систем прикрывала подступы к столице несуществующей ныне державы. В позапрошлом веке человечество поддерживало с этой страной тесные отношения, велась активная торговля, в портах погибшей цивилизации постоянно стояли сотни транспортов со всех концов обширного звездного сектора.

В разгар 7-й Галактической войны на двоякодышащих обрушилась вся мощь 6-й Республики, которая четверть века спустя станет именоваться 7-й Республикой. Намереваясь устроить 10-ю Империю, которая ныне называется Двенадцатой, ресы бросили против земноводных огромные силы, но первые две атаки провалились, напоравшись на прочную

оборону. За линией укрепрайонов уже концентрировались пришедшие на подмогу имперские эскадры, поэтому правители Республики решили завершить штурм одним эффективным ударом и применили гиперонные боеприпасы. Население девяти планет погибло от радиации, Галактика ужаснулась, Кьелтарогга, Даласули, Мрагвенд, Ломандар и ССМ объявили войну Республике, присоединились к имперцам. Ресов и перцев сильно потрепали, в галактическом секторе сложился новый баланс, для уточнения которого понадобились еще дюжина локальных и две большие войны.

Раса двоякодышащих погибла почти полностью, поэтому в дальнейших событиях участия не принимала. Миры, пораженные гиперонным излучением, становились безопасными с течением времени, некоторые планеты были колонизированы соседними странами. Исключение составляла эта система, в которой по-прежнему действовало несколько крепостей, не реагировавших на приказы отключиться. Глючный укрепрайон расстреливал из тяжелых орудий любые корабли, приближавшиеся через обычное пространство либо проникавшие в систему посредством гиперпрыжков. После нескольких трагических инцидентов попытки прекратились — в Галактике хватало неосвоенных звездных семейств.

— Вижу корабль, — вскрикнула Виктория. — Конкуренты, что ли?

— Лайнер «Соната», — уточнил Юджин. — Андрей, мы надеемся, что там твой приятель, а не подстава.

Вскоре лайнер вышел на связь и сообщил голосом Чаклыбина:

— Все документы в порядке. Нотариусы с адвокатами рядом со мной. Дело за вами.

— Вы нашли батискаф? — осведомился сгоравший от нетерпения Юджин.

— На космодроме второй планеты стоят корабли, которые могут быть носителями батискафа. Надо будет осмотреть каждый.

Савва, меньше других заинтересованный в астрофизических результатах экспедиции, спросил писателя, сколько всего кораблей осталось в системе. Услыхав, что кораблей даже больше, чем ожидалось, экипаж линкора сильно развеселился. Харонов изрек, язвительно посмеиваясь:

— Страховая компания локти кусает и клешни щупальцами выворачивает. — Он прокашлялся и рявкнул: — Разойтись по боевым постам! Борт-инженер, подать энергию на пушки, а потом превращайся в артиллериста!

Потерявший терпение Гагиев, не слишком логично назвав их авантюристами, потребовал:

— Объясните наконец, какая тут интрига за моей спиной замышляется!

— Ровным счетом ничего интересного, — фыркнул Андрей, уверенный, что доктор его бить не станет. — В системе осталось несколько десятков кораблей. Страховые компании давно заплатили прежним владельцам, право собственности за сотню лет многократно переходило из рук в руки. Мы нашли компанию, которой сегодня принадлежат корабли...

— Скинулись и выкупили по дешевке, — подхватил Юджин. — Страховщики были счастливы получить хоть какие-то деньги.

— Не меньше семидесяти транспортов и пассажирских лайнеров по две тысячи за штуку, — мечтательно произнес Аким Харонов. — Даже если просто сдать на лом, получим втрое-вчетверо больше, чем вложили.

Свирепо ухмыльнувшись, командир приказал отставить посторонние разговоры. Линкор приблизился к системе на дистанцию эффективного поражения — теперь экипаж подыгрывал братьям Машукевичам.

Савва колдовал с локаторами, выдавая на прицельный экран точное положение крепостей, Андрей наводил орудие, промерял дальность пристрелочными лучами. Тахионной пушке не нужны снаряды — импульс рождается в генераторе, поэтому Том, Юджин и Таризель обеспечивали подачу энергии в зарядные устройства. Чтобы не сбивать прицел, Харонов и Виктория вели «Горгозавр», окруженный защитным коконом, по прямой.

Целиться было несложно: крепости укрепрайона крутились по рассчитанным орбитам, не маневрировали, так что вычисление данных для стрельбы не требовало заумной математики, которую зазубривают курсанты артиллерийских академий. Андрей начал бой с дистанции около десяти световых часов, ударив зарядом тахионов средней мощности. Постепенно расплываясь, импульс летел около шести минут и накрыл цель, но пораженная крепость ответила серией выстрелов, от которой Харонов легко увернулся.

— Я же попал! — возмутился Андрей.

— Нечестно играет старая машинка, — заржал капитан 2-го ранга. — Догадаться, что случилось, или подсказать?

Раздраженно покосившись на развеселившегося ветерана, капитан запаса выпустил импульс полной мощности. Затем, подумав, выстрелил еще раз. Крепость тоже непрерывно была залпами, к ней присоединились еще четыре сооружения, прикрывавшие сектор. Уклоняться от огня такой плотности Харонов не стал, понадеявшись на силовые щиты.

Линкор получил не меньше дюжины попаданий, не причинивших заметных повреждений. Энергия слабых орудий укрепрайона не проникала сквозь область искривленного пространства. Выстрелы «Горгозавра» тоже накрыли мишень, но старая крепость продолжала сражаться.

— Из нейтрида сделана, что ли?! — заорал взбешенный Андрей.

Прекратив призывать красотку покататься на лодочке в штормовом океане-море, Харонов проговорил, ухмыляясь и хихикая:

— Сомневаюсь насчет нейтрида. Просто фортификация тоже силовыми полями защищена.

— Раньше надо было предупреждать, — буркнул пристыженный канонир. — Подойдем поближе?

Старик прочитал нотацию: дескать, неверно изучать тактику космического боя по идиотским фильмам, где каждый выстрел с любой дальности точно поражает цель, причем одного попадания достаточно, чтобы уничтожить любую, даже самую прочную мишень. Посетовав на молодежь, забывшую заветы предков, Харонов сжалился и велел стрелять сериями из трех импульсов.

— Лучше даже из четырех, — добавил он, поразмыслив.

— Наши зарядники обеспечивают не больше четырех выстрелов подряд, — напомнил Том Феррари. — Придется выпускать всю энергию в одну крепость, а потом почти полчаса ждать, пока накопится заряд для следующей серии.

— Одиннадцать станций по периметру и по дюжине вокруг двух планет. — Савва был искренне возмущен. — Что же нам, сутки воевать?

— Бывало, и по неделе из боя не выходили, — назидательно провозгласил Харонов. — Огонь.

Три последовательных импульса легли кучно, и крепость исчезла с экранов. Андрей проговорил неуверенно:

— Кажется, получилось...

— На поле боя раздавались крики и стоны мертвецов, — прокомментировал старый вояка. — Так держать.

В течение следующих трех часов они вывели из строя четыре ближайшие крепости и продвинулись на световой час. Управлявшие укрепрайоном программы, оценив ситуацию как опасную, запустили полсотни самонаводящихся торпед. Пока старинные боеприпасы разгонялись до субсвета, Андрей прикончил еще две крепости, а в перерыве, когда большая пушка перезаряжалась, выставил перед линкором облачко антигаза. Часть торпед аннигилировала, по другим открыли огонь гамма-бластеры.

К счастью для комендора, линкор был оснащен для войны лучше, чем «Собака Баскервильей». Андрею не пришлось вручную наводить орудия на каждую мишень. Компьютеры сами выбирали цели, сами наводили бластеры и стреляли. В силовой кокон «Горгозавра» угодили всего шесть боеголовок, созданных для поражения слабеньких

крейсеров давней эпохи, когда не существовало нейтридовой брони, деформаторов пространства и других чудес военного прогресса. Взрывы торпед не причинили вреда линкору, защита которого поглотила разрушительную силу древнего оружия.

Штурм укрепрайона продолжался по скучному сценарию. Линкор выбрасывал потоки тахионов и отражал торпедные атаки, малым ходом маневрируя по Глючному укрепрайону. Уничтожив одну за другой все космические крепости, «Горгозавр» прошел мимо укрепленных планет, расстреливая орбитальные пушки, торпедные пускатели, системы наведения и управления. Несколько тахионных импульсов пришлось потратить, чтобы разгромить упрятанные глубоко под скалами командные пункты. В общей сложности сражение продолжалось чуть больше двенадцати стандартных земных часов.

Экипаж линкора был вымотан до последней степени. Засыпавшего командира увел в каюту Гагиев, остальные кое-как расползлись своим ходом. Упав на койку, Андрей отстраненно подумал, за каким дьяволом в систему вошла такая армада неизвестных кораблей. Проснувшись через много часов, он сумел пересчитать эти корабли: четыре гражданских и три военных, причем линкор «Маршал Даву» и крейсер «Лас-Навас-де-Толоса» носили эмблемы шоу-эскадры.

Добыча распределялась пропорционально вкладу каждого участника. Чаклыбин заплатил страховщикам больше всех, поэтому ему причиталась почти треть трофеев. Андрей наскреб поменьше и стал владельцем десяти кораблей. Освобожденная ими система переходила в собственность компании «Шоу-эскадра», потому что блокаду прорвал корабль этого соединения.

Сразу после ранней побудки экипаж «Горгозавра» собрался на планету — осматривать трофеи, но с «Даву» вежливо, почти без использования ненормативной лексики, посоветовали не высовываться.

— Мы арестованы? — у Виктории забегали глаза.

Харонов затеял скандал, но быстро успокоился. С облегчением переводя дыхание, старик объяснил:

— Там дезинфекционные команды работают. Все планеты — сплошное кладбище. Гипероны всех выкосили — животных, растения, насекомых.

— Радиация сохранилась? — Юджина интересовали только физические аспекты. — Другие планеты стали пригодны для жизни через полвека.

— Наверное, бояться биологической опасности, — предположил Андрей. — После бомбардировки там миллиарды трупов разлагались. Любые болезни могут быть. Или мутанты...

Наработанные в шоу-бизнесе навыки не теряются даже после перестрелки с последующим недосыпом. Он четко представил себе, какие кадры можно будет снять на космодроме убитого мира. На следующей неделе Паккарди как раз начнет работу над заключительными сериями нового сезона «Казармы». Пейзаж, заваленный скелетами, прекрасно вписывался в сцену высадки земного подразделения на планету-концлагерь...

Воспользовавшись задержкой, Андрей набросал скелет сценария. Он собирался тщательнее прописать апофеоз, но тут ворвалась Виктория с воплем — дескать, разрешили отправиться на планету, но злой дедушка не выпускает без скафандров.

Скафандры имелись в оружейном отсеке «Горгозавра» — боевые «Гоблины», модернизированные, с усиленной броней, навесным устройством для перемещения в космосе и оптимизированной системой жизнеобеспечения. Подобрал одежку для Виктории, Андрей потуже затянул пояс и подкачал воздух в нагрудник и набедренники. Получилось весьма эротично, зрителям понравится.

Рыжая не сразу поняла, для чего ей таскать неудобный бластер, но все-таки прошла по ангару, делая вид, будто спрятавшихся врагов ищет.

— Нормально, — сказал наконец Андрей. — Твое лицо под шлемом несколько раз попало в кадр. Жозефу придется снять тебя в этой серии, а то шикарные кадры пропадут.

Он был удивлен, когда Виктория буркнула без настроения:

— Может, не стоит?..

Впрочем, развивать эту тему она не стала, но шлюпку пилотировала с мрачной физиономией.

Вблизи стало понятно, что космодромные строения обветшали и потихоньку рушились. Останки валялись повсюду — гуманоидные, членистоногие, панцирные и всякие другие. Большинство скелетов было разрушено и разбросано дождями и ветрами, но некоторые сохранились целиком. Повсюду бродили вооруженные патрули с эмблемами шоу-эскадры на скафандрах.

— Мне казалось, что «Даву» — сравнительно новый корабль типа «Суворова» или «Веллингтона», — недоуменно заметил Андрей. — Неужели для представлений даже линкоры прошлой войны используют?

Переключившись на его волну, чтобы остальные не слышали, майор ответил:

— Думаю, вчера он был еще в резерве вооруженных сил. Значок на борту нарисовали мои коллеги — в связи с изменением обстановки.

— Военная разведка? — сообразил историк.

— Наверняка. Мало ли какие документы остались на мертвых кораблях и в наземных пунктах управления. Кроме того, их должны интересовать поражающие факторы гиперонного излучения.

Мужской разговор прервала Виктория, которая тоже настроилась на волну Андрея.

— Я все-таки не поняла — ты ревнуешь меня или в самом деле хотел мне подарок сделать?

— Конечно, ревную. — Он сказал это не совсем искренне. — И подумывал подарить один из этих корпусов. Может, найдется судно в приличном состоянии.

Остаток пути Виктория доставала Харонова расспросами на тему — могут ли быть пригодны для эксплуатации грузопассажирские корабли, простоявшие без присмотра полтора века.

Батискаф оказался в трюме тяжеловоза, построенного на верфях 10-й Империи. Осторожно, дрожащими пальцами, Юджин запустил программы тестирования. Часть приборов включилась, выдавая невразумительные показания. Выматерившись, физик открыл меню языков, нашел общеземной, но стало не намного лучше.

— Резервуар основы заполнения... — Юджин сорвался и заорал: — Что за бред?

— Все нормально, не переживай. — Савва встряхнул его, схватив за плечо. — Во-первых, общеземной с того времени заметно изменился. Вдобавок надо сделать скидку на слабое знание земного языка создателями батискафа. Вероятно, сообщение означает, что основной резервуар частично не заполнен. Надо загрузить современные драйверы. Или даже операционку.

— Современную старый процессор не потянет, — предупредил Таризель. — Достаточно нормальных драйверов.

Немного успокоив нервы, физик сбросил в память батискафа какие-то программы со своего планшета. Система заработала заметно пристойнее, сообщения сделались внятными. После долгой возни Юджин объявил, что батискаф почти работоспособен, надо лишь кое-что подтянуть, перезарядить батарею, перепрограммировать антигравы, пополнить запас наномассы и заправить основной резервуар звездной плазмой. В общем, если дружно взяться, то работы — на сутки.

У входного люка их ждала возбужденная Виктория, радостно сообщившая, что вон тот кораблик в тридцать килотонн ей ужасно нравится. Строго шикнув, Харонов потребовал начать с дезинфекции батискафа, а потом отвлекаться на ерунду.

Это был невероятный аврал. Они ползали в скафандрах по батискафу, ремонтировали старые повреждения, заправляли воздушные баллоны, подтягивали гидравлику, перенастраивали давно разбалансированные антигравитаторы, чинили подгнившую

энергопроводку. Попутно приходилось выяснять отношения с юристами, оформлявшими права собственности на спасенные корабли. При этом уже подтягивались эвакуаторы, готовые буксировать старинные корабли на свалки и аукционы, а командир «Сонаты» умолял забрать с его кораблика громоздкий гравибуксир.

Когда планета, сделав полный оборот, вновь подставила космодром лучам светила, батискаф был готов к работе, большая часть кораблей нашла новых хозяев, Юджин Плахо стал владельцем батискафа, Виктория получила сертификат на старый земной грузопассажирский транспорт, а Чаклыбин приобрел небольшой быстроходный клиппер.

Предвкушая шестизначную сумму, которая ляжет на его счет после продажи остальных находок, Андрей умиротворенно смотрел, как Юджин и Виктория малым ходом ведут батискаф к громоздившемуся на краю космодрома «Горгозавру». Сверхпрочный научный аппарат скрылся в ангаре линкора, и охотники за звездными сокровищами поспешили вернуться на борт. Путь до Черной Долины неблизок — хватит времени, чтобы отоспаться.

С каждым световым годом они наращивали мощность защитных полей. Антигравы спасали, но временами внутри линкора катались колебания тяготения.

В этом антисанитарном дискомфорте гравимастер два часа тянул с погружением, сканируя скопление локаторами «Горгозавра». Наконец, блаженно улыбаясь, Юджин объявил, что был прав. Гравитационные линзы и волноводы действительно собирают сигналы, переносимые фотонами, гравитонами и даже нейтрино, после чего информация направляется на вечное хранение в Чертово Колесо.

Рассуждения про скорое получение всех мыслимых премий возмутили Викторию. Рыжая спешила найти сокровище и чуть ли не за уши втащила физика в кабину батискафа. Третьим отправился Савва. Батискаф нырнул в кольцевую черную дыру и не выходил на связь уже седьмой час.

— Пообедал бы, — заботливо напомнил Харонов.

— Не могу, — Андрей дернул плечом. — Командир, что наука говорит про время в черной дыре?

— Вроде бы должно течь в десятки раз медленнее, — развел старик руками.

— Много погружений было, время действительно замедляется, — подтвердил майор. — В разы, даже в десятки раз. Но в такой массивной может иначе случиться.

— Юджин говорил, что разные теории по-разному описывают ход времени, — меланхолично произнес Том. — Может быть, даже смогут вернуться раньше, чем погрузились.

— Этот вариант отпал, — Харонов засмеялся. — Раньше отправки они не вернулись.

Понимая бесполезность этого занятия, борт-инженер, он же канонир и второй пилот, решил заглянуть через прицел большой тахионной пушки в Чертово Колесо, подсвеченное главным гравилокатором. Как ни странно, монитор показал движение теней в черной дыре. Пятно побольше размерами моргало с интервалом около двух минут. Капитан 2-го ранга провозгласил:

— Мы видим маяк батискафа, который посылает сигнал автоматически каждые десять секунд. То есть время для них замедлилось в десять — пятнадцать раз. Ты бы, канонир, включил запись — гипермастер потом спасибо скажет.

Видеозапись Андрей включил сразу, но вдобавок решил вручную замерить интервалы между сигналами. Получилась ерунда: 113 секунд, 101, 146, 108, 172... Не обнаружив никакой закономерности, он бросил это занятие. На экране между тем происходили загадочные события. Расплывчатая точка неторопливо приближалась к моргающему пятну, которое было, возможно, батискафом. Потом оба сигнала соединились.

— Форма жизни какая-нибудь, — предположил Таризель. — Одна зверюга сожрала другую.

— Или хищник проглотил наш батискаф... — Андрей почувствовал, что его трясет, а руки тянутся к бластеру.

— Отставить панику, нестроевой состав! — прикрикнул Харонов. — Не позорьте флот. Мы только что видели, как батискаф втянул гравибуксир с добычей, а теперь возвращается.

Посмотрев на монитор, Андрей обнаружил, что мигающий сигнал в самом деле ползет к поверхности, означающей границу Чертова Колеса. Значит, через два часа батискаф окажется в ангаре.

— Что-то я проголодался, — объявил он.

Все разновидности линкорных пайков — мясной, рыбный, куриный, диетический — порядком осточертели, а синтезатора здесь не имелось. Тем не менее повеселевший экипаж, разложив перед экраном упаковки, бодро подкреплялся, наблюдая за возвращением друзей на батискафе.

На голограмме Чертого Колесо выглядело как все большие черные дыры. Втягиваемые невидимой массой пылинки разгонялись, испуская излучение. В сферическом слое то и дело вспыхивали светящиеся линии, направленные к центру. Однако сердцевина сферы оставалась темной — фотоны не могли вырваться из этой зоны, где вторая космическая скорость превышала световую. Даже тахионные сигналы в черной дыре сильно поглощались, искажались и отклонялись от прямолинейных траекторий.

По мере приближения батискафа к темной границе сигналы маяка излучались все чаще. Когда интервал между сигналами сократился до 14 секунд, батискаф показался в светящейся зоне, пересек гравитационную воронку на сверхсвете, и Савва сказал из динамика:

— Ау, на «Горгозавре», встречайте.

Сближение и стыковка в скоплении черных дыр, где расстояния между сингулярными точками не превышают световых суток, это развлечение для извращенцев. Программа «Артезианус» избавила пилотов от основной части проблем, но сил и нервов они потратили немало.

В конце концов батискаф протиснулся в ангар линкора, помяв какие-то второстепенные конструкции, роботы закрепили массивный корабль. Побывавших в кольцевой черной дыре друзья и спутники встретили в тамбуре. Виктория и Савва, отмахиваясь от поздравлений, убежали в свои каюты — отмыться. Юджин, хоть пропотел не меньше, стал выяснять, сколько времени по часам «Горгозавра» продолжалось их погружение в Чертого Колесо.

— Час по внутреннему времени и почти восемь по внешнему, — задумчиво повторил он. — Говорите, засекали промежутки между вспышками маяка?

Просмотрев записи приборов, он пренебрежительно сказал, что все верно — сила тяжести по мере погружения меняется по величине и градиенту, поэтому и замедление времени должно изменяться. Физик даже собрался рассказать, как медленно течет время в глубине черной дыры — там разница достигнет сотен и тысяч раз. Таризель перебил его:

— Ты забыл сказать, что именно вы там нашли.

Обалдело посмотрев на майора, Юджин осуждающе проговорил:

— Я вам про серьезные вещи рассказываю, а вас ерунда интересует.

Буквально клещами удалось извлечь из него рассказ о добыче. Равнодушный к этой стороне рейда физик поведал, что удалось вытравить из Чертого Колеса несколько предметов, один из них подает сигналы, похожие на метку, которую получил Эльцвейг от заказчика. Три другие — вообще непонятно что.

Плахо был искренне разочарован в друзьях, потому как научная ценность этого погружения далеко превосходила любые сокровища любых древних императоров Метагалактики. В чем-то физик не ошибался: пресловутую сокровищницу Второй Империи они так и не нашли.

Спустя два дня, с бластерами на изготовку, Андрей и Таризель встретили в тамбуре «Тиары» двух негуманоидов — пермита и рагвена. Третьим был Эльцвейг, замотанный, как мумия фараона. Передвигался он при помощи экзоскелетона, то есть собственный скелет после травмы еще не восстановился. Гости прибыли на тяжелом транспортере, который подогнали вплотную к грузовому люку шхуны.

— Где хозяин? — прощелкали жвалы рака-переростка.
— Хозяйка в трюме ждет, — сообщил Гагиев. — Как делишки, дружок?
— Все бабки на лечение ушли, — пожаловался Велимир. — Если вы пустые вернулись, амба мне в прямом и переносном смысле.

— Не только тебе, — загадочно поведал пермит. — Вы смогли достать ту безделушку?
— Что-то достали... — контрразведчик поднял взгляд к верхней переборке. — Космос велик, и не всякая находка стоит хороших денег.

— Я знаю, что ты работаешь в «Килиманджаро», — отрезал огромный муравей-пермит.
Такой ответ заставил Андрея усомниться в осведомленности негуманоида, но тот упомянул мнимое место работы лже-доктора с почтением. Это было похоже на заверение: дескать, такой уважаемый собеседник не должен беспокоиться.

— Много знать вредно для здоровья, — буркнул майор и попятился к люку, ведущему в коридор. — Следуйте за мной.

После недолгого путешествия по тускло иллюминированным переходам они оказались в грузовом трюме. На палубе выстроились в ряд гравибуксир и четыре предмета сложной формы. Все предметы, включая гравибуксир, были черного цвета, как и положено изделиям из нейтрида.

Виктория стояла рядом, небрежно водрузив стопу на самую малую добычу — граненый стержень, из которого асимметрично торчали тонкие шипы.

— У меня два вопроса, — произнесла рыжая надменно. — Которая из этих штук ваша и где мои деньги?

— Мои деньги, — уточнил Эльцвейг.

— Наши деньги! — отрезал Андрей, мысленно представляя, как эта сцена будет выглядеть в финале сезона «Казармы» или «Смертельного меридиана». — Мы добывали хреновину и должны получить все, что нам причитается.

По законам сериалов собеседник должен был ответить что-нибудь крутое: дескать, вам причитается выстрел в затылок. Однако членистоногие негуманоиды лишь посовещались на ультразвуке, после чего рагвен осторожно поинтересовался:

— Что вы нам показываете?

— Вы послали нас добыть этот хлам, — объяснил Андрей. — Одна из них ваша, для других найдем покупателей.

Пермит напомнил, что люди должны также вернуть гравибуксир, после чего резким движением извлек из-под своих одежд загадочное устройство. Андрей крепче сжал бластер, даже чуть не выстрелил. К счастью, обошлось. При помощи прибора негуманоид обследовал все находки, опять переговорил с рагвен и уверенно показал на средний по размерам предмет.

— Мы возьмем это, вы получите деньги, — сказал пермит. — Остальное можем купить чуть позже, когда договоримся о цене.

Он явно торопился поскорее забрать добычу, за которой давно гонялись многие охотники различных рас и корпораций. Негуманоиды даже не стали спорить и торговаться — просто передали Виктории банковскую карточку, посоветовав поделиться по-честному. Однако уехать без приключений членистоногим не удалось.

Сирены завывали, когда тяжеленные нейтридовые изделия перекочевали в кузов транспортера, а четыре гуманоида спорили о дележе гонорара. И хоть Андрей был уверен, что майор не отдаст чудачкам добычу, полицейский налет оказался для него неожиданностью.

Их не клали анфасами на мезобетонные плиты, не ставили на колени, не пихали прикладами. Но два десятка громил из военно-полевой жандармерии выглядели решительно, так что ни у кого даже мысли сопротивляться не возникло.

Офицер проверил документы, осмотрел груз и флегматично поинтересовался, что именно находится в извлеченном из Чертова Колеса изделии. Поскрипев панцирем, клешнями и жвалами, рагвен ответил: дескать, это контейнер-черпак, при помощи которого в кольцевой черной дыре были взяты образцы вещества. Жандармский командир, недоверчиво

помотав головой, приказал младшему офицеру обследовать неизвестный предмет. К предмету подсоединили приборы, два офицера, хмурясь, изучали показания на мониторах.

Пока эксперты обследовали нейтридовый контейнер, солдаты вывезли на антигравах остальные находки. Поскольку владелица шхуны не могла объяснить назначения и происхождения предметов, жандармы составили акт изъятия. Старший по званию грозно велел обратиться через неделю в комендатуру.

— Если нашли что-то ценное, получите вознаграждение, — сказал жандарм, затем обратился к помощнику: — Что там?

— Ничего интересного, — ответил офицер, выключая приборы. — Какие-то странные сигналы. Наверное, не врет.

— В таком случае можете забирать свое имущество, — командир взял под козырек. — Наше ведомство, как и правительство Солнечной Державы, всегда с почтением относилось к сотрудникам корпорации «Дветигул».

Слегка обалдевшие от такого признания в любви негуманоиды поспешили уехать. Людей жандармы тоже не задержали, ограничились чтением нотации с пожеланием не переступать нечеткую грань закона в ничейном пространстве.

Из этой сцены Андрей вынес отчетливое впечатление, что не понимает чего-то самого главного.

Глава 20

Бесконечна и непознаваема

Как обычно, они сидели в «Кимоно самурая». Ресторанчик имел два серьезных достоинства: находился возле дома Жозефа Паккарди, а кроме того, здесь под видом саке подавали нормальную водку. Будучи личностью разнообразных дарований, маэстро занимался многими делами одновременно. Он слушал передачу по видео, выговаривал Андрею за то, что тот ест суши вилкой, учил правильно держать японские палочки. В промежутках режиссер плакался на кризис, грозящий чудовищными убытками.

— Народу нужны зрелища, — провозгласил Паккарди с трагической миной. — Рейтинги падают. Срочно нужен оригинальный исторический боевик.

Подумав, Андрей осторожно предложил:

— Может, попробуем сделать сценарий на основе новых данных, которые мне удалось собрать? Начало и конец Девятой Галактической — это будет бомба.

Даже не спросив о подробностях, маэстро великодушно разрешил:

— Пиши что хочешь — лишь бы побольше спермы и крови. Народ обозлен на ломов — пусть ломов убивают с особой жестокостью.

— В таком случае можно экранизировать книгу Чаклыбина об изгнании ломов из Эднеромке — в Седьмую войну.

Идея не слишком заинтересовала режиссера. Безразлично дернув щекой, плечом и усиками, Паккарди проворчал: дескать, надо посмотреть хотя бы план сценария. Затем маэстро Жозеф обратил внимание на экран, с которого профессор-астрофизик заверял общественность в полной безопасности работ с темной материей.

Плавная речь благообразного мужа науки успокоила туго натянутые нервы деятеля высоких искусств. Рассеянно осведомившись, как продвигается работа на диссертацией, но не выслушав ответа, режиссер осведомился:

— Чем сейчас занимается твоя красавица с огненной шевелюрой?

— Даже не знаю, моя ли она... — грустно признался Андрей. — У нее теперь новое грузо-пассажирское судно, в дальних рейсах большое бабло зашибает.

— Ну ладно, это я просто так спросил... — Маэстро резко толкнул тарелку и, наклонившись в столу, прошипел: — Кадры, которые мы отсняли на Шерлонде, хорошо получились. Надо к этим эпизодам действия добавить. Идеи будут?

— Я вас полчаса уговаривал сделать фильм по материалам, которые я собрал!

Искренне удивленный маэстро похлопал ресницами и произнес обиженно:

— Но ты же не объяснил... Говоришь, про что будет фильм? Учти, сексуальные сцены с инопланетянами нашему зрителю приелись. Инопланетян убивать надо — зрителям такое нравится.

— Я предлагаю сериал про начало и конец войны, — терпеливо повторил Андрей.

На лице режиссера засветилась одобрительная гримаса, но тут его вновь отвлекла видеотрансляция. Политобозреватель с экономическим уклоном Кларисса Латунная экспансивно порицала правителей Ломандара, вступивших в отвратительный сговор с прогнившим режимом Красной Башни. Насколько понял Андрей, ломы ведут переговоры о сотрудничестве с человечеством, и такое развитие событий обозревательницу совершенно не устраивало.

Разобраться в этом казусе мог лишь опытный психиатр, потому как прежде Латунная с озверением восхваляла любые действия ломандарских властей. Теперь же она рассказывала ужасы про коррумпированных правителей, которые сговариваются с главными врагами человеческой расы. То ли тетку перекупила другая разведка, подумал Андрей, то ли... какая-нибудь корпорация.

— Да, ломы — это враги, — почти не играя патриота-фанатика, произнес Паккарди. — Даже ты не будешь спорить.

— Представьте себе, буду, — твердо сказал Андрей потрясенному такой несговорчивостью режиссеру. — Все сложнее, маэстро. Намного сложнее.

От подробных объяснений он уклонился — один хрен собеседник не поймет. Лишь заверил, что распишет все нюансы в план-конспекте сценария.

Работа над диссертацией плавно перетекала из очередного кризисного состояния в следующее, столь же неприятное. Основной массив данных был собран, и теперь следовало разложить все факты по главам и параграфам, отбросить малозначительные, подобрать один к одному главные события, дать им разумное истолкование, подчеркивая ошибки предшественников и подлость фальсификаторов.

Последние несколько дней он приводил в чувство раздел обзора публикаций, посвященный завершению войны. Ему, проникшему глубоко в тайны минувшей войны, работы прежних исследователей казались беспомощными, а собрания документов — неполными. Становилась понятной читанная когда-то фраза: дескать, труд ученого сродни работе древних золотоискателей, промывавших и просеивавших кубические сажени пустой породы ради единственной песчинки драгоценного металла. Точно так же крупницы истины о событиях прошлого были погребены среди нагромождений лжи, неверных трактовок, бессмысленной болтовни, пристрастных оценок или вульгарной клеветы некомпетентных идиотов. И все понятней становилось, что история бесконечна и непознаваема, как сама Вселенная.

Всей правды не знал никто, даже самым осведомленным известна только небольшая часть правды, причем избранные носители разгадок не сдавали свое знание в архивы. Правда — слишком большая ценность, чтобы делать ее достоянием общественности. Полчища исследователей постепенно приближались к истине, но могли постичь лишь небольшую ее часть. Андрей все чаще представлял себя не бредущим во тьме путником, но участником состязаний по эстафетному бегу. Он уже не надеялся, что именно ему доведется порвать финишную ленточку, но верил, что сможет передать эстафету более удачливому атлету.

Официальную точку зрения земных историков отражала статья «Кордо Ваглайч» из 14-го тома «Земной военной энциклопедии»:

«...На заключительном этапе войны, после нескольких тяжелых поражений, лично повел эскадру *«Лейбштандарт»* в составе 8 крейсеров на перехват большого ломандарского конвоя. Неосмотрительность К. В., приказавшего развить полный ход, привела к отрыву *«Лейбштандарт»* от соединения линкоров адмирала *Ч. Адораша* (4 линейных корабля и 5 крейсеров). Противостоящие им силы Таримкли Ломандара составляли 7 линкоров, 2

тяжелых крейсера, 12 крейсеров, 22 конвойных корабля и 37 транспортов с войсками. Удачный маневр ломского командующего *Мевре Таффули* не позволил группировкам К. В. и Адораша соединиться. В окрестностях звезд Нудбешкар и Буршент оба отряда Кьелтарогга были по очереди разгромлены превосходящими силами противника. Согласно рапортам уцелевших в этом сражении ломских кораблей, на последнем этапе сражения, понимая неизбежность поражения, тароги применили *гиперонные боеприпасы*, уничтожившие все живое в системе Буршента. К. В. погиб в бою, не увидев гибели созданной им державы.

Стремясь нанести противнику максимально тяжелое поражение, командование Ломандара приступило к массированным налетам тяжелых бомбардировщиков по центральным планетам Кьелтарогга. Натолкнувшись на мощную систему обороны, ударные соединения ломов понесли огромные потери. При этом к населенным планетам смогли прорваться лишь отдельные корабли. Главным итогом этой операции стало уничтожение промышленных объектов на периферийных мирах, где производились гиперонные боеприпасы. Тяжелейшие потери вызвали недовольство среди ломов, общественность требовала прекратить войну. Было件нятно, что тароги и шерлоны готовы к ожесточенной борьбе за свои миры, что неизбежно привело бы к колоссальным взаимным потерям. В этой обстановке власти Ломандара приняли предложение *П. Енисейского* приступить к мирным переговорам».

Год назад такой вариант изложения вполне удовлетворил бы его, но сегодня Андрей знал слишком много. Вовсе не 8 крейсеров было в отряде Кордо, но 4 рин-илдрос, 3 зобиар и один тяжелый корабль — вероятно, акрон или бариках. И не существовало никакой эскадры «Лейбштандарт», придуманной даже не земными, а ресовскими историками. Кроме того, сражение завершилось взаимным истреблением, поэтому неправильно говорить, будто ломы разгромили тарогов.

При этом никто не знает, как правильно называть звезду, возле которой разыгралось последнее сражение, — то ли Буршент, то ли Буршента. Имя звезде давали даласы, в языке которых, кроме мужского и женского рода есть еще несколько, соответственно гендерным особенностями этой шестиполой расы. Точно так же разные авторы используют названия Мрагвенди, Мрагвенд или Мрагвенда, но все привыкли и понимают, о чем идет речь.

Анхель Ханаан в «Легендах и мифах великой войны» опирался на главные тезисы военной пропаганды, в настоящее время частично отвергнутые. По его мнению, пресловутый Альтаирский клуб, подконтрольный разведслужбам Ломандара, симитировал глобальный кризис, чтобы частные корпорации получили громадные дотации от государства. Когда же деньги были получены, продолжение войны стало ненужным, и корпорации решили прекратить боевые действия, потому что были заинтересованы в освоении завоеванных планет. В отличие от бывшего министра, Синтия Дарк, автор книги «Главный преступник Галактики» считала 9-ю Галвойну личным проектом злодея Кордо Ваглайча. По ее мнению, война естественным образом прекратилась, едва был уничтожен кабтейлунк — единственный виновник, организатор и двигатель чудовищной бойни.

Разумеется, однозначен в своих оценках был Алекс Бонапарт. И в «Преступном пути человечества», и в «Оскаленной морде примата» ренегат-перебежчик разными словами внушал галактической общественности страшилки на тему врожденной злобности гуманоидов.

«Невероятными стали размахи побоища, пожиравшего миллионы машин, десятки миллионов жизней, а уж деньги — сотнями триллионов. Два величайших злодея — Ваглайч и Порфирий — методично, с дальним умыслом, вытаптывали соседей, прибирая к загребущим лапам плохо лежащие миры и целые звездные скопления. Лишь тогда, на втором году галактического Армагеддона, самые прозорливые с ужасом стали постигать кошмар последующей стадии безжалостных битв.

Преступные вожди двух стай кровожадных приматов не просто творили ксеноцид и грабили соседских нелюдей. Речь уже пошла не об одном лишь покорении побитых или о простом выстреле в затылок поставленных на колени негуманоидов. Огромные захваченные

пространства и ресурсы превращались в плацдармы, с которых бессовестные диктаторы намеревались бросить свои орды в новый поход, дабы сокрушить все без исключения великие культуры. И лишь в самом последнем раунде два бойца-гуманоида сошлись бы в решительной схватке на ристалище, засыпанном радиоактивным пеплом и гниющими трупами.

Безумный план приматов уже начинал осуществляться. Покончив с усталой Республикой, полчища Кордо развернулись против Даласули. Тогда же Порфирий выхватил из рукава припасенный козырь — огромная, до зубов оснащенная новейшим оружием армия генерала Кнауба начала разворачиваться в захваченных скоплениях, готовясь нанести смертельный удар в самое сердце прогнившей, готовой рассыпаться 12-й Империи. Только не в армиях, флотах или танковых армадах притаилась главнейшая угроза. Приматы наполняли свои арсеналы страшным гиперонным оружием.

Внезапно прозревшие лидеры свободолюбивых народов осознавали цену промедления. Разгромив державы старого Альянса, гуманоиды неотвратимо бросились бы на миролюбивые расы, не принявшие участия в схватке хищников. Не могли добрые ломы продолжать политику нейтралитета, потому и совершили проекцию своих сил, встав неодолимой стеной промежду тарогов и людей. Принеся в жертву миллионы соотечественников, они остановили войну, ибо побоялся палач Енисейский продолжать кровопролитие, потеряв единственного поделщика. Двинул злодей свой флот против Ломандара, но воевать не стал, отступил трусливо».

Болтовня предателя не выдерживала даже элементарной критики. Если существовал сговор или хотя бы взаимопонимание между Къелем и Землей, то вмешательство благородных ломов в схватку злобных гуманоидов, создавших гиперонные боеприпасы, выглядело чистым самоубийством. Но в таком случае состоящий из четырех ударных армий Резервный фронт генерала Кнауба должен был нанести смертельный укол в спину ломандарского десанта.

Обвинения ренегата выглядели одиозно даже для откровенно враждебных инопланетян. Солидные историки — будь то ресы, рагвены, импы, даласы или ломы — не опускались до вранья о гиперонных бомбах в арсеналах человечества или о броске человеческого флота к границам Ломандара. Хотя, конечно, были внутренние враги вроде Сваниховского или Фолькенгольца, с готовностью повторявшие любую глупость, выставлявшую человечество в неприглядном ракурсе.

Прав мог оказаться Ханаан, твердо державшийся концепции президента Енисейского. Андрей и прежде читал подобные рассуждения о виновности неназываемых корпораций, но тогда казалось, что деятели старого режима упрямо держатся идеологических штампов. Сегодня же, ознакомившись с документацией «Прусло Кром», он был готов поверить в закулисную роль трансгалактических исполинов. Эта гипотеза многое объясняла, хоть и носила оттенок конспирологичности.

И уж совсем бестолково, с позиций сегодняшнего знания, выглядело восторженное повествование Лаймы Бахман о подвиге ломандарских альтруистов, сокрушивших смертельного врага всей Галактики. В начале XXVI века «Звездные пушки» становились похожи в лучшем случае на курьез, о который так удобно вытирать ноги.

Целую главу Бахман отвела под описание политической эволюции нейтрального Ломандара. Пока гремели первые сражения, ломская элита надеялась якобы, что Альянс Главной Оси своими силами покончит с тоталитаризмом. Однако воинство кабтейлунка успешно разгромило громадную армию Альянса, глубоко вторглось в пространство 7-й Республики. На другом фланге непобедимый флот Къелтарогга вплотную приблизился к имперским границам. Тем временем непостижимый президент Енисейский выполнил несколько неловких операций во второстепенных скоплениях. Даже смешно было читать неуклюжие объяснения провинциальной журналистки, не желавшей признавать силу земного оружия.

В изложении Бахман армии человечества изначально были обречены на поражение.

Все победы, одержанные людьми, она объясняла нелепой вереницей случайных совпадений. По ее мнению, высокоморальные ломы раньше других рас сообразили, что войну надо скорее прекратить. На второй год войны, когда земная армия, взяв под прочный контроль Облако Артемиды и скопление Конус, готовилась нанести последние удары в Трамплине и Призме, обеспокоенный Бсархад вступил в войну. Как писала Бахман, ломы опасались, что после победы над Альянсом кабтейлунк направит дальние бомбардировщики с гиперонным оружием на миры Ломандара. Подобные же подозрения существовали по поводу дальнейших намерений Порфирия Енисейского.

Наверняка ломское миротворчество базировалось и на простом прогнозе: если не вмешаться, то ССМ и Кьелтарогга расхватали бы самую ценную добычу. Армии гуманоидов наступали слишком успешно, так что через несколько месяцев Кьель и Земля приступили бы к дележу обломков Альянса. Причем дележка могла проходить как полюбовно, так и с применением гвардейских корпусов. На военно-исторических форумах Интернета до сих пор не прекращались ожесточенные дискуссии о возможном исходе столкновения новейших земных «Вотанов» с акронами и барикахами Ваглайча. В любом случае Ломандар ввязался в войну, когда был уже виден финал. Огромный флот и многомиллионная пехота, вооруженная новейшей техникой, пришли в Даласули, преградив продвижение тарогам и шерлонам.

Воспользовавшись этой подмогой, имперцы перебросили резервы в Призму, где были разгромлены, но к тому времени ломы выбили тарогов из Даласули, Кордо погиб возле Буршенты, Кьелтарогга капитулировал, и Порфирий Енисейский согласился ограничиться уже достигнутыми завоеваниями. В противном случае, открытым текстом писала Бахман, против человечества двинулся бы весь галактический сектор.

Примерно в таком же ключе излагали события историки большинства участников войны. Если не вдаваться в детали, не было принципиальной разницы между трудами ресовских или ломских профессоров и полуграмотным шаманом с планеты Чарх, сложившим балладу с убийственным апофеозом:

«В недавнюю Эпоху Горя и Скорби несколько разбойничьих банд вступили в схватку за право обогащаться за счет законных богатств нашего прекрасного мира. Гнусно пользуясь миролюбием великодушных чархиан, ложно принятым за слабость, звездные варвары грабили бесценные сокровища соседних небесных светил. В бессильном гневе сжимались кулаки астрономов и алхимиков, наблюдавших эти преступления в свои зрительные трубы.

Более того, варвары явились на нашу прекрасную планету Чарх, превратив цветущие поля и долины в арену сражений. Горели вековые деревья, тучи дыма застилали небосвод, враждебные пришельцы устраивали охотничьи экспедиции на лесного и морского зверя, чтобы прокормить свои ненасытные полчища. Никто из них даже не подумал ни спросить разрешения у чархианских правителей, ни предложить достойную компенсацию.

И тогда великий правитель островной страны Хорпи провозгласил мудрое решение: «Пусть убивают друг друга как можно больше, мы не будем им мешать». И чархиане ушли в свои крепости, ушли в свои пещеры, ушли в свои хижины и долго не вмешивались в кровавые схватки звездных варваров, которым прислуживали могущественные потусторонние силы. И варвары убивали друг друга, как велел наш правитель. Из океанов и морей поднимались столбы пены, в небесах с воплями носились огненные птицы, а безжалостные демоны появлялись повсюду и вступали в схватки, принося гибель, разрушения, засуху, неурожай, наводнения и другие великие бедствия.

Но затем правитель, чье сердце было мягким и отходчивым, проявил неслыханную доброту, повелев прекратить войну. Долгие ночи, собравшись вокруг чадающих костров в глубоких пещерах, наши старейшины, наши воины, а также наши подростки, дети и даже женщины пели молитвы, шаманы жгли священные благовония и плясали вокруг каменных идолов. И вот настал долгожданный день, когда кровожадные демоны были изгнаны чарами наших шаманов, а звездные варвары, прекратив метать огонь, покорились чархианам. И с тех пор варвары покорно служат нашему великому народу, снабжая провиантом и другими

полезными вещами».

Конечно, ломы вступили в войну не в порыве романтики, но после трезвого меркантильного расчета. Они нанесли удар в момент, когда сражавшиеся стороны почти исчерпали силы. Внезапно появившись на поле брани, ломы смогли захватить звездные кластеры, богатые бесценными ресурсами. В итоге 9-й Галактической войны второстепенное государство превратилось в сверхдержаву. Неудивительно, что патриотически настроенные люди считают Ломандар главным врагом.

При всем этом Андрей не мог не отдать должное храбрости «опоссумов»: они ринулись в бой, твердо зная, что враг обладает гиперонным оружием. Несколько гипербомб из арсеналов Кьелтарогга полностью выравняли соотношение сил, сводя к нулю сотни ломских кораблей и облака роботов-камикадзе. Тем не менее ломы рискнули и сорвали банк.

Он увлекся редактированием параграфа: перемещал по тексту цитаты, комментировал доводы и выводы предшественников, вставлял видеофайлы, карты боевых действий, голограммы военной техники, графики соотношения сил и потерь. Закончив работу поздно вечером, Андрей был вполне доволен собой. Раздел диссертации получался очень неплохо. Надо будет вернуться через полгода, перечитать свежим взглядом и подправить, доводя до совершенства.

Весело напевая, как две недели назад на мостике линкора, он сохранил файлы, убрал программу-редактор и запустил проигрыватель, выбрав раздел фонотеки «Депрессия». Под такую музыку хорошо развалиться в кресле, закрыв глаза, и ни о чем не думать. Однако почтовый сервер опять жаловался, что переполнен непрочитанными письмами.

После стирания спама в ящике стало просторнее. Чаклыбин сообщал, что благополучно покончил с основными делами и намерен навеститься на Землю, дабы решить некоторые вопросы с издателями. Отхватившая ценный фрахт Виктория тоже летела к Земле, но загадочно намекала: дескать, ей позарез надо встретиться с любимым, потому как есть серьезный разговор. Андрей даже забеспокоился: рыжая вполне могла сообразить, что всех мужчин несчастными все равно не сделает.

Озабоченный неожиданными проблемами, он открыл письмо без обратного адреса. Здесь не было видеофайла — только сухой текст. Доктор Таризель приглашал его заглянуть в Министерство глобальной безопасности — получить награду за ценную помощь. К письму прилагался билет на рейс Калиюга — Земля и обратно с открытыми датами. По прибытии на Землю следовало связаться с подполковником Т. Гагиевым либо с генералом Г. Гринхаусом.

Не могло быть сомнений, что генерал был тем самым офицером интендантской службы, который осуществлял связь между Лестером и вражеской разведкой. Неразоблаченный предатель сделал неплохую карьеру...

Действуя машинально, Андрей связался с космопортом и забронировал место на ближайший рейс, который отправлялся на рассвете. Сборы в дорогу получились недолгими: не в пустыню летел, на месте можно купить все, что понадобится. Из этих соображений он не стал тратить времени на укладку чемоданов, а вернулся к переписке. Текст получился короткий, но многословия тут не требовалось:

Уважаемый _____!

Некоторое время назад Вы согласились встретиться со мной для разговора по малоизвестным обстоятельствам 9-й Галактической войны. В ближайшие дни я буду на Земле и хотел бы посетить Вас. Надеюсь, у Вас не возникло никаких обстоятельств, препятствующих нашей беседе.

С наилучшими пожеланиями,

Андрей Маишкевич.

Несколько человек из его списка жили на прародине человечества, и Андрей не собирался упускать возможности. Он отправил письма, проставляя имена вместо прочерка.

Удача всегда имеет жесткие рамки. Он летел на Землю, только билет оказался не из лучших — даже не эконом-класс, а плацкарта. Не каюта, но сидячее место в общем салоне пассажирского экспресса. Восемь часов в обществе четырех разговорчивых стариков-туристов с Парнаса. Устав поддерживать милую болтовню, Андрей накрыл голову изолирующим шлемом и немного поспал. Хорошо, хоть корабль прибывал на древний космодром Байконур, откуда до Красной Башни рукой подать.

На станции внутриконтинентального метро висела простая и понятная схема: надо было проехать три станции по радиальной линии до Шамбалы, там пересестись на городской трамвай, воспользоваться аэробусом или пройти несколько кварталов пешком. Поскольку багажа при нем не имелось, Андрей решил прогуляться по столице, которую прежде видел только на экране.

Шамбала подавляла масштабами, невероятным количеством машин и людей, архитектурными шедеврами и, конечно, громоздившимися поблизости исполинскими горами. Побродив немного по улицам, он присел на скамейке возле канала. На другом берегу, окруженное служебными пристройками, возвышалось здание министерства. Посмотрев на часы, Андрей убедился, что рабочий день уже начался, и позвонил Гагиеву.

— Привет, ты оперативно, — сказал возникший над его мобильником голографический Таризель. — Если верить моему телефону, ты где-то рядом.

— В сквере, около статуи конного рыцаря.

Посмеявшись, подполковник напомнил пристыженному приятелю, что встречаться в министерстве не стоит, для этого существуют конспиративные квартиры. Назвав адрес, контрразведчик добавил:

— Мы с шефом прилетим в половине первого, заодно пообедаем.

— Шеф — это Гринхаус? Я перевел документ, где про него написано...

— Представляю, что там написано, — Гагиев хохотнул. — Я говорил шефу про твою диссертацию, он готов поделиться воспоминаниями о Лестере.

— Ты не понял. — Андрей потерял терпение. — Гринхаус работал на разведку...

Таризель вновь перебил его:

— Он работал в контрразведке. Всю жизнь. Извини, сейчас нет времени. До встречи.

Загудел зуммер отбоя. Всерьез обеспокоенный несерьезностью подполковника, не пожелавшего выслушать важнейшее сообщение, Андрей нашел на мобильнике карту города и выбрал оптимальный путь до конспиративной квартиры. Видеофон сообщил, что получено несколько видеописем. Андрея заинтересовали три послания:

— Я на Земле, — сказал Чаклыбин. — Гостиница «Господарь» в Бухаресте. Свистни, когда появишься. Есть идея закатить сафари на экзотических планетах.

— Любимый, через восемь часов буду на причале «Либра-вторая», — скороговоркой промурлыкала Виктория. — Нам обязательно нужно поболтать о важных делах.

Письмо генерала Вимутье было сухим, как приказ о контратаке: согласие на встречу и адрес в Нормандии.

В микрорайон на берегу моря Такламакан он приехал на трамвае. Названный подполковником дом смотрел на бухту, но входить пришлось со двора, где росли сосны и кипарисы, вокруг фонтана бегала детвора, кто-то целовался в беседках. Выйдя из лифта, Андрей обнаружил четыре двери без номеров. Одна из дверей гостеприимно приоткрылась — контрольный центр был запрограммирован принять Андрея.

Сотрудники глобальной безопасности задерживались, и он осмотрел квартирку, предназначенную для секретных встреч. Обычная планировка: кабинет, спальня и две комнаты для разговоров. В углах подмигивали загадочные устройства — наверное, глушители подслушивания. Заглянув в кабинет, Андрей распаковал покупку, ради которой сделал крюк и посетил охотничий магазин: автоматический карабин «Слон» для охоты на очень крупного зверя. Ствол переменного — от 6 до 18 мм — калибра легко трансформировался из нарезного в гладкий. Если вновь доведется на седьмака пойти, одного выстрела хватит. И с предателями можно разобраться в случае чего.

Он заканчивал заряжать второй магазин, когда вошли нагруженные пакетами офицеры контрразведки. Прошедшие десятилетия и процедура омоложения сильно изменили Гринхауса, но это был, несомненно, тот самый человек, чей портрет Андрей видел в отчете «Прусло Кром».

В дуло нацеленного в него карабина генерал Гринхаус поглядел вполне равнодушно — за долгие годы службы и не такое видеть приходилось. Обличительную речь аспиранта контрразведчики все-таки дослушали до последнего звука, после чего принялись разубеждать Андрея.

— Читали мы те документы, — по-прежнему посмеиваясь, говорил подполковник. — Ничего нового там нет. За пару лет перед войной его подставили разведке перцев, и те были в восторге, что завербовали армейского офицера. Теперь можно сказать, что благодаря шефу была выловлена большая часть вражеской агентуры. Имена остальных мы прочитали в том самом отчете, так что теперь дело закрыто.

— Ты уж извини, парень, но я — не предатель. — Генерал виновато развел руками. — Приятно вспомнить, как имперскую разведку морочили.

Чувствуя себя ужасно неловко, Андрей понял, что покраснел. Оба собеседника принялись утешать его: дескать, поступил как настоящий патриот.

— А как же история с предательством Лестера? — пробормотал историк.

— Конечно же генерал Лестер не был их агентом, — заверил его Гринхаус. — Он даже не знал, что я сообщил врагу о его вербовке. Я передавал фальшивые донесения, подписанные комкором, но составляли ту дезинформацию в разведуправлении фронта, а то и повыше. Мы гнали противнику первосортную дезу, потому-то они и полезли в ловушку, где были окружены и разгромлены.

— Откуда же взялись кадры мертвецки пьяного Лестера? Зачем он так напился, если не боялся разоблачения?

— Ему не требовался особый повод, — засмеялся генерал. — Мужик любил выпить, как и все военные. Мне повезло, что застал его в таком состоянии, прекрасные кадры получились, имперский резидент купился и поверил самому рискованному моему донесению.

— Но ведь Лестера все-таки сняли с корпуса.

— Тут я ничего сказать не могу, — признался генерал. — Могу лишь заверить, что подозрения в шпионаже не могли быть причиной его отстранения. Наверное, у командования нашлись какие-то свои резоны. Насколько я помню, он неудачно провел важную операцию...

Внезапно покончив с этой темой, Гринхаус официальным тоном поблагодарил Андрея за участие в важной операции спецслужб, вручил коробочку с медалью «За заслуги перед человечеством» и выразил надежду на плодотворное дальнейшее сотрудничество. Гагиев пояснил:

— Мы нашли в Чертовом Колесе записывающие устройства древних империй.

Историк не мог не задать очевидного вопроса:

— Насколько древних?

— С этим будет разбираться большой коллектив, и мы приглашаем тебя принять участие. Пока понятно, что несколько разных цивилизаций забросили в черную дыру свои рекордеры. Самому старому прибору порядка двадцати миллионов лет.

— Втрое старше Первой Федерации! — прошептал потрясенный Андрей.

— Вот именно, — строго произнес генерал. — Видимо, эти культуры погибли прежде, чем смогли прочитать собранные сведения. Рекордеры очень долго крутились в Чертовом Колесе, записывая информацию, которую втягивал этот природный феномен. Чтобы разобраться в такой свалке сигналов, потребуются усилия сотен ученых и разведчиков, и никто не знает, сколько лет или веков продлится работа. Вы согласны присоединиться к этому проекту?

Представив себя запертым на долгие годы в секретном институте, представив почти каторжный труд, результаты которого невозможно будет опубликовать, Андрей чуть не

отказался. Но работа обещала быть безумно интересной — он первым прикоснется к тайнам рас, о которых неизвестно ни одному историку современности... Догадавшись о причинах его колебаний, контрразведчики заверили, что режим секретности не мешает участникам публиковать определенную часть информации.

Коварные сотрудники спецслужб преподнесли аспиранту сувенир, распаливший пожар любопытства. Генерал поведал, что пока удалось расшифровать лишь мизерную часть информации, но Андрею повезло — прочитаны кое-какие сведения о событиях периода 9-й Галвойны. Андрей очень надеялся, что пальцы его не дрожали, когда он схватил протянутый генералом диск.

Потом они все-таки пообедали. Даже знакомые блюда в земном исполнении по вкусу отличались от привычных. При других обстоятельствах Андрей безусловно обратил бы на это внимание. Однако, погруженный в свои переживания, он не мог сосредоточиться на кулинарных нюансах. В конце концов Андрей решил, что все к лучшему: отпали обвинения в предательстве сразу двух генералов. Единственная же неприятность в том, что ему придется переписать несколько предложений в предпоследнем параграфе диссертации. Насчет участия в изучении рекордеров он обещал подумать.

— У тебя есть время, — сказал Тариэль. — Мы начнем формировать исследовательские подразделения к концу года.

Внезапно вспомнив, с чего начался разговор, Андрей спросил, можно ли опубликовать в диссертации детали операции, в которой Гринхаус подбрасывал дезинформацию разведке 12-й Империи. Контрразведчики помялись, однако пообещали прислать письменное разрешение на публикацию отдельных эпизодов.

Из квартиры они вышли вместе. Контрразведчики поднялись в ангар на крыше, где оставили машину, а немного приободренный Андрей спустился во двор на лифте. Здесь зазвонил его мобильник, причем вызывал вовсе не Чаклыбин. Незнакомый голос пригласил Андрея в элитный квартал на восточной окраине Шамбалы.

На контрольном пункте возникли проблемы. В эту часть города, где жили видные правительственные чиновники, нельзя было входить с оружием. Андрей легко согласился оставить ручную кладь, но служба безопасности все равно забеспокоилась и долго прозванивала посетителя всевозможными сканерами. Аспирант не роптал — сам всего час назад в порыве бдительности держал на мушке генерала контрразведки.

В вестибюле небоскреба его встретил секретарь бывшего вице-президента. Пожав руку с приветливой улыбкой, секретарь проверил документы, после чего отконвоировал в пентхаус. Клаус Хохбауэр ждал в зимнем саду, сидя в кресле-качалке возле громадного окна. Как водится среди стариков, он поговорил немного на философские темы, помянул красоту горного пейзажа, похвастался, что процесс омоложения протекает успешнее, чем у Чарманова, хотя Чарманов теперь выглядит прекрасно.

— Герман заходил на прошлой неделе, — сообщил Хохбауэр. — Специально прилетел из Москвы. Мы обсуждали мою книгу.

— Ваши мемуары или курс лекций? — деликатно поинтересовался Андрей, надеясь перевести беседу в деловое русло. — Мы так давно ждем эту книгу воспоминаний.

Реплика гостя понравилась отставному политику. Старик подтвердил, что закончился полувековой срок молчания, и в следующем месяце первый том его мемуаров поступит в продажу. Спеша воспользоваться благожелательным настроением хозяина, Андрей повторил, какие вопросы его интересуют. Хохбауэр остановил его движением руки и заговорил:

— В принципе об этих событиях писали верно, разница лишь в нюансах. Очень существенных нюансах. Порфирий вовсе не был маньяком, стремившимся развязать войну. Вначале я считал оппозицию бандой авантюристов, но после года совместной работы Енисейский произвел на меня впечатление очень осторожного политика. Мне довелось видеть, как тщательно продумывались важные решения на заседаниях правительства. К сожалению, мы все оказались недостаточно дальновидными, тогда как Енисейский давно

увидел неизбежность войны. Порфирий надеялся, что соседи не начнут войну, если Человечество станет сильнейшей региональной державой, — потому-то и требовал форсировать программы перевооружения. Однако он часто повторял, что мы не готовы к войне, поэтому надо прилагать все возможные дипломатические усилия, чтобы погасить войну в зародыше. Или хотя бы оттянуть начало...

Он замолчал, погрузившись в неведомые раздумья. Затем, спохватившись, продолжил:

— Должен признаться, что поначалу мы: и я, и доктор Фен, и наши политические советники, — мы не верили риторике «ястребов». Он считал всех ближайших соседей злобными врагами, которые ждут удобных обстоятельств, чтобы напасть на тарогов и людей. А мы полагали, что угроза войны исходит от реваншистов Кьелтарогга. Безусловно, Порфирий заблуждался, войну развязал Кордо — в этом нет сомнений, это даже дураку понятно... Однако, надо отдать ему должное, Порфирий угадал, что карликовые державы так называемого «санитарного пояса» готовят агрессию против Земли.

Горничная принесла чайный прибор и вазочку с овсяным печеньем. Положив три ложечки сахара в свою чашку, Андрей осторожно наемкнул:

— Существует много разных домыслов о том, при каких обстоятельствах президент Фен Цзю-чжоу назначил Енисейского главой правительства...

Рассмеявшись и чуть не поперхнувшись напитком, Хохбауэр жизнерадостно произнес:

— Разумеется, оппозиционный Патриотический Фронт не предъявлял нам ультиматума — это полная чушь, выдумка неумных борзописцев. Даже госпожа Бахман, написавшая такую замечательную книгу, повторила нелепые домыслы... Было нормальное, цивилизованное взаимодействие главных политических сил в сложной обстановке. Енисейский проиграл президентское ралли в конце семидесятого года, но весной семьдесят третьего, на внеочередных выборах, его сторонники завоевали большинство во Всемирном Сенате. К этому времени стало понятно, что сбываются тревожные прогнозы Енисейского и что большая война становится все более вероятной, поэтому мы начали консультации с оппозицией.

Затем он обронил: дескать, представители дружественных трансгалактических корпораций тоже предупреждали Красную Башню о неизбежности войны. Потрясенный Андрей в легком трансе слушал размеренный рассказ старого политика:

— Енисейский представил программу экстренной реформы вооруженных сил и наращивания производства новых видов вооружения, которые он и его военный советник генерал Ханг считали совершенно необходимыми. Начальник генштаба фельдмаршал д'Анжу подтвердил, что программа разумна, хотя не верил в ее реализацию за оставшиеся месяцы. Енисейский возражал: дескать, программу возможно осуществить за два-три года, а необходимое время рассчитывал выиграть активной дипломатией. После долгих сомнений президент Фен предложил Сенату назначить Енисейского премьер-министром. Сподвижники Порфирия получили портфели вице-премьера по промышленности, министров обороны, инодел и вооружений. Также были утверждены предложенные Порфирием начальник Генштаба и некоторые главкомы.

— Главкомы родов войск или направлений? — попытался уточнить Андрей.

Подобную информацию нетрудно было найти в любом справочнике, но Андрея интересовала реакция собеседника. Как он и думал, старик скорчил раздраженную гримасу и отмахнулся. То ли забыл многие важные подробности, то ли вообще не разбирался в делах военных. Хохбауэра волновала только политика, и Андрей чувствовал, что старику неприятно рассказывать о последних предвоенных месяцах, когда команда Енисейского решительно отодвинула соратников президента от решения политических проблем. Тем не менее Хохбауэр продолжил методичное изложение запомнившихся ему событий:

— Премьер и Хуанита Стивенсон развили бурную деятельность и действительно смогли оттянуть начало войны почти на год. Енисейский даже принял участие в конференции министров иностранных дел на планете Кинро-Баздоп — в инозвездной прессе по этому поводу язвительно острили: мол, провинциальный политик решил показаться хоть

на каком-то форуме. Но мне точно известно, что Порфирий провел важные переговоры с лидерами импов и ресов, а также встретился с Кордо.

— Встреча все-таки состоялась? — еле слышно спросил Андрей.

— Вроде бы да, — кивнул старик.

— О чем они говорили?

— Енисейский не делился такой информацией даже с президентом. Он только сказал, что уговаривал Кордо не начинать войну. Тот якобы обещал подумать и сделал интересные встречные предложения. — Хохбауэр добавил с улыбкой: — Только не спрашивайте, какие предложения сделал кабтейлунк. Порфирий забрал эти сведения в могилу... Так или иначе, его дипломатия принесла полезные плоды. Великие державы благосклонно отнеслись к его предложению провести примирительную конференцию, начались консультации — сначала двусторонние, потом многосторонние. На следующей встрече министров удалось назначить точную дату и утвердить программу конференции, которую планировалось провести у нас, на Добраве. Однако галактическую мелочь примирение не устраивало, и «санитарный кордон» всячески обострял отношения с Кьелтарогга. Когда рагвены развернули геноцид этнических тарогов, Кордо воспользовался этим инцидентом, чтобы огласить ультиматум: немедленно передать под международный контроль три планеты, в населении которых преобладали тароги, и обеспечить безопасность гуманоидов на остальных планетах Мрагвенда. В ответ Даласули и Валдадних заключили пакт о совместной обороне с Мрагвенда, после чего рагвены вторглись в Траплин и Призму, а спустя неделю бомбы упали на Глешнеке.

— То есть войну начали три карлика, которые чувствовали нескрываемую поддержку ресов, откровенно науськиваемые ломами?

Хохбауэр возмущился задыхаясь:

— Вы говорите как адепт Енисейского. Повторяете ошибки Порфирия. Он вообще был уверен, что войну разжигает не правительство ломов, но трансгалактические корпорации.

Решив обойти спорный момент, Андрей поинтересовался:

— Как вы оценивали позицию импов?

— Фен, Хорхе и ваш покорный слуга рассматривали Двенадцатую Империю как естественного союзника, — произнес Хохбауэр, успокаиваясь. — С импами у нас был самый внушительный торговый оборот. Мы получали от них важные технологии — даже большие корпорации не давали нам таких лицензий. Не знаю почему, но Порфирий считал импов ненадежным союзником. Говорил, что имперцы могут подвести в трудный момент. Не понимаю, как он мог так думать.

Не удержавшись, Андрей вставил:

— Но ведь Енисейский оказался прав — импы подвели.

— Ерунда. — Старик погрозил ему пальцем. — Это вышло случайно, так сложились обстоятельства. К сожалению, правительство Енисейского посчитало демарш импов враждебным актом и направило войска в скопления. После этого импы обиделись и разорвали договор...

Он в плену собственных ошибок, понял Андрей. Не способен отказаться от идеологических догм, в создании которых принимал участие, когда был в расцвете сил. Он убедил себя, что импы и ломы — это друзья, и теперь не может признать, что ошибался. К тому же Хохбауэр считал «Звездные пушки» серьезным исследованием, а это уже не ошибка. Это — диагноз.

Глава 21

Непредсказуемое прошлое

Всеволод назначил randevu в баре космопорта «Слободан». Баров, ресторанов и кафе здесь имелось невероятное количество, поэтому они смогли встретиться, лишь несколько раз созвонившись. По такому поводу заказали «кровавую Мэри». Андрей принялся сумбурно

рассказывать о событиях дня минувшего, Чаклыбин даже головой мотал, не поспевая за стремительными зигзагами сюжета.

— В общем, так... — сказал писатель, окончательно запутавшись. — Таскать на важные встречи сумку с оружием — это моветон. Сумку оставим у меня на «Рамзесе Великом». Только на встречу с Чармановым ты, если не полная сволочь, обязан взять меня.

— Само собой. Поговоришь с ним о Порфирии. А что за «Рамзес Великий»?

— Тот кораблик, что мы взяли в укрепрайоне.

Андрей с удовольствием слушал, как Всеволод хвастается приобретением. Старый пакетбот после косметического ремонта стал — если верить владельцу — быстроходным красавцем. Пусть грузоподъемность «Рамзеса» была невелика, зато каюты оборудованы с комфортом. Мощные холодильники могли вместить до сотни тонн охотничьей добычи.

В апогее восторженных обсуждений предстоящего сафари позвонила Виктория.

— Так ты на Балканском космодроме, — обрадовалась она. — Жди, через полчаса буду.

— Ищи нас в баре «У Влада», — предупредил Андрей, дал отбой и сказал Чаклыбину: — Она тоже своим корабликом довольна. Строила грандиозные планы, как будет одним рейсом не меньше десяти кило тонн перевозить.

— Как у тебя с ней? — осведомился Чаклыбин, разглядывая зал сквозь рюмку коньяка. — Похоже на серьезные отношения.

Этот вопрос Андрей задавал себе все чаще, но не знал ответа. Он пробормотал:

— Вроде привязался. Меня такие отношения устраивают. Ее, кажется, тоже... Ты веришь в вечную любовь?

Хмыкнув, Всеволод залпом выпил коньяк и буркнул:

— Иногда хочется верить, что я — великий писатель. С вечной любовью примерно такая же ситуация.

— Нам хорошо вместе, — вполне искренне сознался Андрей. — Мы разные, но притерлись, хотя не всегда понимаем друг друга.

— С одной женщиной я прожил четыре года и был уверен, что встретил настоящую любовь, — сообщил Чаклыбин. — Потом все внезапно кончилось. Оба тяжело переживали разрыв, но время залечило шрамы на сердце.

Андрей процитировал собственное эссе, написанное на четвертом курсе:

— Мораль субъективна и сильно меняется в разные эпохи. Бывают периоды, когда люди без принуждения предпочитают крепкую семью, потом наступает время беспорядочных связей. На переломах истории происходит распад старой этики.

Писатель печально наклонил голову и проговорил с неторопливой рассудительностью:

— Тысячу лет назад мужчины женились в пятнадцать лет и редко доживали до тридцати. Тогда можно было поверить в любовь до гроба. Цивилизация подарила нам долгую жизнь. Среди нас немало двухсотлетних, и мы наверняка сможем отпраздновать трехсотый день рождения. Ты можешь себе представить?..

Он не договорил, но нетрудно было понять, что хотел сказать писатель. Кивнув, Андрей депрессивно подтвердил:

— Ты прав. Никакое чувство не сохранится так долго. Продление молодости рождает новую мораль.

— Дело не только в долголетьи, — подправил его Всеволод. — Социум изменяется, и мораль меняется вместе с обществом. Прогресс многолик.

Философская тематика естественным образом утихла с появлением Виктории. Чаклыбин деликатно распрощался, прихватив оружейную поклажу друга. Рыжая выглядела непривычно серьезно, даже когда предложила посидеть в ресторане. Андрей насторожился, заподозрив недоброе.

— Ты решила меня бросить? — осведомился он без обиняков.

Она всхлипнула. Подозрения крепчали, как маразм в мозговом штурме. «Рано или поздно это все равно бы случилось», — подумал Андрей, неожиданно почувствовав, что не

хочет с ней расставаться.

— Не в том дело. — Виктория говорила, не поднимая глаз. — Мне трудно работать одной. Этот новый корабль... нужен экипаж. Я предложила старику Харонову, но он, оказывается, профессор Академии военного флота. На смех меня поднял. Сказал, что через три года закончится процесс омоложения, тогда он снова пойдет большим кораблем командовать.

— Да, не для него торговый флот, — согласился Андрей, к которому вернулось хорошее настроение. — И что ты надумала?

Направив на него полный надежды взгляд, Виктория выдохнула:

— Давай вместе летать. — И затараторила, как будто боялась его возражений: — На такой красавице мы будем зарабатывать вдвое больше. Я все подсчитала: через три года сможем открыть развлекательный центр. Я такой контракт отхватить могу — деньги сами сыпаться будут. А те девять кораблей, которые у тебя остались, можно сдать в аренду. Через три года мы их вернем, и у нас будет своя флотилия...

— Не будет, — сказал Андрей. — Те корабли уже проданы.

— Продешевил, — расстроилась она. — Нет в тебе деловой хватки.

— Какая-то имеется. Но в твоём бизнесе я ничего не понимаю. К тому же мне сегодня предложили новую работу. Наверное, соглашусь.

— Зарботок побольше, чем в твоей компании? — заинтересовалась рыжая.

— Боюсь, поменьше. Но работа очень интересная. И наверняка придется сидеть на захолустной планете вдали от цивилизации.

Виктория была недовольна. Андрею даже показалась, что она вот-вот расплчется или выматерится. Только вдруг ее лицо приобрело знакомое выражение — такой прищур означал, что «звездная волчица» просчитывает возможную прибыль.

— На такой планете ресторан открыть дешевле получится, — медленно произнесла рыжая. — И снабжение туда возить — как раз для моей «Принцессы».

В таком состоянии Виктория превращалась в танк, сметающий любые препятствия. Андрей не сомневался, что рыжая сумеет выбить у Гринхауса контракт на подвоз провианта и прочего груза. Только вот он сам не был до конца уверен, на какой планете будет работать. И будет ли работать вообще: душа не лежала бросать налаженную жизнь, к тому же получится, что в тот институт он придет без ученой степени, то есть получит не слишком высокую должность. Лучше подождать два года, защитить диссертацию, но к тому времени штат будет укомплектован и для него места не найдется.

Проблемы плодились, как нейтроны в цепной реакции. При таком раскладе самое верное решение — справляться с неприятностями поочередно, по мере их поступления на повестку дня. Проще говоря, форсировать работу над диссертацией, а там видно будет.

Сделав благодушное лицо, Андрей разлил вино и беззаботным тоном осведомился, для чего Виктории понадобился напарник. С видом искреннего разочарования в его умственных способностях рыжая поведала, что на таких кораблях нужно иметь не меньше четырех членов экипажа, причем роботами можно заменить не более двух, а у нее на «Тиаре» был всего один робот, да и тот нуждается в ремонте. Нанять экипаж она не может, потому что мужики станут лапы распускать, пока согласился один старик-механик, но все равно двоих не хватает — пилота и каргомастера.

Облегченно улыбаясь, Андрей сказал:

— Ты начала таким трагическим тоном, чуть не перепугала меня. Всего-то дел — завербуй на место второго пилота женщину, а работа починим.

— С финансами напряженка, — призналась она грустно. — Все сбережения и бабло, которое за «Тиару» получено, я вбухала в ремонт «Принцессы» — и залог за новый груз внесла.

— Ты говорила, твоя младшая сестра курсы навигаторов закончила...

— Так она же стерва, вся в папашу! — взвыла Виктория, но вдруг оцепенела с полуоткрытыми губками. — Папаша, гад ползучий, на инвалидности сидит. Еще месяц ему

летать нельзя — пусть пашет каргомастером! И сестра-зараза при нем тихая будет...

— Вот и решили твои проблемы, — умиротворенно подытожил Андрей. — Через месяц будет у тебя два робота, это моя забота.

От идеи, чтобы любимый купил ей робоматросов, рыжую скрючило. Пришлось напомнить глупышке про близкую родню на роботоремонтном заводе в Бизонии. В этом и заключалась главная разница между ними: Виктория привыкла полагаться на собственные силы, тогда как Андрей был членом большой семьи, которая могла подсобить в любой момент, несмотря на все конфликты и недоразумения между близкими людьми.

— Ты забыла сказать, какой контракт отхватить нацелилась, — напомнил Андрей.

— Ерунда, — мурлыкнула рыжая. — На дальней окраине Трамплина есть хорошая планета. Горменгаст называется. Там раньше была только военная база, а теперь колонизация началась. Им перевозчики требуются, готовы на десять лет соглашение подписать.

От неожиданности Андрей чуть не пролил коньяк. Везти переселенцев и снабжение на планету-колонию — так и вправду недолго разбогатеть. Он с энтузиазмом предложил выпить за успех.

Вечер удался на славу. Во-первых, рыжая, избавившись от забот, блеснула темпераментом. Во-вторых, приятно было сознавать, что громоздившиеся неприятности удалось растолкать по углам, не принимая кардинальных решений. Как известно, перенесенные на потом проблемы частенько самоликвидируются. К сожалению, это правило распространяется лишь на мелкие бытовые проблемы.

Хотя Виктория все-таки сумела немного напугать его. Уже засыпая, она прошептала: дескать, семья — это здорово.

На побережье Ла-Манша он отправился воздушным экспрессом. Аэробус оказался тихоходным, пришлось лететь почти два часа, к тому же кофе подавали не лучшего качества, да и кормили чересчур сладкими пончиками. Однако подобные мелочи не могли повредить прекрасному настроению — ведь в конце пути ждала встреча с прославленным полководцем.

Шарль Эрих Вимутье, генерал пехоты в отставке, бывший командующий 32-й общевойсковой армией жил в двухэтажном доме, стилизованном под феодальный замок с башенками. Не оправдались опасения Андрея — старик не впал в маразм, не занялся пчеловодством или виноделием. Симпатичная девушка — внучка или горничная — привела гостя на веранду, где генерал сидел в деревянном кресле, любовался морскими волнами под шелест осеннего дождя и пил светло-розовое вино из большого хрустального стакана.

Выглядел он лет на сорок, то есть медицина вернула генералу половину прожитого срока. Крупный мужик с резкими чертами лица, лихими усами, без признаков седины, был одет в толстый свитер и походный костюм для туристов. Приветствовав Андрея, Вимутье показал на пустой стакан, велел заняться самообслуживанием, и когда гость отказался от омлета, перешел к делу.

— Мне понравилась тема вашей диссертации, — сообщил генерал, по-прежнему глядя в море. — И тема магистерского диплома хороша.

— Вы нашли и прочитали мой диплом? — поразился потрясенный Андрей.

Ответ потряс его еще сильнее:

— Еще лет десять назад, когда стал профессором военной академии. Даже ссылался на вашу работу в своих лекциях. Советую вам, юноша, меньше говорить об Альганге, но заострить внимание на эволюции военного искусства и боевой техники. Альганг — досадный эпизод, а прогресс оружия был колоссальный. С удовольствием выступлю на вашей защите в любом качестве — хоть оппонентом, хоть рецензентом.

Не слушая благодарностей, генерал четко, словно читал лекцию курсантам, принялся излагать точно по теме диссертации. При этом говорил он вещи невероятно интересные, ничего подобного Андрей прежде не слышал, хотя перечитал гору книг.

Начальный период войны, провозгласил отставной командарм, показал

катастрофическую неготовность нашей армии. На протяжении предвоенного десятилетия сменявшиеся правительства совершенно не заботились о перевооружении флота и наземных войск, равно как о подготовке частей и соединений к современным формам боевых действий. Уставы не учитывали изменений, происходивших после 8-й Галактической войны, новая техника разрабатывалась, но не запускалась в серийное производство. Возглавив правительство, Порфирий Енисейский принял энергичные меры, в войска начали поступать усовершенствованные танки, БМП и другое оружие, но история отвела Порфирию лишь около года, и за это время сделать удалось не слишком много.

Уже первые сражения в Облаке Артемиды, а также в скоплениях Конус, Призма и Трамплин доказали, что земное оружие в лучшем случае не превосходит имперские, республиканские и ломовские образцы, которыми были оснащены вражеские войска. По многим видам вооружений люди просто уступали противникам. Среди неудачных образцов оружия Вимутье назвал БМП «Волк-2», старый танк «Бизон», а также автономные рейдеры-бомбардировщики «Валькирия» и даже вступавшие в строй уже в ходе войны «Звездные крепости». Боевые роботы «Циклоп» тоже не отвечали требованиям этой войны.

Слышать об этом было странно, поскольку все авторы — люди и негумы — в один голос уверяли, что творения земных оружейников не знали конкурентов.

— Простите, генерал, но «Бизон» официально признан лучшим средним танком той войны, — деликатно напомнил Андрей.

— Чушь собачья! — Старик отмахнулся с брезгливой гримасой. — Просто людям приятно похвастаться своим оружием, а чужаки повторяют эти бредни, чтобы оправдаться за свои поражения. На самом деле нам приходилось придумывать заумные тактические схемы, отражать танковые атаки огневыми ударами крейсеров и фрегатов, даже «Валькирий» привлекали... Прочитаете об этом в моем сборнике лекций.

Продолжая ошеломлять аспиранта, генерал-профессор поведал, что «Бизоны» оказались бессильны против ломских танков типа «Хониг-303», имевшихся на вооружении Мрагвенда. Соотношение потерь доходило до 1:4 в пользу противника. Более новая модель «Хониг-606», а также тяжелый имперский танк «Хонкедикта» были вообще неуязвимы для «Бизонов» и даже для крупнокалиберной полевой артиллерии. Приходилось жертвовать десятками, даже сотнями роботов, прежде чем их слабые бластеры могли причинить заметный ущерб тяжелым танкам врага. Лишь через три месяца, когда противник остановил и потеснил наши войска, начали поступать усиленные плазменные боеприпасы, новые лучеметы, противотанковые гравимагнитные пушки «Шершень», роботы «Вурдалак». Кроме того, каждая армия получила полк новых основных танков «Вампир». Тем самым удалось нейтрализовать техническое превосходство противника, потому что «Вампиры» в бою, как правило, побеждали «Хониг-606» и «Хонкедикта». Имперское командование даже приказало танкистам уклоняться от боя с «Вампирами». Следующую модель «Хониг-707» ломы рагвенам не поставляли.

Не сдержавшись, Андрей все-таки задал вопрос, давно не дававший ему покоя:

— Генерал, вам не кажется, что «Шершень» очень похож на кьелтарогскую пушку «Длинное копьё», поступившую на вооружение за два года до войны?

— Вроде бы она и есть, — сообщил Вимутье. — Поговаривали, будто наша разведка украла чертежи. Но, с другой стороны, «Носорог» тоже смахивал на тарогские «Тазифайки».

— Оба транспортера создавались на базе старой ресовской модели, у нас ее называли «Тяжелый гиперкоптер-рес», — поделился информацией Андрей.

— Не знал. — Генерал явно удивился. — Но тогда что вы скажете о бомбардировщике «Протуберанец»? Это уж точно наша собственная разработка. Но тарогский «Кунчихоль» похож на него как брат-близняшка.

— Согласен, это странно, — признал аспирант. — Без шпионажа не обошлось.

Выразительно подняв указательный палец, генерал предложил тост за бойцов незримого фронта, после чего вернулся к причинам неудач начального периода войны. По его словам, «Волк-2» и даже «Носорог» имели слабое вооружение, защита их тоже была

неудачной. Что же касается дальних рейдеров, то «Валькирии» оказались неспособны прорываться к сильно защищенным планетам имперской глубинки, поэтому стали использоваться в качестве тяжелых фронтовых бомбардировщиков. Таким образом, осенью 2474 года сложилась ситуация оперативно-тактического пата, и война приняла позиционный характер.

— Однако, — продолжал генерал, — в это время уже начались массовые поставки в войска новой техники. Пехотные подразделения получили БМП «Волк-5» и тяжелые «Кадавры», «Носорогам» усилили защиту и дали более мощные средства поражения. На фронте появились новые роботы, выстрелы которых пробивали бронированную крышу танков «Хониг» всех модификаций. Дальний фронт маршала Фангера в составе трех общевойсковых и двух ударных армий, развернув наступление в Артемиде, разгромил огромную группировку имперцев и буквально за месяц занял большую часть Облака. Вслед за ним последовательно нанесли удары Ближний фронт в Трамплине и Центральный — в Призме. Таким образом, в ходе войны наступил решительный перелом. Был также сформирован Резервный фронт под командованием генерала Кнауба, который добивал остатки вражеских гарнизонов в скоплениях Конус и Посох.

— Если в первый месяц войны мы ввели в бой семь армий, то к февралю имели на фронте вдвое больше оперативных объединений, а число действующих дивизий перевалило за две сотни, — подытожил Вимутье. — Точные цифры вы найдете в любом справочнике.

Официальная земная военно-историческая концепция гласила, что перелом был достигнут благодаря превосходству человеческого оружия, беспримерному героизму людей-воинов и безошибочной стратегии миролюбивого верховного командования Солнечной Державы. Умеренно благожелательные к человечеству историки вроде Мермезе Цланга, Лаймы Бахман и подобных им авторов описывали горы трупов и битой военной техники, которыми бестолковые люди заваливали добросердечных противников. Сами противники злобно скрежетали жвалами, жалуясь на случайные стечения неблагоприятных обстоятельств и многократное численное превосходство земных агрессоров.

Рассказ генерала Вимутье представлял те события в совершенно ином ракурсе. В словах бывшего командующего 32-й армией Андрей не мог найти противоречий. Какие-то намеки на такое развитие событий попадались ему в разных источниках, но теперь отдельные лоскутки фактов и намеков отлично складывались в целостную картину.

Дождь пошел сильнее, поэтому они заканчивали разговор в гостинной, смакуя вкуснейший омлет. Когда хозяин сделал паузу, потребовав принести кофе и круассаны, Андрей все-таки поинтересовался:

— Почему в литературе нет такой трактовки?

Вопрос получился сугубо риторическим, однако генерал все-таки ответил:

— Правда бывает неудобна, даже обидна. Ты же должен понимать, как пишется история войны. Сначала политические лидеры провозглашают свою оценку событий. Затем уже мы, старшие командиры, даем интервью и пишем книги воспоминаний, стараясь не противоречить политическому заказу. Ни политикам, ни генералам не хочется говорить о неприятном — что наше оружие было хуже вражеского, что мы не всегда принимали верные решения, что наши чудо-богатыри не всегда проявляли массовый героизм и высочайшее ратное мастерство. Поэтому, когда приходится описывать обидные неприятные события, мы пользуемся общими словами. Порой самые важные обстоятельства упоминаются вскользь и создается впечатление, будто речь идет о чем-то второстепенном... Наконец, через какое-то время за работу принимаются ваши коллеги, то бишь историки. Волей-неволей они следуют созданному до них шаблону и архивным документам, в которых тоже много неправды.

Генерал посетовал, что многие командиры, да и он сам в общем числе, не всегда излагали в своих рапортах истинную картину сражений. Частенько писали: дескать, не выполнили приказ из-за ошибок соседней дивизии. Во всех армиях принято завышать силы противника, равно как и нанесенные врагу потери.

— Отсюда и растут сказки о подвигах наших войск, — с усмешкой сказал Вимутье. — Якобы дралась дивизия против несметных вражеских полчищ и пошинковали всех до полного уничтожения. А на самом деле против дивизии было два батальона, которые благополучно сбежали после небольшой трепки.

Посмеявшись, Андрей привел пример из истории боев за систему Альганга. В архивах имелось несколько донесений командиров батальонов — двух земных, двух имперских и одного рагвенского, которые сообщали вышестоящим штабам: вошли в окрестности звезды, обнаружили численно превосходящего противника и выбили за пределы системы, причинив огромные потери. Картина выглядела нелогично, поэтому Андрей потратил дня четыре, пытаясь разобраться в нечеловеческих системах координат и календарях.

Итог оказался комичным. Два гиперлета — земной и рагвенский — обследовали соседние системы, ошибочно приняв за Альганг совершенно другие звезды. Не обнаружив противника, командиры доложили, что противник бежал под их ударами. Такое безобразие повторялось несколько раз. Однажды имперцы даже побывали возле Альганга, но людей там не было, однако своему штабу противник доложил, разумеется, что земляне позорно бежали, бросив большую часть техники. Через три дня к Альгангу подошел «Носорог» 131-го корпуса, противника не обнаружил...

Хохотнув, генерал-профессор закончил историю:

— Наверняка командир этого подразделения послал рапорт, что побил не меньше трех гиперлетов противника.

— Комбат оказался порядочным человеком... — Андрей тоже не мог сдержать смеха. — Сообщил в рапорте об уничтожении одного гиперлета.

— Так и воевали, — Вимутье помрачнел. — В армии было четыре корпуса, то есть две сотни «Носорогов», а всего на сектор ответственности приходилось больше миллиона звезд. Мы не могли держать гарнизоны в каждой системе, поэтому перешли к маневренным действиям.

— Эль-Фейри рассказывал о плане группы Шахрияра.

— Планы были хороши. — Генерал раздраженно пошевелил массивной челюстью. — Но планы надо реализовать, а такое не всегда получается. Существуют барьеры — объективные, субъективные, психологические... Люди допускают ошибки, но план Шахрияра был рассчитан на идеальных исполнителей — безошибочных, бесстрашных, превосходящих врага интеллектом и огневой мощью. А мы были всего лишь людьми...

Он возобновил рассказ о многомесячной борьбе на изматывание противника. Точечные удары перемалывали непрерывно поступающие резервы 12-й Империи, войска Центрального фронта неуклонно продвигались, теснили неприятельские дивизии, охватывали вражескую группировку. По его словам, было допущено несколько серьезных ошибок в полосе каждого корпуса. У рагвенско-имперского командования появились иллюзии, что люди наносят удары хаотично. Штаб фельдмаршала зи Райфинга разработал план решительного контрнаступления на ошибочных предположениях, что люди скоро выдохнутся.

Между тем разведка четко выявляла приготовления противника, команда Шахрияра рассчитала схему ответных операций, а штаб фронта выработал диспозицию. Главные силы 32-й армии должны были связать противника внезапными атаками в узловых точках. Фруогеру Вомастену зи Райфингу пришлось бы бросить на эти участки подкрепления, и в этот момент оставленный в резерве 76-й корпус наносил мощный удар во фланг и тыл, сокрушая всю группировку противника. Изготовившиеся к наступлению войска имперцев были не в состоянии отразить прорыв, им пришлось бы отступить на окраину Призмы. У зи Райфинга оставалось две возможности: либо покинуть скопление, либо укрепить оборону в Призме за счет ударного кулака в Конусе.

— Он бы, несомненно, попытался передвинуть в Призму войска из Конуса, других резервов у него не оставалось, — возбужденно выкрикнул Вимутье. — Две армии в Конусе ждали этого, чтобы нанести главный удар. В результате вся группа армий союзников оказывалась в гигантском мешке... Но тут, в самый неподходящий момент, дурак Лестер

отдал идиотский приказ, и прекрасная диспозиция начала рассыпаться на глазах.

Генерал тяжело дышал — он до сих пор сильно переживал ту неудачу, когда не по его вине блестящая победа выскользнула из рук.

— Что же случилось? — осведомился заинтригованный Андрей. — Насколько я понял, он ошибочно послал один батальон в систему Альганга.

— Если бы один! — взревел генерал. — Он решил, что понимает ситуацию лучше, чем штаб армии. Лестер лично наметил объекты для атаки. Добрый десяток «Носорогов» с пехотой отправился не в те системы. Хуже всех пришлось, конечно, батальону в Альганге — там дислоцировалась усиленная бригада, против которой мы планировали бросить дивизию. Кстати, эту дивизию, выделенную для развития успеха, Лестер задействовал для бессмысленного удара в лоб по главной группировке противника, бросил против превосходящих сил. Я уж не говорю о такой мелочи, что его корпус бросился в бой на сутки раньше соседей! Спутал нам все планы, подонок!

— Как это возможно? — недоверчиво переспросил историк. — Лестер — старый опытный генерал, бывалый служака. Такой человек не способен ослушаться приказа.

Посмотрев на него с нескрываемым сожалением, Вимутье произнес голосом, полным сарказма:

— Пьяный способен и на большие глупости.

— Лестер запил после поражения, — поделился приватной информацией Андрей.

— Глупости! Грандиозный запой начался за два дня до наступления! — Генерал встал из-за стола, резко толкнув тяжелое кресло. — Лестер отдавал приказы, ничего не соображая... Никакой психиатр не сможет объяснить, что творилось тогда под его черепом. Безусловно, командование корпусом оказалось непосильной задачей для его интеллекта. А тут еще стресс прибавился — фронт прислал офицеров-математиков, которые руководили спецоперациями. Там такое творилось — резкое отступление, потом точечные удары по вражеским ударным группам. Такая тактика была выше понимания Лестера. По-моему, он испугался, что вышестоящий штаб доиграется до поражения, — вот и запил.

— Поэтому его и сместили...

— Было бы странно повышать в должностях и званиях виновника катастрофы. — Вимутье зафыркал. — После беспробудного пьянства Лестер легко отделался. Армейское и фронтовое командование пыталось покрывать его, но информация дошла до Верховного. Говорят, в гневе Порфирий был страшен, а пьяниц просто ненавидел. Лестеру повезло, что мы с Юнгером сумели выправить ситуацию.

Уставший от неожиданностей Андрей прошептал:

— Какой ужас...

— Не сказал бы, — отмахнулся генерал. — В армии похуже вещи случаются. Война есть особое состояние существования человеческой личности.

Несколько минут хозяин особняка молча смотрел в окно, за которым ветер покачивал деревья, гонял по морю барашки волн и хлестал струями ливня. Решив, что интервью закончилось, Андрей собрался прощаться, но Вимутье вдруг возобновил повествование. По его словам, массированная атака «Вампиров» и «Кадавров» на участке 49-й армии лишила противника возможности маневрировать резервами, хотя тотального разгрома вражеской группировки не получилось. Верховному командованию пришлось преждевременно ввести в бой армии Резервного фронта, но в итоге войска зи Райфинга все-таки покинули Конус и Призму. Центральный фронт одержал победу, захватил большие трофеи, взял много пленных. Однако враг сумел отвести почти половину дивизий, которые заняли оборону на границах Империи. К тому же войска Центрального и Резервного фронтов нуждались в отдыхе и пополнении, поэтому наступила стратегическая пауза.

— Из-за этой задержки нам не удался молниеносный разгром Мрагвенда, — печально резюмировал генерал. — Потом ломы принудили Кьелтарогга к капитуляции, война могла закончиться в любой момент. Поэтому армии Кнаува были брошены не в Мрагвенд, а в Артемиду. Объединенными усилиями Фангер и Кнауб сумели быстро сломить имперцев,

Облако стало нашим.

Старый полководец подарил Андрею свой курс лекций. В книжке было множество интереснейших фактов и примеров, а также потрясающие видеоклипы. Только теперь Андрей стал понимать, какие маневры выполняли новые модели оружия — на иллюстрациях было наглядно видно превосходство новой боевой техники над предвоенной. Очередной пример того, как техника формирует оперативно-тактическое искусство.

Горячо поблагодарив генерала, он все-таки решился полюбопытствовать:

— Вы уверены, что Резервный фронт, согласно первоначальному плану «Наковальня громовержца», намечалось направить против Мрагвенда?

— Разумеется, уверен, — заметно удивившись, ответил Вимутье. — В приказе фронта прямо указывались все последовательные задачи моей армии. Разгромить противника в центральной части Призмы, выбить из скопления, а затем наступать на Мрагвенд вслед за Резервным фронтом.

— Вам не говорили, против кого Земля собирается воевать после оккупации Мрагвенда?

Покачивая головой, генерал признался, что вопрос о следующем противнике волновал его тогда и продолжает интересоваться по сей день.

— Мы думали о возможных действиях, — произнес он. — И в моем штабе, и в штабе фронта, и на большом совете, когда начальник Генштаба поставил задачу на операцию «Наковальня»... Никто не знал замыслов Красной Башни, даже маршал д'Анжу. Мне кажется, Верховный был готов бить и ломов, и тарогов.

— А что предполагали вы сами?

В тяжелом взгляде генерала мелькнула тень давней, но не забытой драмы. Положив большие ладони на спинку кресла, Вимутье словно погрузился в былые события, вспоминая далекие годы, когда он творил историю.

— Иногда мы обсуждали следующую кампанию... — Старик произносил слова чрезвычайно медленно, делая паузы после каждой фразы, как будто боялся выболтать лишнее. — Думали тогда и продолжали обсуждать потом, уже после войны... В стратегии Красной Башни остается много непонятного. За нами, на базах Облака Зевса, стояла громадная армия — сотни дивизий, жандармы, спецназ... Там были целые корпуса, укомплектованные ветеранами на «Вампирах» и «Кадаврах». Наш флот почти не принимал участия в боях... Мы полагали, что Верховный придерживает эти козыри для следующей битвы. Никто не называл Енисейского глупцом... Если уж он приготовил такую силищу — стало быть, имел замысел, куда двинуть флот и пехоту с танками... — Вимутье порывисто развел руками. — Но война кончилась, и никто не знает, какие сюрпризы задумал президент.

Кто-то должен знать, подумал Андрей. Если готовилась следующая кампания — следовательно, в архивах Генштаба хранятся разработанные планы военных действий. Порфирий не мог принимать решения в одиночестве, наверняка ведь он советовался с премьер-министром, маршалом Чангом, Хуанитой Родригес... К прискорбию, никто из них не дожил до сегодняшнего дня. Оставалась последняя надежда на Чарманова — или сам что-то знает, или подскажет, у кого спросить можно...

Пока же Андрей продолжил расспрашивать отставного командарма:

— Скажите, генерал, кто, на ваш взгляд, был в тот момент наиболее опасен для человечества? Наиболее враждебен и опасен.

Развеселившись, Вимутье проговорил, усмехаясь:

— Это разные вещи, молодой человек. Наиболее враждебны были ресы, публы, рагвены и всякие мелкие расы, но никакой опасности они не представляли, потому как были разгромлены. Импы тоже проявили непонятную враждебность, однако мы к ним особой ненависти не испытывали — все-таки они были нашими союзниками в прошлую войну. К тому же добить Империю мы могли без помощи накопленных в тылу сил.

— Как же Кьелтарогга?

— Этих мы, конечно, побаивались, — признался генерал. — Флот и армия кабтейлунка

творили чудеса. Да, тароги и шерлоны были серьезной опасностью, пока ими правил Кордо. Только, скажу вам, в ту осень их армия была измочалена и не представляла серьезной угрозы. И еще должен отметить, не припомню, чтобы кабтейлунк когда-нибудь недружелюбно выступал против человечества, даже на словах. Да и среди людей тогда не замечалось массовой враждебности к тарогам. Разве что после войны, когда Ваглайча стали посмертно величать кровавым диктатором и тираном.

— Остаются ломы, — сделал вывод Андрей.

— Ну да. — Вимутье вновь сел в кресло и все-таки разлил вино в бокалы. — Наиболее вероятные противники — Ломандар и Кьелтарогга. Но битва не состоялась. Енисейский призвал к миру, ломы с имперцами дали согласие, Кьель уже капитулировал, Республика была готова на все, лишь бы война закончилась. Так и наступил мир.

Кажется, они уже поговорили про все самое главное, генерал явно устал и не горел желанием продолжать интервью. Порядочному человеку полагалось бы вежливо попрощаться. Сделав над собой усилие, набираясь наглости, Андрей достал видеофон. Среди файлов, полученных от лже-доктора Таризля, он нашел очередную неразрешимую загадку. Шарль Эрих Вимутье был одним из немногих, кто мог объяснить, что там произошло.

— Последний вопрос, если позволите... — Он запустил изображение. — Это запись передвижения флотов в последние полгода войны.

На голограмме светились четкие контуры главных звездных кластеров: Зевс, Артемида, Трамплин, Алеф, Призма, Конус. Выше лежали три больших облака, составлявшие Таримкли Ломди Сахал, а дальше, к окраине галактического рукава, распластались плотные скопления 7-й Республики, Мрагвенда, Кьелтарогга, 12-й Империи, а также Туманность Омар, в которой располагалось Даласули.

Весь видеоклип, охватывавший почти год реального времени, продолжался меньше двух минут. Сначала сошлись эскадры тарогов и ресов — знаменитое сражение, в котором адмирал Чорвейл Адораш наголову разгромил флот 7-й Республики, лишив возможности поддержать армии, выдвинутые к границам Кьелтарогга. Затем большая группировка имперских кораблей сконцентрировалась между Конусом и Призмой, но земной флот совершил стремительный бросок из Облака Зевса и молниеносно уничтожил вражескую армаду. Третье большое передвижение множества больших кораблей сопровождало вступление в войну Ломского Союза: караваны крейсеров, линкоров, транспортов пришли в Даласули, потрепали кьелтароггский флот и высадили десант, вступивший в бой с войсками кабтейлунка. Последовало еще несколько столкновений, в одном из которых погибли, вероятно, Кордо и Адораш. При таком масштабе и при столь ускоренном темпе просмотра нечего было и пытаться разобрать подробности.

И, наконец, последний эпизод, поставивший Андрея в затруднение. Генерал тоже выглядел удивленным.

— Что за странный маневр? — недоуменно спросил старик.

— Сам голову ломаю, — признался историк. — По моим подсчетам, это происходило в конце осени или в начале зимы. Ветераны вашей армии рассказывали, что в первых числах декабря войска по тревоге приготовили к десанту. Здесь мы видим, что сначала ломский флот сосредоточился на границах Кьелтарогга, потом наши корабли двинулись на Ломандар. «Опоссумы» немедленно отвели эскадры от Кьелтарогга, и земные флоты вернулись в Облако Зевса.

Он торопливо пояснил свои сомнения. В эти самые дни делегации пяти держав собрались на Бсархаде, чтобы подписать мирный договор и капитуляцию Кьелтарогга. Совершенно непонятно, зачем ломам вздумалось направлять ударные силы против уже признавших поражение тарогов. Действия Земли выглядели и вовсе необъяснимыми: будто Красная Башня решила воспользоваться уходом ломского флота и нанести удар по беззащитным планетам недавнего союзника.

— Ломы не были нашими союзниками, — сварливо уточнил Вимутье. — Да, верно, припоминаю такое. Числа, кажется, восьмого или девятого декабря поступил приказ

министра обороны маршала Чанга. Войска собрались на полевых космодромах, начали прибывать транспорты. Дня через три дали отбой. Про передвижения флота мне, извините, ничего не известно. Ни мне, ни командующему фронтом вышестоящее командование объяснений не представило... — Неожиданно генерала прорвало, и он прорычал: — Лично я сожалею, что Порфирий не решился нанести удар. Человечество не уступало силами Ломандару, у нас была закаленная армия. Один удар, еще полгода войны — и весь галактический сектор стал бы нашим.

Сухо кивнув, он осведомился, есть ли еще вопросы. Выслушав искренние слова благодарности за интереснейшую беседу, старик благосклонно похлопал гостя по плечу и пожелал: мол, постарайся написать правдивую работу.

— Именно так и настроен, — гордо провозгласил Андрей. — Собираюсь написать всю правду.

Проводив его до калитки, Вимутье негромко произнес на прощанье:

— *Всей* правды никто написать не сможет, не поместится вся правда ни в одной библиотеке... Главное в нашем деле — поменьше неправды писать. И не умалчивать о вещах важных, но неприятных. Слишком многие подобным грешат. Из лучших побуждений.

Заверения — дескать, никогда не станет врать — вызвали у генерала снисходительную усмешку.

Глава 22

Великие тени

Пролив он пересек в салоне аэробуса, с утра пораньше прибыл в Лондон и, совершив непростое путешествие по транспортной сети гигаполиса, оказался возле Института военной истории. Андрея приняли как родного. Несколько профессоров, носивших мундиры не меньше полковника, поздравили коллегу Машукевича с благополучным взломом архивов корпорации. Тщательная экспертиза подтвердила подлинность всех файлов. Руководство института рекомендовало коллеге издать отдельным сборником документы, на которые не наложит вето Министерство глобальной безопасности.

— Неудобно, я же не автор, они случайно ко мне попали, — отнекивался смущенный коллега.

— Вас оформим составителем, — молниеносно принял решение генерал-лейтенант, знаменитый специалист по 7-й Галвойне. — Позвольте нескромный вопрос: не остается ли у вас в запасе других документов этой коллекции?

Андрей позвонил Чаклыбину, тот без раздумий согласился войти в число составителей сборника секретных документов, после чего переслал на планшет генерала массивный пакет информации. Прощаясь, молодежавый полковник, изучавший войны XXII–XXIII столетий, предложил Андрею переходить на работу в их Институт.

— Вы же представляете, какую сенсацию произведет эта публикация, — поддержал полковника генерал-лейтенант. — Профессора провинциального университета будут обходить вас по дуге в три четверти светового года. Теперь у вас одна дорога — к нам.

Другой генерал согласился, что кандидатскую степень Андрей без осложнений получит уже зимой — за сборник тех самых документов. Все дружно согласились и посоветовали коллеге подумать, как бы превратить в докторскую ту диссертацию, которую он пишет сейчас. Андрей растерялся и дал слово, что подумает над предложением. Ему тут же вручили приглашение на Всесистемный конгресс «Человечество в Галактических войнах», намеченный на февраль следующего года. Припомнив, как ревнивы провинциальные профессора, Андрей выпросил еще одно место для историков Эвридикского университета.

Кажется, лондонские коллеги решили, что он хочет привезти на Землю даму, но выдали заявку на два стендовых сообщения. Снисходительно поулыбавшись, генерал-лейтенант приказным тоном потребовал немедленно написать короткую заметку в ближайший выпуск «Военно-исторического журнала».

Сидя в институтской библиотеке, Андрей третий час надиктовывал и тут же правил текст. Повинуясь его голосу, на экране планшета появлялись строки:

«Таким образом, документы, поступившие в распоряжение исследователей, приводят к существенной переоценке событий периода 9-й Галактической войны. Документы показывают важную роль трансгалактических корпораций как на этапе развязывания войны, так и в ходе боевых действий. Неопровержимо доказано, что именно «Прусло Кром» совершила преступную бомбардировку Глешнеке.

Пользуясь мощными рычагами влияния на политических деятелей, включающими коррупцию, шантаж и манипулирование информацией, корпорации заставили правительства главных держав вступить в схватку. В последующем банды наемников корпораций — так называемые «частные армии» — направлялись на важные участки, не позволяя сражениям утихнуть прежде, чем будут достигнуты главные цели закулисных манипуляторов.

Через подконтрольные средства масс-медиа, равно как при помощи агентуры в спецслужбах, осуществлялась массовая фальсификация документов, искажающая истинную расстановку сил, цели сторон и конкретные действия многих участников войны. Неопровержимо доказано, что так называемые «антигегуманоидные» приказы Кордо Ваглайча сфабрикованы департаментом активных операций политической разведки 7-й Республики по прямому указанию кураторов из «Прусло Кром» и «Жескеч». В свете новых фактов следует признать, что служба «Одо-Одо» Кьелтарогга непричастна к истреблению сотен миллионов ресов и публов. Этот акт ксеноцида полностью осуществлен «частными армиями» транснациональной корпорации...»

Видеофон сыграл музыку, отведенную для Чаклыбина.

— Я в Лондоне, — сообщил Всеволод, и микрофон донес отголоски женского смеха. — Когда и где пересечемся? Я нашел симпатичный ресторанчик средиземноморской кухни.

— Хорошая мысль, я как раз проголодался. Скинь адресочек.

Они договорились встретиться в ресторане «Финикийский корабль» через час. Закончив и отредактировав короткую, на три странички, статью, Андрей сдал материал знакомому полковнику.

На улице было пасмурно, вкрадчиво накрапывал холодный мелкий дождик. Возле входа в подземку ждал сюрприз в лице Таризеля Гагиева.

— Прогуляемся пешочком, — предложил полковник. — Потом тебя отвезут в ресторан.

— За мной следят?! — Возмущенный Андрей встал столбом посреди тротуара. — Разговоры слушаете?

— Вам назначена встреча с экс-президентом, — равнодушно пояснил Гагиев. — Вы второй день под плотным надзором. Всех бывших опекает центральный департамент правительственной охраны. Меня подключили как твоего куратора.

— Но встреча намечена на вечер.

— Встреча состоится раньше. — Подполковник взял его под локоть, они перешли улицу, свернули за угол и оказались в пустом сквере. — Присаживайся, здесь нас невозможно подслушать.

Контрразведчик подвел Андрея к украшенной ангелочками беседке. Мраморные фигуры со злобными лицами закрывали ладонями глаза. Надо было думать, что беседка не только защитит от усилившегося дождя, но и подавит все виды подслушки.

— Что опять случилось? — раздраженно поинтересовался аспирант. — Инструктаж перед встречей с великой тенью славного прошлого?

Отрицательно мотнув головой, Таризель произнес негромко, с доверительной интонацией:

— Вечером тебе надо будет встретиться с ломо. Оно из разведки, но про мою службу в глобальной безопасности не в курсе. Считает, что я работаю на мафию.

— Я должен завербовать однополое? — насмешливо осведомился злившийся все сильнее Андрей.

— Не дергайся. Требуется всего лишь поговорить и запомнить, что оно скажет. А лучше записать — ведь ты всегда держишь мобильник включенным.

— Когда мобильник, а когда и планшет.

— Тем лучше. Через это ломо... кстати, его зовут Хифе Мренеби... Оно помогает нам в борьбе против больших корпораций. Хочет поговорить с тобой о тех находках из черной дыры.

— Ты доверяешь этому ломо?

— Конечно нет. Ты повторишь официальную версию: дескать, извлекли четыре записывающих устройства древних рас. Добычу забрали жандармы, но ты видел, как одно устройство было передано заказчику. Кто был заказчик, тебе неизвестно. Знал об этом только Велимир.

— Так оно и было, даже врать не придется.

— Вот именно. Просто ломо подозревает, что в действительности мы нашли нечто более важное. Постараемся разубедить.

После таких разговоров Андрей тоже заразился подозрениями, но ничего не сказал. Повторив инструкции, Тариэль добавил, что на мобильник Мренеби поступило кодированное послание. Расшифровать пока не удалось, но письмо задержали на серверах провайдера. Ломо получит свою почту в момент их разговора.

Покончив с делами, подполковник признался, что жутко устал, посоветовал послушать новости в три часа и проводил на соседнюю полянку, где ждал аэрокэб. Трафика не было, поэтому робот-пилот доставил Андрея в ресторан буквально за пять минут.

Первым делом Чаклыбин похвастался, как ловко нашел «Финикийский корабль». Его поздравили прямо в аэропорту — Всеволод оказался миллионным пассажиром с начала какого-то предпраздничного сезона. По этому поводу ему дали такси с шикарной блондинкой-гидом и сертификат на ланч в этом средиземноморском заведении. Блондинка долго показывала ему городские достопримечательности, потом привезла в ресторан, откровенно намекнула, что скоро вернется с подругой, и договорилась насчет отдельного кабинета для писателя с другом.

Кабинет был роскошный — ковры, мягкие подушки, расшитые золотыми полумесяцами. Посмеявшись над наивностью приятеля, Андрей напомнил, что чудес не бывает, и предположил, что ланч организовала служба охраны.

— Думаешь, старик придет сюда?

— Я уже боюсь думать, — вздохнул историк. — Нами управляют всемогущие невидимки. Одни провоцируют галактическую войну, другие — приводят нас в ресторан.

Официант принес «порто» тридцатилетней выдержки и дорогие закуски. Прикинув, что Чарманову не с руки появляться в разгар употребления деликатесов, так что придет экс-президент скорее всего к чаю, Андрей коротко пересказал последние новости. Всеволод согласился с задумчивым видом и занялся холодной фаршированной рыбой. Чуть позже, когда подали плов, он поделился опасением:

— Ты не слишком надейся на сенсационное интервью. Старик не должен знать слишком много. И всего, что знает, наверняка не расскажет. Даже если мы сможем задать правильные вопросы.

— Догадываюсь, не чархианин, — буркнул Андрей. — Вчера чувствовал не раз, как Вимутье вдруг замыкался. Словно четко нарисована граница, за которую посторонним нельзя заглядывать.

— Наверняка так и есть, — согласился Чаклыбин.

Однако гость не появился, хотя официанты расставили на столе чайный прибор на три персоны, ближневосточные сласти, варенье. Часы между тем отстукали время, названное подполковником Гагиевым. Признав ошибочность высказанных догадок, Андрей настроил видеофон на главный столичный канал. Конечно, все новости незамедлительно появятся в информационных сетях, однако главные сенсации первым делом объявляются в

официальных выпусках.

Сенсация действительно прозвучала — давно зомбоящик подобной бомбы не выдавал. Президент ССМ Франтишек Таймер принял в Янтарном зале Красной Башни главу коллегии генеральных менеджеров корпорации «Дветигул» и министра экономических связей 12-й Империи. В церемонии принял участие председатель совета директоров госконцерна «Гипертехнология», лидирующего в освоении «темной материи». В торжественной обстановке, под прицелом сотен объективов высокие стороны подписали соглашение о совместной разработке ресурсов черных дыр в Облаке Алеф. Согласно соглашению, партнеры окажут человеческим компаниям научно-технологическую поддержку в области добычи, переработки и применения субстанций гиперпространства.

Затем прошло сообщение о переселении колонистов на миры на краю Солнечной Державы, о больших учениях вооруженных сил в районе северной границы, об успешных испытаниях усовершенствованных образцов оружия на базе гиперкоконов, об открытии пригодных для колонизации планет в разных частях Облака Алеф. Все это выглядело незначительным и банальным по сравнению с главной новостью дня.

Дрожащей рукой опустив чашку на блюде, потрясенный Чаклыбин осведомился сдавленным шепотом:

— Что же получается — наши снова с имперцами дружбу заводят?

— Не в том дело, — Андрей сглотнул. — Это плевок в морду «Жескеч» и «Прусло Кромю». И пусть продажные политологи попробуют вякнуть, будто наши технологии представляют опасность! Вот вам — ведущая корпорация поставляет нам передовые технологии.

Ему ответил тот, для кого был поставлен третий прибор:

— Вы оба правы. Таймер и Кальмар провели тонкую игру.

Пожав им руки, экс-президент сел на свободное место. Чарманов зашел один, оставив охрану за бархатным занавесом. Он смотрел на собеседников с отработанным благожелательным прищуром. Андрей вдруг разволновался, не решаясь задавать давно продуманные вопросы.

К этому человеку все относились уважительно. Герман Чарманов оставил о себе добрую память, период его правления не вызывал особых споров и не оставил зловещих тайн. Джангархана считали тираном, Енисейского — жестоким и решительным авантюристом, обоих частенько называли по имени — Рамзес и Порфирий. Чарманова всегда поминали только по фамилии. Он вошел в историю как политический лидер, сосредоточивший все усилия на управлении государством и не принявший на себя верховного командования в галактической войне. Чарманов оставался у власти два срока, в течение которых человечество сделало громадный шаг, приблизившись к уровню ведущих цивилизаций.

Попросив у друга разрешения, Всеволод осведомился:

— Можно ли сказать, что завершен конфликт между корпорациями, вызвавший Девятую Галвойну?

— В определенном смысле. — Чарманов внимательно рассматривал людей, упросивших его встретиться. — Начался следующий раунд схватки корпораций. «Дветигул» отыграла часть потерянного.

Чаклыбин продолжил расспрашивать о событиях эпохи чармановского правления. Экс-президент отвечал охотно, поведал интересные, но малоизвестные факты о раскладе сил перед 8-й Галактической войной. По его словам, заставив Ломандар провозгласить галактизацию, корпорации стравили Республику с Империей ради своих интересов, причем разменными пешками должны были стать Кьелтарогга, Мрагвенд и ССМ. Филигранное лавирование Красной Башни, заключившей союз с имперцами, предотвратило катастрофу. Более того, удалось выбить гарнизоны республиканцев из окраинных секторов Облака Зевса, так что весь кластер оказался под земным контролем.

Когда писатель горячо поблагодарил экс-президента за интереснейшие откровения, на лице Чарманова мелькнула сардоническая ухмылка. Наверняка Чаклыбин и сам понимал, что значительно больше шокирующих подробностей остаются невысказанными.

— Если позволите... — неуверенно начал Андрей. — Теперь мы понимаем, что Девятая случилась не из-за властолюбия Кордо, но по причине конфликта грандиозных монополий.

— Давайте, молодой человек, уточним, — вставил Чарманов. — Мы понимали это гораздо раньше. Роль трансгалактических корпораций стала понятна уже после анализа событий Седьмой войны.

— Согласен, я хотел сказать, что теперь истинная причина войны понятна мне и моему другу, и мы попытаемся довести это до наших читателей. Но я хотел спросить о другом... Если войну навязали корпорации, то получается, что Кордо и Порфирий тоже были марионетками «Дветигул» и других суперхолдингов.

— Вовсе не обязательно, — сдвинув брови, Чарманов покачал головой. — Корпорации не имели абсолютной власти даже над Бсархадом, а тем более — над Къелем и Землей, где существовала сильная централизованная власть. Но корпорации контролировали правителей нескольких других держав, этого было достаточно, чтобы начать войну. Остальным странам оставалось присоединиться, другого выбора не существовало.

Напрягшийся, как зверь перед прыжком. Чаклыбин осведомился:

— Такая же ситуация была перед Восьмой Галвойной?

— А также перед Седьмой, Шестой, Пятой... — Чарманов ответил невозмутимо, словно готовился к подобному вопросу. — Про более ранние войны точной информации нет. К вашему сведению, Седьмая началась из-за того, что «Дветигул», «Прусло Кром» и «Жескеч» бросили вызов корпорациям, которые правили Галактикой в предшествующие столетия, после Шестой войны.

— И что стало с теми корпорациями? — наивно спросил Всеволод. — Их съели?

— Съели, облизнулись и добавки попросили, — подтвердил экс-президент.

Момент показался Андрею подходящим, чтобы выяснить главное — с какими намерениями вступал в войну Енисейский. Чарманов посетовал: дескать, был тогда совсем плох и нетранспортабелен, почему и отказался от предложенного Порфирием поста премьер-министра. Затем он подтвердил, что Порфирий собирался встретиться с Кордо и предложить кабтейлунку проводить согласованные действия как на военном фронте, так и на дипломатическом. Удалась ли такая встреча, удалось ли двум лидерам договориться — таких подробностей Чарманов якобы не знал.

Слишком частые ссылки Чарманова на плохое самочувствие, длительные периоды помутнения, редкие визиты Енисейского и замкнутость последнего звучали подозрительно. Андрей почти не сомневался, что омолодившийся политик просто не желает раскрывать известных лишь ему секретов. К сожалению, не мог он ничего поделать: экс-президента ментовизором не прощупаешь. О броске земного флота к границам Ломандара в декабре 2475-го Чарманов тоже — по его словам — не знал. Уже не надеясь услышать ответ, Андрей все-таки поинтересовался:

— Не известно ли вам, против какого противника Енисейский придерживал сильнейший ударный кулак?

К его удивлению, Чарманов произнес:

— Известно. — Бывший глава государства наполнил свою чашку, отправил в рот ложечку варенья, выпил несколько глотков и продолжил: — Мы говорили с ним, обсуждали разные варианты... Перед его поездкой на Кинро-Баздоп. В этом вопросе у нас не было разногласий. Порфирий прекрасно понимал ситуацию. Солнечную Державу втягивали в ненужную нам войну, втягивали против нашей воли. Земля должна была точно сыграть на противоречиях между интересами великих держав и трансгалактических корпораций. Надо было держать про запас значительные силы, чтобы отреагировать на возможные неожиданности...

— Вы опасались, что Ломандар ударит по Земле? — несдержанно спросил Чаклыбин.

— Не только. — Экс-президент сидел неподвижно, погрузившись в глубокое прошлое, застывший взгляд был направлен в ковер на стене напротив. — Можно было опасаться любых, даже самых абсурдных изменений обстановки. Ломандар сохранял нейтралитет, и было понятно, что ломы, согласно сценарию войны, выйдут на сцену в решающий момент. По худшему варианту — они помогли бы ресам и перцам уничтожить Кьелтарогга, после чего все выступили бы против нас единым фронтом.

Он очень грустно вздохнул и поморщился, массируя бок. Затем повторил, что Порфирию пришлось оставить в бездействии лучшие соединения.

Попытка выяснить мнение Чарманова о встречном движении человеческих и тарогских войск на предпоследнем этапе войны привела к непониманию. Старый политик удивленно попросил уточнить, что имеет в виду историк.

— Я хочу понять, для чего Енисейский готовил прорыв через Мрагвенд — навстречу рвавшимся через Даласули войскам Ваглайча, — пояснил Андрей. — То ли собирался дать бой тарогам, то ли хотел соединиться с ними для дальнейших совместных действий.

— Вы уверены, что планировались операции против Мрагвенда? — недоверчиво переспросил Чарманов. — Енисейскому не было дела до рагвендов и даласов. Пока противники отбивались от Кьелтарогга, Порфирию следовало поскорее взять под контроль Артемиду и Алеф. Он понимал это лучше других. Таким образом, Ближний фронт должен был угрожать Мрагвенду с Империей, а Центральный, Резервный и Дальний — стремительным броском захватывают два облака.

— И тем не менее фронты получили другую директиву. Ближний и Центральный при поддержке Резервного наступают на Мрагвенд, а Дальний угрожает Империи, продолжая наступление в Облаке Артемиды.

На этот раз пауза получилась очень долгой. Чарманов размышлял с озабоченным выражением лица, прикрыв глаза и лишь изредка беззвучно шевелил губами. Наконец он помотал головой, словно разгонял наваждение, хлебнул остывший чай и произнес:

— Вы же понимаете, что тароги не представляли для нас интереса или угрозы. Целью войны был захват ресурсов. Совершенно невероятно, чтобы Порфирий выступил против Кордо.

— Значит, попытка установить общую границу для беспрепятственной переброски грузов и войск, — резюмировал Всеволод.

Мрачно поглядев на собеседников, Чарманов отчеканил:

— Это возможно лишь в единственном случае: если между ними было полное взаимопонимание. Другими словами — если Порфирий действительно встретился с кабтейлунком и они договорились о совместных действиях.

— Они подписали тайный договор? — вырвалось у Андрея.

— Вовсе не обязательно. На таком уровне документы только мешают. Для них было бы достаточно простой договоренности. — Экс-президент встал. — Мы интересно поговорили. У вас есть еще вопросы?

— Много, — признался Андрей. — Но если вы намекаете, что интервью закончено, позвольте только спросить... Вы сказали, что по известной проблеме у вас не было разногласий. Следовательно, в других случаях вы не пришли к согласию.

— Были некоторые нестыковки, — подтвердил Чарманов и вышел из кабинета.

Проводив экс-президента весьма недружелюбным взглядом, Андрей буркнул: дескать, Всеволод был прав, и Чарманов не пожелал говорить обо всем, чего не мог не знать. Кивнув, соглашаясь, писатель резюмировал:

— Неохота людям шкафы со скелетами выставлять на всеобщее обозрение. — Он добавил уверенно: — Насколько я понимаю психологию, а в эти образы я вжилась капитально, Кордо и Порфирий вполне могли сговориться. Эти двое должны были понимать друг друга с полуслова. Причем Енисейский не страдал расизмом, поэтому шире мыслил и запросто мог переиграть кабтейлунка... Что же касается разногласий между Чармановым и

Порфирием, то разногласия могли быть связаны только с их отношением к Ваглайчу.

— Верю на слово, ты — специалист, — проворчал Андрей.

Спустя пару часов, высадив Чаклыбина возле аэробусной станции мадридского пригорода, Таризель вновь поднял в воздух «Феррари-Сильмарил» и взял курс на Париж.

— Роскошный лимузин, — прокомментировал историк. — Даже слишком.

— Согласно легенде, я занимаю важный пост в организованной преступности, — лениво напомнил контрразведчик. — Ты уверен, что запомнил, о чем будешь говорить?

— Я тебя умоляю. — Андрей отмахнулся. — Если уж сыграл в «Казарме» роль пьяного пилота, а в «Роковой звезде»...

— Пьяного сыграть несложно. Ты сколько выпил перед съемками?

— По стакану на каждый дубль.

Хохотнув, лже-доктор повел машину на снижение и сел на безлюдном речном берегу.

По новостям передавали отклики мировой общественности на сговор «Дветигул» и людей с импами. Бсархад еще не высказался, но в 12-й Империи соглашение приняли хорошо, даже 7-я Республика признавала, что теперь Солнечная Держава не представляет большой угрозы для миролюбивых народов. Несколько влиятельных концернов выразили готовность присоединиться к проекту.

В противовес общему оптимизму, кудахтали кликуши человеческого происхождения. Пауль Фолькенгольц вопил, что Земля, обманув доверчивых бизнесменов из «Дветигул», создаст новое страшное оружие для завоевания всей Метагалактики. По мнению Клариссы Латунной, земная мафия просто купила трансгалактическую монополию, чтобы творить свои темные делишки. Знатный фальсификатор истории Адольф Сваниховский уличал коррумпированных политиков Ломандара в предательстве идей свободы. При этом все трое обвиняли в случившемся корпорацию «Прусло Кром», якобы стоящую за дьявольским сговором вокруг Алефа.

Послушав бред продажных политологов, Андрей честно признался:

— Не могу понять, кто платит этим выродкам.

— «Прусло Кром», — любезно сообщил подполковник.

Сбитый с толку историк задал очевидный вопрос:

— Так какого черта они наезжают на своих хозяев?

Контрразведчик был по-прежнему лаконичен:

— Выродки.

Подполковник Гагиев не собирался раскрывать подробностей хитрой операции. Глобальная безопасность давно прослушивала и просматривала видеоканалы, по которым получали указания горе-политологи, подкупленные корпорацией «Прусло Кром». Накануне контрразведка воспользовалась этими каналами, чтобы передать от имени хозяев приказ: смешать с грязью «Прусло Кром». Предателям был обещан тройной гонорар, и они ретиво взялись за работу. Оставалось подождать момента, когда заказчик предъявит претензии в виде бластерного луча в затылок, — «Прусло Кром» не любила шутить.

Продолжавший недоумевать Андрей собирался продолжить расспросы, но видеофон в кармане завибрировал, информируя, что получено письмо. Глянув на экран, историк присвистнул: послание прибыло из очень далеких мест. Архивированный видеофайл немного пострадал во время путешествия, но главная часть информации сохранилась.

— Дорогой коллега Машукевич, — сказал, радостно скаля клыки, частично искаженный помехами Вокто Ксодраан. — Произошло настоящее чудо. В системе Буршенты обнаружен старый корабль, его маяк работает на частоте... — изображение пропало на несколько секунд, потом прозвучал слабый голос: — Торговый корабль случайно засек сигналы... — снова все пропало, потом вернулось лицо Вокто, продолжившего оборванную фразу: — ...не смог определить его тип. Ясно только, что оружия на корпусе нет. Видимо, какое-то вспомогательное судно снабжения из эскадры Адораша. В ближайшее время мы отправимся туда на быстроходном корабле. Искренне жаль, что ты не можешь

присоединиться, но я не мог не сообщить эту радостную новость. Жди сообщений.

Когда сообщение было прослушано вторично и отослано Чаклыбину, контрразведчик осведомился:

— Много ли толку от вспомогательного корыта? Ведь экипаж наверняка погиб треть века тому назад.

— Безусловно, гиперонное излучение убило всех, — согласился Андрей. — Но почти наверняка сохранились записи локаторов, сканеров, других приборов, по которым историки смогут восстановить подробности сражения. Мы сможем наконец уверенно сказать, какая из сторон применила гиперонные боеприпасы!

— Насчет этого проще спросить у меня, — меланхолично проинформировал историка Таризель. — Среди известных тебе документов имеется переписка между региональными филиалами «Прусло Кром» и «Жескеч». Как ты знаешь, гиперонные снаряды были созданы накануне Седьмой Галвойны...

— Совершенно верно, порядка полусотни боеприпасов произведены военной корпорацией Шестой Республики. После Седьмой войны под давлением соседей ресы демонтировали как боеприпасы, так и предприятия по их изготовлению. Гиперонное оружие было запрещено весьма свирепыми договорами.

Гагиев подтвердил, что все именно так и было, за исключением крохотного нюанса. Предприятия, производившие гипербомбы четверть тысячелетия тому назад, принадлежали не нумерованной Республике, но корпорации «Прусло Кром», которая сохранила и заводы, и технологии, а контроль над властями ресов и публов даже укрепила. Незадолго перед 9-й войной заводы «Прусло Кром» смонтировали несколько гиперонных боеголовок. Армия Республики терпела поражение, у ресов не оставалось носителей для применения страшного оружия. Поэтому «Прусло Кром» передала бомбы коллегам из «Жескеч» — корпорации, добившейся сильного влияния на Ломандар. Крупные силы наемников «Жескеч» шли на Шерлонду в составе ломского флота.

— Можно не сомневаться, что гиперзаряды находились на вооруженных транспортах корпорации «Жескеч», — закончил рассказ Гагиев. — Но мы не знаем, при каких обстоятельствах они были взорваны.

Даже странно, каким образом не взорвался видеофон Андрея. Позвонил возбужденный Всеволод и принялся орать, что они должны немедленно лететь к Буршенту. Визы не нужны, потому что звездная система находится в нейтральном пространстве. Такую находку надо исследовать первыми, кричал писатель. Хотя он не произнес слов «бортовой регистратор», Андрей не сомневался: Чаклыбину нестерпимо заглянуть в записи участников сражения.

Они договорились, что Всеволод подготовит «Рамзеса Великого» к дальнему полету и будет ждать Андрея на орбитальном причале общественного космопорта «Стелла-С». Андрей обещал прилететь сразу же, как только покончит с одним срочным дельцем.

Срочное дело в лице среднеполого ломо прилетело на такси. Одетое в яркие тряпки, оно подошло к лимузину, помахало рукой Гагиеву и залезло в кабину.

Разговор получился не слишком интересным. Андрею даже показалось, что вполне обошлись бы без его участия. Ломо Мренеби банально интересовалось обстоятельствами взлома фактории на Шерлонде, Андрей отвечал истинную правду, не упомянув лишь самую малость — рывок лже-доктора в глубину разрушенного сооружения.

— Терминалы вдруг заработали и начали выдавать документы, — задумчиво повторило за ним Мренеби. — И вы стали фотографировать их на свой мобильник... Я правильно понял?

— Ну да, — подтвердил Андрей. — И мой друг, его здесь нет, он тоже фотографировал.

— И я тоже, — сознался подполковник. — Я вам показывал те файлы.

— Да, конечно, помню... — Среднеполое шпион Ломандара, не мигая, смотрело на историка. — Как вы распорядились попавшими к вам документами?

Услышав о скором издании сборника корпоративных секретов, оно подергало кончиком мохнатого носа. Насколько знал Андрей, подобная мимика была признаком недовольства. Впрочем, вслух оно высказалось: дескать, надо поскорее разоблачить преступную роль корпораций. По словам Ломо, подобное разоблачение позволило бы решить многие проблемы Галактики.

Вмешавшийся в разговор контрразведчик осведомился — правда ли, мол, что на Бсархаде намечено большое расследование деятельности корпораций. Мренеби подтвердило, что все орбитальные города корпораций в окрестностях ломской столицы переполнены топ-менеджерами — «Прусло Кром» и «Жескеч» готовятся во всеоружии встретить парламентские слушания.

— У правительства нет шансов, — равнодушно произнес Тариэль. — Это расследование не повлияет на наш бизнес?

Молниеносный взгляд, брошенный на второго человека, показал, что Мренеби не хотело бы рассуждать о таинственном бизнесе при Андрее. Ломо односложно проинформировало: дескать, проблем возникнуть не должно.

Затем оно продолжило допрос аспиранта-историка, между делом интересуясь его работой над видеосериалами. Смущенный осведомленностью Ломо, Андрей поведал о сценариях и задумках нового сезона. Выслушав его с показной заинтересованностью, Мренеби вернулось к находкам в Чертовом Колесе. Пришлось в третий раз перечислять извлеченные предметы и демонстрировать голографии.

— Вы считаете их записывающими устройствами? — спросило Мренеби. — Почему вы так думаете?

— Мы на другой день пошли в жандармерию. — Андрей четко излагал предписанную легенду. — Там сказали, что четыре прибора имеют разную конструкцию. Видимо, заброшены в дыру разными цивилизациями в разные эпохи. Приборов нам не вернули, но пообещали денежное вознаграждение, как положено. Я еще упрямился офицера скопировать некоторые файлы о передвижениях флота в последней войне.

— Как вы думаете, почему жандармы отдали один рекордер представителям «Дветигул»?

Вопрос этот занимал и Андрея. Аспирант полагал, что жандармы успели переписать на свою аппаратуру копии всех записей в том цилиндре. Гостю из недружественной сверхдержавы он ответил иначе:

— Жандармы проверили все находки какими-то приборами. Я так думаю, что «Дветигул» досталось устройство, поврежденное за долгие тысячелетия.

Мренеби явно не было согласно с такой версией, но выразить недоверие вслух не успело. Наконец-то просвистел видеофон ломского шпиона. К невыразимому разочарованию подполковника и посвященного в дело капитана запаса, задержанное на многие часы послание не было ни видеофайлом, ни текстовым или голосовым сообщением. Над мобильником Хифе Мренеби закружилась непонятная схема зашифрованного письма.

Андрей различал лишь некоторые общепринятые символы — астрономические, даже тактические. Остальная информация была закодирована цветом и формой геометрических фигур. Кроме них письмо содержало также ломские буквы и цифры, которых Андрей не знал. Впрочем, он не сомневался, что в кабине лимузина спрятано записывающее устройство, и коллеги Тариэля сумеют расколоть шифр чужой спецслужбы.

Заметно нервничая, Ломо дважды прокрутило письмо, крысиная морда нервно задергалась, мохнатые ноздри возбужденно пульсировали. Выключив видеофон, Мренеби пыталось убрать мобилу в карман, однако подвели дрожащие руки — миниатюрный прибор никак не попадал в щель на одежде.

— Что-то случилось? — озабоченно посочувствовал подполковник.

— Да, интересная новость... — Ломо вертело головой, переводя взгляд с одного человека на другого. — Найден чудом уцелевший корабль эскадры кровавого диктатора Ваглайча. Мне приказано вылететь для осмотра, но мой курьер не готов к старту. Боюсь,

археологи успеют раньше нас и погубят важную информацию.

Точнее, найдут важную информацию раньше, чем шпионы, — мысленно ухмыльнулся Андрей. В следующий миг он понял, что Мренеби все равно отправится на Буршент, или Буршенту, кто знает, как правильно назвать эту проклятую звезду... Ему совсем не улыбалось нашествие опергруппы ломских спецслужб, причем неизвестно, кто поспеет первым. Пусть уж лучше Мренеби летит одно — без подручных — вместе с ним и Всеволодом.

Вероятно, подполковник подумал о том же, потому что заботливо предложил:

— Андрей, вы могли бы взять на борт Хифе. Думаю, вопрос оплаты за перевозку решить несложно.

Мренеби согласилось заплатить наличными в ломандарской валюте, Всеволод удивился, но спорить не стал.

Лимузин подбросил их на привокзальную площадь, где ломо купило несколько коробок замороженной пищи. Это было разумно — на старом тарогском корабле вряд ли найдется провиант для чужой расы. Заглянув в ресторан, Андрей накопил несколько порций равиолей, пиццы и жареной рыбы. С этим грузом они сели в транспорт «поверхность — орбита» и вскоре оказались на борту «Рамзеса Великого».

Сославшись на усталость, Мренеби заперлось в предложенной каюте и попросило разбудить, когда войдут в систему. Людей подобный оборот устраивал. Андрей, правда, забеспокоился: бывалое существо из шпионской конторы могло внезапно напасть и скрутить их, но Чаклыбин, посмеявшись, заверил друга:

— Я запер каюту снаружи. К тому же не забывай, что здесь ветеран астродесантных войск. Любого, даже самого подготовленного лома скручу и ноги выдерну. Тем более среднеполого — этот народец совсем хилый.

Быстроходный кораблик достиг Буршенты в один трехчасовой прыжок. Они двигались в гиперпространстве, огибая деформации, продавленные в трехмерности Облаком Зевса, Скоплением Трамплин, Туманностью Омар. «Рамзес» прекрасно слушался руля, двигатели работали надежно, автопилот вполне справлялся с основными навигационными задачами.

Большую часть времени люди провели расслабившись. Пили совсем по чуть-чуть, но плотно пообедали и поговорили, обсудив ситуацию. Всеволод согласился, что одно Мренеби не создаст больших осложнений.

На финишном отрезке начались неприятности — в системе было слишком много черных дыр. Пришлось вызвать ломо, чтобы выполняло функции третьего пилота. Втроем они кое-как вышли из гипера в нужной системе, хотя совсем не близко от громадного корабля, дрейфовавшего рядом с маяком. Впрочем, такой финиш следовало считать успешным, учитывая сложность навигации.

— Будем на месте меньше чем через час, — сообщил отставной десантник. — Там вроде бы еще один корабль шарохлопается.

— Не вижу. — Прищурившись, ломо вглядывалось в мониторы. — Никого нет.

— Был корабль, я тоже видел, — сказал Андрей. — Он сейчас скрылся за корпусом этой громадины.

— Здесь никого не должно быть, — нервно прошипело Мренеби.

— Боюсь, мы опоздали, — печально резюмировал Чаклыбин. — Наверняка Вокто Ксодраан и остальные археологи прибыли чуть раньше нас.

— Тароги?! — вскрикнуло ломо.

Андрей успокоил шпиона, заверив, что Вокто — весьма приличный тарог и хороший ученый. Он добавил, что все к лучшему, потому как без тарогов будет сложно разобраться в громадном старом корабле непонятного типа. Всеволод подумал вслух, что тароги, возможно, сумеют открыть люк, иначе пришлось бы ломать обшивку противометеоритной пушкой.

К счастью, эта проблема решилась просто. Когда «Рамзес» приблизился к старинному

транспорту на десяток мегаметров, с борта замигал сигнальный лазер и начала приоткрываться дверь ангара.

— Нас приглашают? — Мренеби нервничало слишком сильно, и это показалось Андрею странным. — Может быть, ловушка?

— Не вижу причин для беспокойства, — раздраженно сказал писатель. — Тароги — наши друзья.

Ломо промолчало и сидело в кресле, стискивая пальцы. Не обращая внимания на однополого опоссума, люди затеяли спор о классе находки. На исполинском корпусе не было видно никаких деталей — гладкая поверхность, цилиндр с закругленными торцами. В конце концов оба человека признали, что по внешнему виду ничего определить нельзя.

— Скоро узнаем, — беззаботно сказал Андрей. — Я другую загадку вижу. Каким образом за столько десятилетий никто не нашел это сокровище? Ведь тут призовые партии работали, собирали обломки на переплавку.

— Самое простое, — фыркнул Всеволод. — Смотри, сколько здесь мусора — астероиды, черные дыры, те же обломки погибших кораблей. Чудо, что старый неуправляемый корабль не затянуло в черную дыру.

— Вот она, разгадка. — Ломо неожиданно прервало молчание. — Корабль сохранил управление, двигатели работают. Робот-навигатор уклонялся от опасных встреч.

Интересный разговор пришлось отложить на недолгий срок. Призрак славного прошлого был уже совсем рядом. Чаклыбин аккуратно ввел пакетбот в узкий отсек и посадил опорами на палубу. Ворота быстро закрылись, ангарные роботы допотопной конструкции закрепили опоры.

— Вы правы, Хифе, — признал Андрей. — На этом великане работают механизмы. По крайней мере, искусственная гравитация здесь есть.

— Примерно три четверти земного притяжения, — не глядя на приборы, определил Всеволод. — Комфортно для тарогов и ломов, немного мало для нас и шерлонов.

Он все-таки прочитал показания приборов — гравитация была типично кельская — 0,84 земного притяжения. Другие устройства просигналили, что воздух за бортом пригоден для дыхания гуманоидов.

Когда они, покинув пакетбот, шли к люку, ведущему во внутренние отсеки, Андрея потянуло на лирику.

— Не знаю, поймете ли вы, но я буквально окунулся в прошлое, — проговорил он, обращаясь главным образом к Чаклыбину. — В последние дни меня окружают великие тени. Чарманов, Хохбауэр, Вимутье. И вот — этот призрак из бездны времен.

Мренеби проворчало что-то в духе: твое будущее будет даже прекраснее прошлого.

Люк распахнулся, как только они приблизились. Протиснувшись по узкому проходу, они открыли следующий люк и оказались в темном отсеке. Люк захлопнулся у них за спиной, включился свет, и люди увидели, что несколько ломов держат их на прицеле короткоствольных бластеров.

Сделав шаг в сторону, Мренеби громко произнесло:

— Я — специальный инспектор политической разведки. Старший офицер, арестуйте этих уродов.

Глава 23

Два часа полета

Хифе отдало приказ на шелестящем языке ломов, и миниатюрная коробочка кибертолмача, прикрепленная присоской к уху Андрея, послушно перевела короткую фразу. Никаких сомнений — милое дружелюбное ломо велело арестовать двух людей.

Долговязый широкоплечий лом в полувоенной униформе с офицерскими нашивками — что-то вроде земного полковника — козырнул, развернув левую ладонь параллельно треугольному крысиному уху. По его команде два других лома обследовали людей

сканерами, отобрали видеофоны, планшеты, бумажники, фотокарандаши, ключи и прочие мелочи, которые нашлись в карманах.

— Оружия нет, — доложил «полковник».

— Проверьте, — потребовало Мренеби. — Мелкий служит в контрразведке. В его карандаш может быть вмонтирован бластер.

Ломские спецназовцы вновь обследовали человеческое имущество, и эксперт заверил, что карандаш — самый обыкновенный, дешевый ширпотреб. Андрей вдруг понял, что «мелким» среднеполюе существо назвало именно его, поскольку он заметно уступал габаритами Всеволоду. Шок проходил, и парень с Калиюги сумел наконец выдать:

— Это какая-то ошибка... Это возмутительно! Почему вы нас задержали? Почему вы считаете меня сотрудником спецслужб?

— Поговорим чуть позже, — уморительно гримасничая, произнесло Мренеби. — Офицер, что происходит на борту?

Старший по званию здоровяк отрапортовал:

— Высадка с фрегата произошла без осложнений. На корабле уже находились девять тарогов и шерлонов, они сопротивления не оказывали. Говорят, что прилетели незадолго перед нами, осматривали старую рухлядь. Мародеры, инспектор. Так называемые «грязные археологи». Какой-то корабль кьельской приписки крутился в системе, но когда к ним направился фрегат прикрытия, тароги сбежали в гипер.

Посмотрев на Андрея, Мренеби проговорило:

— Вероятно, ваш приятель Ксодраан успел первым. Тем хуже для него.

Растерянн дрожащие губы Чаклыбина промямлили невнятную фразу про недоразумение, нервы Андрея совсем расшалились, и он, запинаясь на каждом слове, выкрикивал: дескать, должен послезавтра быть на съемочной площадке и поэтому не может участвовать в этом отвратительном балагане. Мренеби легонько приподняло губу, показывая клыки. Спецназовцы, правильно поняв начальство, врезали прикладами по ребрам. Люди, поохав, успокоились.

— Давайте, проясним ситуацию, — специальный инспектор повысило голос. — Вы оба принесли нашей расе много неприятностей, вы знаете слишком много, чтобы вернуться на свои миры. К тому же Машукевич разоблачен как агент глобальной безопасности. Вас выдал торговец Эльцвейг, за которым вы шпионили в дни войны с Шоббихелем. Вдобавок вы слишком близко подобрались к моему агенту Гагиеву, ловко втерлись к нему в доверие. Не надо возражений — уважайте свой профессионализм.

— Профессионализм? — переспросил Всеволод.

— Разумеется, он профи, — подтвердило Хифе Мренеби. — Прекрасно держится, правдоподобно разыграл возмущение, не имеет при себе оружия — чувствуется школа земного шпионажа... Может, не будем ломать комедию и вы скажете, кто вами руководит?

Андрей вдруг сообразил, что не имеет права доказывать свою непричастность к ведомству безопасности. Если он отведет от себя подозрение, то тем самым расшифрует Таризля. Наверняка разоблачение подполковника нанесет ущерб играм земной разведки. Пусть уж лучше считают шпионом аспиранта-историка. Но если вернемся, то ходить Велимиру с битой мордой...

— Генерал Гринхаус, — проворчал он. — Удовлетворены?

— Звучит шокирующе, — призналось Мренеби. — Мы не думали, что нами занимается такой монстр. Хотите поговорить об этом?

— Я буду разговаривать только с высокопоставленным руководителем, — холодно произнес Андрей. — Моя информация стоит очень дорого. И попрошу вернуть наши личные вещи.

Мренеби обиделось, но спорить не стало. Эксперт спецназа, тоже среднеполюе, скопировало записи электронной памяти, после чего мобильники, планшеты и остальные конфискованные при обыске предметы вернулись к своим владельцам. Между делом другой лом — кажется, женского пола — посыпал пленников мельчайшей пылью. Можно не

сомневаться, что теперь даже под сильнейшим душем не смоются с людей наноботы, сигналившие о каждом их движении.

Пока продолжалась эта процедура, спецназ не отводил стволов от арестованных. Мренеби тихо переговаривалось с «полковником». Напрягая слух, Андрей расслышал обрывки фраз, из которых заключил: ломы собираются вызвать с фрегата прикрытия пилотов и штурмана, чтобы разобраться в системе управления и направить захваченный старый корабль в территориальное пространство Ломандара.

Он прикинул, что фрегат прикрытия — тот самый корабль, который они заметили, приближаясь к последнему транспорту эскадры Ваглайча. Тогда они с Чаклыбиным приняли его за экспедиционное судно Вокто Ксодраана. Между тем судно Вокто, высадив экспедицию, дрейфовало где-то поблизости, а затем, увидев ломский фрегат, куда-то сбежало. Наверное, капитан уже догадался взять курс на Шерлонду, Кьель или другой мир Кьельтарогга. Скоро все узнают, что бесценную для археологов находку захватили ломы. А на Земле подполковник Гагиев начнет искать людей, которые пропали вместе с древним кораблем.

В глубине души Андрей понимал: никакие протесты не заставят ломскую разведку вернуть плененных свидетелей. Только ужасно не хотелось верить в самый вероятный исход — через некоторое время их замерзшие до абсолютного нуля трупы найдутся в поврежденном «Рамзесе». Люди в космосе погибают часто. И не-люди тоже. Никто не станет поднимать шум из-за банального происшествия... От подобных мыслей Андрей вздрогнул. Потом вздрогнул вместе с палубой под ногами.

К реальности его вернули встревоженные вопли ломов. Переборки и палуба вибрировали, как будто трехсотметровый цилиндр старинного судна запустил двигатель и пытается изменить ориентацию в пространстве.

— Как я уже говорило, этим антиквариатом управляет робот, — похвасталось Мренеби. — Пытается уклониться от астероида или черной дыры.

Расхохотавшись, Чаклыбин съязвил:

— А по-моему, корабль начал разгон для входа в гипер. Вам не интересно, куда он собрался нас отправить?

Интерком на запястье «полковника» подтвердил догадку писателя: кто-то доложил из рубки, что космолет начал разгон. На истеричный выкрик специального инспектора рубка клятвенно заверила: к приборам управления никто не прикасался.

Людей повели по тусклому коридору, где светились некоторые прямоугольники внутренней отделки. Несмотря на смертельную опасность, Андрей невольно сравнивал убранство тарогского корабля с «Горгозавром». Сравнение получалось не в пользу земного линкора. Здесь явно потрудились отличные дизайнеры, сделавшие звездолет приятным и удобным местом. Никаких углов или ярких цветов — все плавно закругляется, окраска мягкая, ласкающая глаз.

Андрей предположил, что невооруженное судно, на которое их занесла злая судьба, прежде могло быть летающим госпиталем или даже экспедиционным штабом эскадры Чорвейла Адораша. Как известно, первое соединение, которое вел Кордо, состояло лишь из боевых единиц. Следовательно, тридцать лет назад этот корабль появился в системе Буршента к концу первого раунда, когда Кордо покончил с десантным караваном и погиб в битве с Лухат-Моттан. Электронная память вспомогательного судна хранила бесценные сведения. Жаль, информация достанется подонкам из Ломандара...

Процессия остановилась перед люком, на который указал «полковник». Уткнув ствол бластера под челюсть Андрея, Мренеби свирепо прошипело:

— Объяснишь своему приятелю бесполезность сопротивления. Вас ждут очень большие неприятности, если вы не подчинитесь.

— Неприятности нас не ждут, это мы их ждем, — меланхолично изрек Чаклыбин. — Хуже нам уже не будет.

— Будет, — пообещало Мренеби.

Сказано было веско, и два человека поверили бесполому.

Спецназовец отворил створку люка, три лома вошли внутрь, за ними запустили Мренеби, людей, остальных бойцов. Отсек оказался просторным — наверное, прежде здесь располагался медпункт. Четыре тарога и три шерлона лежали на койках, один гуманоид спал, отвернувшись лицом к переборке, так что разобрать его расу не удалось. Один шерлон сидел под сложным устройством, утыканный шлангами и проводами. Чаклыбин предположил вполголоса, что парнишке воткнули капельницу для вливания каких-то медикаментов.

Когда распахнулся люк, участники археологической экспедиции моментально прервали беседу, но с коек не встали — равнодушно разглядывали вошедших из лежачего состояния. Оглядев эту компанию, Андрей не обнаружил знакомых лиц. Все были одеты в потрепанные рабочие комбинезоны, небриты и нечесаны. Угрюмые взгляды, осунувшиеся усталые лица со шрамами — это была скорее банда преступников, но никак не команда ученых-гуманитариев.

Лом с нашивками старшего по званию грозно приказал Вокто Ксодраану встать и объяснить, что происходит. Ответом было молчание, сопровождаемое недоуменным покачиванием голов и отрицающими жестами.

— Мы знаем, что вы экспедиция Ксодраана, археолога с Къеля, — взволнованным фальцетом объявило Мренеби. — Ваш корабль ушел, вы в нашей полной власти.

Археологи с бандитской внешностью переглянулись и зашептались. Кибертолмач Андрея, настроенный на перевод речи главных народов галактического сектора, зашептал в ухо:

— Они много знают... у них приборы для перевода... надо сотрудничать...

Шерлон, сидевший под капельницей, заговорил на плохом ломском языке, но «полковник» потребовал, чтобы тот отвечал по-своему.

— Мы не археологи, — сообщил шерлон. — Ксодраан и другие умные остались на корабле, не знаю, куда они потом делись. Мы — бригада ремонтников аварийно-спасательной службы. Нас высадили первыми для предварительной разведки. Так всегда делают. Ученые приходят потом, если на корабле безопасно.

— Смертники, — прокомментировал Андрей. — Что вам удалось установить?

— Помолчи, безволосый, — завизжало Мренеби. — Покажи мне, кто из них твой приятель, или получишь импульс в живот.

— Вокто среди них нет, — поспешно сказал аспирант. — У него тонкое интеллигентное лицо и хрупкое телосложение. А здесь какие-то громилы.

— Само вижу, — прошипело специальный инспектор и обратилось к спасателям: — Это вы запустили двигатели или судном управляет робот?

Бригада ремонтников вновь обменялась взглядами. Андрей заметил, что все смотрят на рослого шерлона, который уже не лежал, а сидел, опустив ноги в ботинках на мягкую обивку палубы и, болезненно морщась, массировал правый бок под ребрами. Нетрудно было понять, что шерлон — старший в бригаде. Андрей мысленно назвал его Бригадиром.

— Наверное, робот, — неуверенно сказал Бригадир. — Или, может быть, Вокто Ксодраан послал управляющие сигналы с экспедиционного корабля. Мы только успели выяснить, что в отсеках есть пригодный для дыхания воздух. Потом пробрались в рубку, пульт осмотрели, но в это время ваши солдаты пришли, нас арестовали. Что вы с нами сделаете? Мы — простые работяги, ни в чем не виноваты...

— Надо выяснить, куда направляется корабль, — объявило Мренеби. — Прекратить маневрирование, или как это называется на флоте. Если вы остановите корабль, навигаторы с фрегата попытаются освоить управление.

— Управлять нетрудно, мы смогли бы, — торопливо сообщил Бригадир. — Мы сами отвезем вас куда нужно. Только не убивайте нас.

Угодливость шерлона показалась Андрею отвратительной. Однако любопытство взяло верх, и он осведомился:

— Вы разобрались, для чего предназначался корабль? Это госпиталь или мобильный штаб?

Плененные спасатели-ремонтники устроили очередной сеанс обмена взглядами. Похоже, мужики были тертые, с криминальным прошлым — без разрешения старших рта никто не смел раскрыть. Наконец Бригадир показал на немолодого тарога, буркнув:

— Может быть, инженер знает ответ.

— Не смогу точно сказать, — глядя в потолок, произнес лежавший на спине тарог-инженер. — Не военный корабль, это факт. Я таких раньше не видел, могу клятву дать. Больших пушек нет, двигатели слабые, система управления совсем идиотская. Думаю, трофейное судно, переделанное под наш экипаж. Во время той войны такое случалось.

Мренеби вопросительно посмотрело на земного историка, и тот охотно подтвердил: мол, случалось. При этом он подумал, что хорошо бы попасть в рубку, а то ведь прямо здесь прикончить могут. Сделав глубокомысленное лицо, Андрей произнес:

— Мне приходилось управлять кораблями разных типов. В рубке я смог бы удовлетворить ваше любопытство.

— Только не думай, что сможешь освободиться и направить корабль к Земле, — посмеиваясь, предупредил «полковник». — Пристрелим на месте.

Ремонтники лениво вставали с коек, не слишком слушая угрозы ломов. Инженер помог больному шерлону выдернуть иглы и датчики. Кто-то напомнил, чтобы растолкали старика. Бригадир похлопал по спине спящего, тот сел, ворча проклятия и потирая лицо ладонями. При этом черты лица были прикрыты пальцами, но Андрей разглядел, что старик не так уж стар, что он — тарог и что седые бакенбарды, усы и борода сливаются в общую волосатость, как у Вокто. Смутившись, Андрей присмотрелся, но «старик» явно не был его приятелем-тарогом.

В коридоре сидевший под капельницей шерлон неожиданно предупредил конвоиров, что корабль побывал под гиперонным ударом, корпус должен излучать, а потому хорошо бы поскорее свалить отсюда подальше.

— Мы знаем, что проклятый Кордо, этот безжалостный тиран и подлый военный преступник, применил в своем последнем бою гиперонное оружие, — ответило Мренеби. — Но все знают, что после гиперонного облучения наведенная радиация не слишком сильна. Излучение этого корабля перестало быть опасным уже через два-три дня, а корабль болтался в космосе десятки лет.

— Спасибо, вы нас очень успокоили, — вежливо сказал Бригадир, и кто-то из аварийщиков засмеялся. — Мы знаем, сколько лет прошло после того сражения.

Бригадир пробился в первые ряды, поближе к захватчикам, и подсказывал конвоирам, где сворачивать. Вооруженные ломы гнали пленных по бесконечным переходам, подмигивавшим разноцветными панелями с голографическими надписями на древнетарогском языке. Никто не понимал, для какой надобности Кордо возродил эту архаичную письменность — по слухам, чтобы противникам было труднее понимать переговоры между боевыми подразделениями Кьелтарогга.

В общей толпе Андрей оказался между тарогом и шерлоном, которые степенно переговаривались, обсуждая тип старинного корабля. По их мнению, это было многофункциональное судно республиканской постройки, захваченное в первые дни войны. Между тем даже Андрей понимал, что судно никак не могло быть построено ресами. Поскольку ремонтники аварийной службы не могли совершенно не разбираться в кораблях, Андрей сделал вывод, что спасатели просто валяют дурака или морочат голову ломам. Настораживало также употребление ими специфической терминологии, выдававшее наличие солидных знаний.

Возле очередной переборки случилась заминка, и Бригадир прикрикнул:

— Не задерживайтесь, быстрее шевелитесь! — Затем шерлон обратился к Андрею: — Вы прилетели с ломами, но ломы держат вас на мушке, как и нас. Вам не доверяют?

Выслушав сбивчивый рассказ о зловключениях двух людей, ремонтники странно

посмотрели на товарищей по неприятности. Тарог-инженер, шедший в хвосте колонны рядом со «стариком», осведомился, что думает историк-человек о типе судна.

— Насколько нам известно, в составе эскадры не было ни танкеров, ни госпиталей, ни штабных кораблей, — поделился мнением Андрей. — Штабы Кордо и Адораша располагались на акронах. Но целью рейда было испытание новых рин-илдросов. Возможно, в эскадру входило специальное судно с аппаратурой для контроля испытаний.

— Похоже на правду, — задумчиво признал инженер. — Мы видели в рубке пульт управления приборами наблюдения.

— Фигню порете, — подал голос «старик». — Не летал Кордо на том акроне.

— Возможно, это был бариках, — согласился Чаклыбин. — Точно не известно.

— Все равно фигня, — разбушевался злобный старикашка. — Только дурак поверит, что кровавый диктатор лично принял участие в сражении. Наверняка прятался где-то в тылу.

Некомпетентная болтовня всегда раздражала нервную систему Андрея. Возмущение заставило забыть о конвоирах и туманном будущем — он азартно принялся доказывать, что Кордо Ваглайч не был ни кровавым тираном, ни тем более трусом. Аварийщики с интересом прислушивались к его доводам, но принять на веру неожиданную точку зрения не смогли. Видать, сильно были отравлены пропагандой нынешних властей Кьелтарогга.

Когда подошли к рубке, Бригадир обозвал Андрея продуктом земного тоталитаризма. Остальные ремонтники поддержали его молчаливыми кивками.

Отсек, из которого экипаж управлял судном, не имел дополнительной защиты. Обширное помещение, огороженное стандартными переборками. Обстановку составляли четыре кресла на скользящих подвесках и пульта с голографическими мониторами и сенсорными панелями. Освещение было типично кьельским — для земного глаза такой свет содержал слишком много красных и оранжевых лучей.

— Почему командный пункт находится в корме, возле двигателей? — скаля длинные тонкие зубы, недоверчиво произнес «полковник».

— Кто же знает. — Инженер помахал руками. — Мы нашли этот отсек, здесь все приборы управления.

— Не отвлекайтесь! — нервно крикнуло Мренеби. — Быстрее разбирайтесь, куда держит курс проклятый робот!

Схватив за локоть Андрея, ломо вновь ткнуло человека бластером и потребовало доказать, насколько хорошо подлый земной шпион разбирается в старой тарогской технике.

Нельзя сказать, чтобы он отлично разбирался в этой технике. Но в полку, где проходил службу лейтенант Машукевич, имелся транспорт, закупленный в предвоенный период. Изредка древнюю галошу использовали для перевозки танковых подразделений во время учений. Как-то в свободное время Андрей попытался освоить управление, кое-чему научился и пару раз пилотировал судно. Взлет и посадку он, конечно, выполнять не решился бы, но в открытом космосе мог осторожно проделывать несложные маневры.

Осмотрев пульта, Андрей сообразил, что работают панели управления гипердвигателем, устройства связи, навигационный блок и какие-то приборы наблюдения. Он не мог прочесть надписей на старом тарогском языке, но понимал: робот, выполняя запущенную кем-то программу, включил разгонные двигатели. До гиперпрыжка оставалось совсем немного времени, поэтому следовало поскорее выяснить, куда намерен отправить их автопилот.

Несколько раз проведя руками над сенсорами, Андрей вывел на центральный монитор навигационную схему. Судно разгонялось, то и дело корректируя курс и варьируя ускорение, словно старалось оторваться от гнавшегося по пятам ломского фрегата. Программа гиперпрыжка была рассчитана, заданный курс вполне устраивал Андрея, поэтому он бесполезно шевелил пальцами, включая и выключая вспомогательные устройства, никак не влиявшие на движение. На голограмме кругового обзора был виден приблизившийся фрегат прикрытия. Ломский корабль шел параллельным курсом и не отставал, но при таких

скоростях и переменном ускорении не смог бы пристыковаться. В гипере тоже не станет высаживать десант — опасная процедура.

Сколько возможно, Андрей тянул время, но терпение ломов имело пределы.

— Быстрее говори, что происходит! — приказал «полковник».

— Не могу понять, он меня не слушается, — пробормотал человек. — Вижу, что готовится к прыжку... Вероятно, много лет назад была задана программа возвращения в базу. Как только на борту появился экипаж, робот приступил к исполнению.

— Ты хочешь сказать, что робот собрался лететь на Къель или Шерлонду? — взвизгнуло специальный инспектор. — Даже не надейтесь, бесхвостые! На Шерлонду прилетят лишь ваши трупы!

Угроза подействовала на трусоватых аварийщиков. Оттолкнув человека, инженер оглядел приборы и вскричал, заметно волнуясь:

— Корабль вот-вот уйдет в гипер. Мы не сможем остановить двигатель, он просто взорвется. Но мы можем изменить курс.

Предатель все-таки сделал то, чего всячески избегал Андрей. Касание неприметного сенсора развернуло навигационные схемы, изображавшие полный букет готовых к исполнению программ гиперпрыжка. Инженер объяснил, что в данный момент судно готово прыгнуть в направлении Къеля, но доступны еще две многомерные траектории. Одна из них вела к Земле, другая — к Бсархаду.

Он добавил, что все три маршрута потребуют одинакового времени — примерно шесть хаклу. В пересчете с къельских единиц получалось примерно два часа.

Разумеется, «полковник» и Мренеби потребовали взять курс на столицу Ломандара. Бригадир и «старик» запротестовали: дескать, оборона Бсархада расстреляет чужой корабль.

— В мирное время не расстреляет, — успокоило их Мренеби. — К тому же с нами фрегат специальных сил, его командир договорится с оперативной службой охраны системы.

Ломо потребовало организовать разговор с эскортным кораблем, и Бригадир услужливо настроил грависвязь на нужной частоте. Пока Мренеби диктовало указания командиру фрегата, инженер и «старик» изменили программу гиперпрыжка. Затем они подошли к ломам и стали канючить какие-то поправки.

Внимание конвоиров сосредоточилось на тарогах и шерлонах, Андрей остался около пульта без присмотра. Он видел, как легко и просто можно изменить курс, и без труда повторил необходимые процедуры, нацелив судно на Землю. Сделав свое черное дело, аспирант поспешно шагнул прочь от пульта.

— Вас не убьют, — слащаво заверяло Мренеби. — Вы даже сможете получить вид на жительство.

Аварийные ремонтники восторженно заорали. «Неужели не понимают, что тварь их обманывает?» — мысленно ужаснулся Андрей. Он вдруг обратил внимание, что «старик» и Бригадир насмешливо смотрят на него. Тарог покачивал головой, а шерлон, подмигивая, погрозил пальцем и движением бровей показал в сторону навигационного пульта.

Резко обернувшись, Андрей с ужасом обнаружил, что хитроумная попытка сменить курс не удалась. Тупой робот не пожелал выполнять его приказ и вновь переключился на программу полета к Бсархаду.

Переборки завибрировали так ощутимо, словно генератор деформации старого корыта был мощнее, чем на линкорах вроде «Горгозавра». Последний корабль эскадры кабтейлунка аккуратно скользнул в гиперпространство.

Кораблем, уцелевшим после побоища в системах Нудбешкар и Бупшент, управлял продвинутый искусственный интеллект. По способностям к абстрактному логическому мышлению корабельный робот намного превосходил примитивные устройства, встроенные в тяжелые танки типа «Веспап» и «Рин-Веспап».

Биокристаллические нейросети робота хранили подробное перечисление тех, кому дозволено командовать кораблем. Разумеется, право отдавать любые приказы имел сам

кабтейлунк. В его отсутствие либо в случаях, когда кабтейлунк не намерен вмешиваться в управление, робот исполнял приказы командира, старшего офицера, помощников командира. Если старшие командиры не могли выполнять своих функций, управление кораблем переходило к главным специалистам. Вся иерархическая пирамида включала около двух десятков офицеров, но людей в их числе не было. Потому-то робот и проигнорировал приказ следовать к Земле.

В самом крайнем случае доступ к управлению мог бы получить второй человек, чей ритм биотоков отдаленно напоминал спектр мыслей кабтейлунка. Однако в данной ситуации подобный пересмотр программы не имел смысла. На борту находились, по крайней мере, трое, кому по умолчанию разрешалось принимать любые навигационные решения. Конечно, все они были очень нездоровы и проживут недолго, но приказ был отдан с точным соблюдением необходимых процедур, поэтому «Делатту Жорлофай» взял курс на Бсархад.

Пленных отогнали к дальней от пультов переборке, посадили на палубу и велели не шевелиться. Ломы разбрелись по кораблю, но четверо сторожили аварийщиков и людей. Приказа молчать не было, все перешептывались, только два человека сидели молча, пытаясь не выдать мимикой своих мыслей.

Надо было бежать отсюда прежде, чем старинное судно прибудет в пределы Ломандара, твердо решил Андрей. Потом будет поздно — бежать нужно в полете. К сожалению, в голову не лезло никаких идей о том, как устроить побег. И даже если удастся пробраться в ангар и проникнуть внутрь «Рамзеса Великого», то в гипере они отстыковаться не смогут — такие маневры под силу не каждому настоящему пилоту. Но в окрестностях Бсархада, где полно полицейских и военных кораблей, они вообще не имели шансов уйти.

Оставалось захватить вспомогательное судно эскадры Ваглайча, заставить Бригадира с инженером изменить курс и мчаться во владения человечества. Причем сделать это нужно было в течение часа, пока не вошли в ломское пространство. Мятаж вдвоем против полутора десятков ломов представлялся авантюрой, но лучше умереть в бою, чем под пытками. Мятаж давал хотя бы крохотную надежду на спасение. Поскольку других идей не появлялось, Андрей успокоился и проговорил:

— Всеволод, нам надо на твой катер.

— Сам догадался, но время пока есть. — Писатель отмахнулся и продолжил разговор с аварийно-спасательными работягами: — Мне противно с вами общаться, гуманоиды. Вам промыли мозги, вот вы и повторяете глупости вражеской пропаганды.

Он толково пересказал последние версии галактической истории, в которых Ваглайч изображался не маниакальным садистом, а прагматиком-патриотом. Андрей добавил: мол, убийства пленных совершали не Одо-Одо, но наемники корпораций, да и гиперонное оружие не Кордо создавал и применял. От таких новостей ремонтники на некоторое время лишились дара речи. Только «старик», лежавший позади всех лицом к переборке, проворчал вполголоса:

— Быть того не может.

— Мне тоже не верится, — вставил инженер. — Эти два человека — расисты или провокаторы.

Поняв, что переубедить зомбированных не получится, Чаклыбин встал, сделал несколько шагов к ломам, остановился по приказу и стал убеждать, что ему с приятелем срочно потребовалось на маленький кораблик в трюме. Андрей поддержал друга, ссылаясь на необходимость подкрепиться и другую естественную надобность. Ломы потребовали вернуться в общую кучу, пригрозив применением оружия на поражение. Ответная угроза вернуться к переборке и справить нужду прямо в отсеке напугала конвоиров, и они вызвали своих командиров.

Когда их вывели в коридор, Андрей посмотрел на часы. Гиперпрыжок продолжался около двадцати — тридцати минут. В оптимальном случае они вернутся в отсек управления за полчаса до финиша.

Их конвоировали три лома, вооруженных бластерами. Четвертым сопровождающим было Мренеби собственной персоной. Специальный инспектор уже перестало нервничать и не скрывало презрения к бесхвостым гуманоидам.

— Вы глупы, если всерьез надеетесь подбить на мятеж остальных пленников. — Оно произносило фразы насмешливым, даже издевательским тоном. — Или уже убедились в их полной покорности?

— Поверь, среднеполое, на них я точно не рассчитываю, — вполне искренне ответил Всеволод.

— Твой гендерный расизм смешон, как и твоя бравада. — Мренеби засмеялось, повизгивая. — Ты ведь понимаешь, что тебя ждет долгая старость в тюрьме.

— Зачем же так сурово? — испуганно засуетился Андрей, добавив заискивающе: — Ведь мы не против перейти на службу высокой цивилизации. Просто мы не понимаем, в чем провинились.

— Вот именно, — подтвердил писатель. — Ведь вы сами как будто хотели подорвать власть корпораций.

— Не поймете — вы слишком примитивны, — прикрикнуло Мренеби. — Ситуация намного сложнее, чем способны представить ваши ограниченные мозги. Своими публикациями вы нанесли огромный ущерб репутации Таримкли Ломди Сахал. Мы приложили столько сил, внушая всем народам, что ломы всегда честны и сражаются только за свободу, но результат огромной работы наших идеологов едва не рассыпался вдребезги. А тут еще документы про наемные армии, про гиперонные бомбы. Тупая общественность всех стран готова устроить истерику: дескать, в прошлой войне ломы совершали военные преступления, которые попытались свалить на тарогов.

— Не ломы совершали преступления, а корпорации, — напомнил Андрей.

— Я же сказала, что ты имбецил...

Продолжать разговор ломо не пожелало, а конвоиры-спецназовцы побили людей прикладами и ботинками. Было больно и обидно, а до финиша в системе Бсархада оставалось немногим больше часа.

Потирая ушибленные места, они вошли в ангар, где стоял лом-часовой. Кажется, он был разочарован, когда узнал, что придется торчать здесь без смены до прибытия в столичный порт.

Подключив к работе спецназ, Мренеби обыскало каюту Чаклыбина, заглянуло в санузел и разрешило людям по очереди выполнить физиологические процедуры. Первым уединился в сортире Всеволод. Писатель шумно опустил крышку унитаза, спустил воду, выматерился и затянул невеселый романс о безответной любви.

Пока он безобразничал, Андрей достал из холодильника бутылку газировки, чтобы промочить горло. Вода была холодная, но бутылка оказалась пластиковой, а не стеклянной, то есть в качестве оружия не годилась. Ломо, бдительно следившее за его телодвижениями, осведомилось, как долго намерен сидеть в тесном отсеке Чаклыбин.

— Зависит от объема, — сказал Андрей, допивая воду. — Старики долго возятся, у меня быстрее получится.

— Какая вонь, будь вы прокляты, — с отвращением скривив мягкие ткани передней части головы, прошипело Мренеби. — Бесхвостый, если всерьез хочешь поблажек, ты должен вывести, куда тароги перепрятали бортовой журнал.

— Перепрятали?

— Да, ты правильно расслышал. В рекордере нет носителя. Украсть могли только они.

— Общайте их.

— Обыскивали, при них нет. Они могли спрятать в любом отсеке.

Человек заверил хвостатую тварь в готовности сотрудничать, но тут за дверцей послышался громкий треск. Лом-спецназовец рывком распахнул незапертую дверцу, Мренеби вскинуло бластер. Чаклыбин изумленно повернул к ним лицо, вымазанное мыльной

пенной для бритья. Рассвирепевшее ломо долго выкрикивало угрозы, запретило наводить красоту и велело возвращаться. Однако Андрей уже просто подпрыгивал и клялся, что невтерпех и сейчас из него польются всякие гадости. Никто из «опоссумов» не вытерпел бы этих запахов, поэтому Мренеби разрешило войти в сортир на время, примерно равное двум земным минутам.

Первым делом Андрей оправился — для задуманного следовало быть в рабочей форме. Затем открыл шкафчик для принадлежностей, висевший рядом с зеркалом. Все шкафы были встроены в переборки, так что пространство между санузлом и спальней было заполнено багажом Всеволода. Проникнуть в это место можно было с обеих сторон — из каюты и сортира. Если знать код, ничего не стоит превратить шкафчик для бритвенных принадлежностей в дверцу гардероба. Раздавшийся недавно треск означал, что Чаклыбин открыл проход, Андрею оставалось лишь распахнуть дверь.

Из каюты доносились голоса — кто-то докладывал специнспектору, что найден холодильник, в котором заморожены трупы экипажа. Другая новость показалась Андрею загадочной — один из пленных шерлонов умер по непонятным причинам.

— Пусть все сдохнут, — внезапно развеселившись, ответило Мренеби. — Плакать не будем... Машукевич, ты скоро? Включи вентиляцию.

— Сейчас, сейчас, уже включил...

Потянув за нужный бугорок наномассы, Андрей вскрыл переборку, отделявшую его от встроеного шкафа. На «плечиках» висели чаклыбинские костюмы, на полу стояли баулы, а в углу прислонился ружейный чехол. Нетерпеливо дернув застежку, Андрей выхватил отличную двустольную вертикалку «Бенелли» со шнековым барабаном. Счетчик показывал, что сейчас в барабане только шесть патронов — два пулевых и четыре с мелкой картечью. Не лучший боекомплект, но выбирать не приходилось.

Андрей взял ружье на изготовку, прицелился распахнуть ударом ноги дверь сортира и предупредил, что сейчас выйдет.

— Жду, — сказал Чаклыбин, и снаружи стало шумно.

Ворвавшись в каюту, Андрей понял, что недооценил писателя. Как говорится, жандармы и десантники бывшими не бывают. Нокаутированное ломо валялось возле переборки, а Всеволод, заломив конвоиру руку с бластером, выдернул оружие из пальцев, после чего взял в замок шею. Второй спецназовец водил стволом, выцеливая человека, но не решался стрелять, чтобы не зацепить своего. Андрей всадил в него заряды из обоих стволов, лом рухнул, забрызгав кровью полкаюты, и в тот же миг Всеволод резким рывком сломал шейные позвонки своего противника. Мренеби, очухавшись, потянулось к лежавшему в стороне бластеру, но Андрей придавил ботинком пальцы ломо и подхватил оружие врага.

— Держи свою игрушку, — он кинул другу ружье. — Мне на мгновение показалось, что ты сломался.

— Ты тоже убедительно сыграл... — Чаклыбин связал руки специального инспектора лентой гибкого пластика. — У нас три бластера. Предлагаю прихватить.

— Оружие лишним не бывает, — согласился Андрей.

Он обыскал Мренеби, отобрав лучевой пистолет, видеофон, планшет и нож со множеством лезвий. Затем сбегал в свою каюту, достал из стенного шкафа карабин, вставил обойму, вторую положил в карман куртки, в другой карман высыпал два десятка патронов, а бластер повесил за спину.

Вернувшись, Андрей застал Всеволода в момент засылки в барабан последнего патрона.

— Мы выйдем из гипера через сорок минут, — хмуро произнес писатель. — Времени в обрез, а ломы разберлись по всему кораблю.

— Для начала разберемся с крысами, которые перед входом караулят, — предложил Андрей. — Остальных потом убьем.

Они осмотрели ангар при помощи видеосистемы «Рамзеса». В ангаре не было ни единой живой души, и никто не смог бы объяснить, почему ломы-охранники валяются в

луже крови. Покинув корабль, они убедились, что спецназовцы застрелены из лучевого оружия большой мощности.

— Ремонтников было не девять, а больше, — подумал вслух Чаклыбин. — Несколько тарогов спрятались в других отсеках и начали партизанскую войну.

— Невозможно, — прохрипело Мренеби. — Наши датчики нашли бы всех. На корабле не могло быть других живых существ.

Отложив разгадку до лучших времен, люди и пленное ломо покинули ангар. Через два отсека им вновь попался застреленный лом, и еще два трупа — за следующим люком. Здесь же стоял боевой робот, направивший в людей ствол тяжелого бластера.

За спиной прошелестело. Повернув голову, Андрей увидел, как из люка выходит вторая боевая машина такого же типа. Этот робот тоже целился из лучевой пушки.

Глава 24

Восставший из бездны

Как бы ни буянили гормоны, трудно было не узнать роботов типа «Сагмиар». Боевые машины легкого класса, массово производились в Кьелтарогга до конца 9-й Галвойны. В зависимости от модификации применялись в наземных войсках и на флоте. Для планет земного типа встроенный антиграв обеспечивал полет на высотах до сотни метров. По тактико-техническим характеристикам превосходил всех роботов такого класса, за исключением земных «Вурдалаков». Пехотная модификация вооружена лучевой пушкой средней мощности, пробивавшей трехметровую броню с дистанции до километра. На флот поставлялась другая модель с бластером пониженной — чтобы не повредить обшивку собственного корабля — мощности. Впрочем, человека лучи робота разорвут на куски с любой дальности...

— Насколько я помню, роботы бронированные, — шептал Чаклыбин, запинаясь. — Охотничьим ружьем даже в упор не пробить.

— Армейская винтовка тоже не взяла бы, — признал Андрей. — И бластер.

Они старались не шевелиться, даже дышали с задержкой. Мренеби вообще было на грани обморока. После приблизительно минутной немой сцены тот робот, который подкрался сзади, вдруг сказал человеческим голосом, то есть на земном языке:

— Возьмите оружие на ремень. Роботы отведут вас в боевую рубку. Если не станете делать глупостей, роботы вас не убьют.

Повторять распоряжение не пришлось. Продолжая удерживать их на прицеле, два робота поплыли в полуметре над палубой. Передний указывал дорогу, второй следовал, чуть отставая. Оба бластера смотрели на гуманоидов.

Роботы-убийцы вели пленников переходами жилой палубы. По сторонам, в открытые люки, были видны жилые помещения, спортзал, оружейная комната. Три ломских трупа лежали возле шахты лифта, рядом застыл еще один «Сагмиар». Роботы-конвоиры загнали людей и ломо в лифт и спустились на несколько этажей. Дальнейший путь пролегал через инженерно-техническую палубу, и люди одновременно поняли, что видят элеватор для транспортировки тяжелых боеприпасов — крупнокалиберных торпед и снарядов для гравимагнитной пушки.

— Мы на транспорте снабжения. — Чаклыбин помотал головой, словно отгонял наваждение. — Не верится. Похоже на боевой корабль. Андрей, это трансформер!

— Рин-илдрос? — Теперь головой мотал историк. — Когда они складывались, втягивая башни и надстройки, то становились меньше в размерах. Рин-илдрос был бы раза в полтора короче.

Робот подтолкнул замешкавшихся гуманоидов. Они прошли еще несколько отсеков, на стенах светились устрашающие письма. Насколько смог Андрей разобраться без словаря, размещенные здесь механизмы представляли опасность для здоровья. Изредка попадались изображения тарогского черепа — видимо, тут опасность для здоровья достигала летальной

степени.

Последней каплей стал отсек, до жути напоминавший зарядное устройство боевого деформатора. Судя по маршруту, они находились в носовой части корабля, то есть деформатор не мог быть частью главного двигателя. А раз не движок, то метатель гиперкоконов — третьего не дано.

— Что-то мы долго идем, — заметил Всеволод. — Тот командный пункт остался далеко позади, причем на другом ярусе.

Впервые после ухода из ангара подало голос специальный инспектор:

— Нас ведут расстреливать!

— Обычно роботы кончают ломов без церемоний, — тонко пошутил Андрей.

С громким жизнерадостным смехом люди миновали очень толстую переборку и вступили в следующий отсек, где их ждали три «Сагмияра», преграждавшие подступы к громоздкому сооружению. На массивный постамент был водружен упиравшийся в потолок цилиндр — судя по переливам цветов на поверхности, это была знаменитая тарогская броня «материя плюс энергия». Андрей понял, что видит настоящую рубку — самое защищенное место корабля.

Пришедший к такому же выводу Чаклыбин забормотал: дескать, аварийщики нашли запасной пункт управления в кормовой части, но на борту прячется некто, лучше спасателей знающий устройство старого корабля. Причем эти неизвестные нашли способ управления роботами, привели в действие механических убийц и занялись отстрелом ломов, но людей не тронули.

Специнспектор напомнило, что детектору видны все живые существа на корабле, но люди не приняли доводов ломо — ведь понятно, что никакой детектор не сможет заглянуть сквозь боевую броню тарогов. Андрей уже не сомневался, что в рубке прячется дружище Вокто, но в таком случае было непонятно, за каким дьяволом коллега позволил дуракам из аварийно-спасательной службы направить судно к Бсархаду.

До разгадки оставалось совсем недолго: роботы расступились, позволяя невольным пассажирам пройти в рубку. Вокто Ксодраана в рубке не было. В рубке вообще не было никого, если не считать «Сагмияра». Только пульта управления полетом... и оружием. Любой, кто смотрел хотя бы несколько фильмов про войну, не мог не узнать приборов торпедной, артиллерийской, бластерной стрельбы.

Механический голос произнес из динамиков:

— Мы скоро придем. Ни в коем случае не убивайте среднеполую крысу.

Чаклыбин задумчиво поинтересовался:

— Надо ли считать их друзьями, если они убивают ломов, а нас пощадили?

— Вариантов мало, — вздохнул Андрей. — Пока не убили — значит, не слишком враждебны.

Если был прав инженер, сказавший что путешествие продлится шесть хаклу, до прибытия в систему ломской прародины оставалось чуть больше десяти минут. Таинственные командиры роботизированного воинства задерживались, поэтому люди воспользовались последними крохами времени для удовлетворения собственного любопытства. Приставив к виску Мренеби ствол «Слона» и щелкнув затвором, Андрей потребовал рассказать, почему ломская спецслужба так обеспокоена разоблачением преступлений, совершенных корпорациями.

Поначалу специальный инспектор пыталось отбрезаться: дескать, неэтичные поступки корпораций косвенно бросают тень на государство. Однако, схлопотав каблуком по ребрам, оно стало более откровенным. Вероятно, ломо не сомневалось, что скоро на борт ворвутся спасители и не будет иметь значения, как много узнали малокультурные пародии на гуманоидов.

Оно рассказало, что в действительности спецслужбы Ломандара пытались ограничить влияние лишь «Прусло Кромом», которая с некоторых пор стала раздражать корпорацию «Жескеч». Именно «Жескеч» с давних, еще довоенных, времен полностью контролировала

политику, экономику, социум и другие, менее важные сферы ломской цивилизации. Разоблачение темных делишек «Прусло Кром» ломы только бы приветствовали. Однако Машукевич и Чаклыбин подписали себе смертный приговор, открыв некоторые тайны «Жескеч». И вообще, Солнечную Державу ждут большие неприятности из-за наглого заключения соглашений с «Дветигул». Как только закончится предназначенный для наивных идеалистов спектакль под названием «парламентское расследование», обе корпорации всерьез возьмутся за людей, имперцев и «Дветигул»...

Чуть поскрипывая, раздвинулись бронированные створки. В рубку быстрым шагом вошли Бригадир и «старик». Приветственно махнув руками людям, они подбежали к пультам, осмотрели мониторы, и пожилой тарог с явным облегчением произнес:

— У нас еще есть время. И достаточно боеприпасов.

— Так точно, кабтейлунк, — рявкнул Бригадир.

Чаклыбин охнул.

Вошли еще двое — тарог-инженер и шерлон. Следом робот «Сагмиар» притащил, сжимая манипуляторами, полузадушенного «полковника». На мониторе перед Бригадиром появился тот шерлон, который принимал процедуры под капельницей. Согнувшись, как от острой боли, он прохрипел:

— Машины на ходу, Денорто в порядке, а я умираю... Боззу, Ваглайч!

Лицо шерлона перекосилось, из края рта и ноздрей потекла грязная кровь. Вяло взмахнув рукой, он упал, исчезнув из виду.

— Прощай, друг, — глухо произнес Бригадир и скомандовал: — Экипажу занять места.

Двое вошедших последними сели в кресла перед артиллерийским и навигационным пультами. Расправив плечи, «старик» усталым движением ладоней отбросил упавшие на лицо волосы и спросил:

— Это весь экипаж?

Тарог-инженер, сидевший за пультом управления огнем, подтвердил:

— Так точно, кабтейлунк. Мы четверо, и один в машинном отделении.

— Скоро и наше время наступит, — безразлично произнес «старик». — Старший офицер, разберись с мразью.

Сейчас он перестал быть сутулым лохматым стариком и действительно стал похож на Кордо Ваглайча. Андрей подумал, что видит отряд экстремистов, сохранивших память о кабтейлунке. Но все равно непонятным оставалось, для чего понадобилось им захватывать древнее судно неизвестного предназначения. Еще он подумал, что шесть хоклу или два с четвертью часа прошли, но корабль остается в гиперпространстве, а система Бсархада еще не появилась на локаторах точной навигации.

Между тем Бригадир потребовал от пленных ломов передать на фрегат прикрытия, чтобы начали транслировать пароль входа в столичную зону. Под угрозой медленной мучительной смерти «полковник» произнес необходимые слова, после чего Бригадир, он же «старший офицер», осведомился:

— Они больше не нужны, кабтейлунк?

Похожий на Ваглайча «старик», повернувшись к людям, осведомился рассеянно:

— Они вам нужны?

Удивленно переглянувшись, люди одновременно покачали головами. Чаклыбин озвучил ответ:

— Вроде бы допросили, больше вопросов не имеем.

Шерлон, работавший возле дальнего пульта, сообщил недовольным голосом:

— Какие-то сигналы от людей.

Всеволод подтвердил, что ломы высыпали на них нанороботов. Бригадир потребовал отключить шпионскую технику, Мренеби нажал сенсоры на карманном пульте, и шерлон подтвердил, что сигналы прекратились.

Кивнув, тарог, которого называли «кабтейлунком» приказал:

— Убей обоих.

Сверкнули выстрелы бластера, «полковник» сполз на палубу, размазывая по переборке кровавую полосу. Мренеби задержалось в безнадежных попытках вырваться из мертвой хватки робота. Старший офицер направил ствол на ломо, и оно проверещало:

— Не убивайте, я много знаю! Машукевич, ваш агент, этот врач из мафии, он сказал вам, каким образом «Прусло Кром» организовало убийство Енисейского?

Явно потрясенный, «старик» воскликнул:

— Порфирия убили? — и добавил сокрушенно: — Какое несчастье!

Слова специального инспектора шокировали Андрея. Разумеется, подполковник не раскрывал ему столь секретных сведений. Простому аспиранту, привлеченному для второстепенных операций, не следовало знать слишком много. С другой стороны, Мренеби оказалось подлой тварью, готовило всем на борту мрачное будущее.

— Руководству известно все, — сказал он, скрывая волнение. — Среднеполое нам не нужно.

Старый тарог легонько шевельнул ладонью, и Бригадир застрелил ломо. Затем, выпустив контрольные импульсы в головы «полковнику» и Мренеби, приказал роботам убрать трупы.

Люди чувствовали себя не вполне уютно. Ремонтники-спасатели убивали спокойно, деловито и профессионально. Как тут не возникнуть опасению, что следующими будут устранены два гуманоида земной разновидности. Однако, покончив с ломами, тароги и шерлоны спокойно занялись навигацией: водили руками над сенсорными панелями, считывали данные с мониторов, изредка обменивались непереводаемыми междометиями.

После некоторых колебаний Всеволод, имевший солидный опыт боевых эпизодов, шепнул приятелю: дескать, обрати внимание, что у нас оружие не отобрали. Этот факт действительно внушал надежду, но за людьми продолжали присматривать боевые роботы, и кто знает, возможно ли поразить «Сагмияров» охотничьим ружьем или даже трофейным ломским лучеметом. Еще тревожил вопрос — почему продолжается полет в гипере, хотя названный двухчасовой срок уже минул.

Они бы так и продолжали заниматься мысленными спекуляциями, но вдруг в рубку вплыл робот. Шерлон, сидевший перед пультом управления пусковыми установками, громко произнес:

— Старший офицер, вернулся борт-журнал.

— Давно пора, — проворчал Бригадир.

Шерлон забрал у робота небольшой диск и передал «старика». Тот, поблагодарив кивком, вставил журнал в рекордер на пульте перед собой. Шерлон сделал шаг в сторону своего кресла, но захрипел, опустился на колени, затем повалился набок, слабо подергивая конечностями и царапая мягкую обивку палубы скрюченными пальцами.

— Моя очередь, кабтейлунк! — отчаянно вскричал умирающий. — Я верю, что вы доживете и отомстите за всех... Боззу Ваглайч! Боззу Одо-Одо!

— Боззу куона! — печально произнес «старик», вытянув кулак вперед, чуть вниз и вправо. — Я тоже надеюсь, что мы проживем эти крохи времени.

Развернув кресло к людям, он поглядел на них внимательно и строго, словно приценивался.

Не отводя взгляда, тарог проговорил мягко, словно извинялся за случайно причиненные мелкие неудобства:

— Примите мои сожаления. Этот корабль обречен. Мой экипаж все равно умрет от радиации, мы получили слишком большую дозу, но и вы двое не сможете спастись. Примерно через треть вашего часа «Делатту Жорлофай» выпрыгнет из гипера в окрестностях Бсархада. Хочется верить, что мы успеем сделать несколько прицельных выстрелов, но потом система обороны ломов уничтожит нас.

— Нас бы все равно убили, — брякнул Андрей. — Ломы дали это понять.

— Умрем сражаясь, — решительно сказал Бригадир, взмахнув кулаками.

Сняв с себя и сложив на палубу ненужные в космическом бою ружье и бластер, Чаклыбин произнес неожиданно весело:

— Мы — офицеры, нас готовили для битвы. Но объясните, черт подери, кто вы такие и как собираетесь драться на этом транспорте.

— «Делатту Жорлофай» — вовсе не транспорт. — Тарог покачал головой. — Неужели вы — военный историк — не понимаете, что имя моего великого друга мог получить лишь самый сильный корабль флота Кьелтарогга?

Он безумен, понял Андрей. «Старик» и впрямь воображал себя погибшим тридцать пять лет назад вождем всех тарогов и шерлонов. Потому и заgrimировался под Кордо... Как и дружище Вокто. И этот ремонтник, и Ксодраан были поклонниками кабтейлунка, память о котором пытались вытравить из коллективного сознания побежденной цивилизации. Андрей догадывался, что в Кьелтарогга существует тайная организация реваншистов, и боевики этой организации захватили старый корабль.

Грубый человек Чаклыбин сказал вслух то, о чем лишь думал Андрей:

— Простите, уважаемый, но мы не понимаем, кто вы такие, где нахватали радиации и что собираетесь делать.

Бригадир и «старик» смотрели на них, расширив глаза. Тарог-артиллерист тоже повернулся к людям. У всех троих был такой вид, словно они были уверены: не узнать их немисливо.

Бригадир насмешливо поинтересовался:

— Как же вы писали книги про кабтейлунка, если не узнали Кордо Ваглайча?

— Кордо Ваглайч пал в битве у звезд Буршент и Нудбешкар в последние дни войны, — отрезал Андрей.

Два тарога и шерлон переглянулись, и «старик» сказал:

— Очень интересно. Вы уже говорили, что в том сражении мы якобы испытывали рин-илдрос. Расскажите, пожалуйста, как современная история представляет тот бой возле Нудбешкари и Буршенти.

Помня, что не стоит спорить с безумцами, Андрей в нескольких фразах изложил официальную доктрину. Подумав, он — уже подробнее — сформулировал результаты последних исследований, в том числе упомянув и гиперонные боеприпасы, тайно изготовленные трансгалактическими корпорациями. Разумеется, он перечислил корабли, входившие в эскадру кабтейлунка: флагманский «Авеескелло», четыре рин-илдрос типа «Звездное пламя» и три зобиар.

Внимательно выслушав его, «старик» сообщил, что на самом деле было не совсем так, но повествование человека содержит информацию, которой не было у него во время сражения. Затем он сообщил, что недостроенный «Авеескелло» оставался на верфях его родной планеты Лорсавойль, поэтому он вышел в космос на однотипном «Делатту Жорлофай».

— Это действительно был испытательный рейд, последние ходовые и огневые испытания «Делатту Жорлофай», но из перехваченных переговоров ломов мы узнали, что огромный флот движется для бомбардировки наших планет и высадки десанта, — рассказывал тарог, и в его голосе лязгал металл. — Их отряды должны были встретиться в системе Нудбешкари. Я сообщил об этом Чорвейлу, но главные силы были слишком далеко и не успевали. Поэтому я повел эскадру на перехват. Мы вошли в систему прежде, чем ломские отряды соединились, и атаковали их корабли.

Сумасшедший старик осмотрел приборы, отдал невнятные приказания и продолжил повествование:

— О дальнейшем вы сказали правильно. Первым ударом удалось вывести из строя большие корабли ломов, затем началось избиение десантных барж и судов снабжения. Сражение распространилось на соседние системы, в том числе на Буршенти. Потом подтянулись эскадра Чорвейла Адораша и огромный флот ломов — наверное, не меньше

двух Лухат-Моттан. Нам пришлось разделиться — мы остались в системе Буршенти, а Чорвейл с тремя бариках и квартетом акронов дрался возле Нудбешкари. Силы были неравны, но наши корабли оказались крепче и лучше вооружены.

Он замолчал, устремив взгляд на голограмму звездного скопления прямо по курсу. То ли думал о чем-то своем, то ли придумывал продолжение приключений кабтейлунка, с которым отождествлял себя. Над пультом засветилась схематическая голограмма корабля, в котором они находились: толстенький цилиндр с закругленными концами.

— Мы побеждали, хотя врагов было вдвое больше, — вставил Бригадир. — Пушки этого корабля творили чудеса.

— Мы расстреляли два барикаха и один акрон. — Инженер, сидевший за пультом управления артиллерией, назвал вражеские линкоры, применив тарогские термины. — Наверняка бластеры и гравимагнитные тоже кого-то зацепили, но я не обращал внимания на мелочь.

Следивший за приборами одержимый, считавший себя кабтейлунком, неожиданно выкрикнул:

— Мы прошли рубеж опознавания, можно начинать! — Затем «старик» вновь обратился к людям: — Да, сражение заканчивалось в нашу пользу, но у нас не было гиперонных боеголовок. И не стал бы я применять такие снаряды в системе, заведомо зная, что излучение накроет наши корабли. Просто шальной выстрел поразил грузовое судно, перевозившее запрещенные снаряды. Дальше понятно — чудовищная вспышка, счетчики радиации зашкалило, все живое в системе моментально погибает.

— Спаслись только вы, — насмешливо закончил Андрей.

— Вы были в рубке, под усиленной защитой? — перебив его, возбужденно спросил Чаклыбин, словно поверивший бреду одержимых. — Но где вы скрывались эти десятилетия?

Криво улыбнувшись, «старик» собрался ответить, но вдруг со стоном приложил руку к животу.

— Кажется, начинается, — сообщил он. — Обычно от первой боли до смерти проходит около двух хаклу...

— У меня началось около хаклу тому назад, — отрапортовал артиллерист.

— И у меня тоже, — сказал Бригадир. — Вам, кабтейлунк, придется заканчивать бой в одиночестве.

«Хаклу — это чуть больше двадцати минут, — мысленно подсчитал Андрей. — Если они говорят правду, то через три четверти часа их не станет». Он окончательно перестал верить неадекватным аварийщикам. Ни человек, ни тарог не может так спокойно обсуждать свою скорую смерть. Между тем «старик», неожиданно вспомнив о людях, возобновил рассказ:

— На самом деле гиперонное излучение распространяется не мгновенно. Волне требовалось около четверти хаклу, чтобы достичь места, где стоял «Делатту Жорлофай». Командир сохранил хладнокровие и направил корабль к ближайшей черной дыре. Излучение настигло нас в последние мгновения перед погружением в воронку. Во внешних отсеках экипаж погиб мгновенно. Те, кто были укрыты несколькими слоями брони, прожили еще немного. Те, кто в момент лучевого удара находились в главной рубке, получили меньшую дозу. Как видите, мы пока живы.

— Кажется, понимаю, — медленно произнес Чаклыбин. — Вы хотите сказать, что провели некоторое время в черной дыре, а снаружи прошли десятилетия? Но вырваться из черной дыры способен лишь очень крепкий и мощный корабль.

— Когда-то «Делатту Жорлофай» был самым мощным и крепким, — гордо сказал тарог. — Ни ваши, ни ломские линкоры не могли сравниться с этим чудовищем. И сейчас мы покажем, на что способны!

Он указал на голограмму, изображавшую корабль. Корпус изменял форму, словно вытягивался. Из цилиндра выступали контуры крупногабаритных устройств, словно вырастали орудийные башни, генераторы гиперкоконов и защитных полей, казематы

бластеров, скорострельных пушек ближней самозащиты, катапульт антиматерии, торпедных аппаратов.

Невозможно было понять, каким образом он очутился здесь и сейчас, но после Буршенты не сохранилось ни одного корабля подобного типа. Символ уничтоженного государства мог явиться лишь из бездны времени. И это означало, что на борту действительно находится прежний экипаж. И не случайно все слушают старого тарога, так похожего на настоящего кабтейлунка...

— Трансформер! — с опозданием сообразил Андрей. — Рин-илдрос!

— Ну что вы, историк. — Старший офицер укоризненно покачал головой. — Рин-илдросы были вдвое короче. Это хор-бариках — следующий шаг. Трансформер, но более мощный, чем бариках. Неужели вы не слыхали про такие корабли? Допустим, «Делатту Жорлофай» не вернулся на базу, но ведь на верфях Лорсавойль достраивались однотипные «Авеескелло» и «Нирендуф». Куда же они делись после войны?

Отведя взгляд, Андрей напомнил:

— Планета Лорсавойль была подвергнута сильнейшей бомбардировке. Там уничтожено все на глубину трех километров. Считается, что Кордо Ваглайч атаковал ломский флот с яростным желанием отомстить за гибель родного мира.

Три гуманоида одновременно повернули головы, направив взгляды на людей.

— Какое горе, почти девять миллиардов жителей... — прошептал Ваглайч, на мгновение закрыв лицо ладонями, но почти тотчас же вскинул голову и проговорил абсолютно спокойным голосом: — Они подло отомстили нам, разбомбив беззащитную планету. Что ж, у нас нет никаких причин жалеть этих преступных тварей, которые так любят разглагольствовать о всеобщих правах!

Из интеркома простонал голос, полный страдания:

— Прощайте, братья Одо-Одо... Боззу Ваглайч!

— Боззу куона! — хором ответили тароги, шерлон и Чаклыбин, а Ваглайч добавил: — Прощай, Денорто.

Схема хор-барикаха на голограмме завершила трансформацию, превратившись в страшилище, развернувшее к бою самые страшные средства уничтожения. Погибать на таком чуде техники было бы просто непростительно, поэтому капитан запаса Машукевич заверил кабтейлунка, что сумеет увести корабль даже в случае гибели экипажа.

До выхода из гипера оставалось около восьми минут, и они использовали каждую секунду. Пока Чаклыбин бегал на катер, Андрей под руководством старшего офицера освоил азы управления суперлинкором. Потом запыхавшийся Всеволод вернулся с аптечкой, и люди вкачали тарогам и шерлону лошадиные дозы витаминов, антибиотиков и радиофагов. Оба человека надеялись, что инъекции поддержат жизнь новых друзей до возвращения на Кьель, а там врачи-тароги сумеют спасти соплеменников. Кордо их надежд не разделял и выразился: дескать, хорошо, если ваши лекарства задержат смерть хотя бы на пару хаклу, — тогда они сумеют восстановить справедливость и умрут с чувством исполненного долга.

В промежутках между процедурами Всеволод и Андрей сфотографировались вместе с Ваглайчем. Посмеиваясь, кабтейлунк расписался фотокарандашом на голограммах и одобрительно заметил, что люди ведут себя как настоящие гуманоиды — не теряют самообладания на грани неминуемого.

Собравшись духом, Андрей задал вопрос, так давно не дававший ему покоя:

— Вы встречались с Енисейским?

— Да, во время конференции на Кинро-Баздоп состоялась конфиденциальная встреча...

— На мгновение оторвав взгляд от приборов, Кордо удивленно посмотрел на историка: — Неужели об этом тоже неизвестно?

— История всегда украшена неизвестностью, кабтейлунк... Можно узнать, о чем вы говорили?

Кабтейлунк выполнил какую-то операцию — кажется, запрограммировал плавное

уменьшение скорости. Затем четко выговорил:

— Это был великий политик, которого не понимали современники. После первого же обмена мнениями я понял, что встретил настоящего друга и верного союзника. Порфирий просил меня соглашаться на любые уступки, лишь бы оттянуть войну хотя бы на год. Тогда бы мы выступили единым строем, и дворняжкам пришлось бы отступить без боя — никто не мог устоять против совместной воли двух гуманоидных рас. К сожалению, этого не получилось. Рагвены ударили первыми.

— Нападение на Глешнеке — дело клешней «Прусло Кром».

— Могу поверить, от этих подонков можно было ждать любой подлости. — Кордо тихонько выругался. — Нам не оставили пространства для маневра. Сначала бомбардировка, потом нападение ресовских и рагвенских войск. Гнусные твари буквально втащили нас в войну. Енисейский сделал то, чего я не ждал, — совершил вторжение в ближние кластеры, хотя человеческая армия была совершенно не готова. — Рассмеявшись, кабтейлунк добавил доверительно: — Когда мы прощались, Порфирий пошутил: дескать, людям и тарогам нечего делить... кроме Мрагвенда.

Затем, не дожидаясь наводящих вопросов, Ваглайч подтвердил, что на завершающем этапе войны войска ССМ и Кьелтарогга рвались навстречу друг другу, чтобы создать общий фронт: договоренность о такой встрече была достигнута на Кинро-Баздоп. По словам кабтейлунка, Енисейский сообщил ему мнение великого Чарманова, который был уверен, что в случае успеха тарогов и людей против них будет брошена объединенная сила Галактики. И еще Кордо рассказал о тайном обмене технологиями: люди Солнечной Державы и Кьелтарогга передали друг другу лучшие образцы оружия.

На этом разговоры закончились — хор-бариках покинул гиперпространство, переместившись в обычное пространство на расстоянии дюжины световых минут, или половины светового хаклу, от планеты Бсархад.

Три умирающих от радиации бойца осуществили идеальный выход из гипера. Хор-бариках «Делатту Жорлофай», самый сильный и защищенный боевой корабль, построенный за последние тринадцать столетий в этом рукаве Галактики, двигался на скорости в четверть световой, находясь между Бсархадом и красноватым солнцем-переростком. Излучение звезды в определенной степени ставило помехи на локаторы системы обороны. Далекий белый карлик, второе светило системы, оставался в стороне от вектора предстоящего сражения, поэтому на тактические схемы никак не влиял.

Кордо пропел непонятную фразу, двое ответили кабтейлунку похожими песнопениями. Кормовые бластеры выхаркнули серию выстрелов, уничтожив фрегат, вырвавшийся в трехмерное пространство вслед за хор-барикахом. Экипаж продолжал петь что-то, чего не могли перевести кибертолмачи людей. Неведомым образом Андрей вдруг понял, что подобное а'капелла не имеет ничего общего с теми ариями, которыми развлекались они с Хароновым. Это был архаичный язык тарогов, идеально приспособленный для военных приказов. Новые языки построены на философии гуманизма, на них сложно отдать приказ уничтожить, убить. Язык древних воинов не знал этических ограничений. Становилась объяснимой непроизносимость фраз на старом диалекте: фразы полагалось не выговаривать, а петь...

Постанывая от усиливающейся боли, старший офицер напевал рапорт, сопровождая певучие фразы движением фотокарандаша. Пятно света задерживалось на элементах обзорной голограммы, и Андрей понял, что шерлон перечисляет объекты, выбирая возможные мишени.

— Часть оборонительных комплексов демонтирована, орбитальные сооружения переданы гражданским организациям, — скороговоркой сообщил Андрей, стоя рядом с креслом кабтейлунка. — Когда я служил, нам учебный фильм показывали. На внешних крепостях оставлены мощные средства, включая генераторы гиперкоконов, а вокруг планеты — только средний калибр и торпедные пускатели. В системе постоянно дежурит Лухат-

Моттан — несколько крейсеров, фрегаты, два носителя ударных космолетов. Но это оружие предназначается для поражения современных кораблей, настоящую броню вряд ли пробьет.

— Скоро выясним, — процедил Ваглайч. — Сколько внешних крепостей осталось в строю?

— В наше время было восемнадцать, — напомнил инженер-артиллерист.

— Не меньше четырех, — вспомнил Андрей.

— Шесть или семь, — возразил Чаклыбин. — И три крепости ближнего пояса на стационарных орбитах.

Артиллерист, которого уже крючила подступающая агония, прорычал:

— Я держу на прицеле девять объектов, которые могут быть оборонительными сооружениями. Мишени для первого залпа выбраны: три — тахионными пушками, две — гиперкоконами.

Он собирался расстреливать окраины системы с корабля, летящего почти рядом со звездой, с дистанции в четыре световых часа. Мелькнуло сомнение — возможно ли вести прицельный огонь на таких расстояниях. Параллельно проскользнула даже не мысль, а чувство раздражения многословием современного языка. То ли от боли, то ли из желания сделать рапорт понятным для союзников — офицер-тарог отказался от старинного диалекта, на котором необходимая информация была бы сжата в короткий напев.

Ваглайч ответил архаичной песней, и голограммы обзора покрылись облаками помех. Невероятная энергия, вырвавшаяся из орудий, заглушала все типы излучений, на которых работали локаторы. Сквозь вихри крутящихся вспышек Андрей разглядел мигание сигналов — компьютерная сеть суперлинкора сообщала о приближении вражеских кораблей. На мониторах комплекса связи появились прорвавшиеся сквозь помехи текстовые сообщения. Вероятно, штаб обороны системы требовал объяснений от спецназовцев, захвативших тарогский корабль.

Артиллерист доложил, что первым залпом уничтожены две цели. Кабтейлунк приказал бить непрерывно, распределив огонь: главные пушки работают по дальним объектам в кормовой полусфере, бластеры и гравимагнитные — по летящим навстречу кораблям Лухат-Моттан. Офицер-тарог дал второй залп, Кордо выпустил несколько импульсных серий по головному крейсеру. Затем включился дополнительный щит силовых полей, отчего изображения стали неразборчивыми, но экипаж хор-барикаха прекрасно считывал информацию с экранов.

Дальнейшие разговоры велись исключительно на древнем языке, с которого кибертолмачи переводили примерно каждое четвертое слово. Люди перестали понимать, что творится. Немногие приборы, показания которых удавалось разобрать, сообщали, что «Делатту Жорлофай» неторопливо нарастил скорость от четверти до половины световой и хаотично меняет траекторию, чтобы сбивать прицел вражеским кораблям. Трижды голограммы заполнялись помехами, сопровождавшими залпы главного калибра. Несколько раз громадный корабль сотряслся — похожие ощущения помнились Андрею со времен недавней войны в Конусе: примерно так же «Собака Баскервилей» принимала близкие взрывы вражеских снарядов.

Люди остаются людьми даже на краю неминуемой гибели. Не имея в этой битве каких-либо занятий, они просто комментировали происходящее, обмениваясь мнениями и догадками.

— Вроде бы дальние станции все перебиты, — возбужденно сказал Чаклыбин. — Кажется, тот мужик произнес что-то вроде «их больше нет».

— Эту фразу можно понять, как «они больше не видны»... — Андрей не хотел обмануться чрезмерным оптимизмом. — Кажется, мы один крейсер и два фрегата грохнули.

Всеволод подтвердил, что слышал перечисление подбитых кораблей противника. Писатель озабоченно добавил:

— Кажется, одна торпеда прорвалась через защитное поле. Гляди, башни нет.

Действительно, со схемы хор-барикаха исчезла башенная установка, совмещавшая тахионную пушку, мощный бластер и батарею заградительного огня ближней самообороны. Зато теперь, когда пропала необходимость расстреливать крепости на внешних орбитах, вся артиллерия сосредоточилась на рванувшихся навстречу кораблям. Крейсер, сопровождаемый дюжиной корветов и фрегатов, устремился лоб в лоб, непрерывно выстреливая лучи и торпеды. Позади контратакующего флота, рядом с планетой медленно маневрировал неповоротливый носитель, из ангаров которого могли выпорхнуть до трех сотен скоростных малотоннажных истребителей, штурмовиков и торпедоносцев.

Прокричав очередную песенную фразу, старший офицер обвел махину носителя световым пятном фотокарандаша, и сразу несколько орудий выбросили заряды в указанную цель. Одобрительно зарывчав, Кордо помечал фотокарандашом остальные мишени. Теперь работала вся артиллерия хор-барикаха, включая малый калибр. Один за другим исчезли с мониторов фрегат, крейсер, еще два фрегата, потом вдалеке взорвался носитель космолетов. Людям удалось понять следующий приказ Ваглайча:

— Огонь по крепостям!

Прежде чем остатки экипажа сумели выполнить приказ кабтейлунка, в «Делатту Жорлофай» попали две торпеды, срезавшие часть надстроек и пробившие корпус в средней части, точно между двумя башнями. Сразу после сдвоенного удара выстрелили уцелевшие пушки хор-барикаха — промчавшийся совсем близко фрегат и показавшийся из-за Бсархада носитель космолетов превратились в огненные шары.

— Спасибо союзникам, я еще жив, — неожиданно расхохотался старший офицер. — Без ваших лекарств должен был откинуть щупальца еще до начала боя.

— Да, мы увидели этот бой, — согласился тарог-артиллерист. — Но мы уже уходим...

Бсархад приближался, экипаж бормотал невнятные фразы, кто-то выкрикивал «боззу» кабтейлунку, Одо-Одо, победе и народам Кьелтарогга. Мимо хор-барикаха промчались начавшие тормозить остатки флота обороны системы, на стационарной орбите Бсархада превращались в обломки крепости, все диапазоны электромагнитных и гравитационных частот были забиты шквалом сообщений. «Делатту Жорлофай» тоже тормозил, готовясь описать петлю, чтобы вернуться к оставшейся без защиты планете.

Когда хор-бариках, сбросив скорость до одной пятой световой, пролетел мимо Бсархада, старший офицер отчетливо произнес слабым голосом:

— Отомсти за нас, кабтейлунк...

Он уронил голову на грудь и повис в кресле, удерживаемый лишь ремнями. Артиллерист что-то невнятно прохрипел и тоже затих.

— Вот и остались только мы, — прокомментировал Кордо Ваглайч, не отрываясь от пульта. — Скоро моя очередь. Если спасетесь, передайте тарогам и шерлонам, что я жил и умираю во имя Кьелтарогга.

Прочувствовав высокий трагизм сцены, Андрей опустил взгляд. Сохранивший самообладание Чаклыбин почему-то попросил Ваглайча выключить борт-журнал.

Дальнейшие действия писателя выглядели вовсе противоестественно. Всеволод отобрал у Андрея видеофон и планшет, отключил режим записи, а затем хлебнул свой сенсомодулятор.

Кордо Ваглайч, кабтейлунк Кьелтарогга, умер в момент, когда хор-бариках «Делатту Жорлофай» малым ходом возвращался к Бсархаду. В последние секунды уходящей жизни кабтейлунк успел расстрелять оставшиеся корабли разгромленного Лухат-Моттан и даже всадил гиперкокон в центр планетного диска. Тем не менее сражение не было выиграно, потому что в районе белого карлика выходил из гиперпространства и перестраивался для сосредоточенного удара большой отряд крейсеров, подтянувшийся из других звездных систем.

Андрей откатил в сторонку кресло с мертвым артиллеристом, а Чаклыбин встал к пульта, с которого прежде работал старший офицер. Между людьми сидел в своем кресле

мертвый кабтейлунк. Оставалось надеяться, что гамма-эмпатизатор позволит Всеволоду, как это уже случилось в танке, настроиться на ментальный спектр Кордо.

Судя по дальнейшему, это удалось. Корабль беспрекословно подчинялся гуманоидам чужого вида. Немногие оставшиеся пушки слушались Андрея, посылая смерть на указанные мишени. Первым залпом они разнесли до плазменного состояния орбитальную крепость, затем залпы главного калибра обрушились на крейсера, и те, сломав строй, кинулись врассыпную, но некоторых все-таки зацепило гиперкоконом и облаками тахионов.

Тем временем хор-бариках малым ходом приблизился к планете на миллион километров. Одной рукой Чаклыбин вел корабль, другой обводил мишени. Выбранные Всеволодом объекты смутили Андрея, он невольно выкрикнул:

— Это не тактика Кордо. Ты неправильно вжился в него.

— Исполняй, тварь! — кинув свирепый взгляд, взревел писатель.

Андрей вдруг понял, что сейчас в Чаклыбине живет совсем другой монстр — Рамзес Джангархан. Не интеллигентный философ, волею случая вознесенный на вершину власти, но безжалостный тиран, высшей целью которого было процветание человечества.

Повинуясь приказу, Андрей задействовал все пушки, сметая с орбиты Бсархада последние сооружения: обломки крепостей, готовые к старту лайнеры со спешившей спастись элитой, энергостанции, производственные и космодромные платформы, гигантский космический город Бурнкекокши — резиденцию правительства Ломандара. И еще под ударом сверхмощных орудий разлетелись орбитальные резиденции трансгалактических корпораций «Жескеч» и «Прусло Кром».

К ним уже неслись торпеды, выпущенные с кораблей, подходивших из разных концов великой державы, однако Чаклыбин обогнул Бсархад и расстрелял орбитальные сооружения на другой стороне планеты. И лишь после этого, когда первой волне торпед оставалось меньше минуты полетного времени, Всеволод врубил двигатели на сверхсветовой разгон.

Вдвоем и с немалой подмогой автопилота люди кое-как взяли курс на владения человечества и запустили деформаторы пространства. За ними погнались крейсера, и почти полчаса сохранялась опасность, что противник догонит. Но потом локатор показал впереди много больших кораблей, при виде которых ломы поспешно покинули гипер.

Шедшие навстречу корабли передавали сигналы опознавания: линкор «Фельдмаршал Кутузов», линкор «Тираннозавр-Рекс», линкор «Ариман». Это были свои.

С борта «Зевса» передали приказ назваться и взять курс на скопление Трамплин.

Глава 25 Триумф Непознаваемой

Для разговора последние участники последнего сражения 9-й Галактической войны выбрали каюту Всеволода на «Рамзесе Великом» — единственное место, где их заведомо не смогли бы подслушать никакие спецслужбы.

— Все понимаю, — отмахиваясь, произнес Андрей. — Но так нехорошо на душе!

— Рефлексия не поможет, — отрезал Чаклыбин. — Мы все сделали правильно. Выбор был примитивный: или мы, или нас. Не думаю, что ты хотел погибнуть сильнее, чем я. Против нас нет улик, запись мы отключили. Из оставшихся кадров ты смонтируешь нужный видеоряд.

Вскочив со стула, Андрей перешел на нервный шепот:

— Да не сомневаюсь я. Конечно, мы правильно поступили. Но меня убивает, что мы — единственные, кто знает правду, — обречены всю жизнь молчать и никогда никому правду сказать не сможем!

— Это верно, придется потерпеть, — согласился писатель. — Или предпочитаешь объявить на всю Галактику, что мы с тобой, ради спасения собственных жизней, расстреляли всю верхушку Ломандара и крупнейших корпораций, а за компанию перебили полмиллиарда крыс? Конечно, мы можем сознаться, что Кордо умер за четырнадцать минут до последнего

залпа, и твоя совесть будет спокойна. Только подумай — кого после этих признаний объявят величайшими преступниками всех времен и народов? Ломы наверняка потребуют выдать нас на расправу, а то и вовсе объявят войну человечеству.

Андрей сел, опустив голову, и сказал убитым голосом:

— Говорю же — все понимаю. Только тошно, что придется врать. И это после того, как орал на каждом углу: дескать, напишу всю правду, без вранья.

— А ты не ври, — посоветовал Чаклыбин. — Кордо умирал, но восстановил справедливость по своим понятиям. После смерти кабтейлунка я выпил гамма-эмпатизатор, робот признал во мне Кордо и, прекратив огонь, увел корабль из системы Бсархада.

На самом деле случилось немного иначе: компьютерный мозг хор-барикаха слушался бы человека даже без нейростимулятора, поскольку Ваглайч успел отдать приказ, включивший обоих людей в перечень гуманоидов, допущенных к управлению кораблем. Именно поэтому Чаклыбин перестал имитировать кабтейлунка и вызвал в себе образ Джангархана.

— Верно. Даже не придется врать — лишь умолчать о малозначительных обстоятельствах. Все историки так поступают... — Андрей нервно рассмеялся. — Или я не историк?

— Вот именно, — с воодушевлением подхватил обрадованный Всеволод. — Будем скромнее: не стоит преувеличивать собственную роль в глобальных процессах. Перед тобой грандиозная задача — рассказать о действительно важных событиях, раскрыть грязные тайны поджигателей галактической мясорубки, очистить от лжи образы Кордо и Порфирия.

— Конечно, ты прав, упоминать нашу роль было бы величайшей нескромностью. К тому же никто не поверил бы: ведь запись в эти минуты не велась, и я смогу скомпоновать прекрасный фильм из файлов моего и твоего видеофона. — Андрей встал и потянулся за пиджаком. — Спасибо, ты сумел убедить меня в том, что я принял правильное решение.

— Для того и существуют друзья...

По-дружески ткнув его кулаком в бок, писатель тоже надел пиджак и подтянул узел галстука. Время поджимало — их ждали в городе.

Они вышли из катера, стоявшего на плитах космодрома в секторе малотоннажных кораблей. В небе медленно плыл завершавший посадку транспорт, в котором Андрей узнал «Принцессу» — корабль Виктории. Рыжая малость обалдела, узнав, что любимый встречает ее на Горменгасте, и безропотно согласилась явиться в Озерный Дворец, одевшись поскромнее.

Освоение планеты началось по-настоящему лишь в прошлом году, работали всего четыре канала. По новостям передавали, что Красная Башня потребовала от земных представительств «Прусло Кром» и «Жескеч» открыть архивные документы, связанные с развязыванием войны и убийством Енисейского. Кларисса Латунная заявила, что атака Кордо на Бсархад является абсолютно аморальной, тогда как уничтожение ломы планеты Лорсавойль было вызвано военной необходимостью. Народные волнения в Федерации Кьелтарогга принимают массовый характер, оппозиция требует досрочных перевыборов парламента. Но главной новостью оставались, безусловно, похороны кабтейлунка. Уничтожение штаб-квартир крупнейших корпораций вызвало финансовый хаос, поставив на грань катастрофы большинство стран, вовлеченных в процессы галактизации.

— Ой, смотри, президент, — тихонько вскрикнула Виктория, прижавшись к плечу Андрея. — Когда нас подпустят к гробу?

Мимо саркофага медленно прошли Франтишек Таймер и Дино Кальмар, глава правительства и министры, военачальники, делегация 12-й Империи, губернаторы ближних планет. Официальные представители Кьелтарогга не прибыли на церемонию, но много тарогов и шерлонов прилетели как частные лица. Был среди них и Вокто Ксодраан.

— Он не подойдет, — сказал Чаклыбин. — И я тоже. Мы запомнили Кордо живым и не сможем смотреть на мертвеца.

Андрей молча кивнул, вспоминая любезного лохматого «старика», внезапно превратившегося в безжалостного демона возмездия. Кабтейлунк, дравшийся до последней капли утекавшей жизни, не имел ничего общего с нагромождением разлагающихся биологических молекул, по которым перестали циркулировать биотоки.

Высшее руководство встало в почетный караул, и к саркофагу подходили рядовые жители Горменгаста, прибывшие с разных континентов. Виктория, не удержавшись, все-таки пробились в очередь, а Чаклыбин с Андреем отошли к окну. Здесь их и нашли Вокто с супругой. Обняв людей, тарог заговорил, от волнения путаясь и глотая слова:

— Там я должен был оказаться... Наш корабль уже приблизился, мы надели скафандры... Но я не мог представить, что мы видим хор-бариках, просто не знали, что такие корабли были построены... Все сведения погибли вместе с Лорсавойль... Вдруг появился фрегат ломов, приказал остановиться, мы врубили двигатели, ушли в гипер... они стреляли вдогонку...

— Ваш экспедиционный корабль помог экипажу хор-барикаха заморочить ломов, — утешил его Всеволод. — Они быстро сориентировались и придумали легенду, будто прилетели с твоей экспедицией.

— Какие тароги! — восхищенно прошептал Вокто. — Ну почему я не успел сделать того шага!

Продолжение разговора пришлось отложить — плотной толпой подошли люди в парадных мундирах.

После омоложения маршал Ариэль Копф выглядел как бы не моложе своего внука. Рядом слепили блеском орденов другие генералы и адмиралы. Андрей узнал немногих, но все знали его, пожимали руку и благодарили за восстановление справедливости. Разумеется, они имели в виду историческую справедливость, а не ту, которую восстановил в последней битве Кордо.

Кто знает, когда еще подвернется такой момент, — Андрей обязан был спросить:

— Маршал, я выяснил, что Ваглайч стартовал с Лорсавойль до бомбардировки. После сражения у Буршенти у ломов не осталось кораблей, и до конца войны они не успели восстановить потери. Кто же разбомбил несчастную планету?

— Ломы, конечно. Ты прав, об этом следует сказать... — Ариэль Копф колебался, но все-таки продолжил: — Когда ломы сосредоточили достаточные силы, чтобы сломить остатки тарогской обороны, война фактически закончилась. Это случилось в день, на который было намечено подписание капитуляции. Флот ломов обрушился на стоявшие в базах эскадры тарогов, затем разбомбил Лорсавойль и двинулся в глубь Кьелтарогга. Ломы задумали ксеноцид, какого Галактика не знала со времен Пятой Империи.

Копф замолчал, и Андрей продолжил:

— И тогда Порфирий двинул флот на Ломандар.

— Совершенно верно, — резким кивком маршал подтвердил его догадку. — Весь флот, десантные корабли с ударными армиями — громадная сила подступила к границе, сметая передовые заставы. Я лично вел отдельную армию дальних бомбардировщиков. Еще час — и мы бы нанесли удар. Но ломы поняли намек и вывели флот. Точнее, бросились защищать свои планеты.

— Значит, это не легенда?! — вскричал Вокто.

— Что есть легенда и что есть правда? — философически спросил Эльфрид Копф. — В гуманитарных науках нет абсолютных истин. Да и в точных науках тоже.

На прощанье люди в мундирах еще раз пожелали написать и благополучно защитить хорошую диссертацию. Маршал и его свита покинули зал, церемония продолжалась, в почетный караул встали Чарманов и другие знаменитые личности. Вокто расчувствовался, чуть не плакал, и проникательный Всеволод позвал компанию в ресторан.

Заведение было не из лучших — на цивилизованных планетах попало бы в разряд дешевых кафетериев. Разумеется, Виктория принялась мечтать, какой развлекательный

центр откроет, если накопит достаточный капитал и подберет хорошую команду. На прозрачный намек Андрей никак не откликнулся. Они выпили за чудесное спасение, за выигранную битву, за тех, кто спас двух людей ценой собственных жизней.

Прибывший совсем недавно Вокто многого не знал, Андрей и Всеволод поведали ему часть информации, которой успел поделиться кабтейлунк. Тарог искренне удивлялся и даже позавидовал, увидав голографические картинки, на которых его друзья позировали рядом с Кордо Ваглайчем. Автографы на снимках потрясли тарога едва ли не сильнее, чем сами прощальные портреты кабтейлунка.

— Сильнее всего меня поразило их спокойствие, — признался Андрей. — Они знали, что скоро умрут, но действовали с немислимым хладнокровием, как в учебном бою.

— Одо-Одо, — сказал Вокто таким тоном, словно эти слова были исчерпывающим объяснением. — Жить для битвы, сражаться для победы... Сейчас таких тарогов больше нет.

Выпили за героев славного прошлого. Работавший над стойкой видефон поведал, что несколько крупных компаний отказались давать рекламу каналам, ведущим антигосударственную и антипатриотическую пропаганду. Прокуратура Земли вызвала для объяснений большую шайку хозяев информационных каналов и ведущих новостных программ, в отношении которых возникли подозрения в сотрудничестве с зарубежными спецслужбами. Налоговое ведомство также пожелало поближе познакомиться с журналистами, получавшими крупные денежные субсидии от трансгалактических корпораций. Пауль Фолькенгольц уже явился с повинной, президент 2-го канала и Кларисса Латунная задержаны на космодроме при попытке покинуть столицу по фальшивым паспортам. Органам правопорядка не удалось найти лишь Адольфа Сваниховского — по достоверным сведениям, популярный ведущий прибыл в орбитальную штаб-квартиру «Прусло Кром» за несколько часов до атаки хор-барикаха.

— За это тоже надо выпить, — провозгласил Чаклыбин. — Собаке — собачья смерть.

Выпили, закусили, официанты подали чай и кофе. Виктории не терпелось решить важный вопрос, поэтому она грозно поинтересовалась, как Андрей намерен жить дальше.

— Извини, дорогая, но ресторан не для меня, — историк помотал головой. — Легче тебе бросить полеты, поселиться в большом городе, работать в какой-нибудь космодромной службе.

— Не легче, — обиделась рыжая. — Так и одичать от скуки недолго.

Вокто, заплетаясь языком, охотно поддержал ее здравую мысль:

— Вот именно. И друг Андрюша загнется от скуки в семейном ресторане. Перед ним такие перспективы открываются... Андрюша, ты в какой институт пойдешь работать?

Захмелевший дружок Вокто попал в самое больное место. Вздохнув, Андрей попытался объяснить, как сильно не лежит его душа к монотонной рутине академического учреждения. Конечно, работа ждет интереснейшая, наверняка удастся написать много хороших книг, которые прочитают несколько тысяч, пусть даже миллионов, специалистов. Но миллиарды сограждан останутся невеждами, потому что получают информацию не из умных книг, а из глупых фильмов.

— Сначала диссертацию сделаю, — буркнул Андрей уклончиво. — Пусть я не могу опубликовать всей правды, как бы мне этого ни хотелось... Но та крохотная доля правды, которую я раскопал, должна стать всеобщим достоянием. Жить, не зная правды, — это ужасно, это не жизнь. Но жить, скрывая правду, — невыносимо.

Грубый циник Чаклыбин откликнулся точно в яблочко, словно прочитал мысли друга:

— Напиши свою диссертацию, которую прочитают сто человек и двести Чужих. А если хочешь донести безопасную часть своих знаний до миллиардов, — сделай сценарий фильма о том, как Кордо вернулся из-за последней грани и наказал преступников.

— Это был бы суперхит, — согласился Андрей. — Именно этого я и хочу — сказать правду не узкому кругу научной элиты, но — всем! Напишем сценарий вместе, и я организую экранизацию.

— Напишем, — охотно подхватил писатель. — Я даже название придумал: «Последняя

битва романтика»...

В споре о названии приняла участие даже Виктория, по лицу которой было видно, что рыжая строит хитрые бизнес-планы, связанные с видеокомпанией любимого. Ни один вариант названия суперсериала не устроил авторов, но кто бы сомневался, что нужные слова найдутся не сегодня, так через месяц.

Потом они долго гуляли по набережной. Сожаления по поводу тайны, которую придется хранить вечно, по-прежнему посещали Андрея, но он уже смирился с необходимостью молчать. И в этом сражении История смогла отстоять свою непознаваемость. Ведь, как говорил битый судьбой циник Чаклыбин, вся наша жизнь — это сплошное сожаление о том, чего мы не смогли сделать и высказать.

Хьюстон

Январь — сентябрь 2010